Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Наталья Николаевна Пушкина.

Портретъ съ натуры масляными красками кисти Мазера.

Принадлежитъ Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Томъ восьмой.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей **П. О. Морозова**;

М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго**;

И. А. Крылова, подъ редакціей **В. В. Каллаша**;

А. В. Кольцова, подъ редакціей **Арс. И. Введенскаго**;

А. Н. Островскаго, подъ редакціей **М. И. Писарева**, арт. императорскихъ театровъ;

Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. **Н. А. Благовѣщенскаго**;

А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора,

Георга Брандеса, съ предисловіемъ **М. В. Лучицкой**;

Элизы Оржешко, подъ редакціей **С. С. Зелинскаго**;

Чарльза Диккенса, со вступит. статьей **Д. П. Сильчевскаго**.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
7 рота, 20.

Сочиненія и письма

А. С. Пушкина.

Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе, съ біографическимъ очеркомъ, вступительными статьями, объяснительными примѣчаніями и художественными приложеніями,

подъ редакціей

П. О. Морозова.

Примѣчанія **П. О. Морозова и В. В. Каллаша.**

Томъ восьмой.

Письма (1815—1837).

1—6 томы настоящаго изданія ***допущены*** *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Министерства, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества „Просвѣщеніе".
7 рота, 20.

Бумага безъ примѣси древесной массы (целлюлозная)

Предисловіе.

Письма Пушкина—драгоцѣннѣйшее достояніе нашей литературы. Въ нихъ—неисчерпаемый родникъ біографическихъ фактовъ, данныхъ для внутренней характеристики великаго поэта; они же и лучшій комментарій къ его творчеству. Но значеніе ихъ гораздо шире. Большинство изъ нихъ—образцовыя литературныя произведенія сами по себѣ: въ нихъ такъ и искрится свѣтлый умъ Пушкина, брызжетъ его неподражаемое остроуміе, ярко проглядываетъ нѣжная теплота его души. „Жестокій вѣкъ“ съ его цензурными и административными гоненіями часто мѣшалъ ему откровенно высказываться въ печати; въ письмахъ, въ особенности передаваемыхъ „по окказіи“, онъ высказывался вполнѣ, со всею искренностью и непосредственностью своей многогранной натуры. Чтеніе ихъ доставляетъ глубокое, захватывающее наслажденіе и даетъ цѣльный, чарующій образъ „солнца нашей поэзіи“.

Слишкомъ большіе размѣры этого тома не позволили намъ дать особой вступительной статьи, посвященной письмамъ. За отсутствіемъ ея мы отсылаемъ читателей къ двумъ прекраснымъ статьямъ, положившимъ начало спеціальной разработкѣ пере-

писки Пушкина: Б. А. Ляцкаго: „А. С. Пушкинъ и его письма“ (въ Сборникѣ „Русскаго богатства“, ч. II, СПБ., 1900, стр. 111 – 187) и В. В. Сиповскаго: „А. С. Пушкинъ по его письмамъ“ (Въ сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова“, СПБ. 1902 стр. 455—468).

Текстъ писемъ проредактированъ П. О. Морозовымъ. Имъ же составлены и провѣрены примѣчанія къ письмамъ 1—45. Въ корректуру составленныхъ имъ примѣчаній къ письмамъ 46—186 внесены нами нѣкоторыя поправки и дополненія. Съ 187-го письма и до конца примѣчанія составлены нами. Къ сожалѣнію, нумерація писемъ кое-гдѣ перепутана; нѣсколько писемъ пропущено. Все это указано нами на соотвѣтствующихъ мѣстахъ примѣчаній.

При составленіи примѣчаній мы пользовались примѣчаніями П. О. Морозова къ изданіямъ—Литературнаго Фонда и настоящему, г. Ефремова—къ послѣднему Суворинскому изданію, В. И. Саитова—къ сочиненіямъ Батюшкова и „Остафьевскому Архиву“, В. Я. Брюсова — къ книгѣ „Письма Пушкина и къ Пушкину“, поясненіями къ перепискѣ съ Нащокинымъ въ сборникѣ г. Бартенева „XIX вѣкъ“ и цѣлымъ рядомъ другихъ источниковъ, указанныхъ нами на соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

Въ виду размѣровъ этого тома въ примѣчаніяхъ мы ограничились самымъ необходимымъ.

Москва, 4 апрѣля 1906 г.

Вл. Каллашъ.

Оглавленіе.[1]

Письма Пушкина.

1815.

		Текстъ.	Примѣчанія.
1.	И. И. Мартынову	3	411

1816.

2.	Кн. П. А. Вяземскому	3	411
3.	В. Л. Пушкину	5	412

1817.

4.	Кн. П. А. Вяземскому	6	412

1819.

5.	А. И Тургеневу	6	412
6.	Н. И. Кривцову	7	413
7.	П. Б. Мансурову	7	413

1820.

8.	Кн. П. А. Вяземскому	8	414
9.	Н. И. Гнѣдичу	9	414
10.	Л. С. Пушкину	9	417
11.	Н. И. Гнѣдичу	11	417

1821.

12.	Барону А. А. Дельвигу	12	418
13.	Н. И. Гнѣдичу	14	419

[1] Въ нумераціи писемъ мѣстами допущены ошибки. Здѣсь онѣ исправлены.

		Текстъ.	Примѣчанія.
14.	А. Н. Раевскому	15	419
15.	Дегильи	18	420
16.	Л. С. Пушкину и сестрѣ	18	420
17.	А. И. Тургеневу	19	420
18.	С. И. Тургеневу	19	421
19.	Н. И. Грегу	20	421
20.	В. И. Горчакову	20	421
21.	Неизвѣстному лицу	21	421
22.	В. Ѳ. Раевскому	21	422
	1822.		
23.	Кн. П. А. Вяземскому	21	422
24.	Л. С. Пушкину	22	423
25.	Н. И. Гнѣдичу	23	423
26.	Ему же	24	424
27.	А. А. Бестужеву	25	425
28.	Н. И. Гнѣдичу	26	425
29.	П. А. Катенину	27	226
30.	Л. С. Пушкину	28	426
31.	Ему же	29	426
32.	Я. Н. Толстому	31	427
33.	Н. И. Гнѣдичу	32	429
34.	Л. С. Пушкину	33	429
35.	Ему же	34	429
36.	П. А. Плетневу	35	429
37.	Неизв. дамѣ	35	429
38.	Кн. П. А. Вяземскому	36	429
	1823.		
39.	Л. С. Пушкину	37	430
40.	Гр. К. В. Нессельроде	37	430
41.	Л. С. Пушкину	38	430
42.	Кн. П. А. Вяземскому	39	431
43.	Ему же	41	432
44.	А. А. Бестужеву	41	432
45.	Кн. П. А. Вяземскому	42	432
46.	Л. С. Пушкину	43	433
47.	Кн. П. А. Вяземскому	44	433
48.	Неизв. лицу	46	443
49.	Кн. П. А. Вяземскому	47	434
50.	Ему же	47	436
51.	Ему же	48	436
52.	Барону А. А. Дельвигу	49	436
53.	Неизв. ламамъ	49	437

		Текстъ.	Примѣчанія.
54.	А. И. Тургеневу	50	437
55.	И. Н. Инзову	52	438
56.	Кн. П. А. Вяземскому	52	438
57.	Ф. Ф. Вигелю	53	438
58.	Н. И. Кривцову	54	439
59.	А. Н. Раевскому	54	439
60.	А. А. Шишкову	55	439

1824.

61.	Л. С. Пушкину	55	439
62.	А. А. Бестужеву	57	440
63.	Ѳ. В. Булгарину	58	440
64.	А. А. Бестужеву	58	440
65.	Кн. П. А. Вяземскому	59	441
66.	Неизв. лицу	60	441
67.	Л. С. Пушкину	60	442
68.	Кн. П. А. Вяземскому	61	442
69.	А. И. Казначееву	62	442
70.	Ему же	64	443
71.	Л. С. Пушкину	64	443
72.	Кн. П. А. Вяземскому	65	443
73.	А. А. Бестужеву	67	443
74.	Н. В. Всеволожскому	68	443
75.	А. Н. Раевскому	68	443
76.	А. И. Тургеневу	69	443
77.	Кн. П. А. Вяземскому	70	444
78.	И. С. Зеновичу	70	444
79.	И. М. Рокотову	70	446
80.	А. Н. Вульфу	71	446
81.	П. А. Плетневу	72	446
82.	Кн. П. А. Вяземскому	72	446
83.	Кн. В. Ѳ. Вяземской	73	447
84.	Л. С. Пушкину	74	447
85.	Б. А. Адеркасу	75	447
86.	В. А. Жуковскому	75	448
87.	Л. С. Пушкину	76	449
88.	Ему же	77	450
89.	В. А. Жуковскому	78	450
90.	Кн. Вяземскому	79	451
91.	Д. М. Княжевичу	80	451
92.	В. А. Жуковскому	81	451
93.	Л. С. Пушкину	81	452
94.	Ему же	83	452
95.	А. Г. Родзянкѣ	84	452

		Текстъ.	Примѣчанія.
96.	Л. С. Пушкину	84	453
97.	Барону А. А. Дельвигу	85	453

1825.

98.	Л. С. Пушкину	87	453
99.	Кн. П. А. Вяземскому	88	454
100.	Ему же	88	454
101.	К. Ѳ. Рылѣеву	89	454
102.	А. А. Бестужеву	89	454
103.	Кн. П. А. Вяземскому	91	454
104.	Ему же	91	455
105.	Л. С. Пушкину	92	455
106.	Кн. П. А. Вяземскому	93	456
107.	Н. И. Гнѣдичу	94	456
108.	Л. С. Пушкину	94	456
109.	Ему же	95	456
110.	Ему же	96	456
111.	А. А. Бестужеву	97	457
112.	А. С. Пушкину	100	457
113.	Ему же	101	458
114.	А. Н. Вульфу	101	458
115.	Л. С. Пушкину	102	458
116.	Ему же	103	459
117.	Кн. П. А. Вяземскому	104	460
118.	Ему же	104	460
119.	Л. С. Пушкину	105	460
120.	Кн. П. А. Вяземскому	106	460
121.	К. Ѳ. Рылѣеву	107	461
122.	А. А. Бестужеву	107	461
123.	К. Ѳ. Рылѣеву	108	462
124.	Кн. П. А. Вяземскому	109	462
125.	В. А. Жуковскому	110	463
126.	Барону А. А. Дельвигу	111	466
127.	Кн. П. А. Вяземскому	112	466
128.	Ему же	113	466
129.	В. А. Жуковскому	114	467
130.	Кн. П. А. Вяземскому	115	467
131.	А. Н. Вульфу	116	467
132.	Барону А. А. Дельвигу	117	467
133.	П. А. Осиповой	118	467
134.	А. П. Кернъ	119	468
135.	Л. С. Пушкину	119	468
136.	И. Ф. Мойеру	120	468
137.	П. А. Осиповой	12*	468

		Текстъ.	Примѣчанія.
138.	Ей же	121	468
139.	Н. А. Полевому	121	468
140.	П. А. Плетневу	122	469
141.	П. А. Осиповой	122	469
142.	Кн. П. А. Вяземскому	123	469
143.	П. А. Осиповой	124	470
144.	В. И. Туманскому	124	470
145.	А. П. Кернъ	125	470
146.	Кн. П. А. Вяземскому	127	470
147.	В. А. Жуковскому	129	470
148.	А. П. Кернъ	129	471
149.	Осиповой	130	471
150.	П. А. Катенину	131	471
151.	Кн. П. А. Вяземскому	132	471
152.	А. П. Кернъ	133	472
153.	Кн. Вяземскому	134	472
154.	Н. Н. Раевскому	134	473
155[1]	А. Н. Вульфу	136	473
156.	Кн П. А. Вяземскому	136	473
157.	А. П. Кернъ	137	474
158.	В. А. Жуковскому	139	474
159.	А. Н. Вульфу	140	474
160.	Барону А. А. Дельвигу	140	474
161.	Кн. П. А. Вяземскому	141	475
162.	А. А. Бестужеву	142	475
163.	Кн. П. А. Вяземскому	143	475
164.	П. А. Катенину	143	475
165.	А. П. Кернъ	144	475
166.	П. А. Плетневу	144	475
167.	В. К. Кюхельбекеру	145	476

1826.

168.	П. А. Плетневу	146	476
169.	В. А. Жуковскому	146	476
170.	Барону А. А. Дельвигу	147	476
171.	Ему же	148	477
172.	П. А. Катенину	148	477
173.	Барону А. А. Дельвигу	149	477
174.	П. А. Осиповой	150	477
175.	П. А. Плетневу	150	477
176.	В. А. Жуковскому	151	478
177.	И. Е Великопольскому	151	478

[1] Этотъ ном ръ пропущенъ.

		Текстъ.	Примѣчанія.
178.	П. А. Плетневу	152	478
179.	А. К. Вульфу	152	479
180.	Прошеніе	153	479
181.	Кн. П. А. Вяземскому	154	480
182.	И. Е. Великопольскому	154	480
183.	Кн. П. А. Вяземскому	155	480
184.	Ему же	155	480
185.	Ему же	156	480
186.	П. А. Осиповой	157	480
187.	Ей же	157	480
188.	Кн. П. А. Вяземскому	158	481
189.	Н. М. Языкову	159	482
190.	Ему же	160	482
191.	А. Х. Бенкендорфу	161	482
192.	М. П. Погодину	161	483
193.	С. А. Соболевскому	161	483
194.	В. П. Зубкову	161	483
195.	Н. С. Алексѣеву	162	483
196.	Кн. П. А. Вяземскому	163	483

1827.

197.	А. Х. Бенкендорфу	163	483
198.	Б. И. Туманскому	164	483
199.	А. А. Муханову	164	484
200.	А. Х. Бенкендорфу	164	484
201.	В. Д. Соломирскому	165	484
202.	М. П. Погодину	165	484
203.	А. Х. Бенкендорфу	165	484
204.	Л. С. Пушкину	165	484
205.	П. А. Осиповой	166	484
206.	С. А. Соболевскому	166	484
207.	М. П. Погодину	167	484
208.	С. А. Соболевскому	167	485
209.	Н. М. Языкову	167	485
210.	А. Х. Бенкендорфу	168	485
211.	Ему же	168	485
212.	Ему же	169	485
213.	Барону А. А. Дельвигу	169	485
214.	М. П. Погодину	170	485
215.	Ему же	170	485
216.	А. Х. Бенкендорфу	171	486
217.	Ѳ. В. Булгарину	172	486
218.	М. П. Погодину	172	486

		Текстъ.	Примѣчанія.
219.	Неизвѣстному	173	486
220.	Неизвѣстному	174	486

1828.

221.	П. А. Осиповой	174	486
222.	М. П. Погодину	175	487
223.	А. Х. Бенкендорфу	176	487
224.	И. Е. Великопольскому	176	487
225.	С. А. Соболевскому	177	487
226.	А. Х. Бенкендорфу	177	488
227.	Ему же	177	488
228.	М. П. Погодину	178	488
229.	С. А. Соболевскому	179	488
230.	Ему же	179	488
231.	А. Х. Бенкендорфу	179	488
232.	Кн. П. А. Вяземскому	180	488
233.	А. Н. Вульфу	181	489
234.	С. А. Соболевскому	182	489
235.	Барону А. А. Дельвигу	182	489
236.	Ему же	183	490
237.	Кн. П. А. Вяземскому	184	490

1829.

238.	Н. Н. Раевскому	185	491
239.	П. А. Осиповой	187	491
240.	И. М. Снегиреву	187	491
241.	Н. И. Гончаровой	188	491
242.	Барону А. А. Дельвигу	188	491
243.	А. Н. Вульфу	188	491
244.	А. Х. Бенкендорфу	189	491
245.	С. Д. Киселеву	190	492
246.	И. А. Яковлеву	190	492

1830.

247.	Н. И. Гнѣдичу	191	492
248.	А. Х. Бенкендорфу	191	492
249.	М. Н. Загоскину	191	492
250.	А. Х. Бенкендорфу	192	492
251.	Судіенкѣ	193	492
252.	Ему же	193	492
253.	Кн. П. А. Вяземскому	194	492
254.	Ему же	194	492
255.	Ему же	195	493

		Текстъ.	Примѣчанія.
256.	Ему же	196	493
257.	А. Х. Бенкендорфу	196	493
258.	Ему же	197	493
259.	Н. А. Полевому	198	494
260.	С. П. Шевыреву	198	494
261.	Н. И. Гончаровой	198	494
262.	А. Х. Бенкендорфу	200	494
263.	Кн. П. А. Вяземскому	201	494
264.	А. Н. Гончарову	202	495
265.	П. А. Плетневу	202	495
266.	Кн. В. Ѳ. Вяземской	203	495
267.	М. П. Погодину	204	495
268.	Догановскому	205	495
269.	Н. Н. Гончаровой	205	495
270.	А. Н. Гончарову	205	496
271.	Ему же	206	496
272.	М. Н. Загоскину	206	496
273.	Н. Н. Гончаровой	207	496
274.	Ей же	207	496
275.	Ей же	208	496
276.	А. Н. Гончарову	209	496
277.	Ему же	210	496
278.	П. А. Плетневу	210	496
279.	Н. Н. Гончаровой	211	496
280.	Неизв. лицу	211	496
281.	Н. Н. Гончаровой	211	496
282.	А. Н. Гончарову	212	497
283.	П. А. Плетневу	212	497
284.	Ему же	213	497
285.	Осиповой	214	497
286.	Н. Н. Гончаровой	215	497
287.	Ей же	216	497
288.	П. А. Плетневу	217	497
289.	Н. Н. Гончаровой	218	497
290.	Барону А. А. Дельвигу	218	497
291.	Н. Н. Гончаровой	219	497
292.	Кн. П. А. Вяземскому	220	497
293.	Н. Н. Гончаровой	220	497
294.	М. П. Погодину	221	498
295.	Ему же	222	498
296.	А. Н. Верстовскому	223	498
297.	Н. Н. Гончаровой	223	498
298.	Ей же	225	498
299.	Ей же	225	498
300.	П. А. Плетневу	226	498

		Текстъ.	Примѣчанія.
301.	П. В. Нащокину	227	499
302.	Неизв.	227	499

1831.

303.	Н. А. Полевому	228	499
304.	С. Д. Полторацкому	228	499
305.	Кн. П. А. Вяземскому	229	499
306.	П. А. Плетневу	230	499
307.	Ему же	231	499
308.	А. Х. Бенкендорфу	231	500
309.	Кн. П. А. Вяземскому	232	500
310.	Ему же	233	500
311.	П. А. Плетневу	233	500
312.	Кн. П. А. Вяземскому	233	500
313.	С. Д. Киселеву	234	500
314.	П. А. Плетневу	234	500
315.	М. П. Погодину	234	500
316.	Н. И. Кривцову	235	500
317.	П. А. Плетневу	235	500
318.	А. Н. Гончарову	236	500
319.	П. А. Плетневу	237	501
320.	Н. И. Хмѣльницкому	237	501
321.	П. А. Плетневу	238	501
322.	Л. С. Пушкину	239	501
323.	П. А. Плетневу	239	501
324.	Ему же	240	502
325.	П. В. Нащокину	241	502
326.	Ему же	241	502
327.	А. Х. Бенкендорфу	241	502
328.	П. В. Нащокину	243	504
329.	Ему же	244	504
330	Ему же	245	504
331.	Ему же	245	504
332.	Н. Н. Гончаровой	245	504
333.	М. П. Погодину	247	504
334.	Ему же	248	504
335.	П. А. Осиповой	248	504
336.	П. А. Плетневу	249	505
337.	Кн. П. А. Вяземскому	249	505
338.	П. Я. Чаадаеву	250	505
339.	О. С. Павлищевой (пропущ.)	505	— 506
340.	П. А. Плетневу	251	506
241.	Ему же	252	506
342.	М. Л. Яковлеву	253	506

		Текстъ.	Примѣчанія.
343.	П. В. Нащокину	253	506
344.	А. Х. Бенкендорфу	254	506
345.	П. А. Плетневу	255	507
346.	П. В. Нащокину	255	507
347.	П. А. Осиповой	256	507
348.	Н. М. Коншину	257	507
349.	П. В. Нащокину	257	507
350.	П. А. Плетневу	258	507
351.	П. И. Миллеру	259	508
352.	Кн. П. А. Вяземскому	259	508
353.	А. Ѳ. Воейкову	259	508
354.	П. А. Плетневу	260	508
355.	Н. В. Гоголю	260	508
356.	П. В. Нащокину	261	508
357.	Кн. П. А. Вяземскому	262	508
358.	А. О. Смирновой	263	508
359.	П. А. Осиповой	263	509
360.	П. И. Миллеру	263	509
361.	Ему же	264	509
362.	Ему же	264	509
363.	П. В. Нащокину	264	509
364.	А. Х. Бенкендорфу	264	509
365.	С. С. Уварову	265	509
366.	П. В. Нащокину	265	509
367.	Н. М. Языкову	266	509
368.	А. Х. Бенкендорфу	266	509
369.	Н. Н. Пушкиной	268	510
370.	Ей же	268	510
371.	Ей же	269	510
372.	Ей же	270	510
373.	Ей же	270	510

1832.

374.	П. В. Нащокину	271	510
375.	А. Х. Бенкендорфу	272	510
376.	Ему же	272	510
377.	Кистеру	273	510
378.	А. А. Орлову	273	510
379.	П. В. Нащокину	274	511
380.	П. А. Осиповой	274—275	511
381.	М. О. Судіенку	275—276	511
382.	П. В. Нащокину	276	511
383.	И. И. Дмитріеву	276—277	511
384.	А. Х. Бенкендорфу	277	511

		Текстъ.	Примѣчанія.
385.	П. В. Нащокину.	277	511
386.	А. Х. Бенкендорфу.	277—278	511
387.	П. А. Осиповой	278	511
388.	М. П. Погодину.	278—279	511
389.	Неизвѣстному	279—280	511
390.	Н. Н. Пушкиной	280—281	512
391.	Ей же	281—282	512
392.	Ей же	282—283	512
393.	Ей же	283—284	512
394.	Ей же	284—285	513
395.	Гр. Д. И. Хвостову	285	513
396.	П. В. Нащокину.	285—286	513
397.	Д. Н. Бантышъ-Каменскому	286	514
398.	Неизвѣстной	286	514

1833.

399.	Гр. А. И. Чернышеву.	287	514
400.	П. В. Нащокину.	287	514
401.	А. П. Ермолову.	287—288	514
402.	И. Т. Калашникову	188	514
403.	М. П. Погодину.	288—289	514
404.	Гр. А. И. Чернышову.	289	514
405.	П. И. Соколову.	289	514
406.	П. А. Осиповой.	289	514
407.	А. Х. Бенкендорфу.	290	515
408.	А. А. Ананьину	290	515
409.	А. Н. Мордвинову.	291	515
410.	Г. И. Спасскому (пропущ.).		534
411.	Н. Н. Пушкиной	291	515
412.	Ей же	292	515
413.	Ей же	293	515
414.	Ей же	295	515
415.	Ей же	295	515
416.	Ей же	296	515
417.	Ей же	298	515
418.	А. А. Фуксъ	298	515
419.	Н. Н. Пушкиной	298	515
420.	Ей же	299	515
421.	Ей же	300	515
422.	Ей же	301	516
423.	Ей же	302	516
424.	Ей же	303	516
425.	Ей же	304	516
426.	Ей же	305	516

		Текстъ.	Примѣчанія.
427.	Кн. В. Ѳ. Одоевскому	306	516
428.	Н. Н. Пушкиной	307	316
429.	П. В. Нащокину.	308	516
430.	И. И. Дмитріеву.	309	517
431.	А. С. Норову	309	317
432.	Ему же	309	517
433.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	309	517
434.	Барону М. А. Корфу	310	317
435.	П. В. Нащокину.	310	317
436.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	311	318

1834.

437.	С. Д. Нечаеву	312	318
438.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	312	518
439.	Ему же	312	518
440.	Ему же	313	518
441.	Ему же	313	518
442.	Л. В. Дубельту	314	518
443.	Кн. В. Ѳ. Одоевскому	314	518
444.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	314	518
445.	П. В. Нащокину.	314	518
446.	И. И. Лажечникову	316	518
447.	Ему же	316	518
448.	М. П. Погодину	317	518
449.	В. И. Григоровичу (пропущ.)		518
450.	Гр. Г. А. Строганову	318	519
451.	І. М. Пеньковскому	318	519
452.	Н. Н. Пушкиной	318	519
453.	Ей же	319	519
454.	Ей же	320	519
455.	Ей же	321	519
456.	Ей же	323	519
457.	Ей же	323	519
458.	Д. Н. Бантышъ-Каменскому	324	519
459.	Н. И. Павлищеву	324	519
460.	Н. Н. Пушкиной	325	519
461.	Н. В. Гоголю.	326	519
462.	Н. Н. Пушкиной	326	520
463.	Ей же	327	520
464.	А. Н. Мордвинову.	327	520
465.	Н. Н. Пушкиной	327	520
466.	Ей же	328	520
467.	Ей же	329	520
468.	Д. Н. Бантышъ-Каменскому	330	520

		Текстъ.	Примѣчанія.
469.	Н. Н. Пушкиной	331	520
470.	Ей же	332	520
471.	Ей же	333	520
472.	Ей же	334	520
473.	Ей же	334	520
474.	Ей же	335	520
475.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	336	520
476.	Н. Н. Пушкиной	336	521
477.	М. Л. Яковлеву	337	521
478.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	338	521
479.	В. А. Жуковскому	338	521
480.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	339	521
481.	В. А. Жуковскому	339	521
482.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	339	521
483.	М. Н. Загоскину	340	522
484.	Н. Н. Пушкиной	340	522
485.	П. А. Осиповой	341	522
486.	Н. Н. Пушкиной	342	522
487.	Ей же	343	522
488.	Ей же	344	522
489.	Ей же	345	522
490.	Ей же	345	522
491.	М. Л. Яковлеву	347	522
492.	Н. Н. Гончаровой	347	522
493.	Н. Н. Пушкиной	347	522
494.	Ей же	349	522
495.	Н. М. Языкову	349	522
496.	М. Л. Яковлеву	350	522
497.	А. А. Фуксъ	350	523
498.	І. М. Пеньковскому	351	523
499.	Ему же (довѣренность)	351	523
500.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	351	523
501.	П. В. Нащокину	352	523
502.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	353	523

1835.

503.	П. В. Нащокину	353	523
504.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	354	523
505.	Д. Н. Бантышъ-Каменскому	354	523
506.	И. И. Дмитріеву	355	523
507.	Д. Н. Бантышъ-Каменскому	355	523
508.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	356	523
509.	Л. С. Пушкину	356	523
510.	И. И. Дмитріеву	357	523

		Текстъ.	Примѣчанія.
511.	І. М. Пеньковскому	358	524
512.	Л. С. Пушкину	358	524
513.	Н. И. Павлищеву	358	524
514.	М. П. Погодину	359	524
515.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	359	524
516.	Н. И. Павлищеву	360	524
517.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	361	524
518.	В. А. Дурову	361	524
519.	А. А. Краевскому	362	524
520.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	362	524
521.	Ему же	363	525
522.	Ему же	363	525
523.	Ему же	364	525
524.	В. Д. Вольховскому	364	525
525.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	365	525
526.	А. А. Фуксъ	365	525
527.	Е. П. Люценку	366	525
528.	Въ ценз. комитетъ	366	525
529.	В. А. Полѣнову	367	525
530.	Гр. Е. Ф. Канкрину	367	525
531.	А. И. Беклешовой	368	526
532.	Н. Н. Пушкиной	368	526
533.	Ей же	369—370	526
534.	Ей же	370	526
535.	Ей же	371	526
536.	Ей же	372	526
537.	П. А. Плетневу	373	526
538.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	373	526
539.	П. В. Нащокину	374	526
540.	Гр. Е. Ф. Канкрину	374	527
541.	П. А. Осиповой	375	527
542.	И. И. Лажечникову	375	527
543.	П. А. Клейнмихелю	376	527
544.	П. А. Осиповой	377	527
545.	Н. В. Гоголю	377	527
456.	Ему же	377	527
547.	Вдовѣ	378	527
548.	Гр. А. Х. Бенкендорфу	378	527

1836.

549.	Н. А. Дуровой	378	527
550.	С. С. Хлюстину	379	527
551.	Кн. Н. Г. Репнину	380	527
552.	Ему же	380	528

		Текстъ.	Примѣчанія.
553.	А. А. Фуксъ	381	528
554.	С. Н. Глинкѣ	381	528
555.	В. Д. Сухорукову	381	528
556.	В. А. Дурову	382	528
557.	Альфонсу Жобару	382	528
558.	А. Л. Крылову	383	528
559.	Кн. В. Ѳ. Одоевскому	383	528
560.	Ему же	383	528
561.	Кн. М. А. Дондукову-Корсакову	384	529
562.	Н. М. Языкову	384	529
563.	М. П. Погодину	385	529
564.	А. Н. Мордвинову	386	529
565.	И. И. Лажечникову	386	529
566.	Н. Н. Пушкиной	386	529
567.	Ей же	387	529
568.	Кн П. А. Вяземскому	388	529
569.	Н. Н. Пушкиной	389	529
570.	Ей же	390	530
571.	Ей же	391	530
572.	Кн. М. А. Дондукову-Корсакову	392	530
573.	Д. В. Давыдову	392	530
574.	Генералу Ушакову	393	530
575.	П. В. Нащокину	393	530
576.	А. Н. Муравьеву	393	530
577.	Л. С. Пушкину	394	530
578.	А. А. Краевскому	394	530
579.	Ему же	395	530
580.	И. И. Дмитріеву	395	530
581.	І. М. Пеньковскому	395	531
582.	Н. А. Дуровой	395	531
583.	А. А. Жандру	397	531
584.	А. А. Краевскому	397	531
585.	Ему же	397	531
586.	Ему же	397	531
587.	Н. И. Павлищеву	397	531
588.	Ему же	398	531
589.	Н. А. Дуровой	398	531
590.	Д. В. Давыдову	399	531
591.	П. А. Корсакову	399	531
592.	Н. И. Гречу	400	531
593.	Бар. М. А. Корфу	400	532
594.	М. Л. Яковлеву	400	532
595.	П. Я. Чаадаеву	400	532
596.	П. А. Корсакову	402	532
597.	Гр. А. Е. Канкрину	402	532

		Текстъ.	Примѣчанія.
598.	Кн. Н. Б. Голицыну	403	532
599.	Кн. В. Ѳ. Одоевскому	404	532
600.	Ему же	404	532
601.	Н. В. Путятѣ	405	533
602.	Виконту Д'Аршіаку	405	533
603.	М. Л. Яковлеву	405	533
604.	Ему же	405	533
605.	Ему же	406	533
606.	Гр. А. А. Бенкендорфу	406	533
607.	В. Ѳ. Одоевскому	407	533
608.	Н. М. Коншину	407	533
609.	Кн. В. Ѳ. Одоевскому	407	533
610.	Кн. П. А. Вяземскому	407	534

1837.

611.	Ѳ. А. Скобельцыну	408	533
612.	А. О. Ишимовой	408	534
613.	Гр. К. Ѳ. Толю	408	534
614.	Бар. Геккерну	409	534
615.	А. И. Тургеневу	410	534
616.	Виконту Д'Аршіаку	410	534
617.	А. О. Ишимовой	410	534

Дополнительныя примѣчанія и поправки:

Къ т. I 535
Къ т. II 538
Къ т. V 539
Къ т. VI 539
Алфавитный указатель писемъ А. С. Пушкина, помѣщ. въ VIII томѣ 541
Алфавитный указатель произведеній А. С. Пушкина, помѣщенныхъ въ V—VII томахъ 542
Алфавитный указатель иллюстрацій, помѣщенныхъ въ I—VIII томахъ 544

Списокъ иллюстрацій.

Наталья Николаевна Пушкина. Портретъ съ натуры масляными красками кисти Мазера . . . .
Принадлежитъ Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

Портретъ Наумова (мужа Ек. Ник. Ушаковой). Рисунокъ А. С. Пушкина, сдѣланный перомъ въ 1828 г. 176
Даръ А. Ѳ. Кони Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

„Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ". Виньетка изданія А. С. Пушкина 275
Воспроизведено непосредственно съ оригинала, принадлежащаго Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея.

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Картина проф. Н. Н. Ге 369

„Русланъ". Съ картины художника Синцова . . 400

Письма.

1815.

1. **И. И. Мартынову.** (Царское Село, 28 ноября.) — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Вашему Превосходительству угодно было, чтобы я написалъ піэсу на пріѣздъ Государя Императора: исполняю ваше повелѣніе. — Ежели чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему, начертанныя мною, будутъ несовсѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь счастливъ буду я, ежели Его Сіятельство Графъ Алексѣй Кирилловичъ благоволитъ поднести Его Величеству слабое произведенье неопытнаго стихотворца!

Надѣясь на крайнее Ваше снисхожденье, честь имѣю пребыть, М. Г., Вашего Превосходительства всепокорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*. 1815 года 28 ноября. Царское Село.

1816.

2. **Князю П. А. Вяземскому.** (Царское Село, 27 марта.)— Князь Петръ Андреевичъ! — Признаюсь, что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало[1] могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть, ужь не пеняйте, если письмо мое заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты — зачѣмъ дразнить было несчастнаго царскосельскаго пустынника, котораго ужь и безъ того дергаетъ бѣшеный демонъ бумагомаранія? Съ моей стороны прямо объявляю вамъ, что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣстъ хромой софійскій почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ. Подумайте хорошенько объ этомъ, дѣлайте, что вамъ угодно, но я уже рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеньи? Никогда лицей (или ликей, только, ради Бога, не лицея) не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло

всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньи,
Кто видитъ только въ отдаленьи
Пустыню, садикъ, сельскій домъ,
Холмы съ безмолвными лѣсами,
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ
И надъ славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами;
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижины не покидаетъ
И не во снѣ, а на-яву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда, время нашего выпуска приближается; остался годъ еще. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ; правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Это ужасно [2]. Право, съ радостью согласился бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова [3], съ тѣмъ только, чтобы графъ Разумовскій сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодого человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова [4]. Но дѣлать нечего!

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ,
И жребій съ жребіемъ не схожъ [5].

Отъ скуки часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные; часто читаю стихотворенія, которыя ихъ не лучше); недавно говѣлъ и исповѣдывался — все это вовсе не забавно. Любезный арзамасецъ! Утѣшьте насъ своими посланіями, и обѣщаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайней мѣрѣ искреннюю благодарность всего лицея.

Простите, князь — гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ на Ш [6]. Обнимите Батюшкова за того больного, у котораго годъ тому назадъ завоевалъ онъ Бову-королевича [7]. Не знаю, успѣю ли я написать Василью Львовичу. На всякій случай обнимите и его за вѣтреннаго племянника. Valeas.— *Александръ Пушкинъ.*

Ломоносовъ [8] вамъ кланяется.

[Приписка Ломоносова]: Je remets à la poste prochaine le plaisir pe vous entretenir, mon cher prince. Votre dévoué *S. Lomonossoff.*

3. **В. Л. Пушкину.** (Царское Село, конецъ декабря).

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
О п а с н ы й для пѣвцовъ с о с ѣ д ъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный В о т ъ!
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье
И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ риѳмъ бакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ ...
Нѣтъ, нѣтъ, — вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы — дядя мой и на Парнасѣ.

Итакъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра, можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я: конечно, передъ вами
Совсѣмъ не правъ пустынникъ-риѳмоплетъ;
Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами;
Онъ виноватъ и прозой, и стихами;
Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ — обѣщательныя и извинительныя: первыя — въ началѣ годовой переписки, а послѣднія — при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать!
Скажите искренно: ужели
Вы не умѣете прощать?

Напомню о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени, но ... надобно ли еще обѣщать? Простите вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце и которые любите еще меня.

Шольё Андреевичъ, конечно,
Меня забылъ давнымъ-давно;
Но я люблю его сердечно
За то, что любитъ онъ безпечно
И пѣть, и пить свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣяться, право, пресмѣшно.

1817.

4. **Кн. П. А. Вяземскому.** Спб., 1 сентября.—Любезный князь! — Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ псковскомъ моемъ уединеніи [1]. Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и желалъ бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго. Не знаю, сбудется ли мое желаніе. Покамѣстъ съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ и прошу у тебя твоего благословенія. — *Пушкинъ.*

1 sept. 1817.

[Адресъ: Ихъ высокопреосвященствамъ Василью Львовичу Вотъ и Петру Андреевичу Асмодею [2], въ Москвѣ].

1819.

5. **А. И. Тургеневу.** (Михайловское, 19 іюля). — Очень мнѣ жаль, что я не простился ни съ вами, ни съ обоими Мирабо [1]. Вотъ вамъ на память посланіе Орлову [2]. Примите его въ вашъ отеческій карманъ, напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ „пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину". Кстати о Беллонѣ: когда вы увидите бѣлоглазаго Кавелина [3], поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, воспитанника университетскаго пансіона [4]. Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодого человѣка вытѣсняетъ изъ пансіона, оставляя его въ нижнемъ классѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго; вспомните объ немъ и, какъ кардиналъ-племянникъ [5], зажмите ротъ доктору теологіи Кавелину, который

добивается въ инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. — *Пушкинъ.*

---

6. **Н. И. Кривцову** (черновое). (Михайловское, іюль — августъ). — Помнишь ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская губернія, откуда пишетъ твой лѣнивецъ, котораго ты, вѣрно, помнишь [и любишь], который о тебѣ каждый день груститъ, на котораго ты можешь и долженъ бы сердиться, но не знаю — сердишься ли.

Я не люблю писать, языкъ и голосъ едва ли достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе, такъ [бѣдно] глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было, я виноватъ, знавши, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина [и не исполнивъ дружескаго долга] ...

---

7. **П. Б. Мансурову.** (Спб., 27 октября).—Насилу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-черкесъ! Здоровъ ли ты, моя радость; веселъ ли ты, моя прелесть — помнишь ли насъ, друзей твоихъ (мужескаго полу) — — мы не забыли тебя и въ 7 часовъ съ $^1/_2$ каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами — и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгор дѣ? Завидуетъ намъ — и плачетъ о Крыловой [1]..... — Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты; по-прежнему подымаются на нее телескопы и — — но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя. — Оставимъ элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ — все идетъ по-прежнему; шампанское, слава Богу, здорово — актрисы также — то пьется, а тѣ..., — аминь, аминь. Такъ и должно. У Юрьева[2]... слава Богу, здоровъ; у меня открывается маленькій; и то хорошо. Всеволожскій N. играетъ: мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая[3] и кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ — а я въ нихъ не влюбленъ — однако-жь его вызывалъ за его дурную комедію[4], а ее за посредственную игру. — Tolstoy[5] боленъ, не скажу, чѣмъ — у меня и такъ ужь много... въ моемъ письмѣ. — Зеленая Лампа[6] наго-

рѣла — кажется гаснетъ — а жаль — масло есть (т. е. шампанское нашего друга); пишешь ли ты, мой собратъ — напишешь ли мнѣ, мой холосенькой — поговори мнѣ о себѣ — о военныхъ поселеньяхъ — это все мнѣ нужно — потому что я люблю тебя — и ненавижу деспотизмъ — прощай лапочка. — *А. Пушкинъ.*

[*Адресъ:* Павлу Борисовичу Мансурову].

[Свѣрено съ подлинникомъ].

—

1820.

8. **Князю П. А. Вяземскому.** (Спб., въ мартѣ или апрѣлѣ). — Я читалъ моему преображенскому пріятелю[1] нѣсколько строкъ, тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу, и поздравилъ его съ счастливымъ испражненіемъ Пировъ Гомеровыхъ. Онъ отвѣчалъ, что г... твое, а не его. Желательно, чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Онъ, кажется, боится твоей сатирической палицы. Твои первые четыре стиха на счетъ его въ посланіи къ Дмитріеву[2] — прекрасны. Остальные, нужные для поясненія личности, слабы и холодны, и — дружба въ сторону — Катенинъ стоитъ чего-нибудь получше и позлѣе. Онъ опоздалъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та же авторская спесь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь. Что̀ ни говори, вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего, а все-таки жаль. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы будемъ принуждены по недостатку слушателей читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо. Покамѣстъ присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны. Первый Снѣгъ—прелесть. Унынiе — прелестнѣе[3]. Читалъ ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ ты его Голосъ съ того свѣта, и что ты объ немъ думаешь[4]? Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу. Поэму свою[5] я кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ, а получишь ее уже напечатанную. Она такъ мнѣ надоѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно.

потому что съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался историческимъ лицомъ для сплетницъ С.-Пет.[6], я глупѣю и старѣю не недѣлями, а часами. Прости; отвѣчай мнѣ пожалуйста. Я очень радъ, что придрался къ перепискѣ. — *Пушкинъ.*

9. **Н. И. Гнѣдичу.** (Спб., въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая). — Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно и просилъ отца прислать меня къ нему какъ можно скорѣе. По счастію — тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство. — *Пушкинъ.*

10. **Л. С. Пушкину.** (Кишиневъ, 24 сентября). — Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку, по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лѣкарь[1], который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь[2] — я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылѣчился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи — любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ

отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ — и, можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы — любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться: въ надеждѣ большого выкупа они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ казакахъ — теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Тамани, древняго Тмутороканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я, — на ближней горѣ, посереди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это, древнее ли основаніе башни, — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнявшійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣній, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то французъ присланъ изъ Петербурга для разысканій, но ему недостаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго[3], человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ и, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію[4], которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу, безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами,

покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть; старшая — женщина необыкновенная[5]. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море; другъ мой, — любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго[6]! Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ, пиши ко мнѣ — благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками, но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ ... русскимъ безвѣстную...[7] я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все ли еще они въ деревнѣ? Мнѣ деньги нужны! Прости. Обними же за меня Кюхельбекера и Дельвига. — Видишь ли ты иногда молодого Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьѣ. — *Пушкинъ.*

---

11. **Н. И. Гнѣдичу.** (Каменка, 4 декабря). — Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я веду странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго[1]. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно — разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго

наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ. Поэму мою, напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствомъ[2], я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые нумера Сына доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи[3], котораго читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы:

„Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ"

и пр.; онѣ оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В.[4], который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй, несчастный! (что, между прочимъ, очень неучтиво), говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою кистію Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ съ мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграмміста — критика его для меня ужасно какъ тяжка[5]. Допрощикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ[6]. Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою; кого мнѣ за нее благодарить[7]? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣстъ у меня еще поэма готова или еще готова[8]. Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. — *Пушкинъ*.

Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ ли онъ съ ея высочествомъ[9]? Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа — журнала его не видалъ, писемъ также[10].

Мой Адресъ: въ Кишиневъ — Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

1821.

12, **Барону А. А. Дельвигу.** (Кишиневъ, 23 марта).

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ,
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;

Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ [1],
Любилъ марать поэмы, оды;
Ревнивый зрѣлъ меня народъ [2]
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу [3],
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу [4],
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой [5].
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой
Я славы замѣнилъ кумиръ.
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ [6].
Такъ точно, позабывъ сегодня
Проказы, игры прежнихъ дней [7],
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ б... ей.

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и объ друзьяхъ нашихъ.— О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужь въ Кіевѣ [8]. Желаю ему въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія. Объ духѣ любви я не безпокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ. О празднословіи молчу: дальній другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоемъ отсутствіи — сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ — журналы. Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый [9]. Долго ли тебѣ шалить — долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки? — Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года — напиши своего Монаха.— Поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка — не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму Кавказскій Плѣнникъ, которую надѣюсь скоро вамъ прислать; ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу — я перевариваю воспоминанія

и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ и скоро оставляю благословенную Бессарабію: есть страны благословеннѣе. — Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо кажется не правъ[10] — самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ; но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что́ дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями — и братьями не только по африканской нашей крови.— Прощай.— *А. Пушкинъ.*

---

13. **Н. И. Гнѣдичу.** (Кишиневъ, 24 марта).

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ, —
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ же я, какъ былъ и прежде,
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою,
И дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ, и духъ высокой.
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ,[1]
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца —

И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! Твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны:
Для музъ и дружбы живъ поэтъ;
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца. Благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма — все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дня какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго АО[2]; эти черты — сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности. — Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгой разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой; та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ Плѣнникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего — найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса. — Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа. — Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее, дабы сотворили вы съ нею, что только будетъ угодно.

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли — обнимаю друзей. Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи. — Что дѣлаетъ Н. М. [Карамзинъ]? здоровы ли: онъ, жена и дѣти? — Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу. — Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ. — Vale. — *Пушкинъ.*

14. **А. Н. Раевскому.** (Кишиневъ, въ мартѣ или апрѣлѣ). — Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ, которыя будутъ

имѣть послѣдствія, важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

Грецiя возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ незаконнаго ига, что... Сія прокламацiя взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и... консулъ хотѣли удержать распространеніе бунта. Пандуры и арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско — и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7,000 войска.

21 февраля генералъ князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Георгіемъ Кантакузеномъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ и... и тотчасъ принялъ начальство города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развивается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: „симъ побѣдиши“; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа: прекрасная минута надежды и свободы!

Въ Яссахъ всѣ спокойно. Семеро турокъ были приведены къ Ипсиланти и тотчасъ казнены — странная новость со стороны европейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уже... но еще ихъ нѣтъ. Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному предмету — на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ

лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ — вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, о Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Вначалѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 піастровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи! 10,000 грековъ записалось въ войско; Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ, какъ составилось и распространилось тайное общество, коего цѣлью было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная (т. е. состоявшая изъ военныхъ людей); вторую — граждане: члены ихъ имѣли право каждый пріискать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество — все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. Всѣ купцы, все духовенство до послѣдняго монаха, считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края; кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

Странная картина! Два народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра.[1] Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ! — 28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи. Завидная участь! Кинжалъ опаснѣе для него сабли турокъ; Константинъ[2] не будетъ совѣстливѣе Клодовика, и вліяніе молодого мстителя Греціи можетъ его встревожить. Признаюсь, я бы посовѣтовалъ кн. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства.

Важный вопросъ: что́ станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ, буду упѣдомлять.[3]

15. **Дегильи.** (Кишиневъ, 6 іюня). — Avis à Mr. Deguilly, ex-officier français.

Jl ne suffit pas être un Jean-foutre, il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un foutu duel au sabre on n' écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament. On ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure. On ne compromet pas deux fois son second [выноска: Ni un général qui daigne recevoir un piedplat dans sa maison].

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prévu, je suis fâché de n'avoir pas parlé.

Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous. Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez. — *Pouchkine.*

6 Juin 1821.

Notez encore que maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

16. **Л. С. Пушкину.** (Кишиневъ, 27 іюля). — *Брату.* Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь — я называю дѣльнымъ все, что̀ касается до тебя. Пиши ко мнѣ, покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по-русски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость — не поэтъ); пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что̀ такое Сотвореніе міра Милонова[1]? что̀ дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ „Сынѣ Отечества“ прошлаго года?[2] Кто на ны? „Черная шаль“ тебѣ нравится, и ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напечатали[3]. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ — и возьми у него на мой счетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), раздать моимъ друзьямъ, — экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Опочинкову его, Лампу его[4] — и все елико друга моего,

Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова — пожелай здравія Калмыку[5] — и напиши мнѣ обо всемъ. — Пришли мнѣ „Тавриду“ Боброва[6]. — Vale. — *Твой братъ А.*

27 іюля.

Сестръ. Etes-vous de retour de votre voyage? Avez-vous visité de nouveau les souterrains, les châteaux, les cascades de Narva? Cela vous a-t-il amusé? Aimez-vous toujours vos promenades solitaires? Quels sont vos chiens favoris? Avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? Qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez-vous? Avez-vous revu la voisine Annette Voulf? Montez-vous à cheval? Quand revenez-vous à Pétersbourg? Que font les Korff? Etes-vous mariée, êtes-vous prête à l'être? Doutez-vous de mon amitié? Bonjour, ma bonne amie.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

17. **А. И. Тургеневу** (черновое). (Кишиневъ, іюль). — Въ лѣто пятое отъ Липецкаго потопа [превосходительный Рейнъ и превосходительный] жалобный Сверчокъ на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали, воспоминая тебя, Арзамасъ [Іерусалимъ ума и вкуса]. Благородные гуси величественно бархатались предъ ихъ глазами въ мутныхъ водахъ упомянутой [рѣчки]. Живо представились имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ полнотѣ сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки, [и потому]...

[Свѣрено съ подлинникомъ].

18. **С. И. Тургеневу.** (Кишиневъ, 21 августа). — Поздравляю васъ, почтенный Сергѣй Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами и подышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою. — Скоро ли увидите вы Сѣверный Стамбулъ? Обнимите тамъ за меня милаго нашего муфти Александра Ивановича и мятежнаго драгомана, брата его; его преосвященству писалъ я письмо, на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи — но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я

виноватъ: полученное отъ васъ письмо я черезъ два дни перечитываю, но до сихъ поръ не отвѣчалъ, — надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу, если Чу меня помнитъ, а Долгорукій меня забылъ. — *Пушкинъ.*

19. **Н. И. Гречу.** (Кишиневъ, 21 сентября).—Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе — доставьте письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему: молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ Сынѣ Отечества мое Посланіе къ Чаадаеву; ужь эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится[1]: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal; оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ ввѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано глупца философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на счетъ моего же письма — видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать — да они и въ усъ не дуютъ. Что-бъ это значило? Если просто забвенье — то я имъ не пеняю; забвенье — естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письма ихъ мнѣ не нужны — такъ плохо.

Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать. Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною — 4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. — Vale.— *Пушкинъ.*

20. **В. П. Горчакову.** — Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои ро-

мантическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать Черкешенкой — я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ бо́льшую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана — хоть стихи въ ней зрѣлѣе. — Прощай, моя радость.

21. **Неизвѣстному лицу** (черновое). — Vous êtes, mon digne maître, brave, mordant, méchant, — cela n'est point assez, il faut être féroce, tyran, vindicatif; c'est où je vous prie de me conduire. Les hommes ne vaillent pas qu'on les évalue par ces étincelles du génie et de sentiment par lesquelles je me suis avisé de les évaluer. Jusqu'à présent c'est par bérquovetz qu'il faut les estimer. Il faut se rendre aussi égoiste qu'ils le sont en général pour en venir à bout. C'est alors seulement que l'on peut assigner la place qu'il convient à chacun d'occuper.

Est-ce bien cela, mon très-aimable compatriote, ou bien ai-je tort?

[Свѣрено съ подлинникомъ].

22. **В. Ѳ. Раевскому.** (Кишиневъ, 1821 — 22). Пришли мнѣ, Раевской, Histoire de Crimée, книга не моя, и у меня ее требуютъ. Vale et mihi favere. — *Пушкинъ.*

[Адресъ: Г-ну Маіору Раевскому].

1822.

23. **Князю П. А. Вяземскому.** (Кишиневъ, 2 января). — Попандопуло привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди[1] берется доставить тебѣ мою прозу. Ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый пріятель и (вѣрная порука за честь и умъ) нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его. — Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдка сближали насъ другъ съ другомъ. Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія,

пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны. Благодарю за всѣ вообще. Бранюсь съ тобой за одно Посланіе къ Каченовскому[2]. Какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ? Ты сбилъ его съ ногъ, но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться? Довольно было съ него лихого хлыста, а не сатирической твоей палицы. Ежели я его задѣлъ въ Посланіи къ Чаадаеву, то это не изъ ненависти къ нему, но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Толстого, котораго презирать мудренѣе[3]. Жуковскій меня бѣситъ. Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла Рукъ[4] не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди[5]. Пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы. Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ. Кавказскій мой Плѣнникъ конченъ. Хочу напечатать, да лѣни много, а денегъ мало, и меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ. Желаю счастія дядѣ. Я не пишу къ нему, потому что опасаюсь журнальныхъ почестей[6]. Скоро ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ? Крайне опасаюсь, чтобъ двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ. А долго ли до грѣха?[7] Пиши мнѣ съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь, стихами или прозой. Ей-Богу, буду отвѣчать.

2 января 1822.

Пишу тебѣ у Рейна[8]. Все тотъ же онъ, не измѣнился, хоть и женился. Началъ онъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ, но заблагоразсудилъ изорвать его. Онъ тебѣ кланяется и занятъ ужасно сургучемъ.

(Прибавленіе). Орловъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ дѣлаетъ палки сургучныя, а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

24. **Л. С. Пушкину.** (Кишиневъ, 24 января). — Сперва хочу съ тобою побраниться: какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина. Во вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки — ты или не хочешь, или не можешь мнѣ говорить

открыто обо всемъ жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ — что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою м[illegible]зантропію — и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя — это меня бѣситъ — я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними: постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней — тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ; онъ правъ я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать — и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему „Плѣнника“[1]. Къ тому же ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ ли онъ, все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ — каково нашелъ мои стихи къ нему[2] и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ *Сынѣ* (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай: въ ней каждый стихъ — правда:

Иной имѣлъ мою Аглаю[3]
За свой мундиръ и черный усъ;
Другой за деньги, — понимаю;
Другой за то, что былъ французъ;
Клеонъ — умомъ ее стращая,
Дамисъ — за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневного пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя. *Твой другъ Демьянъ.*

24 генв. 1822.

(Сверено съ подлинникомъ).

25. **Н. И. Гнѣдичу.** (Кишиневъ, 29 апрѣля).

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго Плѣнника; въ награду за присылку прелестной вашей идилліи (о которой мы поговоримъ на досугѣ) [1], завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе.— Vale. *Пушкинъ.*

(Сверено съ подлинникомъ).

26. **Ему же.** (Кишиневъ, 13 мая). — Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабскаго пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1. Увѣрены ли вы, что цензура, поневолѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, нынче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришествію? Замѣнять же прежнее новымъ, въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2. Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пустословіе довольно скучное, но мнѣ никакъ нельзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому [1] и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка [2], да NB цензура.

Tout bien vu, не кончить ли дѣло предисловіемъ? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ говоря ей правду неучтивую, но, быть можетъ, полезную Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій [3] читалъ однажды

мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: „И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны" — я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. — А что тутъ остраго, смѣшного? Очень желалъ бы знать, сбылось ли мое предсказаніе.

Вы, коего геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это кстати о Кавказскомъ Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ и Баратынскомъ также — но я люблю ихъ и лѣнивыхъ. Vale, sed delenda est censura. — *Пушкинъ.*

13 мая, Кишиневъ.

Своего портрета у меня нѣтъ — да на кой чортъ имѣть его?

Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ Свѣтлое Воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатаютъ ли безъ имени въ Сынѣ Отечества?

(Штемпель: „Кишиневъ"; письмо исколото. Свѣрено съ подлинникомъ).

27. **А. А. Бестужеву**. (Кишиневъ, 21 іюня). — Милостивый государь Александръ Александровичъ! Давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ, какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни и желаю, чтобъ онѣ вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; ка-

жется, голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако, должно намъ постоять изъ одного честолюбія; отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа; повидимому, ее настращали моимъ именемъ. Не называйте меня, поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр., услужливаго Плетнева, или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ, она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобы имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи. – *Пушкинъ.*

21-го іюня 1822. Кишиневъ.

28. **Н. И. Гнѣдичу.** (Кишиневъ, 27 іюня). Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго Плѣнника. Ваши замѣчанія насчетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу между гетовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ-нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нея такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: Небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгій поцѣлуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hasardé). Его томительную нѣгу вкусила тутъ она вполнѣ – дурно, очень дурно – и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизъ-кайсацкій стишокъ слѣдующими: Какой угодно

поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ —

И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ,
Вдругъ и проч.[1]

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени. Конечно, иные скажутъ, что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу; но мало ли что говорятъ.[1]

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое-что. Нельзя ли опять стравить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностью. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ: нельзя ли его расшевелить? Нельзя ли потревожить и Слёнина, если онъ купилъ остальные экземпляры „Руслана?“ Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго Узника; это не чета Пери[2] и достойно такого переводчика, какъ пѣвецъ „Громобоя“ и „Старушки“. Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками — иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсня Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ „Родригъ“ Саутея; попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве[3]. Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ, а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдаванно и тошно; ахъ, Боже мой, что-то съ нимъ[4] дѣлается — судьба его меня безпокоитъ до крайности — напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать.

29. **П. А. Катенину**. (Кишиневъ, 19 іюля). — Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый; воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты, конечно, въ этомъ числѣ, но дружба не италіанскій глаголъ piombare, ты ея такъ же хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ я былъ жертвою,

и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ, такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ ли меня Зельскій. Можетъ быть, — да, вѣроятнѣе — нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что нибудь на сердцѣ, сталъ ли бы я говорить о тебѣ наряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужь на то рѣшился, написалъ ли бы стихъ столь слабый и неясный, выбралъ ли бы предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. Итакъ, оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сида; поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, по крайней мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе; знаю, что долгъ платежемъ красенъ, но non erat hic locus... — Прощай, Эсхилъ; обнимаю тебя, какъ поэта и друга...

---

30. **Л. С. Пушкину.** (Кишиневъ, 21 іюля). — Ты на меня дуешься, милый: нехорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно, хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу — мнѣ безъ тебя скучно[1]. — Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей-Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери — если упустишь время, послѣ будешь тужить — въ русской службѣ должно непремѣнно быть 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь; слѣдственно разочти — тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи — ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Козловъ[2], да ты и самъ не захочешь. Чтеніе — вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ — выросъ ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что

ты пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ Посланіи моемъ къ Чаадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полукислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя: что мой „Русланъ"? Не продается? Не запретила ли его цензура? Дай знать. Если же Слѣнинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева?[4] Читалъ ли ты мои стихи, ему посланные? Что „Плѣнникъ"? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь, — и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? есть ли объ немъ извѣстія? Прощай. — Отцу пишу въ деревню.

(Приписка къ сестрѣ). Ma bonne et chère amie, je n'ai pas besoin de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous. Je vous embrasse et je vous aime — amusez-vous et mariez-vous.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

31. **Ему же.** (Кишиневъ, 4 сентября). — На прошедшей почтѣ (виноватъ: съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о-чемъ. Во-первыхъ, о службѣ. Если бы ты пошелъ въ военную — вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ: служить четыре года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго — скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію - Раевскій или Киселевъ — оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка: дѣло идетъ о жизни. — Теперь, моя радость, поговорю о себѣ — явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому — и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтреность моя и вѣтреность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы — само

по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. — Въ посланіи къ Овидію перемѣни такимъ образомъ:

> Ты самъ — дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной, —
> Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненья жизни ратной,
> Привыкнувъ и проч.

Кстати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Шильонскаго Узника, — прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц...[1] Но, актеры, актеры! пятистопные стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухо-рёва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы[2]. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господи защити и помилуй — но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышитъ миѳологіей и героизмомъ — славяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія[3]. Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ — но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ермолову лучше, но стихъ: „такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ“...[4] слишкомъ уже греческій. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: „Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устращенный толпами стремиться въ храмъ священный. — Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ — цѣль трудъ, многимъ людямъ — принадлежащій“ и проч[5]. Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. „Б. изъ Рима“ не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ, что новость на Олимпѣ мила[6]. Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи — онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости — слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ [illegible]ёте. — *П.*

Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m'envoyer des habits — rappelez-la lui de ma part.

Еще слово — скажи Слёнину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.

Милый мой — у васъ пишутъ, что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго[7]. Это не

Хвостовъ написалъ — вотъ что̀ меня огорчило — что̀ дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ!

[Свѣрено съ подлинникомъ].

32. **Я. Н. Толстому.** (Кишиневъ, 26 сентября). — Милый Яковъ Николаевичъ. Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе князя Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ, и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить — и это первое условіе. Во-вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, но... милый другъ! подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ прими мои сердечныя благодаренья: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ никто ни строки, ни слова:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему-ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,

Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина, кометы!
Желай мнѣ здравія, Калмыкъ! [1]

Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ бессарабской глуши, не получая ни журналовъ, ни новыхъ книгъ, не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи[2]. Прости, милый, до свиданія и до посланія!.. Обними нашихъ. Что Всеволожскій? Что Мансуровъ? Что Барковъ? Что Сосницкія? Что Хмѣльницкій? Что Катенинъ? Что Шаховской? Что Ежова? Что Гр. Пушкинъ? Что Семеновы? Что Завадовскій? Что весь театръ?

33. **Н. И. Гнѣдичу.** (Кишиневъ, 27 сентября). — Пріѣхали Плѣнники [1] — и сердечно васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ. Перемѣны, требуемыя цензурою, послужили въ пользу моего; признаюсь, что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился. Напримѣръ, если-бъ она перемѣнила стихъ: Простите, вольныя станицы, то мнѣ было бы жаль. Но, слава Богу! Горькій поцѣлуй — прелесть; ей дней — ей-ей не благозвучнѣе ночей; упоительнымъ мечтамъ: упоительнымъ; на домы дождь и градъ: на долы. Вотъ единственныя ошибки, замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ ли; примѣчаніе издателей очень лестно — не знаю, справедливо ли[2]. Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ, чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужь онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій 1-ой части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мелочи въ Парижѣ. Спасите, ради Христа; удержите его, по крайней мѣрѣ, до моего пріѣзда, — а я вынырну и явлюсь къ вамъ. — Катенинъ ко мнѣ писалъ: не знаю, получилъ ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ!

А побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души. — *А. Пушкинъ.*

27 сент. Кишиневъ.

Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слѣнина упросилъ не печатать моего портрета. Если на то нужно мое согласіе, — то я не согласенъ.

[Адресъ: „Его высокобл. м. г. Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Въ С.-Петербургѣ. Въ Императорской Библіотекѣ". Штемпель: Кишиневъ, 27 сентября]. [Свѣрено съ подлинникомъ].

---

34. **Л. С. Пушкину.** (Кишиневъ, 6 октября). — Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое?[1] Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ[2] происходитъ отъ нескромности кн. Шаховского. Впрочемъ, посланіе Плетнева[3], можетъ быть, — первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой „Плѣнникъ"? a-t-il produit du scandale, пишетъ мнѣ Orlof, voilà l'essentiel. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера „Плѣнника"; онъ для нихъ созданъ, душа моя. Я журналовъ не получаю, такъ потрудися, напиши мнѣ ихъ толки — не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ; Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; министру я писалъ — онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбы мои несите![4] но Августъ смотритъ Сентябремъ! Кстати: получено ли мое Посланіе къ Овидію? Будетъ ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его[5]. Я бы тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый. — *А. П.*

Окт. 1822. Кишиневъ.

Другъ мой, попроси И. В. Слѣнина — чтобы онъ, за вычетомъ остального долга, прислалъ мнѣ 3 экз. Людмилы, 2 экз. Плѣнника, одинъ Шильонскаго Узника, книгу Греча — и Цертелева Древнія стихотворенія. Поклонись ему отъ меня.[6]

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

35. **Ему же.**— Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer á la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me parait préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtemps de votre reputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment, où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la plupart des tous est une perfidie.— Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle.[1] A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offense volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permettront pas de briller, ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponneries de la vanité vous rendent ridicule et méprisable.

N'empruntez jamais, souffrez plûtôt la misère: croyez qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude où l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les

adopter sans jamais y être contraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m'arrêterait lorsqu'il s'agit de l'interêt de votre vie.

---

36. **П. А. Плетневу** (черновое). — Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ попеченіе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно, и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться. Если первый стихъ твоего посланія написанъ такъ же отъ души, какъ и всѣ прочіе, то я не раскаиваюсь въ минутной моей несправедливости: она доставила неожиданное украшеніе словесности. Если же ты на меня сердитъ, то стихи твои, какъ они ни прелестны, никогда не утѣшатъ меня. Ты конечно бъ извинилъ мои легкомысленныя строки, если бы зналъ, какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ. Въ эти минуты я золъ на цѣлый свѣтъ, и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай, однако, что не умѣю цѣнить неоспоримаго твоего дарованія. Чувство изящнаго не совсѣмъ во мнѣ притупилось, и когда я въ совершенной памяти, твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ любимцевъ.

По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобою друженъ; завидую ему и тебѣ. Sine ira, милый пѣвецъ, по рукамъ и до свиданія.

Я не вполнѣ подтверждаю, что писалъ о твоей прозѣ, но, признаюсь, это стихотвореніе недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приняли его за сочиненіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится. Но Батюшковъ, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ; я разсердился послѣ Батюшкова ...

Извини мое чистосердечіе, но оно — залогъ моего къ тебѣ уваженія.

[Прости]. Sine ira, и пр.

---

37. **Неизвѣстной дамѣ** (черновое). — [Ce n'est pas pour vous braver que je vous écris, mais j'ai la bêtise et la faiblesse de vous avouer une passion ridicule, et je veux m'en expliquer franchement ...] Ne feignez rien, ce serait indigne de vous et de plus c'est parfaitement inutile; la co-

quetterie serait une cruauté frivole et surtout bien inutile. Votre colère — je n'y croirai pas plus .., en quoi puis-je vous offenser ... je vous aime avec tant d'élan de tendresse si pas de ... Votre orgueil même ne peut en être blessé.

Si j'avais des espérances, cela ne serait pas la veille de votre départ que j'aurais pu me déclarer; n'attribuez mon aveu qu'a une exaltation troublée dont je n'étais plus le maître, qui allait jusqu'à la défaillance; je ne demande rien, je ne sais moi-même ce que je veux, et cependant je vous ...

---

38. **Князю П. А. Вяземскому.** (Кишиневъ, въ концѣ года). — Благодарю тебя за письмо, а не за стихи: мнѣ въ нихъ не было нужды. Первый снѣгъ я читалъ еще въ 20-мъ году и знаю наизусть. Не написалъ ли ты чего новаго? Пришли, ради Бога. А то Плетневъ и Рылѣевъ отучатъ меня отъ поэзіи. Сдѣлай милость, напиши мнѣ обстоятельнѣе о тяжбѣ своей съ цензурою: это касается всей православной кучки. Твое предложеніе собраться намъ всѣмъ жаловаться на Бируковыхъ можетъ имѣть худыя послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подаютъ рапортъ, — таковой поступокъ пріемлется за бунтъ. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду; но общая жалоба съ нашей стороны можетъ навлечь на насъ ужасное подозрѣніе и причинить большія безпокойства. Соединиться тайно, но явно дѣйствовать въ одиночку кажется вѣрнѣе. Въ такомъ случаѣ должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не впервой совралъ, когда утверждаетъ que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ, но не мнѣ. На конченную свою поэму я смотрю, какъ сапожникъ — на пару своихъ сапогъ, и продаю съ барышомъ. Цеховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ. Я въ накладѣ, иду жаловаться частному приставу. Все это въ порядкѣ вещей. Думаю скоро сражаться съ Бируковымъ, и стану доѣзжать его въ этомъ смыслѣ; но за 2000 верстъ мудрено щелкать его по носу. Я барахтаюсь въ грязи молдавской; чортъ знаетъ, когда выкарабкаюсь. Ты барахтайся въ грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка намъ и пріятна.

А. П.

Вотъ тебѣ нѣсколько пакостей.

[Приложены стихотворенія: Еврейкѣ — I, 289; „Клеветникъ безъ

дарованья" — I, 305; „Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглоссомъ" — I, 315, съ варіантомъ 2-го стиха: „Ты жертва вредной красоты"; „Иной имѣлъ мою Аглаю" — см. выше и „Оставя честь" — I, 316. О двухъ послѣднихъ сказано:]

Этихъ двухъ не показывай никому, — ни Денису Давыдову.

1823.

39. **Л. С. Пушкину.** (Кишиневъ, январь). — Душа моя, какъ перевести по-русски bévues? — должно бы издавать у насъ журналъ: Revue des Bévues — мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Рылѣева, его же гербъ россійскій на вратахъ византійскихъ [1] (во время Олега герба русскаго не было — а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную — у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ bévues. Поговори объ этомъ съ нашими, да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи, ради Христа, Жуковскому, чтобъ онъ продиктовалъ Якову [2] строчки три на мое имя. — Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя попотчивать? Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной, и пр. (см. I, 330).

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

[По сгибу письма надпись: Брату].

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

40. **Графу К. В. Нессельроде.** (Кишиневъ, 13 января). — Monsieur le Comte, Attaché par ordre de Sa Majesté auprés de Mr. le général-gouverneur de la Bessarabie, je ne puis sans une permission expresse venir à Pétersbourg, où m'appellent les affaires d'une famille que je n'ai pas vue depuis trois ans. Je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence pour La supplier de m'accorder un semestre de deux ou trois mois.

J'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la considération la plus haute, Mr. le Comte, de V. Excellence le très-humble et très obéissant serviteur. — *Alexandre Pouchkine.*

13 Janvier 1823. Kichenef.

---

41. **Л. С. Пушкину.** (Кишиневъ, 30 января). — Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо — жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами — и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ Истоминой[1], за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому Плѣннику. Бестужевъ прислалъ мнѣ „Звѣзду" — эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился — я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и „Русланъ" и Noël[2] — и все дрянь въ сравненіи съ ними. — Ради Бога, люби двѣ звѣздочки:[3] онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта Воина[4] привела въ задумчивость воина, что̀ служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи. — Эта „Мечта" напечатана съ ошибочнаго списка — призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ, слово, употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата, и друзей — стихъ трогательный, а въ „Звѣздѣ" просто плоскій. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи — это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку —

„Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный"[5]

и проч. — непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнасѣ. — Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой, и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche!

Пріѣхалъ ли царь? Впрочемъ, это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву — тамъ увидишь ты моихъ друзей — напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая, впрочемъ, мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть, они правы — да и я не виноватъ.

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацѣлую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхля?

Ты мнѣ пишешь объ N. N.: en voilà assez. Assez, такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду — въ Августѣ мѣсяцѣ — такъ и быть — а вѣдь непріятно сидѣть взаперти, когда гулять хочется[6]. Прощай еще разъ.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

42. **Князю П. А. Вяземскому.** (Кишиневъ, 6 февраля).— Какъ тебѣ не стыдно не прислать своего адреса? Я бы давно тебѣ написалъ. Благодарю тебя, милый Вяземскій! Пусть утѣшитъ тебя Богъ за то, что ты меня утѣшилъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ пріятно читать о себѣ сужденіе умнаго человѣка! До сихъ поръ, читая рецензіи Воейкова, Каченовскаго и проч., мнѣ казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки пріятельницъ Варюшки и Буянова.[1] Все, что ты говоришь о романтической поэзіи, прелестно; ты хорошо сдѣлалъ, что первый возвысилъ за нее голосъ. Французская болѣзнь умертвила въ нашу отроческую словесность. У насъ нѣтъ театра; опыты Озерова ознаменованы поэтическимъ слогомъ, и то неточнымъ и заржавымъ; впрочемъ, гдѣ онъ не слѣдовалъ жеманнымъ правиламъ французскаго театра? Знаю, за что полагаешь его поэтомъ романтическимъ: за мечтательный монологъ Фингала: „Нѣтъ! Пѣснямъ никогда надгробнымъ я не внемлю!“ Но вся трагедія написана по всѣмъ правиламъ парнасскаго православія; а романтическій трагикъ принимаетъ за правило одно вдохновеніе[2] Признайся, — все это одно упрямство.

Благодарю за щелчокъ цензурѣ[3]; но она и не этого стоитъ: стыдно, что благороднѣйшій классъ народа, классъ мыслящій какъ бы то ни было, подверженъ самовольной расправѣ трусливаго дурака. Мы смѣемся; а, кажется, лучше бы дѣльно приняться за Бируковыхъ; пора дать вѣсъ своему мнѣнію и заставить правительство уважать нашимъ голосомъ; презрѣніе къ русскимъ писателямъ нестерпимо; подумай объ этомъ на досугѣ, да соединимся. Дайте намъ цензуру строгую, — согласенъ; но не безсмысленную.

Читалъ ли ты мое посланіе Бирукову[4]? Если нѣтъ, — вытребуй его отъ брата или отъ Гнѣдича.

Читалъ я твои стихи въ Полярной Звѣздѣ: всѣ — прелесть. Да, ради Христа, прозу-то не забывай: ты да

Карамзинъ одни владѣютъ ею. Глинка владѣетъ языкомъ чувствъ ... это что такое? Бестужева статья объ нашей братіи [5] ужасно молода, но у насъ все елико печатано имѣетъ дѣйствіе на святую Русь; за то не должно бы ничѣмъ пренебрегать, и должно печатать благонамѣренныя замѣчанія на всякую статью, — политическую, литературную, — гдѣ только есть немножко смысла; кому, какъ не тебѣ, взять на себя скучную, но полезную должность надзирателя нашихъ писателей?

Стихи мои ищутъ тебя по всей Россіи. Я ждалъ тебя осенью въ Одессу, и къ тебѣ бы пріѣхалъ, да мнѣ все идетъ наперекоръ. Не знаю, нынѣшній годъ увижусь ли съ тобою. Пиши мнѣ, покамѣстъ, если по почтѣ, такъ осторожнѣе, а по оказіи — что хочешь. Да нельзя ли твоихъ стиховъ? Мочи нѣтъ, хочется!

Дядя прислалъ мнѣ свои стихотворенія. Я было хотѣлъ написать объ нихъ кое-что, — болѣе для того, чтобъ ущипнуть Дмитріева, нежели чтобъ порадовать нашего старосту,— да невозможно: онъ такъ глупъ, что языкъ не повернется похвалить его и не сравнивая съ эксъ-министромъ.

Видишь ли ты иногда Чаадаева? Онъ вымылъ мнѣ голову за Плѣнника: онъ находитъ, что онъ не довольно blasé; Чаадаевъ, по несчастію, знатокъ по этой части. Оживи его прекрасную душу, поэтъ! Ты вѣрно его любишь,—я не могу представить себѣ его инымъ, что прежде.

Еще слово объ Кавк. Плѣнникѣ. Ты говоришь, душа моя, что онъ сукинъ сынъ за то, что онъ не горюетъ о черкешенкѣ. Но что говорить ему? Все понялъ онъ— выражаетъ все; мысль объ ней должна была овладѣть его душою и соединиться со всѣми его мыслями. Это разумѣется, иначе быть нельзя; не надобно все высказывать,— это есть тайна занимательности. Другимъ досадно, что Плѣнникъ не кинулся въ рѣку вытаскивать свою черкешенку. Да,— суньсяка: я плавалъ въ кавказскихъ рѣкахъ; тутъ утонешь самъ, а ни чорта не сыщешь. Мой Плѣнникъ—умный человѣкъ, разсудительный; онъ не влюбленъ въ черкешенку; онъ правъ, что не утопился. Прощай, моя радость. — *Пушкинъ.*

6 февраля 1823.

У насъ послѣ-завтра балъ, — пріѣзжай потанцовать: Полторацкіе зовутъ.

Счастье супружеское.

Дома сидя я безъ дѣла,
Буду нѣжно говорить:
„Ахъ, мой другъ! Какъ ты .....!
„Прикажи-ка покурить!“

Вотъ модные стихи въ Кишиневѣ,— не мои, Полторацкаго, въ честь будущей моей женитьбы.

---

43. **Ему же.** (Кишиневъ, 5 апрѣля).— Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Если лѣтомъ ты поѣдешь въ Одессу, не завернешь ли по дорогѣ въ Кишиневъ? Я познакомлю тебя съ героями Скулянъ и Секу, сподвижниками Іордаки, и съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ. [1]

Правда ли, что говорятъ о Катенинѣ [2]? Мнѣ никто ничего не пишетъ. Москва, Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня.

Охотниковъ пріѣхалъ ? [3] Привезъ ли тебѣ письма и прочее?

Говорятъ, что Чаадаевъ ѣдетъ за границу — давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать. Теперь Богъ знаетъ, когда свидимся.

Важный вопросъ и, сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марія Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря (Страстного, что ли?). Жива ли она, гдѣ она; если умерла, чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери? Замужемъ ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ ли, или вдовствуютъ и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обѣщался обо всемъ узнать подробно. Кстати, не знаешь ли, минуло ли 15 лѣтъ генералу Орлову? [4] или нѣтъ еще? — *А. П.*

апрѣля.

Стиховъ, ради Бога стиховъ, да свѣженькихъ.

[Адресъ: Его сіятельству кн. Петру Андреевичу Вяземскому, въ Москвѣ, въ Чернышевомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ.]

---

44. **А. А. Бестужеву.** (Кишиневъ, 13 іюня). — Милый Бестужевъ. Позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Полярную Звѣзду, за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу, и особенно за Вечеръ на бивакѣ! Все это ознаменовано твоею печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О „Взглядѣ“ [1] можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ

можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, и обижать Майкова?[2] „Елисей“ истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для пироговъ она у ней топилась;
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а герой, который упалъ въ песокъ

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказываютъ всѣ, кто х дитъ въ тотъ кабакъ,
Что виденъ и поднесь въ пескѣ сей самый знакъ.

Все это уморительно. Тебѣ, кажется, болѣе нравится Благовѣщеніе[3]; однакожь Елисей кажется смѣшнѣе, слѣдственно полезнѣе для здоровья. Въ разсужденіи 1824 года — постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни. Но нельзя ли вновь осадить цензуру, и со второго приступа овладѣть моей анѳологіей? „Разбойниковъ“ я сжегъ — и подѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то напечатай его[4]. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ.—Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются: онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать временъ слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви[5].—Дельвигъ мнѣ съ годъ ужь ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня; онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня. — Прощай, до свиданья. — *А. П.*

13 іюня.

---

45. **Князю П. А. Вяземскому.** (Одесса, 19 августа).— Мнѣ скучно, милый Асмодей. Я боленъ; писать хочется,

да самъ не свой. Мнѣ до тебя дѣло есть. Гнѣдичъ хочетъ купить у меня второе изданіе Руслана и Кавказскаго Плѣнника, но timeo Danaos, т. е. боюсь, чтобъ онъ со мной не поступилъ какъ прежде [1]. Я обѣщалъ ему предисловія, но отъ прозы меня тошнитъ. Перепишись съ нимъ, возьми на себя это 2-е изданіе и освяти его своею прозой, единственною въ нашемъ прозаическомъ отечествѣ. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику; стань за нѣмцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи. Еще одна просьба: если возьмешься за изданіе, не лукавь со мною, возьми съ меня, что оно будетъ стоить, не дари меня. Я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣла, милый мой аристократъ. Отвѣчай мнѣ по extra-почтѣ.

Я брату долженъ письмо. Что онъ за человѣкъ? Говорятъ, что онъ славный малый и московскій франтъ. Правда ли? — Прощай, моя прелесть. Впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ? [2]

19 авг.

[Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому.]

---

46. **Л. С. Пушкину.** (Одесса, 25 августа). — Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу — я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. — Ресторація и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу [1]. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо — да новая печаль мнѣ сжала грудь — мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. [2] Пріѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически— и выѣхавъ оттуда навсегда — о Кишиневѣ я вздохнулъ. [3] Теперь я опять въ Одессѣ, и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ. Здѣсь Туманскій [4]. Онъ добрый малый, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ Петербургъ письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: „Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр..."—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ „Бахчисарайскаго Фонтана" (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ бы ее напе-

чатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы — помогите! — Здѣсь еще Раичъ[5]. Знаешь ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель — жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти: хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила — но служу я не по волѣ своей — и въ отставку идти кажется, невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ — на кого же надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію — хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ — когда больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извощика отъ Аничкова Моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя — у меня хандра — и это письмо не развеселило меня.

Одесса. 25 авг.

Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ — выпустивъ любовный бредъ — а жаль!

(Свѣрено съ подлинникомъ).

---

47. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Одесса, 14 октября). — По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу, что поручаю тебѣ изданіе Руслана и Плѣнника, слѣдственно дѣло сдѣлано. Не помню, просилъ ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. п., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечитъ судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Раичъ? Я никогда не могъ исправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ въ 6-й пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ.[1] Не помню, какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. Кавказскій Плѣнникъ иное дѣло. Останавливалъ

онъ долго взоръ — должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Живи, и путникъ оживаетъ: живи, и плѣнникъ оживаетъ. Пещеры темная прохлада — влажная. И вдругъ на домы дождь и градъ — долы. Въ чужой аулъ цѣною злата — за много злата (впрочемъ какъ хочешь).

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала.

Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей — ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась — смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ добрый малый: уговори его, или я слягу.

На смертномъ полѣ свой бивакъ.

У меня прежде было у стѣнъ Парижа. Не лучше ли, какъ думаешь? Вѣрилъ я надеждѣ и упоительнымъ мечтамъ. Это что? Упоительнымъ мечтамъ. Твоя отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову?[2] Да вотъ еще два замѣчанія, въ родѣ анти-критики: 1. Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности; 2. На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань — граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он'полъ. Изъясни это потолковѣе забавникамъ „Вѣстника Европы". Теперь замѣчаніе типографическое: Все понялъ онъ... нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и — à la ligne прощальнымъ взоромъ и пр. Теперь я согласенъ въ томъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ; да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce — обнимаю тебя съ надеждой и благодарностію.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье[3] и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ, право, добрый малый, изрядный авторъ и отличный сводникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ же родѣ. Здѣсь Стурдза монархическій;[4] я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеронъ увѣряетъ меня qu' il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ и поѣхалъ въ

Содомъ-Кишиневъ, гдѣ, думаю, будетъ вице-губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ. — *А. П.*

Замѣчанія твои на счетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ. Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его—прелесть. Кстати объ эпиграфахъ: знаешь ли эпиграфъ Кавказскаго Плѣнника?

Подъ бурей рока — твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти — легкій листъ [5].

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои четыре стиха я бы отдалъ три четверти своей поэмы. Addio.

---

48. **Неизвѣстному лицу** (черновое). (Одесса, 22 октября). — Je réponds à votre P. S., comme à ce qui intéresse surtout votre vanité. Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là. M. S. n'est pas encore de retour à Odessa; je n'ai donc pas encore pu faire usage de votre lettre. Comme ma passion a baissé de beaucoup et qu'en attendant je suis amoureux ailleurs, j'ai réfléchi, c'est à dire que je ne montrerai pas votre épitre à M-de S., comme j'en avais d'abord l'intention, en ne lui cachant ce que jetait sur vous l'intérêt d'un caractère byronique, et voici ce que je me suis proposé. Votre lettre ne sera que citée avec les restrictions convenables. En revanche j'y ai préparé tout au long une belle réforme dans laquelle je me donne sur vous tout autant d'avantage que vous en avez pris sur moi dans votre lettre. J'y commence par vous dire: je ne suis pas votre dupe, aimable Job. Je vois votre vanité et votre passion à travers l'affectation de votre cynisme etc. Le reste dans le même genre. Croyez que ça fasse de l'effet. Mais comme vous êtes toujours mon maître en fait de morale, je vous demande pour tout cela votre permission et surtout vos conseils. Mais dépêchez vous, car on arrive. J'ai eu de vos nouvelles. Votre frère m'a dit que Atala Hansky vous avait rendu fat et ennuyeux. Mais votre dernière lettre n'est pas ennuyeuse. Je souhaite que la mienne puisse un moment vous distraire dans vos douleurs. M-r votre oncle qui est un cochon, comme vous savez, a été ici, a brouillé tout le monde et s'est brouillé avec tout le monde. Je lui prépare une fameuse lettre en sous-accord № 2, mais cette fois-ci il aura de g. j. f., afin qu'il soit du secret comme tout

le monde et qu'il soit le seul à ne pas comprendre ce qu'on veut lui dire.

Octobre 22, 1823. Odessa.

---

49. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Одесса, 4 ноября). — Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма[1]. Я выбросилъ то, что̀ цензура выбросила бы и безъ меня, и то, что́ не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай; да сдѣлай милость, не уступай этой сукѣ-цензурѣ, отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе.[2] Кромѣ тебя, у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы. Прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣдѣнія, разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ. Посмотри также въ Путешествіи Апостола-Муравьева[3] статью Бахчисарай, выпиши изъ нея что́ посноснѣе, да заворожи все это своею прозою, богатою наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу трауръ. Полно, не воскреснетъ ли она? Что́ тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чинъ чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. О печати и думать нечего: пишу, спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать; а если брать, такъ брать; не то, что и когтей марать. Новое изданіе очень мило. Съ Богомъ, милый ангелъ или аггелъ Асмодей.

Вообрази, что я еще не читалъ твоей статьи, побѣдившей цензуру? Вотъ каково жить по-азіатски, не читая журналовъ. Одесса городъ европейскій — вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не видать. — *А. П.*

Василью Львовичу дядѣ кланяюсь и пишу на дняхъ.

---

50. **Ему-же.** (Одесса, ноябрь). — Конечно, ты правъ, и вотъ тебѣ перемѣны. Язвительныя лобзанія. Поставь пронзительныхъ. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ, что моя грузинка кусается, и это непремѣнно должно быть

извѣстно публикѣ. Хладнаго скопца уничтожаю изъ уваженія къ давней дѣвственности Александра Павловича.

Не зритъ лица его гаремъ,
Тамъ...
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ[1]; онъ говоритъ въ своей „Тавридѣ": Подъ стражею скопцовъ гарема. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому же я желалъ бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя...

Если найдешь удачную перемѣну, то подари меня ею; если-жь нѣтъ, оставь такъ. Равна грузинка красотою; но инка кр... а слово грузинка тутъ необходимо. Впрочемъ, дѣлай что́ хочешь.

Апостолъ написалъ свое Путешествіе по Крыму; оно печатается. Впрочемъ, ожидать его нѣчего.

Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чаадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны![2] Посылаю Разбойниковъ.

Какъ бишь у меня? Вперялъ онъ неподвижный взоръ: поставь любопытный, а стихъ все-таки калмыцкій.

---

51. **Ему-же.** (Одесса, 11 ноября). — Вотъ тебѣ и Разбойники. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей — мною не выдуманы. Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Шильонскаго Узника. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно; отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года.

---

52. **Барону А. А. Дельвигу.** (Одесса, 16 ноября). — Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейскою; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней мѣрѣ, слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ, я живу по-азіатски, не читая вашихъ журналовъ. На дняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты, — прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей[1]. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа — и украшу цвѣтами свой шалашъ — хоть Бируковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ. — Сатира къ Гнѣдичу мнѣ не нравится, даромъ что стихи прекрасные; въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный непростительно. Просвѣщенному ли человѣку, русскому ли сатирику пристало смѣяться надъ независимостью писателя? Это шутка, достойная коллежскаго совѣтника Измайлова[2]. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ религіи и правительства: я полу-Хвостовъ[3] — люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана — онъ на дняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до-нѣльзя[4]. Бируковъ ея не увидитъ, за то что онъ фи — дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда мы и прочитаемъ ее вмѣстѣ — скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Если бъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія. — Правда ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и италіанская опера? — Боже мой! это представители рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти. — *А. П.*

16 ноября.

Вели прислать мнѣ нѣмецкаго Плѣнника[5].

---

53. **Неизвѣстнымъ дамамъ** въ Кишиневѣ (черновое). (Одесса, ноябрь). — Oui, sans doute, je l'ai devinée, les deux femmes charmantes qui ont daigné se ressouvenir de l'hermite

d'Odessa, ci-devant hermite de Kichineff. J'ai baisé mille fois ces lignes qui m'ont rappelé tant de folies, de tourments, d'ésprit, de grâce, de mazourka etc. Mon Dieu, que vous êtes cruelle, madame, de croire que je puis m'amuser là où je ne puis ni vous rencontrer, ni vous oublier. Hélas, aimable Maïguine, loin de vous, tout malaisé, tout maussade, mes facultés s'anéantissent. J'ai perdu jusqu'au talent des carricatures, quoique la femme du pr. Mourouzi soit si bien digne d'en inspirer. Je n'ai qu'une idée, celle de revenir encore à vos pieds et de vous consacrer, comme le disait un bon homme de poète, le petit bout de moi qui me reste. Vous rappelez-vous de la correction que vous avez fait dans le temps? Mon Dieu, si vous la répétiez ici! Mais est-il vrai que vous comptez venir à Odessa? Venez au nom du ciel. Nous avons, pour vous attirer, bal, opéra italien, soirées, concerts, sigisbées, soupirants, tout ce qui vous plaira. Je contreferai le singe et je vous dessinerai m-me de Woronzof dans les 8 postures de l'Arétin.

A propos de l'Arétin, je vous dirai que je suis devenu chaste et vertueux, c'est à dire en parole; car ma conduite a toujours été telle. C'est un véritable plaisir de me voir et de m'entendre parler. Cela vous engagera-t-il à presser votre arrivée? Encore une fois, venez au nom du ciel et pardonnez moi des libertés avec lesquelles j'écris à celle qui a trop d'ésprit pour être prude, mais que j'aime et que je respecte.

Quant à vous, charmante boudeuse, dont l'écriture m'a fait palpiter (quoique par grand hazard elle ne fut point contrepointée), ne dites pas que vous connaissez mon caractère; vous ne m'eussiez pas affligé en faisant semblant de douter de mon dévouement et de mes regrets.

S. qui passait pour avoir des goûts antiphysiques à passer un fil par le bout d'une aiguille... A. dit de lui qu'il exhalait partout où il passait de patience et de la...

---

54. **А. И. Тургеневу.** (Одесса, 1 декабря). — Вы помните Кипренскаго[1], который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ „Сынѣ Отечества“ поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе, и дружеское попеченіе, которому я обязанъ перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и невольнаго европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, если-бъ не отсутствіе кой-кого.

Когда мы свидимся, вы не узнаете меня: я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежня живость,
Простите-жь иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе... Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Кстати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. [Наполеона]. Она не хороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренный
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ —
Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Ты русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года. Впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся и написалъ на-дняхъ подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа І. Х.

(Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя).
Свободы сѣятель пустынный, и пр. (см. I, 344).

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня на счетъ Н. М. и К. А. Карамзи-

ныхъ. Но что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, анти-польская, небесная княгиня Голицына[2]? Возможно ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ!

Жуковскому грѣхъ: чѣмъ же я хуже принцессы Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ три года не напишетъ[3]. Правда ли, что онъ переводитъ „Гяура“? А я на досугѣ пишу новую поэму Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ пѣсни уже готовы.

---

55. **И. Н. Инзову** (? черновое). (Одесса, послѣ 8 декабря). — Je vous envoye, général, les 360 roubles que je vous dois depuis si longtemps. Veuillez recevoir mes remerciements. Quant aux excuses, je n'ai pas le courage de vous en faire. Je suis confus et humilié de n'avoir pu jusqu'à présent vous passer cette dette. La faute est que je me crévais de misère.

Agréez, général, l'assurance de mon profond respect.

---

56. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Одесса, 20 декабря).—

Какая бъ ни была вина.

Такъ и у меня начерно.

Символъ, конечно, дерзновенный
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute. Symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенья: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они aux Saumaises futurs préparent des tortures[1].

Я бы хотѣлъ узнать, нельзя ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нея тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ[2]? Его превосходительство могъ бы мнѣ аукнуть. Я жду Полярной Звѣзды въ надеждѣ видѣть тебя разпечатнаго. Что журналъ Анахарсиса-Клоца Кюх.[3]? Рисунокъ съ Фонтана оставимъ до другого изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

20 декабря.

Ты, кажется, собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьѣ Потоцкой, это

дѣло другое. Впрочемъ, въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ[4] болѣе моего не замѣтитъ. Что, если бъ ты заѣхалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ. Пріѣзжай, ей-Богу веселѣе здѣсь, чѣмъ у васъ на сѣверѣ!

---

57. **Ф. Ф. Вигелю.** (Одесса, декабрь; черновое).

Проклятый городъ Кишиневъ!
Тебя бранить — языкъ устанетъ!
Когда-нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ —
И не найдутъ твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ, пламенѣя,
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варѳоломея.[1]
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ;
Не только съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю.
Я слишкомъ съ Библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ;
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ,
Но только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И красотою стройныхъ дѣвъ;
Мнѣ жаль, что пламенемъ, громами
Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
. . . . . .
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человѣкъ
Провелъ бы тамъ свой мирный вѣкъ.
Но въ Кишиневѣ, видишь самъ,
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣю о твоей судьбѣ;
Не знаю, придутъ ли къ тебѣ
Подъ вечеръ милыхъ три красавца.
На всякій случай, милый другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь я...
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозою, душою,
Но, Вигель, пощади мой . . . . .

Это стихи, слѣдственно, шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ скучалъ я три года. Желаю васъ разсѣять хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ З**,

думаю годенъ къ употребленію въ пользу собственно меньшой (Note). Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ братомъ Михайломъ и ... сутъ немилосердно. Изъ этого можете вывести важныя заключенія. Предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ, какъ вы и замѣтили, глупъ какъ ар...рейскій жезлъ, Ванька — б....нъ, слѣдственно чортъ съ ними. Обнимите ихъ дружески отъ меня, и сестру также; и скажите имъ, что Пушкинъ цѣлуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній. Пульхеріи Варѳоломей объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду надняхъ экзекуторъ и камергеръ, въ подражаніе другу Завальевскому[1]. Полторацкимъ поклонъ и старая дружба. Алексѣеву тоже и еще что нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодно, грязно. Обѣдаемъ славно. Я пью, какъ Лотъ Содомскій и жалѣю, что не имѣю ни одной дочки. Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки: всѣ перепились и потомъ поѣхали по ... амъ...

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

58. **Н. И. Кривцову.** (Одесса, декабрь). — Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года. Всѣ мы разбрелись, всѣ мы перемѣнились. А дружба, дружба —

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

59. **А. Н. Раевскому.** (? Черновое). — Константинопольскіе нищіе, карманные воришки (coupeurs des bourses), бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ — вотъ что они. Они составили бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о ихъ полномъ

ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, никакого понятія о чести, никакого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда разсказы ихъ должны были бы интересовать каждаго европейца. Французы и русскіе, которые здѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполнѣ ими заслуженнаго; да они все и переносятъ, даже палочные удары, съ хладнокровіемъ, достойнымъ Ѳемистокла. Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (misérables) выпала священная обязанность быть защитниками свободы.

---

60. **А. А. Шишкову.** (Одесса, 1823—24).—Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: „Милостивый государь", „лестное наше знакомство", „честь имѣю", „покорнѣйшій слуга",—такъ что я и не узналъ моего царскосельскаго товарища. Если заблагоразсудишь писать ко мнѣ, впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ, не то мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ: могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничать, и въ язычки постучать. Впрочемъ, судьба наша, кажется, одинакова, и родились мы, видно, подъ однимъ созвѣздіемъ. Пишетъ ли къ тебѣ общій нашъ пріятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ знаетъ почему. Помири насъ.

Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ снѣгами Эльбруса, подъ тифлисскими виноградниками? Если у тебя есть что-нибудь, пришли мнѣ—право, сердцу хочется! Обнимаю тебя; письмо мое безтолково, да некогда мнѣ быть толковѣе.—*А. Пушкинъ.*

Недавно я узналъ, что ты знакомъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу[1]. Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами—любить тебя есть ему время, а писать къ тебѣ—наврядъ.

1824.

61. **Л. С. Пушкину.** (Одесса, январь).—Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевскій здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; зачѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ

повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись — а иначе, Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его министровъ, и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то въ Зимнемъ Дворцѣ, что напротивъ Петропавловской крѣпости, не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпёжъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы[1]! Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льститъ какому нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю — я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лекарь моритъ — за деньги, за деньги, за деньги — таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что „Бахчисарайскій Фонтанъ“ у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! Остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный — тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица — поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, и долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола.[1] Душа моя, меня тошнитъ съ досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть? Кстати о гадости — читалъ я „Ѳедору“ Лобанова[2] — хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось изъ рукъ — и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина! Voulez-vous découvrir la trace de ses pas —

надѣешься найти
Тезея жаркій слѣдъ, иль темные пути —

М... его въ риѳму! вотъ какъ все переведено. А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи? Планъ и характеръ „Федры“ — верхъ глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи: Тезей не что иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Ипполитъ, le superbe, le fier Hippolyte — et même un peu fa-

rouche, Ипполитъ, суровый скиѳскій выб..., — не что иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду — и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица — сравни его съ рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой, — увидишь разницу умовъ. А Тераменъ, аббатъ и сводникъ — Vous-même où seriez vous, etc... — вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь: „Войнаровскій" полонъ жизни[3]. Что Кюхля? Дельвигу буду писать; но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева „Олега Вѣщаго" и напечаталъ. Можетъ быть, я ему пришлю отрывки изъ „Онѣгина"; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его — онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не расчухалъ.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

62. **А. А. Бестужеву.** (Одесса, 12 января). — Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла бы смысла. Великая важность! а какой же смыслъ имѣетъ — Какъ ясной влагою полубогиня грудь вздымала или: Съ болѣзнью и тоской твои глаза? и проч.[1] Я давно уже не сержусь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забалтываться стихами и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности! Это простительно Воейкову, но et tu autem Brute?[2]

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомыслiе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ, и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы и обнимаю тебя, sans rancune и съ благодарностію за все

остальное — прозу и стихи. Ты — все ты, т. е. милъ, живъ, уменъ; Баратынскій — прелесть и чудо. Признаніе — совершенство[3]! Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ — молодецъ. Я буду ему писать. Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость... пощади! Прощай, мой милый Walter. Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ, и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, но какъ поэта я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости.—*А. Пушкинъ.*

1824, янв. 12 Одесса..

[Адресъ: Его высокобл. Николаю Ивановичу Гречу, въ Спбгѣ, въ газетной экспедиціи, прошу доставить г. Бестужеву].

---

63. **Ѳ. В. Булгарину.** (Одесса, 1 февраля).—Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ „Листкахъ“ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

Одесса, 1-го февраля 1824.

---

64. **А. А. Бестужеву.** (Одесса, 8 февраля).—Ты не получилъ, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти въ Полярной Звѣздѣ[1] скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ славный малый и много обѣщаетъ, но зачѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго вниманія, милостивый государь NN, и ожидаетъ одобрительной улыбки прекраснаго пола для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгаринъ говоритъ, что Николай Бестужевъ отличается новостію мыслей; можно бы съ бо́льшимъ уваженіемъ употреблять слово мысли[2].

Арабская сказка — прелесть[3]. Совѣтую тебѣ держать за воротъ этого Сенковскаго. Между поэтами не вижу

Гнѣдича — это досадно; нѣтъ и Языкова — и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову. „Вчера люблю и мыслю“ помѣстятъ современемъ въ грамматику для примѣра безсмыслицы[4]. Плетнева Родина хороша; Баратынскій — чудо; мои пьесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана — не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.[5]

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны.

Третій пунктъ, и самый нужный, съ эпиграфомъ: безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва ли наберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому же, я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ. — Объ моей поэмѣ нечего и думать[6]. Если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ.

Прощай, поклонъ Рылѣеву, обними Дельвига, брата и братью.[7]

8 февраля 1824.

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Николаю Ивановичу Гречу въ Спбгѣ. Въ газетной экспедиціи. Прошу доставить господину Бестужеву].

— —

65. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Одесса, 8 марта). — Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не зачѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булгарина: это лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. Жизни Дмитріева[1] еще не видалъ; но, милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты по непростительному пристрастію судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ посланій, а все прочее — перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то назвалъ le poëte de notre civilisation. Быть такъ, но хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе, что такое: въ началѣ лѣта и недорого. Левъ Нарышкинъ, съ которымъ я ужь объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужіе края въ началѣ лѣта. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 500 р. въ мѣсяцъ, а дачу не очень помню за сколько. Я бы совѣтовалъ тебѣ для дѣтей нанять дачу, потому что въ городѣ пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочемъ, твоего слишкомъ дорого не понимаю: ты деньги всѣ вѣдь истратишь, если не на то, такъ на другое. Жду отвѣта. Сергѣя Волконскаго здѣсь еще нѣтъ.

8 марта 1824. Одесса.

---

66. **Неизвѣстному лицу въ Москвѣ.** (Одесса, половина марта). — . . . Читая Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю? — Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе всего правдоподобная . . . . . .

---

67. **Л. С. Пушкину.** (Одесса, 1 апрѣля). — Вотъ что пишетъ ко мнѣ Вяземскій:

„Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой „Фонтанъ“ еще до напечатанія. На что это похоже? и въ Петербургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него — кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю“, и проч.

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ — да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышомъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ: слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ „Фонтанъ“ расходится — или запишусь въ гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова — какъ можно печатать партикулярныя письма — мало ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ, а имъ все и печатать — это разбой[1]; рѣшено: прерываю со всѣми переписку — не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня — мнѣ все равно — ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю наравнѣ съ книгопродавцами — пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ.

1-го апрѣля 1824.

Письмо это доставитъ тебя Сенявинъ[2], адъютантъ гр. Воронцова, славнѣйшій малый, мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь. — Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенный счетъ, да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки — денегъ не шлете — а подрываете мой книжный торгъ — куда хорошо!

[*Адресъ на оборотѣ:* Льву Сергѣевичу Пушкину, у Обуховскаго мосту, въ домѣ Полторацкаго].

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

68. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Одесса, 1—2 апрѣля).— Сейчасъ возвратился изъ Кишинева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю, какъ тебя благодарить. Разговоръ[1] — прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ

твой чудесно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и Жизнь Дмитріева. Все, что въ ней разсужденіе, — прекрасно. Но эта статья — tour de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну. Тогда du choc des opinions jaillira de l'argent[1]. Знаешь ли что? Твой Разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ передъ Евангеліемъ и святымъ причастіемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Вас. Льв. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной[3], да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара[4]? — Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія; на Благонамѣренный сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?! Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Слѣнинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь! Да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ. А я думалъ, что это ошибка географовъ. Дѣло стало за цензурой; а я не шучу, потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости, мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи ... Какъ бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ. Буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая.[5] Каковъ Булгаринъ и вся братія! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа; да пришли мнѣ денегъ. Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи. — Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣритъ, да мнѣ не вѣрится.

———

69. **А. И. Казначееву.** (Одесса, 25 мая). — Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, не знаю, въ правѣ ли отозваться на предписаніе его сіятельства. Какъ бы то ни было, на-

дѣюсь на вашу снисходительность и пріемлю смѣлость объясниться откровенно на счетъ моего положенія.

Семь лѣтъ я службою не занимался, не писалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога, не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риѳмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка;—оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишить ни того, ни другого.

Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или въ Петербургѣ можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова, такъ же какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если бы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другого начальника, кромѣ его сіятельства, но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку—я готовъ, но чувствую, что, перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ ужь восемь лѣтъ я ношу съ собою смерть ... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится?

Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и сердечную преданность.

70. **Ему же.** (Черновое. Одесса, іюнь). — Je suis bien faché que mon congé vous ait fait tant de peine, et l'affection que vous m'en témoignez me touche sincèrement. Quant aux craintes que vous avez relativement aux suites que ce congé peut avoir, je ne les vois pas fondées. Que regretterai-je? est-ce ma carrière manquée? C'est une idée à laquelle j'ai eu le temps de me résigner. Sont-ce mes appointements? Je n'ignore pas qu'avec mon manque de fortune et mon peu de moyens je ne puis pas les dédaigner. Mais puisque mes occupations littéraires peuvent me procurer plus d'argent que le service, il est tout naturel de leur sacrifier les occupations de mon service. Vous me parlez de protection et d'amitié,—deux choses à mon sens incompatibles. Je ne puis ni ne veux prétendre à l'amitié du comte Woronzow, encore moins à sa protection: j'estime trop cet homme pour vouloir m'abaisser devant lui, et rien que je sache ne dégrade plus que le patronage ... J'ai des préjugés démocratiques qui vaillent bien les préjugés aristocratiques.

Je n'aspire qu'a l'indépendance (pardonnez-moi le mot en faveur de la chose); à force de courage et de persévérance, je finirai par en jouir. J'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce. Je ne conçois pas la consternation de mes amis (je ne sais pas trop ce que c'est que mes amis). Je suis fatigué de dépendre de la digestion bonne ou mauvaise de tel ou tel chef; je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais qui vient promener parmi nous sa platitude, sa nonchalance et son baragouin.

Il n'y a pas de doute que le comte Woronzow, qui est un homme d'esprit, saura me donner le tort dans l'opinion du public—triomphe très flatteur et dont je le laisserai jouir tout à son gré, vu que je me soucie tout autant de l'admiration de nos journaux.

---

71. **Л. С. Пушкину.** (Одесса, 13 іюня).—Ты спрашиваешь моего мнѣнія насчетъ булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что-нибудь о „Сѣверныхъ Цвѣтахъ"—выйдутъ ли и когда выйдутъ? Съ пере-

мѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры[1]. А жаль ... la coupe était pleine. Бируковъ и Красовскій не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ ли онъ Бахчисарайскій Фонтанъ изъ уваженія къ святынѣ академическаго словаря и неблазно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іудаарзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью „Онѣгина". Авось пролѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ „Онѣгинѣ"—скучно, душа моя. Въ другой разъ когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу: хлопоты другого рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская[2], добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ „Кавказскаго Плѣнника" за 2000 р., кому бишь? Вотъ перемѣны:

И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онъ любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ — и упоительнымъ. Не много ... ей дней—ночей—ради Бога. Прощай.

[По бокамъ, письма черновой набросокъ строфы изъ „Онѣгина": „Я помню море предъ грозою", 1, 33. Адресъ: Мил. гос. Л. С. Пушкину. Въ С.-Петерб., у Обухов. моста, въ д. Полторацкаго. Штемпель: „Одесса, 13-го іюня 1824". Свѣрено съ подлинникомъ].

---

72. **Князю П. А. Вяземскому.** (Одесса, 13—14 іюня). — Я ждалъ отъѣзда Трубецкого, чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того, что́ всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась со моей стороны просьбою въ отставку. Но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвѣстно. Покамѣстъ не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ кн. Вѣрѣ вижу, что и тебѣ кюхельбекерно и тошно. Тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чильдъ-Гарольда. Первыя двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась.

Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ — пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child-Harold, Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна, но мнѣ не по силамъ. Грецiя мнѣ огадила. О судьбѣ грековъ позволено разсуждать, какъ о судьбѣ моей братiи негровъ. Можно тѣмъ и другимъ желать освобожденiя отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскiе народы бредили Грецiей—это непростительное ребячество. Iезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящiй изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣнiе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтiада, и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что́ писалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child-Harold, тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣнiе Фовеля, французскаго консула, помнится, въ Смирнѣ[1]. Обѣщаю тебѣ, однакожь, вирши на смерть его превосходительства.

Хотѣлось бы мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что́ ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозицiя русская, составившаяся, благодаря Русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣнiе, которое я исподтишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь, какъ позволятъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ. Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ. Еще слово. Я позволилъ брату продать второе изданiе Кавказскаго Плѣнника. Деньги были нужны, а (какъ я говорилъ) 3-е изданiе отъ насъ не уйдетъ. Да ты пакостишь со мною: даришь меня и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ. Ты вздорный издатель; а Гнѣдичъ, хотя и невыгодный пріятель, за то ужь копѣйки не подаритъ и смирно себѣ сидитъ, не бранясь ни съ Каченовскимъ, ни съ Дмитрiевымъ. — *А. П.*

Пришли же и ты мнѣ стиховъ.

73. **А. А. Бестужеву.** (Одесса, 29 іюня). — Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая, что я сердитъ на тебя—лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на твое послѣднее письмо (другого я не получалъ). Булгаринъ — другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюбленному безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно ли вывѣшивать на показъ мокрыя свои простыни? Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней „Звѣздѣ", напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.—Чортъ дернулъ меня написать еще некстати о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки и припоминать тутъ же элегическую мою красавицу. — Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными![1] Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что жь она подумаетъ, видя, съ какою охотою бесѣдую объ ней съ „однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей"? Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ? Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики ... Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться), что Булгаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепискою двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто жь будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? Хороши! Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гете, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобы ихъ стравить, поддразнить, или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду[2].

Онѣгинъ мой растетъ, да чортъ его напечатаетъ.—Я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ, но вижу, что и при старомъ по-старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ, то я никакъ его не дамъ, если не пропустятъ грезъ и харчевни (скоты! скоты! скоты!), а попа—къ чорту его!

Кончу дружеской коммисіей — постарайся увидѣть Ни-

киту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ.—Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. асс. Нынѣ за ту же цѣну хочетъ у него ихъ купить.—Согласится ли Аристиппъ Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо.—Мужайся, дай отвѣтъ скорѣй, какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова.

29 іюня 1824. Одесса.

---

74. **Н. В. Всеволожскому.** (Черновое. Одесса, іюнь.)—Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій, — ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою столько веселыхъ ночей,—Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго, и влюбленнаго, но всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ и неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей, того Пушкина, который отрезвилъ тебя въ страстную пятницу и привелъ подъ руку въ церковь театральной дирекціи, да помолишься Господу Богу и насмотришься на госпожу Овошникову ... Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь ли ты, что я тебѣ полу-продалъ, полу-проигралъ рукопись своихъ стихотвореній, ибо знаешь ... родитъ задоръ ... Я раскаялся, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стиховъ; большая часть оныхъ ниже посредственности, годится только на ...; нѣкоторые хочется мнѣ спасти. Царь не боится свободы. Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту же цѣну— 1000 р. (я знаю, что ты со мной торговаться не станешь, даромъ же взять не захочу). Деньги тебѣ доставлю съ благодарностью, какъ скоро выручу ... Надѣюсь, что мои стихи у Смирдина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя ... обнимаю и прошу ... когда же свидимся ... когда ...

---

75. **А. Н. Раевскому.** (? черновое).—(Одесса, іюнь).—Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованы, но что̀ бъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ

вѣрить, чтобы когда - нибудь сердце мое недоброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторяю и здѣсь то, что случалось мнѣ говорить касательно грековъ.

[Оставленъ пробѣлъ].

Исключительные люди по большей части самолюбивы, легкомысленны, невѣжественны, упрямы; старая истина, которую все-таки не худо повторять. Они не терпятъ противорѣчія, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость, а однажды къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ ней разстаться.

Когда что-нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столько же, сколько единодушіе его поддерживаетъ. Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничего еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы ...

---

76. **А. И. Тургеневу.** (Одесса, 14 іюля). — Вы ужь узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣньемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ? Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ что-то другое. Старичокъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина; правда,—но за то добрый мистикъ въ то же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною объ Гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ ли бы меня подъ арестъ, но ужь вѣрно не пришелъ бы ко мнѣ толковать о конституціи Кортесовъ. Удалюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь риѳмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю, пустятъ ли этого бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на

всякой случай, попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала бы меня вполнѣ, если бы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва ли можетъ оную вознаградить. Простите, милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью, то изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то-есть весьма немногихъ—цѣлую руку К. А. Карамзиной и княгинѣ Голицыной constitutionelle ou anti-constitutionelle, mais toujours adorable comme la liberté!—*A. II.*

14 Juillet.

---

77. **Князю П. А. Вяземскому.** (Одесса, 15 іюля).— За что ты меня бранишь въ письмахъ къ твоей женѣ? За отставку, т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Пріѣдешь ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь ли ты съ здѣшними властями? Это вопросъ, на который отвѣчать мнѣ не хочется, хоть и можно бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда. Жду его съ нетерпѣніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Что́ онъ не отвѣчаетъ на мое письмо? Далъ ли ты ему Разбойниковъ для Мнемозины? Я бы и изъ Онѣгина переслалъ бы что-нибудь, да нельзя: все заклеймено печатью отверженія. Я было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣнника, но плутня Ольдекопа мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Плѣнника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи по законамъ[1]. Прощай, моя радость. Благослови, преосвященный владыко Асмодей.

15 іюля.

---

78. **И. С. Зеновичу.** (8 августа).— Александръ Пушкинъ сердечно благодаритъ Игнатія Семеновича Зеновича за его заочное гостепріимство. Онъ оставляетъ его домъ, искренно сожалѣя, что не имѣлъ счастія познакомиться съ почтеннымъ хозяиномъ.

8 августа 1824.

---

79. **И. М. Рокотову.** (Михайловское, августъ или сентябрь) — Monsieur, je me serais fait un devoir de vous envoyer ma calèche, mais pour le moment je n'ai pas de che-

vaux à ma disposition. Si vous voulez bien l'envoyer chercher, elle est à vos ordres. Si Monsieur votre frère me faisait l'honneur de passer chez moi, j'aurais été enchanté de le recevoir et de renouveler une connaissance aussi aimable.

Quand à ce qui regarde le prix, j'aurais voulu la vendre, comme j'ai eu l'honneur de vous le dire, pour 1500.

Au reste je m'en rapporterai absolument à la décision de Monsieur votre frère.

Agréez les assurances du respect le plus profond et la considération la plus parfaite—Monsieur, votre très-humble et obéissant serviteur — *Alexandre Pouchkine.*

Mercredi.

P. S. Mon père vous présente ses respects. Il espère la prochaine fois avoir la double satisfaction de recevoir à Михайловское vous et Monsieur votre frère.

---

80. **А. Н. Вульфу.** (Михайловское, 20 сентября). —

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой—
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловской прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ . :
Что ? — бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ же — молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, то пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны. До свиданья, мой милый.—*А. П.*

[Приписка Анны Николаевны Вульфъ]: „Александръ Сергѣевичъ вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ; онъ давно сбирается писать къ тебѣ и къ Языкову; но я думала, что это будетъ только на словахъ.—Пожалуйста, отдай тутъ вложенное письмо къ Языкову и, ежели можешь, употреби все стараніе уговорить его,

чтобъ онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покамѣстъ пожалуйста отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе. Сегодня я тебѣ писать много не могу. Пушкины оба у насъ, и теперь я пользуюсь временемъ, какъ они ушли въ баню. Я надѣюсь, что твое безпокойство насчетъ А. П. кончилось. Пожалуйста, моя душа, ежели можешь, пришли мнѣ книгъ. Я боюсь тебѣ надоѣсть съ этой просьбой, но такъ и быть, полагаюсь на твою братскую дружбу. Прощай, моя радость; съ нетерпѣніемъ будемъ мы ожидать твоего отвѣта; не, забывай тебѣ душой преданную Анну Вульфъ.—Сентября 20, 1824 года.—Левъ тебя цѣлуетъ".]

[Адресъ: „Его благородію милостивому государю Алексѣю Николаевичу Вульфу въ гор. Дерптъ".]

---

81. **П. А. Плетневу.** (Михайловское, сентябрь — октябрь; черновое). —

Ты издалъ дядю моего,
Творца Опаснаго Сосѣда,—
Достоинъ очень онъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ;
Когда ты будешь свой издатель
[Но ради Феба, мой . . . .].

Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Созови мой ареопагъ: ты, Жуковскій, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвигъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностію приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго; говорятъ, онъ . . .

[Свѣрено съ подлинникомъ.]

---

82. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 10 октября).—Мой милый, наконецъ ты подалъ голосъ.—Дѣловую записку твою получилъ исправно—вотъ тебѣ отвѣтъ. Ольдекопъ укралъ и совралъ. Отецъ мой никакой сдѣлки съ нимъ не имѣлъ. Довѣренность я бы тебѣ переслалъ, но погоди; гербовая бумага въ городѣ, должно взять какое-то свидѣтельство въ городѣ — а я въ глухой деревнѣ. Если можно безъ нея обойтись, то начни дѣйствія, единственный дѣятельный другъ. По письму дяди вижу, что княгиня Вѣра Ѳедоровна къ тебѣ пріѣхала; ты ничѣмъ не достоинъ своей жены (развѣ стихами, да и тѣхъ уже не пишешь). Немедленно буду къ ней писать; я все хотѣлъ навѣрное знать мѣсто ея пребыванія. En attendant mettez-moi à ses pieds et dites-lui qu'elle est une âme charmante. О своемъ житьѣ и бытьѣ ничего не скажу. Скучно, вотъ и все.

Каковъ Воронцовъ?

Полу-герой, полу-невѣжда,
Къ тому жь еще полу-подлецъ! . .
Но тутъ, однако жь, есть надежда,
Что полный будетъ наконецъ. [1]

Кстати о стихахъ: сегодня кончилъ я поэму Цыганы. Не знаю, что объ ней сказать.—Она покамѣстъ мнѣ опротивѣла, только что кончилъ и не успѣлъ обмыть запрѣвшія ... Посылаю тебѣ маленькое поминаньице за упокой души раба Божія Байрона. Я было и цѣлую панихиду затѣялъ, да скучно писать про себя—или справляясь въ умѣ съ таблицею умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго.— Братъ Лайонъ тебѣ кланяется. — Пришли мнѣ стиховъ, умираю, скучно.

10 октября 1824.

---

83. **Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.** (Черновое. Михайловское, конецъ октября). — Belle et bonne princesse Véra, aussi charmante et généreuse, je dois vous remercier pour votre lettre; les paroles seraient trop froides et trop faibles pour vous exposer mon attendrissement et ma reconnaissance. Votre douce amitié suffirait à toute âme moins égoïste que la mienne. Tel que je suis, elle seule me console de bien des chagrins et seule a pu diminuer la rage de l'ennui qui consume ma sotte existence. Vous devez la connaître, cette sotte existence. Ce que j'avais prévu s'est trouvé vrai. Ma présence au milieu de ma famille n'a fait que redoubler des chagrins assez cruels. Le gouvernement a eu l'infamie de proposer à mon père d'être son agent de persécution. On m'y reproche mon éxil, on se croit d'être entrainé dans mon malheur, on prétend que je prêche l'athéisme à ma soeur qui est une créature céleste, et à mon frère qui est très-drôle et très-jeune, qui admirait mes vers et que j'ennuie très-certainement. Mon père a eu la faiblesse d'accepter un emploi qui le met dans tous les cas dans une fausse position à mon égard. Cela fait que je passe à cheval et dans les champs tout le temps que je ne suis pas au lit. Tout ce que me rappelle la mer m'attriste, le bruit d'une fontaine me fait mal à la lettre; je crois qu'un bon ciel me ferait pleurer de rage. Но — слава à Dieu — небо у насъ сивое, а луна — точно рѣпа.

A l'égard de mes voisins, je n'ai eu que la peine de les rebuter d'abord [1]. Ils ne m'excèdent pas; je jouis parmi eux d'une réputation d'Onéguine, et voilà qué je suis prophète en mon pays ...

Pour toute ressource je vois souvent bonne vieille voisine, j'écoute ses conversations patriarchales. Ses filles, assez mau-

vaises ... sous tous les rapports, me jouent de Rossini que j'ai fait venir. Je suis dans la meilleure position possible pour achever mon roman poétique, mais l'ennui est une froide Muse, et le poème n'avance guère; voilà pourtant une strophe que je vous dois; montrez-la au prince Pierre; dites-lui de ne pas juger du tout par cet échantillon.

Adieu, ma respectable princesse, je suis à vos pieds bien tristement. Ne montrez cette lettre qu'à ceux que j'aime et qui prennent à moi l'intérêt de l'amitié et non de la curiosité. Au nom du ciel, un mot d'Odessa, de vos enfants! Avez-vous consulté le docteur de Miré? Que fait-il, и что М...

[Адресъ: Покорнѣйше прошу доставить ея сіятельству княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Вяземской.]

---

84. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, конецъ октября).— Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику Кавказскаго Плѣнника (спросить у Греча)? Да книгъ, ради Бога, книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ альманаховъ, то скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и „Талію" Булгарина.[1] Кстати о таліи: надняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіей [Вульфъ], и таліи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талію 15-тилѣтней дѣвушки, или она — талію 25-тилѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь,—надоѣла! Еще коммисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ[2]. Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что „Онѣгинъ"? Перемѣни стихъ: звонокъ раздался — поставь: „швейцара мимо онъ стрѣлой". Въ „Разговорѣ", послѣ: Искалъ вниманье красоты — нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Фонъ-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русской, изъ перерусскихъ русской. Здѣсь слышно, будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонятъ меня отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ. Я не прошу отъ

правительства полумилостей; это была бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и несправедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ бы то ни было, не желаю быть въ Петербургѣ, и вѣрно нога моя дома ужь не будетъ. Сестру цѣлую очень. Друзей моихъ также — тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! les Conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи.—Прощай, моя радость. Что жь чухонка Баратынскаго? [3] Я жду.

[Свѣрено съ подлинникомъ.]

---

85. **Б. А. Адеркасу.** (Михайловское, октябрь). — Милостивый государь Борисъ Александровичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства.

---

86. **В. А. Жуковскому.** (Михайловское, 31 октября). — Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче, — быть моимъ шпіономъ. [1] Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца

не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова ... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ ...

Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... Потомъ, — что хотѣлъ бить!...

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ — спаси меня. — *А. П.*

31 октября.

Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi.

P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговаривала меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

---

87. **Л. С. Пушкину.** (Тригорское, въ началѣ ноября.) — Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Annette очень смѣшна; сестра разскажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ; я ревную и браню тебя — скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ, ему извѣстныхъ — я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы — и ты, душа, держи языкъ на привязи.

Видѣлъ ли ты всѣхъ святыхъ? Шумитъ ли Питеръ? Что твой пріѣздъ и что Онѣгинъ?

NB. Пришли мнѣ: 1. Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc. — найдешь у St.-Florent, 2. сѣрныя спички, 3. карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ держитъ и продаетъ), 4. жизнь Емельки Пугачева. Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5. горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные паны, и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что — лѣнь прислать.[1]

Прощай, отвыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой — а то будешь un fréluquet, что гораздо хуже чѣмъ Mirtil и godelureau dissolu.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежде января. — Всѣмъ поклонъ, пиши же живѣе.

[На оборотѣ: Милостивому государю и братцу.]

[На особомъ листѣ]:

Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина — найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ же мѣстоположеніи. Та же сцена, слышишь ли? Это мнѣ нужно непремѣнно. — Да пришли мнѣ калоши съ Михайломъ.

[Свѣрено съ подлинникомъ.]

---

88. **Ему же.** (Михайловское, въ половинѣ ноября). — Скажи моему генію-хранителю, моему Жуковскому, что, слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ?[1] ништо проклятому Петербургу! Voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet. Жаль мнѣ „Цвѣтовъ“ Дельвига; да на долго ли это его задержитъ въ тинѣ петербургской? Что погреба? — признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ, это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! Ѣду завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебенъ или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! Печатай, печатай „Онѣгина“ и съ „Разговоромъ“. Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ: Анна Николаевна на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ Прасковьѣ Александровнѣ твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ! Все-таки она приказала тебя, пустельга, расцѣловать.

Евпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библію, библію! и французскую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису: мочи нѣтъ, какая скучная дура![2] Жду твоихъ писемъ; что Всеволожскій, что моя рукопись, что письмо мое къ кн. В. Ѳ.?[3] Будетъ ли картинка у „Онѣгина"? Что дѣлаютъ Полярные господа?[4] Что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ Ной послѣ своего потопа.

NB. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ Чухонку Баратынскаго, не-то прокляну тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины графини Ивеличъ и распечаталъ, полагая, что оно столько же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцѣлуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу, а гр. Екатеринѣ дружеское рукопожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! распечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки, per fas et nefas продающіяся въ Петербургѣ, — купи, что можно будетъ, подешевле и получше. Этотъ потопъ — оказія.

[На оборотѣ: „Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки" а близъ печати, у прорваннаго мѣста: „я расковырялъ!" [Свѣрено съ подлинникомъ.]

---

89. **В. А. Жуковскому.** (Михайловское, 24 ноября). — Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается. Да я бы связать его велѣлъ! Зачѣмъ же обвинять было сына? Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами... каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ.

Что жь, милый, будетъ ли что-нибудь для моей маленькой гречанки[1]? Она въ жалкомъ состояніи, а будущее для нея и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! Она родня

поэтамъ по поэзіи, но Александръ даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего...

Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!

Ты увидишь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

24 ноября.

[Адресъ: „Его высокобл. м. г. Василію Андреевичу Жуковскому. Въ С.-Петербургѣ. Въ Аничковомъ дворцѣ". — Штемпель: 1 декабря 1824. Опочка.]

---

90. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 29 ноября). — Ольдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ. Предложеніе твое касательно моихъ элегій несбыточно, и вотъ почему: въ 1820 г. переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ, напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину; мой Коранъ пошелъ по рукамъ, и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ, что такъ какъ розданные билеты могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одного имени съ адресомъ, ибо (солжемъ на всякій страхъ) имена всѣхъ гг. подписчиковъ находятся у издателя. Если понесу убытокъ и потеряю нѣсколько экземпляровъ, пенять не на кого: самъ виноватъ (это остается между нами). Братъ увезъ Онѣгина въ Петербургъ и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякой другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія. — Дивлюсь, какъ Письмо Тани очутилось у тебя. NB. Истолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику. Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; какъ полагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если, впрочемъ, смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ. Письмо женщины, къ тому же 17-лѣтней, къ тому

же влюбленной! Что жь, душа моя, твоя проза о Байронѣ? Я жду, не дождусь. Смерть моей тётки не внушила ли какого-нибудь перевода Василію Львовичу? Нѣтъ ли хоть эпитафіи? Пиши мнѣ: Ея высокородію Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское, для доставленія А. С., и все тутъ; да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слышатель; отвѣчай же мнѣ на мое полуслово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ; получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

29 ноября.

Знаешь ли ты мою Телѣгу Жизни?

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое Время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы рады голову сломать
И, презирая страхъ и нѣгу,
Кричимъ: „Валяй, ... !“
Но въ полдень нѣтъ ужь той отваги;
Поразстрясло насъ; намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги;
Кричимъ: „Полегче, дуралей!“
Катитъ попрежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля, ѣдемъ до ночлега,
А Время гонитъ лошадей.

1823.

Можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ.

Штемпель: Опочка. 1824, дек. 1].

---

91. **Д. М. Княжевичу** (черновое). (Михайловское, декабрь). — Буря, кажется, успокоилась. Осмѣливаюсь выглянуть изъ своего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Дмитрій Максимовичъ. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ, — скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы, ни васъ, друзья мои. Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, и то вижу его довольно рѣдко, [совершенный Онѣгинъ]; цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, разъ ее видѣли; она — единственная моя подруга, и съ нею только [одною] мнѣ не скучно. [Я въ пере-

пискѣ только съ Жуковскимъ и Вяземскимъ]. Объ Одессѣ — ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ, — а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ, — скажите мнѣ, что у васъ дѣлается, скажите, во-первыхъ, выздоровѣла ли Катенька. Гр. Разумовской я сердечно желаю всего, счастья, почт. и благо...

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

92. **В. А. Жуковскому.** (Михайловское, декабрь). — Не знаю, получилъ ли ты очень нужное письмо; на всякій случай, повторю вкратцѣ о дѣлѣ, которое меня задираетъ за живое. Восьмилѣтняя Родося Софіаносъ, дочь грека, падшаго въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катерины Христофоровны Крупянской, жены бывшаго вицъ-губернатора Бессарабіи. Нельзя ли сиротку пріютить? Она племянница русскаго полковника, слѣдовательно можетъ отвѣчать за дворянку. П шевели сердце Маріи, поэтъ, и оправдаемъ провидѣнье. — О себѣ говорить не намѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть, тебя разсержу, вываливая, что у меня на сердцѣ [1].—Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ, какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи имъ, что я для нихъ тотъ же; обними изъ нихъ, кого можно; прочимъ — всю душу.

---

93. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, 4 декабря). — Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего „Демона"! моего „Демона"! послѣ этого онъ и Вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни „Моря", ни капли стиховъ отъ меня. NB г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава;
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? Да нельзя ли еще подъ „Разговоромъ„ поставить число: 1823 годъ? Стихъ: „Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи", надобно бы выкинуть, да жаль — хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопродавца. Mes arrière-neveux me devront cet ombrage. Съ журналистами дѣлай, что угодно; дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Михайло привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. Библія для христіанина то же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ)

начиналось прежде предисловіе Исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ. Закрытіе театра и запрещеніе баловъ — мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освѣщеніе бельэтажа, могли бы разбить зеркальныя окна — и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ; но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? Объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать, хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ничуть не забавно стоять въ Инвалидѣ наряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ. Пришли же мнѣ „Эду“ Баратынскую. Ахъ онъ чухонецъ! да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

4 декабря.

(Приписка сестрѣ). Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. L. est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai, j'ai toujours aimé ma pauvre tante, et je suis fâché que Chalikof ait p... sur son tombeau [1]. Няня исполнила твою коммисію, ѣздила въ Св. Горы и отправила панихиду, или что было нужно. Она цѣлуетъ тебя; я также. Твои Троегорскія пріятельницы несносныя дуры, кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

(Приписки по сторонамъ письма): Кланяйся Вас. Вас. Энгельгардту, и Гнѣдичу, и Плетневу, и Онѣгину, и Слѣнину. Присылай мнѣ Старину Корниловича; это пріятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что́ Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Онѣгина?

[Адресъ: Ея сіятельству м. г. Катеринѣ Марковнѣ Графинѣ Иве-личевой, въ С.-Петербургѣ, у Калинкина моста, въ собственномъ домѣ. Прошу доставить братцу Льву Серг. — Штемпель: Опочка 1824 декабря 8. [Свѣрено съ подлинникомъ].

94. **Ему же.** (Михайловское, декабрь). — Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя — пріѣзжай хоть съ П. А. [Плетневымъ], хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ — получи это письмо непремѣнно. Тутъ я, по глупости лѣтъ, прислалъ тебѣ — святочную пѣсенку. Вѣтреный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять — а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons.

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить „Онѣгина" изъ-подъ цензуры — слава... [1] — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи — рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога, денегъ! — У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное — некогда тебѣ разсказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги; да пришли же мнѣ всевозможные календари, кромѣ придворнаго и академическаго. Кстати — начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ цензура? Напиши мнѣ нѣчто:

о Карамзинѣ, ой, ыхъ,
Жуковскомъ,
Тургеневѣ А.,
Сѣверинѣ,
Рылѣевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики. — Насѣли ли на Воронцова?.., говорятъ, бѣсится — за что бы, кажется? да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой; если вина, такъ и сыру, не забудь и (говоря по-Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; зачѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева.[2] Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня

Отъ усыпителя глупца
Отъ пробудителя нахала!

Впрочемъ, всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай, что задумаешь. Addio.

Получилъ ли ты письмо мое о потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire bidet?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

95. **А. Г. Родзянкѣ.** (Михайловское, 8 декабря). — Милый Родзянка, твой поклонъ меня обрадовалъ. Не рѣшишься ли ты, такъ какъ ты обо мнѣ вспомнилъ, написать мнѣ нѣсколько строчекъ? Онѣ бы утѣшили мое одиночество.

Объясни мнѣ, милый: что такое А. П. Кернъ, которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей кузинѣ? Говорятъ, что премиленькая вещь, но славны Лубны за горами. На всякій случай, зная твою влюбчивость и необыкновенные таланты во всѣхъ отношеніяхъ, полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полу-сдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это все элегію или хоть эпиграмму.

Полно врать. Поговоримъ о поэзіи, т. е. о твоей. Что твоя романтическая поэма Чубъ? Злодѣй! Не мѣшай мнѣ въ моемъ ремеслѣ, пиши сатиры хоть на меня, не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку. Кстати, Баратынскій написалъ поэму (не прогнѣвайся) про Чухонку и эта Чухонка, говорятъ, чудо какъ мила. — А я про Цыганку. Каковъ! Подавай же намъ скорѣй свою Чубку! Ай да Парнасъ! Ай да героини! Ай да честна́я компанія! Воображаю, Аполлонъ, смотря на нихъ, закричитъ: „Зачѣмъ ведете мнѣ не ту?“ — „А какую же тебѣ надобно, проклятый Фебъ? Гречанку? Итальянку? Чѣмъ ихъ хуже Чухонка или Цыганка?... всѣхъ сподрядъ [1], т. е. оживи лучемъ вдохновенія и славы“.

Если Анна Петровна такъ же мила, какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія. Справься съ нею объ этомъ.

Поклонъ Порфирію [2] и всѣмъ моимъ старымъ пріятелямъ.

Прости, украинскій мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Піапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойнѣй, чѣмъ иной вѣнецъ.
Твой Римъ — деревня, ты — мой папа,
Благослови жь меня, пѣвецъ!

8 декабря.

[Это письмо было вложено въ письмо Анны Ник. Вульфъ къ А. П. Кернъ съ подписью: „Поэту Родзянкѣ“. Подъ этими словами — помѣта Родзянки: „Отъ Пушкина Александра Сергѣевича чрезъ Анну Петровну Кернову“].

---

96. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, конецъ декабря). — Братъ! здравствуй — писалъ тебѣ на-дняхъ. Съ тебя довольно. — Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ Цвѣ-

товъ, да Эду, да поѣзжай къ Энгельгардтову обѣду. — Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцѣлуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

[На оборотѣ, вдоль страницы]: Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

97. **Барону А. А. Дельвигу.** (Михайловское, декабрь). — Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ [1]. Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія. Но знаешь ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній — посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу на кораблѣ *. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильно подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи — и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... „Вотъ Чатырдагъ“, сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго lazzarone. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ;

---

* Изъ Тамани въ Керчь. — *А. П.*

каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и „Путешествіе“ Муравьева оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикинеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужь тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня риѳмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья? и пр.
(См. Посланіе къ Чаадаеву, I, 297).

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. [Катерина Раевская] поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище —

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ Муравьевъ,—я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣетъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе—

самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему? ... и проч.

1825.

98. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, январь). — Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоемъ отношеніи[1]. Читалъ объявленіе объ „Онѣгинѣ“ въ „Пчелѣ“; жду шума. Если изданіе раскупится — то приступи тотчасъ къ изданію другому, или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ. — Отпиши о впечатлѣніи, имъ произведенномъ. — У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное поведеніе и слова, которыхъ не долженъ былъ я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть. Я велѣлъ Розѣ отдать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за два года (1823 и 4) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 руб. на годъ, итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Наличныхъ денегъ у ней 300 руб.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ Петербургъ. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено ли что-нибудь въ эти два года? Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и старосты — велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ сна мерзавка и воровка. Покамѣстъ я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. — Они на дняхъ меня зарѣжутъ. — Покамѣстъ я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ „Онѣгина“, которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева: не было и не будетъ . . а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья. .

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ „Моремъ и Землею“[2] должно было поставить: Идиллія Москва. — Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни — но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай — позволяю. Плетнева цѣлую и буду писать.

Да пришлите же мнѣ Старину и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ издателю или... Невскаго Альманаха. Прочитай его, да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье — добро! Начало Кота Измайлова очень мило [3].

P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотри Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ — подпишись на нѣсколько экземпляровъ [4].

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

99. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, январь, послѣ 11-го). — Некогда мнѣ писать княгинѣ. Благодари ее за попеченіе, за укоризны, даже за совѣты, ибо все носитъ отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоцѣнной. Ты, конечно, правъ: болѣе чѣмъ когда-нибудь обязанъ я уважать себя. Унизиться передъ правительствомъ была бы глупость. Довольно ему одного Граббе [1].

Я писалъ тебѣ на дняхъ и послалъ нѣкоторые стихи. Ты мнѣ пишешь: пришли мнѣ всѣ стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыгановъ. Завѣтныхъ покамѣстъ нѣтъ.

---

100. **Ему же.** (Михайловское, 25 января). —

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ
И выберу когда нибудь любова;
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный;
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

25 января.

Напечатай гдѣ-нибудь.

Какъ ты находишь статью, что написалъ нашъ Плетневъ? Экая ералашь! [1] Ты спишь, Брутъ! Да скажи мнѣ, кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за нѣмцевъ противъ Бестужева (котораго я не читалъ)? Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ;
Поэтъ Глаголь, не становись фертомъ;
Дьячекъ Глаголь, ты ижица въ поэтахъ.

Не выдавай меня, милый: Глаголь-бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся отъ всякой скверны [2].

---

101. **К. Ѳ. Рылѣеву.** (Михайловское, 25 января). — Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду Полярной Звѣзды съ нетерпѣніемъ; знаешь, для чего? для Войнаровскаго[1]. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando Furioso, и Гудибраза, и Pucelle, и Веръ-Вера, и Рейнеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, и проч. и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи. Но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ въ мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но несовсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому же, переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ, ужь эта мнѣ республика словесности! За что корить? За что вѣнчать? Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастіе и несозрѣвшія надежды. — Прощай, поэтъ.

25 января.

---

102. **А. А. Бестужеву.** (Михайловское, около 25 января). — Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова [1]. Я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока не растаскали ее по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, коего онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ.— Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его — характеры и рѣзкая кар-

тина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б...., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина — но пітатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый — вотъ черты истинно-комическаго генія. — Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? — Это непростительно. — Первый признакъ умнаго человѣка, — съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ. — Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался помимутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину — прелестна, и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ — его воля.

О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ иномъ ошибся. — Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда ужь не могъ я справиться. — По крайней мѣрѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ, кажется, Олегъ не нравится—напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ — есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.

Листъ кругомъ; на сей разъ довольно. Я не получилъ Литературныхъ Листковъ Булгарина тотъ нумеръ, гдѣ твоя критика на Боуринга [2].—Вели прислать.

103. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 28 января). — Пущинъ привезетъ тебѣ 600 рублей. Отдай ихъ княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ и съ моей благодарностію. Савеловъ большой подлецъ. Посылаю при семъ къ нему дружеское письмо. Перешли его (въ конвертѣ) въ Одессу по оказіи, а то по почтѣ онъ скажетъ: не получилъ. Охотно извиняю и понимаю его.

Но умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!

A propos. Читалъ я Чацкаго. Много ума и смѣшного въ стихахъ, но во всей комедіи ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкій совсѣмъ не умный человѣкъ, но Грибоѣдовъ очень уменъ. Пришлите же мнѣ вашъ Телеграфъ. Напечатанъ ли тамъ Хвостовъ? Что за прелесть его Посланіе [1]. Достойно лучшихъ его временъ. А то онъ было сдѣлался посредственнымъ, какъ Василій Львовичъ, Иванчинъ-Писаревъ и проч. Каковъ Филимоновъ въ своемъ Инвалидномъ объявленіи? Милый, теперь однѣ глупости могутъ еще развлечь и разсмѣшить меня. Слава же Филимонову [2].

Пишу тебѣ въ гостяхъ съ разбитой рукой. — Упалъ на льду не съ лошади, а съ лошадью: большая разница для моего наѣзднического честолюбія.

28 января.

---

104. **Ему же.** (Михайловское, февраль). — Что ты замолкъ? Получилъ ли ты отъ меня письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ etc [1]? Въ „Цвѣтахъ“ встрѣтилъ я тебя и чуть не задохся со смѣху, прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чистосердечный отвѣтъ растянутъ; риѳмы: слезы, розы — завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы — очень забавно, но вся мужнина рѣчь до: за гробомъ ревность мучитъ — растянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ — едва ли не плеоназмъ [2]. Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей піесы. Да, ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его похабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ [3]. Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или Телѣга? Что мой Кюхля, за котораго я стражду, но все люблю? Говорятъ, его обстоятельства нехороши — чѣмъ нехороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига. Покамѣстъ я одинъ одинёшенекъ; живу недорослемъ,

валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыганы никуда не годятся: не вѣрь — я совралъ. Ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я, чтобъ онъ протерся сквозь цензуру. Честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое второе Посланіе къ Цензору? Тамъ, между прочимъ:

Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ;
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ Музъ любилъ,
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ.
Отъ хлада нашихъ дней спасалъ онъ лавръ единый
Осиротѣвшаго вѣнца Екатерины etc [4].

Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ: tempora altri! Вотъ почему я не рѣшился, по твоему совѣту, къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство[5]. Я же подличалъ благонамѣренно, имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиреніе кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся княгинѣ и дѣтей поцѣлуй.

---

105. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, въ половинѣ февраля). — Я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1, потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опасенья насчетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе несправедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ; а при физической возможности свиданія, лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдственно, вовсе не въ духѣ нашего времени, ни...

Жду шуму отъ Онѣгина; покамѣстъ мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Byron, добро! но, милый мой, если только возможно — отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше, и давай ихъ мнѣ сюда; за нихъ отдалъ бы я своего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché [1]. Онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости, Боже, мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ — во-первыхъ, лжетъ какъ ребенокъ (т. е. замѣтно); во-вторыхъ судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетёръ,

какой нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Montholon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Napoléon? Если нѣтъ, такъ прочти. Это, между прочимъ, прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ[2] написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу: „Дѣвушка влюбленному поэту“ — кромѣ авторáми. А куда онъ, Коншинъ! Его элегія въ „Цвѣтахъ“[3] какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнасѣ. Я министръ иностранныхъ дѣлъ, и кажется, дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начатъ, Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправитъ. Что Баратынскій?... и мораль долга ль?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленья? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ подумаешь, такъ по-неволѣ постыдишься унывать[4]. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ — пишу записки — но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Пріѣхалъ гр. Воронцовъ? Узнай и отпиши мнѣ, какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ — а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

---

106. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 19 февраля). — Скажи отъ меня Муханову, что ему грѣхъ шутить со мною шутки журавлиныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! Теперь я долженъ и Цыгановъ распечатать, а вовсе не во-время.

Онѣгинъ напечатанъ; думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ Разговорѣ поэта и книгопродавца мадригалъ кн. Шаликову[1]. Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія, и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sèxe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Что же „Телеграфъ“ обѣтованный? Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ Телѣгу, проказникъ? Прочіе журналы всѣ получилъ и болѣе чѣмъ когда-нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edinburgh Review. Да вотъ-те Христосъ: литература мнѣ надоѣла. Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

19 февраля.

Кланяюсь княгинѣ и цѣлую руки, хоть это изъ моды вышло.

[Штемпель: Опочка. 1825. Февр. 25].

---

107. **Н. И. Гнѣдичу.** (Михайловское, 23 февраля). — Кажется, вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова.[1] Вижу, что дружба наша не измѣнилась, и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ. — Пѣсни Греческія прелесть и tour de force[2]. Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно — но причины? — — —

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ (чортъ возьми это отечество). Но, отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая — писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданьи толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мелочной лавкѣ № 1. — Много у меня начато; ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23 февр.

День объявленія греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

---

108. **Л. С. Пушкину.** (Тригорское, 12 марта). — Братъ,

обнимаю тебя и пáдамъ до ногъ. Обнимаю также алжирца Всеволожскаго. Перешли же мнѣ проклятую мою рукопись — и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ, да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны — потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ, благословясь, и въ цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ уксусѣ — да книгъ: conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талію, „Старину“, да Sismondi (littérature), да Schlegel (dramaturgie), если есть у St.-Florent. Хотѣлъ бы я также имѣть Новое изданіе Собранія Русскихъ Стихотвореній[1] да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожь.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ, благопристоенъ ли тонъ его критикъ; если нѣтъ — пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ — стихи не главное. Что же главное? проза? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: одинъ сижу во компаніи, и тому под.[2]

Анна Николаевна тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, потому что я влюбился и миртильничаю. Знаешь ея кузину Анну Ивановну Вульфъ? Ecce foemina!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича Пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣстъ благодари его — думаю, что экземпляръ Онѣгина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! Однакожь это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень непріятно.

Тригорское, 12 марта.

[На оборотѣ]: Достань у Рылѣева или Бестужева мои мелкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. Что жь ты обѣщалъ мнѣ прислать Парни?

[Адресъ: Льву Сергѣевичу Пушкину. Подъ нимъ: I and my sister make you our compliments from our hearts and souls].

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

109. **Ему-же.** (Михайловское, по полученіи рукописи, 14 марта). — Напрасно воображаешь ты, что я на тебя

сержусь, и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожскій со мною шутитъ: я долженъ ему 1000, а не 500: переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хоть и женился. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть, тебя притѣсняютъ безъ вѣдома царя. Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc. — Погоди хоть Дельвига.

Увѣдомь о Баратынскомъ — свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручитъ.

[С ѣрено съ подлинникомъ].

---

110. **Ему же.** (Михайловское, 15 марта). — Братъ Левъ и братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня-Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, знаки препинанія, безсмыслицы — прошу самимъ исправить — у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова — исключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго — не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича — не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно, или изъ A. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сдѣлайте; именно: Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ (кстати: что прелестнѣе строфы Жуковскаго — Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородные — и слѣдующей. Конца не люблю) [1]. Что, если-бъ волшебная кисть Ѳ. Толстого?

Нѣтъ, слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила!... [2]

Къ тому же, кромѣ Уткина, ничей рѣзецъ не достоинъ его карандаша. — Впрочемъ, это все наружность. „Иною прелестью плѣняется“! — — —

Пересчитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около (ибо часть подземнымъ богамъ непредвидима). Бируковъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его, я

ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жуковскаго, и пожалуйста безъ ~~~~~~ и безъ —◇◇— и безъ ═══ вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно, хоть бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую). 60 піесъ! довольно ли будетъ для 1 тома? Не прислать ли вамъ для наполненія Царя Никиту и 40 его дочерей?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности. — Простите, дѣти! я пьянъ.

15 марта.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

111. **А. А. Бестужеву.** (Михайловское, 21—24 марта). — Отвѣчаю на первый параграфъ твоего Взгляда.[1] „У римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку геніевъ“. Грѣхъ отнять это титло у такихъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій, хотя они, кромѣ двухъ послѣднихъ (виноватъ! Горацій не подражатель), шли столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту; сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moore и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое нибудь заключеніе или правило.

Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

„У насъ есть критика и нѣтъ литературы“; гдѣ же ты это нашелъ? Именно критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Ломоносова (уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго: вотъ его главная заслуга) и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужь не отъ критики Мерзлякова. — Кумиръ Державина, 1/4 золотой 3/4 свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. „Ода къ Фелицѣ“ стоитъ наряду съ „Вельможей“, ода „Богъ“ — съ „Одой на смерть Мещерскаго“. „Ода къ Зубову“ недавно открыта. Княж-

нинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ — также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ — Крыловъ, который столь же выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо. — Что же ты называешь критикой? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библіографическія извѣстія Греча и Булгарина? Свои статьи?... Но признайся, что все это не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ (у одного только народа критика предшествовала литературѣ — у германцевъ), не можетъ почесться уложеніемъ вкуса. — Каченовскій тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны — вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика? Нѣтъ, фразу твою можно сказать наоборотъ: литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты и самъ немного позже съ этимъ согласишься.

„Отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ?“ Во-первыхъ, у насъ Державинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?

„Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу“. Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины — вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другого. Карамзинъ, кажется, ободренъ, Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ — также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго — и не говорю: слава Богу!

„Ободреніе можетъ оперить только обыкновенные таланты“. Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили на своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика... Державину покровительствовали три царя. Ты не то сказалъ, что хотѣлъ; я буду за тебя говорить.

(21 марта).

Во-первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину — Рылѣеву не пишу, жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ было покривить душой, да не

удалось. И Bowles, и Byron въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе. — Хочешь, пришлю? Переписывать скучно.[2]

Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай; да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. — Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ; все-таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки; все-таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Донъ-Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ-Жуана (первыя 5 пѣсней — другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой же. — Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помина нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, еслибъ коснулся я сатиры. — Самое слово сатирическій не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ. Ахъ, если бъ заманить тебя въ Михайловское!... Ты увидишь, что если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ-Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse)—Татьяна или Юлія? 1-я пѣснь—просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю олемику нашу... Жду Полярной Звѣзды. Давай ее сюда.

Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію. — Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы. — Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возьмись за романъ. — Что тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою цѣну: во-первыхъ, какъ истинный талантъ; во вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc. — Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ... но тебѣ хочется въ ротмистры!...

24 марта. Михайловское.

112. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, 27 марта). — Душа моя, что за прелесть Бабушкинъ Котъ![1] я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Аристархомъ Фалалѣичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину. — Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда ли?

Объ Вяземскомъ получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости чтеньебѣсія.[2]

Получилъ ли ты мои стихотворенья? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1. Многія изъ сихъ стихотвореній — дрянь и недостойны вниманія россійской публики — но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя — такъ вотъ они, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ г....-съ (сказать это помягче). 2. Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей публики (россійской), или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ (Приписка сбоку: или слишкомъ незрѣлыя, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году, т. е. 14-ти лѣтъ), или какъ угодно. 3. Пожалуйста, безъ малѣйшей похвалы мнѣ — это непристойность и въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ", я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4. Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ. — Ну, по крайней мѣрѣ, столь же хороша. Доволенъ ли онъ? Да перешли, на всякій случай, это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому — напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ, а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями. Прощай; сестру поцѣлуй.

Великая пятница.

Я „Телеграфомъ" очень доволенъ — и мышлю или мыслю поддержать его. — Скажи это и Жуковскому. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю

прислать и ему стиховъ—то ли дѣло не красть, не ругаться по м..., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч. — люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи кн. Голицыной-Суворовой; возьми ихъ отъ нея. Думаю, что Посланіе къ Овидію, Вчера былъ день и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ элегіяхъ — да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P.

Не напечатать ли въ концѣ Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, съ нотой, что они писаны мною 14-ти лѣтъ — и съ выпискою изъ моихъ Записокъ (объ Державинѣ), ась? *)

(Сбоку письма): Да тиснуть еще мою Птичку — да четыре стиха о дружбѣ: „Что дружба? легкій пылъ похмелья".

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

113. **Ему же** (безъ числа). — Я было послалъ это въ Сынъ Отечества, да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться какъ даннику атамана Греча и есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай, гдѣ хочешь.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

114. **А. Н. Вульфу.** (Михайловское, весною).— Любезный Алексѣй Николаевичъ — благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; Посланіе его и чувствительная Элегія—прелесть. Въ посланіи, послѣ „тобой хранимаго пѣвца", стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его. — *А. П.*

[На оборотѣ рукою П. А. Осиповой написано: „Очень хорошо бы было, когда бъ вы исполнили ваше предположеніе пріѣхать сюда. Алексѣй, намъ нужно бы было потолковать и о твоемъ путешествіи; хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобъ онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ"].

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

*) Этотъ пунктъ зачеркнутъ и написано: нѣтъ. Изъ приписки сбоку также зачеркнуто со словъ: „да четыре стиха "до конца.

115. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, въ началѣ апрѣля). —

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА.

Какъ! живъ еще курилка журналистъ?
— Живёхонекъ! все такъ же сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью замученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ —
И старый вздоръ, и вздорную новинку.
— Фу! надоѣлъ курилка журналистъ
Кикъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ. — Да ... плюнуть на него.

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго; перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тогъ № Вѣстника Европы гдѣ напечатанъ второй разговоръ Лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану [1]. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстникъ, и Дамскій Журналъ).

Подпись слѣпого поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть — сердись онъ, не сердись — а „хотѣлъ простить — простить не могъ“ достойно Байрона. Видѣніе, конецъ — прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы — по крайней мѣрѣ, ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами; если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ. [2]

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль; оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ же пакетѣ находились два очень нужныя — тебѣ и Плетневу. — Что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный боленъ, иль „Войнаровскимъ“ недоволенъ — кстати, каковы мои замѣчанія? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу — а виноватъ: „Войнаровскій“ мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis — да Child Harold — Lamartine (то-то чепуха должна быть!), да вообще что нибудь новенькаго, да и Старину. „Талію“ получилъ и письмо отъ издателя. Не успѣлъ еще пробѣжать: Ворожея [3] показалась мнѣ du bon comique. А Хмельницкій моя старинная любовница — я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ какъ о драматическомъ писателѣ). Вяземскій правъ — а все-таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарсиса Клоца, который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не понутру рѣзвоскачущая кровь Грибоѣдова.

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ аневризма и проч.

Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще!

Тиснуть Сарское Село, и съ нотой [4]. Напрасно объявляли о Братьяхъ Разбойникахъ; ихъ бы можно напечатать и въ Разныхъ Стихотвореніяхъ. Богатая мысль напечатать Nap. [Наполеона], да цензура — лучшія строфы потонутъ.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

116. **Ему же.** (Михайловское, 7 апрѣля). — Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и повѣстку — вѣроятно отъ Плетнева. Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія — или изъ ревности, какъ хочешь). Она въ претензіи за твои нѣжности и за то, что онѣ тебя усыпили. „Полярную“ еще не получалъ. — Справься ради Бога объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 руб., а я долженъ отъ нихъ отказаться — эдакъ съ голоду умру — съ отцомъ да съ Ольдекопомъ — прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за отрывокъ изъ письма Баратынскаго. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми), c'est ainsi, voyez-vous, que j'écris à Анна Ив. Вульфъ sous le nom d'Euphrosine — Господи Іисусе Христе! quelles misères ... цѣлуй Ольгу — quelle amabilité et dans quel humeur charmante est ceci!!! Comment osez-vous m'écrire une lettre comme celle-ci, c'est bien que votre frère a pris la peine de la brûler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній Impromptu:

Семейственной любви и дружбы нѣжной ради,
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги-же это, показавъ ей.

Variante en l'honneur de m-lle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди, и сзади.

M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти), Анна Николаевна также, и въ обѣихъ

церквяхъ Тригорскаго и Воронича происходили молебствія — это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой за упокой поэта.

[На оборотѣ: „Льву Сергѣевичу Пушкину". Свѣрено съ подлинникомъ].

---

117. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 7 апрѣля). — Нынче день смерти Байрона. Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немедленно и онъ явится къ тебѣ.

Сейчасъ получилъ я Войнаровскаго и Думы съ письмомъ Пущина. Предложеніе Селивановскаго за три поэмы 12000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни: Бахчисарайскій Фонтанъ перепечатанъ.

Прощай, милый; у меня хандра, и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей. Кланяйся женѣ. Я вамъ обоимъ душою преданъ. — *А. П.*

---

118. **Ему же.** (Михайловское, апрѣль, до 22-го). — Надѣюсь, что ты выздоровѣлъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ офиціальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи. Я переписываю для тебя Онѣгина. Желаю, чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя me sourit; извини эту плоскость: въ крови! А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ: отроду ни для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной. Изъ сего слѣдуетъ, что я въ тебя влюбленъ, какъ Кюхельбекерскій Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ ли еще тебя росейская литература? Я было на Полевого очень ощетинился за Невскій Альманахъ и за пародію Жуковскаго [1]. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петербургъ, подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже, но все нужно было соединить воедино. Изъ всего, что должно было предать забвенію, болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ. Ихъ всѣхъ около 50, и всѣ оригинальныя, но, по несчастію, я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels

j'en ai fait sont encore en vie, а съ живыми—полно, не хочу ссориться. Изъ посланія къ Чадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не понутру. [2]

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена, и подѣломъ. Кстати или нѣтъ: онъ критиковалъ ей въ Бахч. Фонтанѣ Заремины очи. Я бы съ нимъ согласился, если бы дѣло шло не о Востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ европейцамъ. Кстати еще: знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черезчуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ и въ Абидосской Невѣстѣ и проч.

---

119. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, 22 апрѣля). — Фуше, Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel, Don Juan (послѣднія, 6-я и пр. пѣсни), новый Walter Scott, Сибирскій Вѣстникъ весь — и все это черезъ St.-Florent, а не черезъ Слѣнина.— Вино, вино, ромъ (12 бутылокъ), горчицы, Fleur d'orange, чемоданъ дорожный. Сыру лимбургскаго. Книгу объ верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону. Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились — а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ Старостою [1]; приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (напримѣръ, устрицъ).

23. Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія. — Думаю, что можно начать, благословясь. — О Посланіи къ Чадаеву скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно [2]. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ, и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ—что жь дѣлать, а напечатай уже такъ [3]. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть увѣренъ и въ твоей молчаливости. Скажи се-

стрѣ, что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной, показавъ (и не читавъ) нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude mais je m'en fous, или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее, и все черезъ эти сплетни.

des bretelles
des bottes (или не нужно).

[На оборотѣ]: Брату.—Плетневу поклонъ да пара словъ — надняхъ къ нему пишу.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

120. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, конецъ апрѣля). — Дельвигъ у меня. Чрезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго). За разговоръ съ няней, безъ письма [1], братъ получилъ 600 р. Ты видишь, что это деньги, слѣдственно должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху, ни духу. Надѣюсь, что ты здоровъ; о другомъ надѣяться не смѣю: но судьба, кажется, могла бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый. Вотъ тебѣ Элегія на смерть Анны Львовны.

Охъ, тетенька! Охъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маменькѣ любовна,
Была ты къ папенькѣ добра.
Была ты Лизаветой Львовной [2]
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ, какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
Какъ бы на-смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль?
Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ,
Или зачѣмъ подлецъ-поповичъ,
Его Красовскій пропустилъ?!

(Я да Дельвигъ).

Кстати: зачѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письмо Дельвига? Онъ человѣкъ достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной Спетербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня поддержи его Цвѣты на слѣдующій годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся. Да нѣтъ ли у тебя и прозы? Что мнишь ты о Полярной?... Есть ли у тебя какія нибудь извѣстія объ Одессѣ? Перешли мнѣ что-нибудь о томъ.

---

121. **К. Ѳ. Рылѣеву.** (Михайловское, конецъ апрѣля). — Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать: знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умысла — не счелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о Думахъ? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы „Петра въ Острогожскѣ" чрезвычайно оригинальны.[1] Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина — первую Думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ).

Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ герба Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: „таже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды".[2]

Объ Исповѣди Наливайко[3] скажу, что мудрено что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать. — Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа[4]. Какъ быть? — Прощай, поэтъ, когда-то свидимся?

122. **А. А. Бестужеву.** (Михайловское, конецъ апрѣля). — Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія. — Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ онъ льстилъ?

О, вспомни! какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри, я рекъ, тріумфъ — минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ.[1]

Прочти посланіе къ Александру. Вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому царю[2]. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ....

О нашей лирѣ можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сіесѣ: Son silence est une calamité publique. Иностранцы

намъ изумляются; они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными — вотъ чего подлецъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!...[3]

Все, что ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (прелесть!) подражаніяхъ — прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ; вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣгинѣ ты не высказалъ всего, что имѣлъ на сердцѣ; чувствую почему — и благодарю; но зачѣмъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покамѣстъ мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ[4] напоминаетъ турниръ W. Scott'a. Брось нѣмцевъ и обратись къ намъ, православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни: высказывай все начисто. — Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотритъ на солнце въ полночь (стр. 330), etc.; но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ — прелесть; конецъ также. Впрочемъ, вездѣ твоя необыкновенная живость ...

Рылѣевъ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на Войнаровскаго, а ты пришли мнѣ свои возраженія. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

---

123. **К. Ѳ. Рылѣеву.** (Черновое. Михайловское, май).— Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ и это — слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего жь тебѣ болѣе? Загляни въ журналы въ теченіе шести лѣтъ, посмо-

три, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасну, а о нашемъ пріятелѣ[1]— ни гугу! какъ будто на свѣтѣ его не было. Почему это? ужь вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста — нѣтъ! а всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся—никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ пяти рублей: такъ лучше жь даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить какъ иностранныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего — такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего — такъ служи, да не сочиняй. Милый мой — ты поэтъ и я — поэтъ, но я сужу болѣе прозаически, и чуть ли отъ этого не правъ. Прощай!

---

124. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 25 мая). — Ты спрашиваешь, доволенъ ли я тѣмъ, что сказалъ ты обо мнѣ въ Телеграфѣ[1]. Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! А твоимъ перомъ водятъ и вкусъ, и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный[2]. Переводы избаловали его, излѣнили; онъ не хочетъ самъ созидать; но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ тому же смѣшно говорить объ немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ я твое о Чернецѣ; ты исполнилъ долгъ своего сердца[3]. Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе Войнаровскаго; но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ[4]. За то Думы — дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm, а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда. Стихи Нѣлова — прелесть[5]. Статьи и

стиховъ Шаликова не читалъ. Неужто онъ обижается моими стихами? Вотъ ужь тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ. Спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя князя Шаликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof [6]. Это могу доказать черновою бумагою. Твои каламбуры очень милы. Здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все-таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir (какъ бы выкроить изъ него calembour? выгадай-ка!). Ты, кажется, любишь Казимира, а я такъ нѣтъ. Конечно, онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте ... далеко кулику до орла! [7] Первый геній т а м ъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ к у д а [8]. Кстати: я замѣтилъ, что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ ... Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать, но не теперь; мочи нѣтъ, усталъ. Писалъ ко всѣмъ — даже и къ Булгарину.

25 мая.

125. **В. А. Жуковскому.** (Михайловское, май—іюнь).— Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три. Слѣдственно, дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Если бъ царь меня для излѣченія отпустилъ за границу, то это было бы благодѣяніе, за которое я бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отвошенін властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. [Карамзину] два года ничего не писать противу правительства — и не писалъ. К и н ж а л ъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ риѳмъ [1]. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по-французски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня.

Все это трынъ-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотвореніяхъ [2]. Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности

его вкуса. Къ тому же, не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія Посланія къ нему, произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И . . . . . [3]

Надпись къ Гёте, Ахъ, если бъ мой милый, Генію — все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь, что выйдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ пріобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя занятія. Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ — или хоть присутствія: оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза [4]. — Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все невпопадъ.

[Къ этому письму приложено черновое прошеніе къ государю]:

Obligé de reconnaître l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce, je me serais fait un devoir de (la) supporter dans un respectueux silence, si la nécessité ne me contreignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse; jusqu'à présent je n'ai pas eu le moyen de me traîter. Un anevrisme que j'ai depuis une dixaine d'années éxigerait aussi une prompte opération. Il est facile de s'assurer de la vérité de ce que j'avance.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de Votre caractère. J'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie Votre Majesté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

---

126. **Барону А. А. Дельвигу.** (Михайловское, 8 іюня). — Жду, жду писемъ отъ тебя—и не дождусь. Не принялъ ли ты опять во услуженіе покойнаго Никиту—или ждешь оказіи? Проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что нибудь: ты знаешь, что я имѣлъ несчастіе потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича [1] — получилъ эти извѣстія безъ пріуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи —

утѣшь меня, это священный долгъ дружбы (сего священнаго чувства). Что дѣлаютъ мои Разныя Стихотворенія?[2] Видѣлъ ли ихъ Бируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ ни единой строчки. Что мой Онѣгинъ? Продается ли? Кстати, скажи Плетневу, чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на коммисіи мои, потому что это напрасно: такого безсовѣстнаго коммисіонера нѣтъ и не будетъ. — По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова) — онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдержаваетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что же въ немъ? мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей-Богу, его геній думалъ по-татарски — а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ (не говоря уже о его министерствѣ); у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова — жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно объ Державинѣ. — Что дѣлаетъ Жуковскій? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ Онѣгина, да о томъ, что у меня въ пяльцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта — его Мельникъ[3] хорошъ, какъ Демьянъ и Ѳока. Видѣлъ ли ты Н. М. [Карамзина]? Идетъ ли впередъ Исторія? Гдѣ онъ остановился? Не на избраніи ли Романовыхъ?... Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да два руку приложили за неумѣніемъ писать![4] А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?...

[Адресъ: Его высокоблагородію милостивому государю барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургъ. Въ Имп. Публ. Библіотеку. — Штемпель: Опочка 1825, іюня 8. — Запечатано извѣстнымъ перстнемъ].

---

127. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, іюнь).— Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полевого. Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполню — слѣдственно и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты смотри за нимъ, ради Бога! И ему случается зави-

раться. Напримѣръ: Донъ Кихотъ искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!! — Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италіи-то и возникъ. Что же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando Inamorato? Какъ можно писать такъ наобумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Napoléon ими занимался и былъ лучшимъ журналистомъ Парижа (какъ замѣтилъ, помнится, Фуше).

[На адресной сторонѣ]:

Вяземскому, который надняхъ у васъ будетъ. Не то отдать А. И. Тургеневу для дсотавленія въ Москву.

Тебѣ ничего не пишу, мусье Lion, за то, что за тобою еще нѣсколько отвѣтовъ.

[Затѣмъ приписано рукою Л. С. Пушкина: „Левъ Пушкинъ проситъ прощеніе въ томъ, что письмо распечатано: не взглянувъ на конвертъ, онъ думалъ, что оно къ нему“].

---

128. **Ему же.** (Михайловское, іюнь). — Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебѣ попадется (кромѣ Онѣгина); если же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ человѣкъ порядочный и честный, но враль и невѣжда, а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все-таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею. Пожалуй, я подряжусь выставлять по стольку-то піесъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ восхощетъ Богъ да Бируковъ. Я всегда былъ склоненъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную лавку № 1 запираю. Къ тому же, между нами: братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается, и дай Богъ имъ обоимъ расторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses ... Какую пѣсню изъ Béranger перевелъ дядя Василій Львовичъ? Ужъ не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его въ томъ подозрѣваютъ въ Петербургѣ и что готовится уже слѣдственная комиссія, составленная изъ гр. Хвостова, Магницкаго и г-жи Хвостовой (автора Камина и слѣдств. соперницы Вас. Львовича). Не худо увѣдомить его, что уже

давно былъ бы онъ сосланъ, если бъ не чрезвычайная извѣстность (extrême popularité) его Опаснаго Сосѣда. Опасаются шума! — Какъ жаль, что умеръ Алексѣй Михайловичъ[1] и что не видалъ я дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно. Я послалъ въ Пчелу, а не въ Телеграфъ мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился; ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я недаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien.[2]

Вотъ еще эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятелей.

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ объ нихъ статейку тиснулъ
И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи жь, злодѣй!
Но что жь? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

Отослано къ Полевому. Ты уже, думаю, босоножка, полощешься въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею псковскаго неба, и жду, чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ, и золотые дожди остановились. Ѳита въ сторону, у насъ холодно и грязно. Жду разрѣшенія моей участи.

---

129. **В. А. Жуковскому.** (Михайловское, іюнь — іюль). — Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно[1] тѣмъ болѣе, что здѣшній губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнія высшаго начальства. — Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ объ леченіи лошадей.[2]

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества.

Боюсь, чтобъ медленность мою пользоваться монаршею милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство — но можно ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авось

либо позволитъ онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лекаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства. — Обнимаю тебя горячо. — *А. Пушкинъ.*

182... Михайловское.

---

130. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 13 іюля).— Братъ писалъ мнѣ, что ты въ Царскомъ Селѣ, что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду-жду письма и не дождусь. Что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? И что мой Байронъ или Бейронъ, toi dont le monde encore ignore le vrai nom!' Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса на замѣчанія Наполеона.[2] Чудо-хорошо! Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дѣтскомъ состояніи. Дай Богъ ему когда-нибудь образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей). Объ этомъ есть у меня строфы три въ Онѣгинѣ. За твоей статьею слѣдуетъ моя о M-me de Stael;[3] но не разглашай этого: тутъ есть одно великодушіе, поставленное во-первыхъ ради цензуры, а во-вторыхъ для вящшаго анонима. Вѣроятно, ты уже знаешь царскую ко мнѣ милость и позволеніе пріѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволожскаго, очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣстъ, душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня расцѣлуешь: романтическую трагедію. Смотри — молчи же! Объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди о немъ какъ езуитъ — по намѣренію. Милый мой! Мое намѣреніе обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай. Съ тобою ли твоя княгиня-лебёдушка? Кланяйся ей отъ арзамасскаго гуся.

13 іюля.

Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавіе: Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороничѣ. Каково?

[Адресъ: Его пр-ву Николаю Михайловичу Карамзину. Въ Царскомъ Селѣ. Пр. дост. князю П. А. Вяземскому].

---

131. **Аннѣ Никол. Вульфъ.** (Михайловское, 21 іюля). — Je vous écris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hé bien! êtes-vous à Riga? Avez-vous fait des conquêtes? Vous marierez-vous bientôt? Avez-vous trouvé des houlans? mandez-moi tout cela dans le plus grand détail, car vous savez que malgré mes mauvaises plaisanteries, je m'intéresse véritablement à tout ce qui vous concerne. Je voulais vous gronder, mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse. Pour de la morale et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien. 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis (au masculin): ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte, au lieu que les amies vous feront du tort; car mettez-vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-même. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds, et ne vous ébouriffez pas les tempes, quand même ce serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque temps, mais n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit — „что съ вами нездорово вальсировать", ne riez pas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous, détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la dernière édition de Byron.

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc... et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier — où donc avais-je ma tête? Sur ce, parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante: не мила ей прелесть ночи, et cela me serre le coeur; hier m-r Alexis et moi, nous avons parlé 4 heures de suite Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup? Ennui? conformité de sentiment? je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: „elle était-là, la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table, auprès d'une heliotrope fanée. [1] J'écris beaucoup de vers — tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie,

[1] Позднѣйшее примѣчаніе А. П. Кернъ: Никакого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревъ. Вѣточку геліотропа Пушкинъ, точно, выпросилъ у меня.

et je n'ai été que piqué... Cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir eveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse; que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse — non, cette idée m'est insupportable; dites-lui que j'en mourrai; — non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette delicieuse créature! Mais dites-lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancolique et mystérieux, je la méprise, entendez-vous? Oui, je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu, m-elle la baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur.

21 Juillet.

P. S. Envoyez-moi la recette que vous m'avez promise j'ai fait tant de farces que je n'en puis plus — maudit visite, maudit départ![2]

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

132. **Барону А. А. Дельвигу.** (Михайловское, 23 іюля).— Сейчасъ узнаю, что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло. Дай Богъ, чтобъ новый Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя безпокоюсь: не сказалъ ли ты чего-нибудь лишняго или необдуманнаго? участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону — а я боюсь быть причиною непріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. [Плетневъ], что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно: письмо моей матери ясно; отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ, конечно, есть лѣкаря — чего жь мнѣ болѣе?

Съ братомъ я входить въ сношенія не намѣренъ — онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копѣйки денегъ въ минуту нужную, я не знаю, когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ и украшать ими аль-

---

[2] Примѣчаніе А. П. Кернъ: Ему досадно было, что братъ поѣхалъ провожать сестру свою и сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету.

бомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ — если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ августѣ; поздравляю, мой милый—будь счастливъ, хоть это чертовски мудрено.— Цѣлую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее, какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига. [1]

23 іюля.

П. А. [Осипова] уѣхала и я одинъ.

Зачѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное,[2] письмомъ моей матери? Не полагаясь ли на чувствительность царя?... Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! — Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

[На четвертой страницѣ: Б. Дельвигу].

---

133. **П. А. Осиповой.** (Михайловское, 25 іюля). — Voici, madame, deux lettres à votre adresse qui viennent d'arriver. L'une est de Pletnef et était incluse dans la mienne.

J'espère que lorsque vous aurez reçu ces lettres, vous seriez arrivé à Riga gaiment et heureusement. Mes amis de Pétersbourg étaient persuadés que je vous accompagnerais. Pletnef m'écrit une nouvelle assez étrange: la decision de S. M. leur a paru un malentendu et l'on est résolu de Lui en parler de nouveau. Mes amis se donneront tant de peine, qu'on finira par m'enfermer à Schlusselbourg où certes je n'aurai pas le voisinage de Trigorsky, qui, tout désert qu'il est maintenant, est encore pour moi une consolation.

J'attends bien impatiemment de vos nouvelles; donnez m'en, je vous en supplie. Je ne vous parle pas de ma respectueuse amitié, ni de mon éternelle reconnaissance, — je vous salue du fond de mon âme.

25 Juillet.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

134. **А. П. Кернъ.** (Михайловское, 25 іюля). — J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous — l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au désir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленинъ. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme — mais la frivolité est toujours cruelle, et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu, divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ермолай Федоровичъ et mes compliments à M-me Woulf.

Je reprends la plume car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous — j'espère que vous lirez cette lettre en cachette — la cacherez-vous encore dans votre sein? Me répondrez-vous bien longuement? Ecrivez-moi tout ce qui vous passera par la tête — je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal. — Savez bien qu'en relisant ces lignes je suis honteux de leur ton sentimental: que dira Анна Николаевна? Ахъ, вы, чудотворка или чудотворица!

25 Juillet.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

135. **Л. С. Пушкину.** (Михайловское, 28 іюля). — Если бъ Плетневъ показывалъ тебѣ мои письма, такъ ты бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата — между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Если бъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячъ 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ ли остальные 500? и осталось ли что-нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ — онѣ еще не собраны, не цензированы — ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизустъ передаютъ ихъ московской публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. — Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году — а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-Богу не за что.

28 іюля.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если же ты захочешь продиктовать Цыганову для отдачи въ цензуру, покамѣстъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены ли Вяземскому 600 рублей?

[На уцѣлѣвшей половинѣ оборотнаго листа чьею-то рукою написано: „Въ февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ, по особенной моей просьбѣ, свою черную тетрадь. Думалъ ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради или нѣтъ?“]

---

136. **И. Ф. Мойеру.** (Михайловское, 29 іюля). — Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія. Благодѣяніе ваше было бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго.— *Александръ Пушкинъ.*

Село Михайловское, 29 іюля 1825 г.

[Адресъ: „Его Прев., м. г., г-ну Мойеру, въ Дерптѣ“. Штемпель: Опочка. 1825 г. іюля 30].

---

137. **П. А. Осиповой.** (Михайловское, 29 іюля). — Vous avez reçu, madame, de Pskow une lettre inutile que j'ai anéantie. Je vous envoye une autre de Batovo et une autre de ma mère: vous verrez quelle belle âme est ce Жуковскій. Cependant comme je ne puis absolument pas me faire l'opération par Moïer, je viens de lui écrire pour le conjurer de ne pas venir à Pskow. Je ne sais d'où viennent les espérances de ma mère, mais il y a longtemps que je ne crois plus aux espérances.

Rokotof a été me voir le lendemain de votre départ, il eut été plus aimable de me laisser m'ennuyer tout seul. Hier j'ai rendu visite au chateau de Trigorsky, à son jardin, à sa bibliothèque. Sa solitude est véritablement poëtique, puisqu'elle est pleine de vous et de votre souvenir. Ses aimables hôtes devraient bien se hâter d'y retourner; mais ce souhait tient trop à mon égoïsme de famille; si Riga vous amuse, amusez-vous et souvenez-vous quelquefois de l'exilé de Trigorsky (c. à d. de Michailovsky): vous voyez que je confonds nos. habitations, et toujours par habitude.

29 Juillet.

Au nom bu ciel, madame, n'écrivez rien à ma mère concernant mon refus à Moïer: cela ne ferait qu'un bruit inutile, car mon parti est pris.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

138. **Ей же.** (Михайловское, 1 августа). — J'arrive à l'instant de chez vous; la petite se porte très bien et m'a reçu de la manière la plus aimable. [1] Nous avons eu un temps affreux, du vent, des orages etc. — voici toutes les nouvelles que je puis vous donner; je suppose que celles de votre intendant seront plus variées.

Recevez, madame, les assurances de ma parfaite considération et de mon attachement. Je me recommande au souvenir de toute votre aimable famille.

1 Août.

---

139. **Н. А. Полевому.** (Михайловское, 2 августа). — Милостивый государь! Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо: хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи — это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней.

Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ они понравились публикѣ.

Свидѣтельствую вамъ искреннее свое уваженіе.
Александръ Пушкинъ.

2 августа. Михайловское.

[Штемпель: Опочка. 5 августа 1825 г., и рукою Полевого отмѣчено: „получ. 15 августа 1825 г."].

---

140. **П. А. Плетневу.** (Михайловское, 5 августа). — Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Раевскому послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.
Несу надгробные цвѣты etc.[1]

Что не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ, вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ — шумно, а скучно! Женится ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондольерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца.[2] Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo è scritto in presenza della donna, come ognun può veder. Addio, caro poeta. Scrivetemi, vi prego. — Tutto il vostro.

[Адресъ: П. А. Плетневу. Штемпель августа 5, 1825. Опочка].

---

141. **П. А. Осиповой.** (Михайловское, 8 августа). — C'est hier que j'ai reçu, madame, votre lettre du 31, du lendemain de votre arrivée à Riga. Vous ne sauriez vous imaginer combien cette marque d'affection et de souvenir m'a été sensible: elle a été droit à mon âme, et c'est bien du fond de l'âme que je vous en remercie.

C'est à Trigorsky que j'ai reçu votre lettre. Ан. Богд. m'a dit qu'on vous attendait vers la mi-août: je n'ose l'espérer.

Que vous disait donc m-r Kern concernant la surveillance paternelle de m-r Aderkas à mon égard? Sont-ce des ordres positifs? M-r Kern y est-il pour quelque chose? ou ne sont ce que des bruits publics?

Je suppose, madame, qu'à Riga vous êtes plus au fait des nouvelles européennes que je ne le suis à Michailovsky. Quant à celles de Pétersbourg, je ne sais rien de ce qui s'y passe. Nous attendons l'automne; mais nous avons encore quelques beaux jours, et grâce à vous j'ai toujours des fleurs sur ma fenêtre.

Adieu, madame. Recevez l'assurance de mon tendre et respectueux dévouement. Croyez qu'il n'y a de vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté: c'est vous qui m'avez fait apprécier le charme de la première.

8 Août

[Адресъ: à M — me M — me Ossipoff, à Riga. Свѣрено съ подлинникомъ].

---

142. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 10 августа). — Накупался ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? Напиши, пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что твой Байронъ? Перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго? Хоть эпиграммъ? Знаешь ли его лучшую эпиграмму: Что нужды, говоритъ разсчетливый etc. Виноватъ! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ: 1, 2, 3 – 7, 8, 4, 5, 6. Не напечатать ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ? если цензура не пропуститъ осьмого стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелестнѣе послѣ посвященія Войнаровскаго, на которое мой Дельвигъ уморительно сердится. [1]

Что Карамзины? Я бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія. А все люблю ихъ отъ всего сердца. Жуковскій со мной такъ проказитъ, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текучая словесность? Настоящій насморкъ! Мнѣ жаль, что отъ Кюхельбекера отбили охоту къ журналамъ; онъ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродъ. Жду разбора Шихматова. То-то вранья чаю! Сейчасъ прочелъ антикритику Полевого. [2]

Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ! разборъ новой пінтики басенъ — вотъ критика. Когда-то мы возьмемся

за журналъ? Мочи нѣтъ хочется, а покамѣсть смотри хоть за Полевымъ. Чѣмъ мнѣ тебя попотчивать? Вотъ тебѣ мои бон-мо (ради соли, вообрази, что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26):

Qu'est-ce que le sentiment? — Un supplément du tempérament.

Что болѣе вамъ нравится? Запахъ розы или резеды? — Запахъ селедки.

10 авг.

143. **П. А. Осиповой.** (Михайловское, 11 августа). — Vous parlerai-je de ma reconnaissance? C'est bien aimable à vous, madame, de ne pas oublier votre hermite. Vos lettres m'enchantent autant que vos soins généreux me touchent. Je ne sais que deviendra mon avenir, mais ce que je sais, c'est que les sentiments que je vous ai voués seront éternellement les mêmes. J'ai été aujourd'hui encore à Trigorsky. La petite se porte très-bien et est très-jolie. Je crois comme vous, madame, que les bruits qui sont venus à M-eur Kern sont faux, mais vous avez raison: il ne faut pas les négliger: ces jours-ci j'ai été chez Pechtchouroff — l'avocat Patelin, comme vous l'appellez. Il me croyait à Pskof (NB). Je compte voir encore mon vieux nègre de grand-oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins, et il faut que j'aie de lui des mémoires concernant mon aïeul.[1]

Je présente mes respects à toute l'aimable famille et suis, madame, votre tout dévoué.

11 Août.

[Адресъ: „Ея высокородію г-жѣ Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой въ Островъ". Свѣрено съ подлинникомъ].

---

144. **В. И. Туманскому.** (Михайловское, 13 августа). — Буря, кажется, успокоилась; осмѣливаюсь выглянуть изъ моего гнѣзда. Милый мой Туманскій, у меня до тебя просьба; надѣюсь, что не откажешься оказать мнѣ истинное одолженіе. Вотъ въ чемъ дѣло: за нѣсколько дней предъ моимъ отъѣздомъ изъ Одессы, Савеловъ и я играли у Лучича; Лучичъ проигралъ мнѣ 900 р., изъ коихъ 300 заплатилъ мнѣ на другой же день, а остальные 600 перевелъ на Савелова, который и согласился. При моемъ внезапномъ отъѣздѣ я занялъ эти 600 у кн. Вяземской (съ согласія же Савелова); послѣ узнаю, что онъ отрекается отъ своего долгу. Деньги пропали, такъ и быть; но боюсь, чтобъ это

не перетолковали мои пріятели, которыхъ у меня много и всѣ охотники до толковъ. Разскажи это просто, par manière de conversation, Лучичу. Онъ человѣкъ честной и вѣрно не солжетъ въ дѣлѣ, касающемся до чести. Повторяю, что денегъ этихъ мнѣ не нужно, и что даже возиться съ Савеловымъ я не намѣренъ. Отпиши мнѣ отзывъ Лучича, вотъ и все.

Объ Одессѣ, кромѣ газетныхъ извѣстій, я ничего не знаю, напиши мнѣ что-нибудь. О себѣ скажу тебѣ, что я совершенно одинъ: царь позволилъ мнѣ ѣхать во Псковъ для операціи моего аневризма, и Мойеръ хотѣлъ ко мнѣ пріѣхать, но я просилъ его не безпокоиться, и думаю, не тронусь изъ моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали противъ воли моей и, кажется, только испортили мою участь.

Что ты? что твоя поэзія? Изрѣдка и слишкомъ рѣдко попадаются мнѣ твои стихи. Сдѣлай милость, не забывай своего таланта; боюсь, чтобъ проза жизни твоей не одолѣла поэзіи души. Дѣвушка влюбленному поэту — прелесть! сидя съ авторами одно нехорошо. Не такъ ли:

> Со мной ведете ль разговоры,
> Вамъ замѣчательнѣй всего
> Ошибки слога моего;
> Безъ выраженья ваши взоры. [1]

Кланяйся всѣмъ моимъ бывшимъ товарищамъ; свидѣтельствую свое почтеніе В. Д. и А. И. [2] Прощай, мой милый.

13 авг.

Адресъ мой: въ Опочку, въ село Тригорское, Ея Высокор. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

145. **А. П. Кернъ.** (Михайловское, 14 августа). — Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!.. et puis: ахъ, мерзкая! — Pardon, belle et douce; mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens commun; pardon encore une fois et consolez-vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par exemple, que voulez-vous dire avec ce cachet qui doit vous convenir et vous plaire (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous-entendu, je ne conçois pas ce que vous

désirez. Me demandez-vous une devise? ce serait tout-à-fait à la Netty... Allons, gardez toujours le: Не скоро, а здорово, pourvu que cela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky — et parlons d'autre chose... Vous me dites que je ne connais pas votre caractère? que m'importe votre caractère? je m'en moque pas mal — est-ce que les jolies femmes doivent avoir un caractère? l'essentiel ce sont les yeux, les dents, les mains et les pieds — (j'y aurais joint le coeur, mais votre cousine a trop décrié ce mot). Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous voulez dire— de vous aimer? je suis aussi de cet avis, et j'en suis même la preuve — je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans — c'est indigne — mais depuis que je ne vous vois plus, je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez-moi... — Non, je ne veux pas de vos promesses; et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force ni émotion, et un refus n'a ni grâce ni volupté. A revoir donc — et parlons d'autre chose. Comment va la goutte de M-r votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le surlendemain de votre arrivée. Подѣломъ ему! Si vous saviez quelle aversion mêlé de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte, la goutte! c'est ma seule espérance!

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible „si" que je n'avais pas remarqué d'abord: si ma cousine reste, je viendrai cet automne etc. — Au nom du ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera temps de partir, ennuyez-la en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas cela au moins; par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites-vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r Kern, un homme sage, prudent etc., il n'a qu'un seul défaut — c'est celui d'être votre mari. Comment peut-on être votre mari? c'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était écrit hier. Aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de vous, cela n'a pas eu lieu, et je suis d'une humeur de chien, le plus injustement du monde: j'auraîs dû être reconnaisant pour la fois passée, je le sais; mais que voulez-vous? je vous supplie, divine — compatissez à ma faiblesse, écrivez-moi,

aimez-moi, et je tâcherai alors d'être aimable. Adieu, дайте ручку.

14 Août.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

— — —

146. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 15 августа). — Мой милый, поэзія — твой родной языкъ, слышна по выговору; но кто жь виноватъ, что ты столь же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-роскомъ! И нѣтъ надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки, или моей няни Василисы, чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться въ риѳмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ. — Благодарю очень за Водопадъ.[1] Давай мутить его сейчасъ же.

. . . . . съ гнѣвомъ
Сердитый влаги властелинъ —

вла, вла звуки музыкальные, но можно ли напр. сказать о молніи: властительница небеснаго огня? Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемѣнить какъ-нибудь. Валяй его съ какихъ-нибудь стремнинъ, вершинъ и тому под. 2-я строфа — прелесть. Дождь брыжжетъ отъ сшибки твоихъ междоусобныхъ волнъ; междоусобный значитъ mutuel, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора; должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ. — 5-я и 6-я строфы — прелестны.

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ ли? Тайной, о гремящемъ водопадѣ говоря, не годится. О бурѣ физической — также. Игралище глухой войны — не совсѣмъ точно. Ты не зерцало (впрочемъ это придирка) и пр. Не яснѣе ли, и не живѣе ли: ты не пріемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала бы: не отражаешь. Но твое повтореніе ты тутъ нужно.

Подъ грознымъ знаменемъ etc.

Хранишь etc. Но вся строфа сбивчива. Зародышъ непогоды о водопадѣ — темно. Вѣчно бьющій огонь — тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу? Ворвавшись — чудно хорошо. Какъ средь пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманіе;

да и сравненіе неточно. Вихорь и пустыню уничтожь-ка! Посмотри, что̀ выйдетъ изъ того.

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь ли? Ты сказалъ объ водопадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающій какъ огонь, а здѣсь ужь переносишь къ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты понимаешь меня). Итакъ не лучше ли:

Какъ ты, пустынно разразится

etc. А? Или что другое, но разгорится слишкомъ натянуто. Напиши же мнѣ, въ чемъ ты именно согласишься. Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего невриазма. Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини, какъ похотливое кокетство итальянки. Пиши мнѣ. Въ Псковѣ это для меня будетъ благодѣяніе. Я созвалъ нежданныхъ гостей — прелесть. Не лучше ли еще незванныхъ? Нѣтъ, cela serait de l'ésprit.

[На мѣстѣ адреса: Князю Вяземскому].

При семъ дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

1811 года дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Спб., взялъ у меня взаймы 100 рублей ассигн., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовной. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 10 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканіе вышеупомянутыхъ 100 рублей (съ процентами за 14 лѣтъ, что составляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородіе, милостиваго государя, дядю моего, заплатить мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить же оныя деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ *Пушкинъ*.

15 августа 1825. Село Михайловское.

147. **В. А. Жуковскому.** (Михайловское, 17 августа). — Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ. Операція аневризма ничего не значитъ, и ей-Богу, первый псковскій коновалъ съ нимъ могъ (бы) управиться. Въ Псковъ поѣду не прежде, какъ въ глубокую осень: оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа. — Надняхъ видѣлся у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматеромъ; онъ пуще успокоилъ меня — только здѣсь мнѣ кюхельбекерно. Согласенъ, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина.[1] Кстати объ элегіяхъ: трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, вслѣдствіе чего читаю только Карамзина да лѣтописи. Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть! Нельзя ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака, или житіе какого-нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четьи-Минеяхъ. А мнѣ бы очень нужно.[2]

Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ, что Перовскій[3] у васъ. Счастливецъ! Онъ видѣлъ и Римъ, и Везувій!

17 августа.

[Адресъ: „Его Высокобл., Василію Андреевичу Жуковскому въ Спбгѣ, въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія". Штемпель: Опочка. 1825 г. авг. 20].

148. **А. П. Кернъ.** (Михайловское, 28 августа). — Voici une lettre pour M-me votre tante, vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? comment une lettre adressée à vous est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres?[1] mais comme ce qui est fait est fait — parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennuie trop, quittez-le — mais savez-vous comment? Vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez ... où? à Trigorsky? pas du tout: à Michailovsky. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? Vous me direz „et l'éclat et le scandale?" Que diable! en quittant un mari, le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose. — Mais avouez que mon projet est romanesque? — conformité de caractère, haine des barrières, organe du vol très prononcé,

etc. etc. — Concevez-vous l'étonnement de M-me votre tante? Il s'en suivra une rupture. Vous verrez votre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié moins insipide — et Kern une fois mort—vous êtes libre comme l'air ... Eh bien, qu'en dites-vous? quand je vous disais que j'étais en état de vous donner un conseil hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frissonner. — Vous me direz: consolez-vous! fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible—il faut d'abord oublier vos spasmes—m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout cela présente de grandes difficultés — j'y répugne ... Ha! vos lettres, à propos, comment les recevrai-je? votre tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente (et le moyen ... à 400 verstes). Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées et puis brûlées en cérémonie. Tâchez de déguiser votre écriture et je verrai le reste. Mais écrivez-moi, et beaucoup, en long et en large et en diagonale [1] (terme de géometrie). — Mais surtout donnez moi l'éspérance de vous revoir. — Si non, je tâcherai vraiment d'être amoureux autre part ... J'oubliais: je viens d'écrire à Netty une lettre bien tendre, bien basse, je raffole de Netty. Elle est naïve — et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes-vous pas naïve? N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? Hé bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimable — je serai gai lundi, exalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche; je serai tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. Adieu.

28 Août.

Ne décachetez pas la lettre ci-jointe, ce n'est pas bien, M-me votre tante s'en fâcherait.

Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M-me Ossipoff décachète une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachète une lettre de Netty — et nous y trouvons tous de quoi nous édifier—vraiment c'est un charme!

149. **A madame Ossipof.** [2] — Oui, madame, honny soit qui mal y pense. Ha, les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! serait-ce par expérience qu'ils le savent? mais je leur pardonne, faites-en de même et continuons.

[1] Отсюда черезъ 9 строкъ вверхъ, изъ угла въ уголъ письма написано: „Voilà ce que c'est que diagonale".

[2] Приложено къ предыдущему письму Пушкина къ Кернъ и осталось у нея. См. ниже, стр. 133.

Votre dernière lettre (de minuit) est charmante, j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sévère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années — et elle se corrigera, je vous le promets; quant à sa coquetterie, vous avez tout-à-fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r votre fils, à son cousin! Arrivée à Trigorsky, il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi — ce n'est pas tout: arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette Providence de ce sacré каторжникъ! Ce n'est pas tout: vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura, et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, Madame, croyez-vous sérieusement qu'elle fasse la coquette indifféremment? elle dit que non; j'aime à le croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux, timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, Madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle êtait trop tendre, et dans les circonstances actuelles ce serait ridicule de ma part. Je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinence qui me caractérise, et décidément, je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai tâché de porter le trouble au sein d'une famille, que Ерм. Фед. puisse m'accuser de n'avoir pas de principes, et que sa femme puisse se moquer de moi. — Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant „hardie dans etc." [1] N'est-ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini; je ne la croirai plus.

Adieu, Madame, c'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée — nous médirons de la Netty du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue et encore plus de ... Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien différemment.

Michailovs.

150. **П. А. Катенину.** (Михайловское, 14 сентября). — Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы ... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію — общую нашу любовницу. Если это правда,

что жь утѣшаетъ тебя, кто утѣшитъ ее?... Я думалъ, что въ своей глуши — ты созидаешь; нѣтъ — ты хлопочешь и тягаешься, а между тѣмъ годы бѣгутъ.

Heu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni. [1]

А что всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти, и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не достоинъ. Прочелъ въ Булгаринѣ [2] твое 3-е дѣйствіе, прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни: помнишь?... На чердакѣ кн. Шаховского.

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-гишпански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена ли вся трагедія? [3]

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои mémoires, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую, черновую тетрадь. 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву — я самъ ее люблю; впрочемъ, на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ Каверинымъ, съ театральнымъ маіоромъ и проч. Больше не буду! — Addio, poeta, a rivederla, ma quando?

[Штемпель: Опочка. 1825, сентября 14].

---

151. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 15 сентября). — Résumé. Вы находите, что позволеніе ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ; а я думаю, что шагъ назадъ. Но полно объ аневризмѣ. Онъ мнѣ надоѣлъ, какъ наши журналы.

Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ (или адъютантъ Раевскаго): онъ мой пріятель, и я бы не тронулъ его, а все же онъ виноватъ. M-me Staël наша — не тронь ее. Впрочемъ я пощадилъ его. — Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгій мундштукъ и выѣзжай его на досугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного.

Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ Лицей. Кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и слѣдственно

подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя—меня тошнитъ . . . Но предлагаемое да ѣдятъ.

152. **А. П. Керн.** (Михайловское, 22 сентября). — Au nom du ciel, n'envoyez pas à M-me Ossipoff la lettre que vous avez trouvé dans votre paquet. Ne voyez-vous pas quelle était écrite uniquement pour votre édification particulière? Gardez-la pour vous ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en désespère après vos dernières étourderies . . . A propos — vous me jurez vos grands dieux que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: je méprise ta mère, c'est affreux; il fallait dire votre mère, et même il ne fallait dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans simagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant (qui n'est pas poète) à une distance aussi respectable. Quand il était près de vous, vous savez que je trouvais cela tout naturel — car il faut être raisonnable. Voilà qui est dit. N'est-ce pas? point de correspondance — je vous réponds qu'il n'en sera pas moins amoureux. — Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet? Annette en a eu la chair de poule, et moi la tête m'en a tourné de joie. Mais je ne crois pas au bonheur, et cela est bien pardonnable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie? Mais venez du moins à Pskov; cela vous sera facile. — Le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée. — Ne serait-elle qu'une vaine espérance, comme tant d'autres!!... Venons au fait: d'abord, il faut un prétexte: une maladie d'Annette—qu'en dites-vous?—ou bien, ne ferez-vous pas un voyage à Pétersbourg? — vous me le ferez savoir — oui? Ne me trompez pas, bel ange! que je vous suis redevable de quitter la vie en connaissant le bonheur! — Ne me parlez pas d'admiration: ce sentiment n'en est pas un. Parlez-moi d'amour, j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers . . . Votre conseil d'écrire à S. M. m'a touché comme une preuve de ce que vous avez songé à moi — je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre. — Il faut que le sort décide de mon existence; je ne veux pas m'en mêler. — L'espérance de vous revoir encore belle et jeune est la seule chose qui me soit chère — encore une fois, ne me trompez pas.

22 Sept. Михайл.

Demain, c'est la fête de M-me votre tante, je serai donc à Trigorsky. Votre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la lui ai pas communiquée. Répondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité.

—

153. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 24 сентября).—Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ.[1] Впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ, мы или сохнемъ, или гніемъ. Первое все-таки лучше. Отъ нечего дѣлать, я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи. Попроси его не говорить объ нихъ; не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивѣетъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь, однако, участи моей пѣсни: Рѣжь меня. Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельегорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому, и съ пѣсней.[2] Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы. Видаешься ли ты съ ней? Ради Бога, докажи Вас. Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны не мое произведеніе, а какого-нибудь другого беззаконника. Онъ восклицаетъ: „А она его сестрѣ 15,000 оставила!“ Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова.[3] Дѣло въ томъ, что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристиппъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны,
Покойной тетушки моей;
Писатель нѣжный, тонкій, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой;
Но, милый, музы наши — сестры,
Итакъ, ты все же братецъ мой.

Variante — Василій Львовичъ, тонкій, острый. Кланяйся княгинѣ и сестрѣ. Некогда болѣе писать.

[Штемпель: Опочка, 24 сент. 1825].

---

154. **Н. Н. Раевскому.** (Михайловское, сентябрь). — Où êtes-vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traîte-t-il?

Voilà ce qui me regarde: mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traîter, ma mère á écrit à S. M. et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelques jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est partie pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille bonne et ma tragédie; celle-ci avance, et j'en suis content. En l'écrivant j'ai réfléchi sur la tragédie en général, c'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques on tous basé leurs loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés dont l'une est occupée par deux mille personnes qui sont sensés n'être pas vus par ceux qui sont sur les planches? 2) la langue. Par ex. le Philoctète de La Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends le doux son de la langue grecque etc. Voyez les anciens, leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est-il pas une invraisemblance conventionnelle? 3) le temps, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié de la vraisemblance. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, voulez-vous la règle des 24 heures? soit, et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'a parte, il le supprime et là-dessus allonge le monologue et pense avoir fait une révolution dans le système de la tragédie; quelle puérilité!

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. Je n'ai pas lu Calderon ni Vega, mais quel homme que ce Shakespeare! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère * (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse, et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie.

On a encore une manie: quand on a conçu un caractère,

* [Et c'est le sien].

tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus étranges, en porte essentiellement l'empreinte (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding). Un conspirateur dit „donnez-moi à boire" en conspirateur, et ce n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron (ha pagato), cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gêne et cette timidité de dialogue. Lisez Shakespeare: il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en temps et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est-elle une tragédie de caractère ou de costume? J'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai tâché de les unir tous deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe par dessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer.

156. **А. Н. Вульфу** (Михайловское, сентябрь). — Любезный Алексѣй Николаевичъ, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ, чортъ съ ними, и съ цензоромъ, и съ наборщикомъ, и съ tutti quanti: дѣло теперь не о томъ. — Друзья мои и родители вѣчно со мною проказятъ: теперь послали мою коляску Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и уѣхалъ и опять прислалъ назадъ эту бѣдную колѣску. — Вразумите его. Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ, сдѣлайте милость, напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ она? etc.

Vale, mi fili in spirito. Кланяюсь Языкову; я написалъ на дняхъ подражаніе Элегіи его: „Подите прочь".

[Свѣрено съ подлинникомъ].

157. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, сентябрь). — Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р., украденные Савеловымъ.[1] Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу на дняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу

являться тебѣ въ халатѣ на-распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте. [2] Мы съ тобою толкуемъ лишь о Полевомъ, да о Булгаринѣ — а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ-дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья о аббатствѣ Байрона? Что за чудо Донъ Жуанъ! Я знаю только пять первыхъ пѣсенъ; прочитавъ первыя двѣ, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это chef d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là ... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру; мочи нѣтъ, сердитъ: не выспался и не в.....ся.

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ. Его бы уличили, какъ уличили Руссо; а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь заодно съ геніемъ. Поступокъ Мура [1] лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на стульчакѣ. Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ — не такъ, какъ вы, — иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь, какъ самого себя; Предметъ неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно, быть искреннимъ — невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга передъ пропастью, — на томъ, что̀ посторонній прочелъ бы равнодушно. Презирать судъ людей не трудно; презирать судъ собственный невозможно.

158. **А. П. Кернъ.** (Михайловское, сентябрь). — Vous êtes désolante; j'étais en train de vous écrire des folies qui

vous eussent fait mourir de rire, et voilà que votre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tâchez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si intéressante mais... qui ne vaillent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut-il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne fallait pas m'écrire; quelle mauvaise tête!

Dites-moi donc, que vous a-t-il fait, ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? hé bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas (ou ce qui est bien pire), vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maîtresse ... d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale, mais encore, on doit des égards au mari, si non—personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier; il est nécessaire de par le monde. Tenez, je vous parle à cœur ouvert. A 400 verstes de distance vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux. Qu'est-ce donc que cela doit être à 4 pas?[1] — Pardon, divine, si je vous dis franchement ma façon de penser; c'est une preuve du véritable intérêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tâchez donc de vous accommoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand génie, mais enfin ce n'est pas non plus tout-à-fait un imbécile! De la coquetterie (et surtout, au nom du ciel, des refus, des refus et des refus) le mettront à vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme; mais que voulez-vous? — Je suis au désespoir du départ d'Annette; quoi qu'il en soit, il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra prétexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? répondez-moi, je vous en supplie, et n'en dites rien à A. Woulf. Vous viendrez? — n'est-ce pas? — jusque-là ne décidez rien à l'égard de votre mari. — Vous êtes jeune, une carrière entière est devant vous — lui ... Enfin, soyez sûre que je ne suis pas de ceux qui ne conseilleront jamais un parti violent—quelquefois c'est inévitable — mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile. Adieu, il fait nuit, et votre image m'apparait, toute triste et toute voluptueuse—je crois voir votre regard, bouche entr'ouverte. — Adieu—je crois être à vos pieds, je les presse, je sens vos genoux — je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu et croyez à mon délire: il est ridicule mais vrai.

[Приписка въ письмѣ Анны Никол. Вульфъ]:

[1] Послѣ этого нѣсколько разъ перечеркнуто: „NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r votre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois ou bout de votre plume dans votre lettre à moi? Sans indiscrétion, peut-on le savoir?"

Анна Петровна, я вамъ жалуюсь на Анну Николаевну—она меня не цѣловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu, belle dame. Весь вашъ—Яблочный Пирогъ.

159. **В. А. Жуковскому.** (Тригорское, 6 октября). — На дняхъ, увидя въ окошко осень, сѣлъ я въ телѣжку и прискакалъ во Псковъ. Губернаторъ [1] принялъ меня очень мило; я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посовѣтовался съ очень добрымъ лѣкаремъ и пріѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь, имѣя обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ аневризмѣ, поговорю объ немъ толкомъ. — П. А. Осипова, будучи въ Ригѣ, со всею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду. Операція не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: больной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc.— Воля твоя, мой милый, ни во Псковѣ, ни въ Михайловскомъ я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало. — 2-е. Псковской лѣкарь говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности — не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на всѣхъ: что мнѣ будетъ дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ, если всякое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись, что лѣчиться во Псковѣ мнѣ невозможно—итакъ погодимъ, авось-либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу.

Теперь 3-й § (и самый важный): Мойера не хочу рѣшительно. Ты пишешь: „прими его, какъ меня". Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лѣчиться не намѣренъ — онъ не ты. Конечно, я съ радостью и благодарностью далъ бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благодѣянье мнѣ не тяжело, а отъ другихъ не хочу — будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина.

Милый мой, посидимъ у моря, подождемъ погоды; я не умру—это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество [2] — пусть трагедія искупитъ меня ... Но до трагедій ли нашему черствому вѣку? По крайней мѣрѣ оставь мнѣ надежду. Чувствую, что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на десять лѣтъ ссылочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды, ни предлога — страшно подумать!

Отче! не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи: вовсе незавидное, что̀ ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ.

Тригорское, 6 октября.

160. **А. Н. Вульфу.** (Михайловское, 10 октября). — Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ порученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь, — но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лѣчиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если же (что также случается) денегъ нѣтъ—то напишите, сколько ихъ будетъ нужно. На всякій случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились [1]. — Что скажу вамъ новаго? Вы, конечно, уже знаете все, что̀ касается до проѣзда Анны Петровны. Мужъ ея очень милый человѣкъ, мы познакомились и подружились. Желалъ бы я очень исполнить желаніе ваше касательно подражанія Языкову; но не нахожу его подъ рукой; вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко!
Нѣтъ, Бога ради,
Нельзя ли сзади — etc.

Не написалъ ли Языковъ еще чего-нибудь въ томъ же родѣ? или въ другомъ? перешлите намъ—мы будемъ очень благодарны.

10 окт.

[Адресъ: „Его благ. А. Н. Вульфу, въ Дерптъ", и помѣта Вульфа: „1825". Почтовый штемпель: „Опочка, 1825, окт. 12". Сѣрено съ подлинникомъ].

161. **Барону А. А. Дельвигу.** (Михайловское, октябрь).—

Брови царь нахмуря,
Говорилъ вчера:
Повалила буря
Памятникъ Петра.
Тотъ перепугался:
„Я не зналъ! Ужель?"
Царь расхохотался:
Первый, братъ, апрѣль!

Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ
З[illegible]
То есть, разумѣю,
Вдругъ примолвилъ онъ, —
Вѣшаютъ за шею:
Строгъ у нихъ законъ.

Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова.[1] Поцѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ-подъ полоцкихъ езуитовъ. Благословляю его во имя Феба и св. Бобонія безносаго.

Писалъ и брату объ Андреѣ Шенье. Впрочемъ, твоя святая воля. А боюсь, чтобъ томъ Разныхъ Стихотвореній не былъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до: отъ Ричардсона безъ ума, да еще конецъ отъ: Своимъ пенатамъ возвращенный. Какъ ты думаешь? Отпиши, покамѣсть еще не женатъ. Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу,[2] будущему своему тестю, а изъ жены своей сдѣлай арзамаску — непремѣнно. — Жду писемъ.

162. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, послѣ 7 ноября). — Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладони, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да ...! Юродивый мой — малый презабавный; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна (въ родѣ К. О.; сказывалъ это я тебѣ?). Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ: цензура его не пропуститъ. — Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. Наврядъ, мой милый! Хотя она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова. „Молчи, то знаю я сама; да эта крыса мнѣ кума“. Я назвалъ его[1] представителемъ духа русскаго народа — не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ (см. Исторію Карамзина). Дѣло въ томъ, что Крыловъ—преоригинальная туша, графъ Орловъ[2] забавенъ, а мы розини и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ было уморительное письмо, да сжегъ. Тамошній архіерей отецъ Евгеній принялъ меня, какъ отца Евгенія. Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои стишки-съ. Вотъ каково! Прощай, мой милый.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю, сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной.
Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И то лишь за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекотитъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей,[3]
И духъ мой снова позываетъ
Ко испражненью прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя, и цѣлую тебя ... Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ новой піитики басенъ и при посвященіи ... Какъ же мнѣ не любить тебя? Какъ мнѣ предъ тобою не подличать? Но подличать готовъ, а переписывать, воля твоя, не стану: смерть моя, и только.

163. **А. А. Бестужеву.** (Михайловское, 30 ноября). — Я очень обрадовался письму твоему, мой милый. Я думалъ уже, что ты на меня дуешься. — Радуюсь и твоимъ занятіямъ. — Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій: таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да кажется Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить.---Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было бы чудно-хорошо. — Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь; надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, запрещеніями, etc. — Однако поэмы мои скоро выйдутъ [1]. И онѣ мнѣ надоѣли. Русланъ — молокососъ, Плѣнникъ—зеленъ, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя — Голиковская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ въ „Пчелѣ“? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ ли [2], герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, пристрѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была бы еще лучше. Важная вещь! я написалъ трагедію и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ---

все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его „Духи“?[3] До сихъ поръ я ихъ не читалъ. — Жду твоей новой повѣсти, да возьмись-ка за цѣлый романъ, и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на коцебятину. Кланяюсь планщику Рылѣеву,[4] какъ говаривалъ покойникъ Платовъ, но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ.

Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

30 ноября.

[Адресъ: „Его высокобл. Кондратью Ѳедоровичу Рылѣеву, въ Спбгѣ, у Синяго моста, въ домѣ Американской Компаніи. Прошу доставить г. Бестужеву“. Штемпель: „Опочка. 3 декабря“].

---

164. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 3 декабря). — Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть; избираю невиннѣйшія.

[При письмѣ приложены: Совѣтъ, Соловей и Кукушка Движеніе и Дружба, см. I, 375; II, 17, 18].

---

165. **П. А. Катенину.** (Михайловское, 4 декабря). — Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ: 1. что оно писано изъ Петербурга, 2. что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3. что ты собираешься издать свои стихотворенія, и 4. (и что должно было бы стоять первымъ) что ты любишь меня по старому. Можетъ быть, нынѣшняя перемѣна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я, конечно, печалиться о смерти государя; но какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V. Къ тому же онъ уменъ, а съ умными людьми все какъ-то лучше. Словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго. Какъ бы хорошо было, если бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ — ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ ли обо мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что-нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ, я его не бросилъ. Радуюсь успѣ-

хамъ Каратыгина [1] и поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь — мочи нѣтъ, хочется къ вамъ. — Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи.

4-го декабря.

[Почтовый штемпель: Опочка. 7 декабря 1825].

166. **А. П. Кернъ.** (Михайловское, 8 декабря). — Je ne m'attendais guère, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme — toutes ses heroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation — mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Pétersbourg, mon éxil me pèse plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traîte en vieux maris. Que fait le vôtre, mon doux génie? Savez que c'est sous ses traits que j'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme?

8 Dec.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous déteste quelquefois, qu'avant-hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, que les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.

---

167. **П. А. Плетневу.** (Михайловское, декабрь). — Милый, дѣло не до стиховъ — слушай въ оба уха. [1] Если я друзей моихъ не слишкомъ отучилъ отъ ходатайства, вѣроятно, они вспомнятъ обо мнѣ ... Если брать, такъ брать — не то, что и совѣсти марать. Ради Бога, не просить у царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ — чортъ ли въ нихъ — а просить или о въѣздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои! Хочется съ вами еще передъ смертью поврать; но, конечно, благоразумнѣе бы отправиться за море. Что мнѣ въ Россіи дѣлать?! Покажи это

письмо Жуковскому, который, можетъ быть, на меня сердитъ; онъ какъ-нибудь это сладитъ. Да нельзя ли дамъ взбудоражить? Душа!... Я пророкъ, ей-Богу пророкъ! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами, во имя Отца и Сына etc. — Выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вамъ трагедію свою. Кстати: Борька [2] также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ: и онъ байроничаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый, впрочемъ, гораздо милѣе Борьки — увидишь! Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ. [3] Воейковъ не напроказилъ ли чего-нибудь? Я его сентябрьской книжки не читалъ. Онъ что-то со мною труситъ. Кюхельбекера Духи — дрянь. Стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему: онъ огорчится.

[Приписка сбоку 1-й страницы]: Неужто Илья Муромецъ — Загорскаго? Если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да — какъ жаль, что онъ умеръ!...

168. **В. К. Кюхельбекеру.** (Михайловское, первая половина декабря). — Прежде, чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію, я надѣялся найти въ ней и письмо. Я трясъ, трясъ ее, и ждалъ, не выпадетъ ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно! ничего не вытрясъ, и со злости духомъ прочелъ „Духовъ“ (Calembour! reconnais-tu le sang?), сперва про себя, а потомъ и вслухъ. Нужна ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда ли? Все равно, критикую. Ты сознаешься, что характеръ поэта неправдоподобенъ: сознаніе похвальное; но надобно бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи, а не въ предисловіи. Поэтъ могъ бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя комическія черты. За то Калибанъ — прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковскаго [1]. Это простительно Цертелеву, а не тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому — и рада.

„Сиръ — слово старое, прочтутъ иные сыръ“ etc [2]. очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать. — Пасъ стада главы моей (вшей)? [3] Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легкое воздушное творенье, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада

прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія; напр. слушать въ оба уха, брось видъ угрюмый, взглядъ унылый, молодецъ ретивый, сдернетъ чепецъ на старухѣ etc. — Все это прощаю за Калибана, который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по-прежнему и увѣренъ, что тебя этимъ не разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ — бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля ... Ай-ай ... Больше не буду! Не бей меня.

[Четвертка, сложенная пакетомъ, съ надписью „Кюх."].

1826.

169. **П. А. Плетневу.** (Михайловское, январь). — Душа моя, спасибо за Стихотворенія Александра Пушкина; изданіе очень мило, кое-гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится. — Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что дѣлается у насъ въ Петербургѣ? Я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать. Вѣрно, вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно: я туда не намѣренъ. Но неизвѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость царскую. Кстати: не можетъ ли Жуковскій узнать, могу ли я надѣяться на высочайшее снисхожденіе; я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что ни говори — мнѣ всего 26.

Покойный императоръ въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки — нерелигіозныя; другихъ художествъ за собой не знаю. Ужели молодой нашъ царь не позволитъ удалиться куда-нибудь, гдѣ бы потеплѣе, если ужь никакъ нельзя мнѣ показаться въ Петербургъ? — А? Прости душа; скучно, мочи нѣтъ.

---

170. **В. А. Жуковскому.** (Михайловское, январь). — Я не писалъ къ тебѣ, во-первыхъ, потому что мнѣ было не до себя, во-вторыхъ — за неимѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ государемъ; не хочу охмелить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 декабря связей поли-

тическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія-нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же, кромѣ полиціи и правительства, не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки, я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно (оба ли Раевскіе взяты, и въ самомъ ли дѣлѣ они въ крѣпости ?[1] Напиши, сдѣлай милость). Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю — не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc. И такъ, остается тебѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они.

Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ [2], съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ.

Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи. [3]

Я, наконецъ, былъ въ связи съ бо́льшею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ.

Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

Письмо это неблагоразумно, конечно, но должно же довѣрять иногда счастію. Прости, будь счастливъ. Это покамѣстъ первое мое желаніе.

Прежде, чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли, наконецъ, позволить ему возвратиться?

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Александра. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры — гласъ народа; слѣдственно, я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба.

---

171. **Барону А. А. Дельвигу.** (Михайловское, январь).— Милый баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно — я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь — и дай Богъ, чтобъ было понапрасну — мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ

арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. — Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. — Прощай, мой милый другъ. — *П.*

[На четвертой страницѣ: Барону Дельвигу].

---

172. **Ему же.** (Михайловское, январь). — Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились досыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особенно нынѣ: образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый шесть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справеливость истиннымъ его достоинствамъ — но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности, и если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ бы то ни было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни — какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. — Прощай, душа моя. — *Пушкинъ.*

Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ; но сдѣлай такъ, чтобъ прежде Великаго Поста онѣ находились опять у Плетнева.

[Адресъ: Милостивому государю барону Антону Антоновичу Дельвигу. Въ С.-Петербургъ, въ Б. Милліонной, въ домѣ Г-жи Эбелингъ].

---

173. **П. А. Катенину.** (Михайловское, февраль).— Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой[1] были напи-

саны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ[2] радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь ли что? Вмѣсто альманаха, не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности. Какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?

---

174. **Бар. А. А. Дельвигу.** (Михайловское, 20 февраля). — Мой другъ баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гименееемъ.

Io hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери. — Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геенну и во огнь вѣчный — обнимаю и поздравляю тебя — рекомендуй меня баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что тевтонъ Кюхля не былъ славянинъ[1], а охмелѣлъ въ чужомъ пиру. Поведеніе великаго князя Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что́ Иванъ Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться[2] — сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Бо́льшаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Жуковскому — и жду отвѣта. Покамѣстъ я совершенно одинъ. Прасковья Александровна уѣхала въ Тверь, сейчасъ пишу къ ней и отсылаю Эду — что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не

поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ — всякій говоритъ по-своему. А описанія финляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! — чудо! — Видѣлъ я и Слѣпушкина;[3] неужто никто ему не поправилъ Святки, Масленицу, Избу? У него истинный свой талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих. — съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою. — Жду Цвѣтовъ.

[На четвертой страницѣ: Дельвигу].

175. **П. А. Осиповой.** (Михайловское, 20 февраля). — Madame. Voici le nouveau poême de Baratinsky que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef d'œuvre de grâce, d'élégance et de sentiment: vous en serez enchantée.

Le présume, madame, que vous êtes maintenant à Twer; je souhaite que vous y passiez vorte temps agréablement, mais pas assez pour oublier totalement Trigorsky, où après vous avoir regrettée, nous commençons déjà à vous attendre.

Recevez, madame, l'assurance de ma haute considération et de mon parfait dévouement.

20 Février.

Veuillez, madame, présenter mes hommages à M-elle votre fille, ainsi qu'a M-lle Netty.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

176. **П. А. Плетневу.** (Михайловское, 2 марта). — Карамзинъ боленъ! — милый мой, это хуже многаго — ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Иліады — или реку въ сердцѣ моемъ: нѣсть Фебъ! Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишете меня въ Петербургъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ? Стыдное дѣло. Слѣ-пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полумедаль[1], а Пушкину полному — шишъ. Такъ и быть, отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака (что мнѣ слѣдуетъ),[2] по крайней мѣрѣ, пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? Но въ обоихъ случаяхъ давно бы надлежало мнѣ быть въ Петербургѣ. Вотъ каково быть честнымъ человѣкомъ! забудутъ— и квитъ. — Получили ли мои пріятели письма мои дѣль-

ныя, т. е. дѣловыя? Что жь не отвѣчаютъ? — А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай да нанимай писцовъ опочкинскихъ, да издавай Онѣгина. Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

[Штемпель: Опочка. 4 марта 1826].

---

177. **В. А. Жуковскому.** (Михайловское, 7 марта). — Поручая себя ходатайству вашего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію моей опалы. Въ 1823 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно разстроенное здоровье и родъ аневризма, требовавшаго немедленнаго лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному государю императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть, его величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости. — *Александръ Пушкинъ.*

7 марта 1826 г. Михайловское.

[Адресъ: Василію Андреевичу Жуковскому].

---

178. **И. Е. Великопольскому.** (Михайловское, 10-го марта). — Милостивый государь Иванъ Ермолаевичъ. Сердечно благодарю васъ за письмо, пріятный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь ли я снова къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши благодарить, покамѣстъ, и за то.

Кланяюсь князю Циціанову [1]; жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Александръ Пушкинъ.*

[На черномъ сургучѣ пушкинская печать-талисманъ. Почтовый штемпель: Опочка. 1826, марта 11].

179. **П. А. Плетневу.** (Михайловское, мартъ или начало апрѣля). — Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія. Вмѣстѣ съ твоимъ получилъ я письмо отъ Заикина,[1] съ увѣдомленіемъ о продажѣ Стихотвореній А. Пушкина и съ предложеніями. Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ пьесъ уже цензоръ не пропуститъ; какихъ же? А. Шенье? И такъ, погодимъ съ новымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все перемелется — будетъ мука — тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изданіе. (Однако скажи: развѣ были какія-нибудь неудовольствія по случаю моихъ стихотвореній? или это одни твои предположенія?). Знаешь ли? Ужь если печатать что, возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ — я доставлю предисловіе и, можетъ быть, примѣчанія — и съ рукъ долой. А то всякій разъ, какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится. Въ собраніи же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Беппо, которая у меня въ запасѣ.[2] Жду отвѣта.

При семъ письмо къ Жуковскому въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ.[3] Не смѣю надѣяться, но мнѣ бы сладко было получить свободу отъ Жуковскаго, а не отъ другого. Впрочемъ держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.

Какого вамъ Бориса и на какія лекціи?[4] Въ моемъ Борисѣ бранятся по м... на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго пола. Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Онѣ мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Дельвига.[5]

180. **А. Н. Вульфу.** (Михайловское, 7 мая). — Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете — добро. Однако, я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. — Не правда ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покамѣстъ скажите мнѣ — не чрезъ Дерптъ ли проѣдетъ

Жуковскій въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете ли вы письма отъ Анны Ник. (съ которой NB мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ Вавилонская блудница Анна Петровна? Говорятъ, что Болтинъ очень счастливо металъ противъ почтеннаго Ермолая Ѳедоровича. Мое дѣло — сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très-bien. Mais avez-vous placé votre mari? celui-ci est bien plus embarrassant. Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ; привезите же Языкова и съ его стихами.

Видѣлъ я въ Синскѣ нѣкоторые нескромные гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

7 мая.

[Вульфомъ приписано: „7 мая 826 года". Адресъ: „Его благ. А. Н. Вульфу въ Дерптъ".

[Свѣрено съ подлинникомъ].

181. **Прошеніе на Высочайшее имя.** (Михайловское, 11 мая). — Всемилостивѣйшій Государь. Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ, съ надеждой на великодушіе вашего императорскаго величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ вашему императорскому величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою.

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма, давно уже требуютъ постояннаго лѣченія, въ чемъ и представляя свидѣтельство медиковъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края.

Всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный *Александръ Пушкинъ*.

[Приложено обязательство].

Я, нижеподписавшійся, обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не при-

надлежалъ и не принадлежу, и никогда не зналъ о нихъ. 10-го класса *Александръ Пушкинъ*. 11-го мая 1826 года.

182. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 22-го мая). — Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее, не вѣдаетъ-бо, что́ творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ ли ты мою Эду? Вручила ли она тебѣ письмо? Не правда ли, что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ[1]. Какъ же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливѣе чѣмъ Андрей Шенье, я заживо слышу голосъ вдохновенія.

Твои стихи Къ Мнимой Красавицѣ (ахъ, извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты неуимчивый, какъ говоритъ моя няня. „Семь Пятницъ"— лучшій твой водевиль. Напиши жь мнѣ что нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

Правда ли, что Баратынскій женится? Боюсь за его умъ. Законная жена — родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ я увѣренъ, что ты гораздо былъ бы умнѣе, если бы лѣтъ еще десять былъ холостой. Бракъ холодитъ душу. Прощай и пиши.

Михайловское. Май.

[Штемпель: Опочка, мая 24, 1826].

183. **И. Е. Великопольскому.** (Преображенское, 3-го іюня). —

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штосъ.
Пятьсотъ рублей, проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоей судьбою —
Сейчасъ, мой другъ, увидишь, почему.

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гавріилу Петровичу Нази-

мову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душою *Александра Пушкина.*

3 іюня 1826. Преображенское.

[Послано не по почтѣ].

---

184. **Князю П. А. Вяземскому.** (Псковъ, начало іюня).— Ты правъ, любимецъ музъ. Воспользуюсь правами и блуднаго зятя, и грядущаго барина, и письмомъ улажу все дѣло. Долженъ ли я тебѣ что-нибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ ли съ тебя чего-нибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное поведеніе? Пора бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей-Богу, когда-нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка. Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot въ Петербургѣ.[1] Чортъ ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, овладѣй этимъ Lancelot (котораго я нисколько не помню) и не пускай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; предъ m-me de Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ; но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы, или парижскіе театры и б..., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда нибудь прочтешь его и спросишь съ милою улыбкой: Гдѣ же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится. Ай да умница! Прощай.

Думаю, что ты уже въ Петербургѣ, и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ, что не прощусь съ Карамзиными. Богъ знаетъ, свидимся ли когда-нибудь.

Я теперь въ Псковѣ, и молодой докторъ съ-пьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ. Не забавно умереть въ Опоческомъ уѣздѣ!

185. **Ему же.** (Михайловское, 10 іюня). — Коротенькое письмо твое огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, что̀ ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во-вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшишь: это Шемякинъ судъ. Если ужь Вяземскій — такъ что же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти? Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13-й томъ Русской Исторіи. Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все... Я писалъ тебѣ въ Петербургъ, еще не зная о смерти Карамзина. Получилъ ли ты это письмо? Отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если бъ я былъ потребованъ Коммисіей, то я бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ—и, кажется это не къ добру. Впрочемъ, чортъ знаетъ. Прощай, пиши. Что Катенинъ дѣлаетъ?

10 іюня.

186. **Ему-же.** (Михайловское, 14 августа). —

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?

Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ — земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ —
Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другого раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на кораблѣ въ Петербургъ? Вотъ каково море наше хваленое! Еще-таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ, и перешлю ихъ тебѣ, только для тебя. Прощай, душа.

14 августа.

Ты находишь письмо мое холоднымъ и сухимъ. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы.

Адресъ: Барону Антону Антоновичу Дельвигу, въ С.-Петербургъ, въ Большой Милліонной, въ домъ д-ра Энтингъ, для доставленія князю П. А. Вяземскому].

187. **П. А. Осиповой.** (Псковъ, 4 сентября). — Je suppose, madame, que mon brusque départ avec un фельдъегерь vous a supris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельдъегерь. On m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très-aimable du baron Дибичъ il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant; dès que je serai libre, je reviens en toute hâte à Trigorsky où désormais mon coeur est fixé pour toujours.

Rskow, 4 Sept.

188. **Ей-же.** (Москва, 15 сентября). — Voici 8 jours que je suis à Moscou sans avoir eu encore le temps de vous écrire; cela vous prouve, madame, combien je suis affairé. L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable. Moscou est bruyante et dans les fêtes, à tel point que j'en suis déjà fatigué et que je commence à soupirer après Михайловское, c'est-à-dire après Trigorsky; je compte partir tout au plus dans deux semaines. Aujourd'hui 15 sept. nous avons la grande fête populaire; il y aura trois verstes de

tables dressées au Дѣвичье Поле; les pâtés ont été fournis à la сажень, comme si c'était du bois; comme il y a quelques semaines que ces pâtés sont cuits, on aura de la peine à les avaler et les digérer, mais le respectable public aura des fontaines de vin pour les humecter. Voici la nouvelle du jour: demain il y a bal chez la c-esse Orlof: un immense manège a été converti on salle; elle en a emprunté pour 40000 r. de bronze et il y a mille personnes d'invités. On parle beaucoup de nouveaux réglements très sévères consernant les duels, et d'un nouveau code de censure; comme je ne l'ai pas vu, je ne puis rien en dire. Excusez le décousu de ma lettre, elle vous peint tout à fait le décousu de ma vie actuelle. Je suppose que M-lles Annettes [Анна Ник. и Анна Ив. Вульфъ] sont déja à Trigorsky; je les salue de loin et de tout mon coeur, ainsi que toute votre charmante famille. Agréez, madame, l'assurance pe mon profond respect et de l'attachement inaltérable que je vous ai voué pour la vie. *Pouchkine.*

Moscou 15 Sept.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

186. **Князю П. А. Вяземскому.** (Михайловское, 9 ноября).— Вотъ, я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно, безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый непріятный анекдотъ было то, что сломались у меня колеса, растрясенныя въ Москвѣ другомъ и благопріятелемъ моимъ г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла какъ-то по́-сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни — ей-Богу, пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и проч. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизустъ новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила ли княгиня поясы и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му... Она велѣла! [1] Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ. — Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно. И такъ, ни-

когда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ-одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ,—все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1, знать грамматику русскую; 2, писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полевого ты пошлешь къ... Прощай, князь Вертопрахинъ; кланяйся княгинѣ Вѣтронѣ, которая, надѣюсь, выздоровѣла. Что наши? Что Запретная Роза? Что Тимашева?[2] Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу; но и это не ушло.

9 ноября.

Сейчасъ прочелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитріева (котораго NB. ты одинъ еще поддерживаешь), то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужь завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать.[3] Аминь, аминь, глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! каламбуръ: скажи княгинѣ, что она всю прелесть московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

---

187. **Н. М. Языкову.** (Михайловское, 9 ноября). — Милый Николай Михайловичъ — сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское — спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. — Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О Цензурномъ Уставѣ рѣчь впереди. Обнимаю васъ и Вульфа.

Получили ли вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ, пришлите мнѣ ихъ, да кстати и первое Посланіе.

О Москвѣ напишу вамъ много.

---

188. **Ему же.** (Москва, 21 ноября). — Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода вамъ, достойному пѣвцу того и другого. Пишу, однакожь, изъ Москвы, куда вчера привезъ я ваше Тригорское. Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ „Московскомъ Вѣстникѣ", слѣдственно — и вы также. Адресуйте же ваши стихи въ Москву, на Молчановку, въ домъ Ренкевичевой; оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія. Непремѣнно будьте же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется.

Я усталъ и боленъ, потому вамъ и не пишу болѣе. Вульфу кланяюсь, обѣщая свое высокое покровительство.

21 ноября.

Тригорское ваше, съ вашего позволенія, напечатано будетъ въ 2-мъ № „Моск. Вѣстника". Рады ли вы журналу? Пора задушить альманахи. Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ „Телеграфу", — жаль, но что жь дѣлать?

---

189. **А. Х. Бенкендорфу.** (Псковъ, 29 ноября). — Милостивый Государь Александръ Христофоровичъ. Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ Вашего Превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе Государя Императора, также какъ снисходительную благосклонность Вашего Превосходительства.

Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ (конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ Высочайшую волю Государя), то поставляю себѣ за долгъ препроводить ее Вашему Превосходительству, въ томъ самомъ видѣ, какъ была она мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ Императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить Ваше Превосходительство оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка Государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ Вашего Превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.

Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, Милостивый Государь, В. Пр-ва всепокорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

Псковъ. 1826 г. ноября 29.

[Помѣтка на письмѣ: получено 9-го декабря 1826 г.].

190. **М. П. Погодину.** (Псковъ, 29 ноября). — Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановить въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ — но все перемелется и будетъ мука̀, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданія скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся.

191. **С. А. Соболевскому.** (Псковъ, 1 декабря). — Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ, однакожь, прежде чѣмъ что-нибудь печатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно, я въ точности исполню высшую волю, и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашниковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ. — Съ Погодинымъ уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову [1] безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ; покамѣстъ сижу или лежу во Псковѣ. Мнѣ пишутъ, что ты боленъ; чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

192. **В. П. Зубкову.** (Псковъ, 1 декабря) — Cher Zoubkof, vous n'avez pas reçu de lettre de moi, et en voici la raison: je voulais vous arriver comme une bombe le 1 déc., c. à. d. aujourd'hui, il y a donc 5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная — vu les chemins dé-

testables. Les ямщикъ de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser; j'ai le côté foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, de rage je joue et je perds. En voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes, mon arrivée eut été la meilleure réponse aux réflexions, objections etc. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, — jasons, c. à d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami. Il est temps de vivre, c. à d. de connaître le bonheur. Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète, pourrais-je n'être pas le plus heureux des hommes auprès d'elle, — je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend, — je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois — voilà ce qui me donne des moments de réflexions pénibles. Dois-je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau! —

Mon Dieu, qu'elle est jolie! et que ma conduite aves elle a été ridicule. Cher ami, tâchez d'effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner, — dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine, et la preuve — что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкой этотъ Панинъ, — два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ, а я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой — на балѣ, а въ третій сватаюсь! Si elle trouve que Панинъ a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas? — expliquez lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue, il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'on l'aime il est impossible de l'aimer davantage, comme il est impossible d'être plus belle. — Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Панинымъ скернымъ и жени меня. *А. П.*

A Moscou je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma turquerie toute infâme qu'elle est. Je félicite le C-te Samoïlof.

193. **Н. С. Алексѣеву.** (Псковъ, 1 декабря).

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновенiй,
Минувшаго мнѣ жизнiю попѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученiи

твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ вспоминаю... Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось, Богъ милостивъ, увижу гдѣ-нибудь чинно сидящаго моего друга, или въ креслахъ театральныхъ, или въ ресторації за обѣдомъ. Нѣтъ — такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять ѣду въ Бѣлокаменную. Надежды нѣтъ, или очень мало. По крайней мѣрѣ, пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя потчивать новостями московскими.

Прощай, отшельникъ бессарабской,
Лукавый другъ души моей,
Порадуй же меня ие сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

194. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Псковъ, 1 декабря). — Ангелъ мой Вяземскій, или пряникъ мой Вяземскій, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку. Обоихъ васъ благодарю, и ѣду къ вамъ, и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ!.. Изъясню послѣ. — Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать 7-ю главу Онѣгина, я проигрывалъ въ штосъ четвертую. Не забавно! Отовсюду получалъ письма и всюду отвѣчаю. — Adieu, couple si étourdi en apparence. Adieu, князь Вертопрахъ и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня не достаетъ уже и собственной простоты для переписки.

1 дек. Псковъ.

При семъ письмо Алексѣеву (родъ моего Сушкова) для дост. Киселеву — вой — вымъ, какъ хошь.

[Штемпель: 1826. Псковъ. На адресной сторонѣ рисунокъ перомъ, изображающій летящаго голубя, фіалку и пылающее сердце].

1827.

195. **А. Х. Бенкендорфу.** (Москва, 3 января). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо Вашего П-ва,

увѣдомляющее меня о Всемилостивѣйшемъ отзывѣ Его Величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ Государь Императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное.

Въ непродолжительномъ времени буду имѣть честь, по приказанію В. Пр-ва, представить Вамъ мелкія мои стихотворенія.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, благодарности и преданности, имѣю честь быть В. Пр-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

Москва.
3 января. 1827.

196. **В. И. Туманскому.** (Москва, въ началѣ года). — Милый мой Туманскій! ты вѣрно ко мнѣ писалъ, потому что вѣрно меня любишь по-старому, но я не получалъ отъ тебя строчки. — Ужь не почта ли виновата? — Справься и возьми свои мѣры. — На всякій случай, пиши на имя Погодина, къ книгопродавцу Ширяеву въ Москву. Кстати: надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну — Погодинъ не что иное, какъ имя, звукъ пустой — духъ же я, т. е. мы всѣ православные. Подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами. — Прощай; пришли Одессу, мой отрывокъ. — *А. П.*

Нельзя ли чего отъ Левшина?

197. **А. А. Муханову.** (Москва, въ первой половинѣ февраля). — Милый мой Мухановъ, когда же свидимся мы-чтобъ ѣхать къ дядѣ — заѣзжай въ Яръ, я тамъ буду обѣ, дать, и оставь записку. — *А. П.*

198. **А. Х. Бенкендорфу.** (Москва, 22 марта). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Стихотворенія, доставленныя Барономъ Дельвигомъ Вашему Пр-ву, давно не находились у меня: они мною были отданы для Альманаха Сѣверные Цвѣты, и должны были быть напечатаны въ началѣ нынѣшняго года. Вслѣдствіе Высочайшей воли, я остановилъ ихъ напечатаніе и предписалъ Барону Дельвигу прежде всего представить оныя Вашему Пр-ву.

Чувствительно благодарю Васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно піэсы 19 октября. Непремѣнно напишу Б. Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ — и вообще все, что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ было имъ исключено.

Медлительность моего отвѣта происходитъ отъ того, что послѣднее письмо, которое удостоился получить отъ Вашего Пр-ва, ошибкою было адресовано во Псковъ.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и сердечной преданности, честь имѣю быть, М. Г., В. Пр-ва всепокорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

Москва.
22 марта. 1827.

---

199. **В. Д. Соломирскому.** (Москва, 15 апрѣля). — A l'instant, si vous le désirez, venez avec un témoin. — *P.*

15 Avr.

---

200. **М. П. Погодину.** (Москва, апрѣль). — Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У васъ Къ Языкову — тисните, но за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ №№ не помѣщусь.

---

201. **А. Х. Бенкендорфу.** (Москва, 24 апрѣля). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Семейныя обстоятельства требуютъ моего присутствія въ Петербургѣ: пріемлю смѣлость просить на сіе разрѣшенія у В. Пр-ва.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и душевной преданностію имѣю честь быть В. Пр-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

Москва.
24 апрѣля. 1827.

---

202. **Л. С. Пушкину.** (Москва, 8 мая). — Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ Петербургъ, увидѣться съ дражайшими родителями comme on dit и устроить свои денежныя дѣла. Изъ Петербурга поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во-свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію — не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо

мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею — да прошу не влюбиться въ дочь. — Кончились ли у васъ война?[1] Видѣлъ ли ты Ермолова и каково вамъ послѣ его? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда-нибудь да пришлетъ мнѣ. — *А. П.*

8 мая.

[На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину, въ Азію].

203. **П. А. Осиповой.** (Спб., въ концѣ мая).— Je suis bien coupable envers vous, mais pas tant que vous pouvez le penser. Arrivé a Moscou, je vous ai tout de suite écrit en adressant mes lettres на ваше имя въ почтамтъ. Il se trouve que vous ne les avez pas reçu. Cela m'a découragé, et je n'ai plus repris la plume. Puisque vous daignez vous intéresser encore a moi, que vous dirai-je, madame, de mon séjour a Moscou et de mon arrivée a Pétersbourg? L'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eut donné à choisir entre les deux, j'aurais choisi Trigorsky, à peu près comme Arlequin, qui sur la question qu'aimerait-il mieux: d'être roué on pendu? répondit: j'aime mieux une soupe au lait. Je suis ici sur mon départ et je compte absolument venir passer quelques jours a Михайловское; je salue en attendant de tout mon coeur vous et tout ce qui tient à vous.

[Адресъ: Ея высокородію П. А. Осиповой въ Опочку. Снѣрено съ подлинникомъ].

204. **С. А. Соболевскому.** (Спб., іюнь). — Безалаберный! Полно тебѣ писать глупости Аннѣ Петровнѣ [Кернъ]. Напиши мнѣ слово путное, гдѣ Онѣг. 2 часть? Здѣсь ее требуютъ. Остановилась даже продажа и другихъ главъ. А кто виноватъ? Ты, животъ, Калибанъ etc. Еще слово: ты перевелся на Трубецкого; а онъ терпѣлъ, терпѣлъ цѣлый мѣсяцъ, а какъ стало невтерпежъ, присталъ ко мнѣ внезапно: давай денегъ! денегъ — а гдѣ ихъ взять? — Что ваши, т. е. наши? Погодинъ мнѣ писалъ, а я виноватъ, весь излѣнился, не отвѣчалъ еще и не послалъ стиховъ, да они сами меня обезкуражили. Здѣсь въ П.Б. даютъ мнѣ (à la lettre) 10 рублей за стихъ, а у васъ въ Москвѣ хотятъ меня заставить даромъ и исключительно

работать журналу. Да еще говорятъ: онъ богатъ, чортъ ли ему въ деньгахъ. Положимъ такъ, но я богатъ черезъ мою торговлю стишистую, а не прадѣдовскими вотчинами, находящимися въ рукахъ Сергѣя Львовича. — *А. П.*

Баронесса [Дельвигъ] тебѣ кланяется и цѣлуетъ нѣжно.

[Адресъ: Соболевскому.]

---

205. **М. П. Погодину.** (Спб., 10 іюня). — Очень васъ благодарю и съ поспѣшностью возвращаю корректуру. Ай да Соболевскій, ай да байбакъ! Что̀ тутъ онъ нагородилъ! Отъ него получилъ я письмо и на дняхъ отвѣчу. Покамѣстъ съ вожделѣніемъ думаю о сельери по 11 р. асс.

---

206. **С. А. Соболевскому.** — (Спб., іюнь). — Если бы ты просто написалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, что ты не можешь при слать мнѣ 2-ю главу, то я безъ хлопотъ ее бы перепечаталъ; но ты все обѣщалъ, обѣщалъ — и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю.

Что изъ того слѣдуетъ?

Что ты безалаберный,

Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая насъ, образцовыхъ великихъ людей — Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полевого и проч.

Хорошъ!

207. **Н. М. Языкову.** (Спб., 14 іюня).

Къ тебѣ сбирался я давно,
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино.
Ужь зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ, —
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ — хоть нѣтъ охоты —
Окованнымъ остался я.
Ахъ, юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?

Въ долгахъ, бывало, утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
И тяжесть денегъ и годовъ,
Остепенившись, проклинаю.
Прости, пѣвецъ! Играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ—
По праву русскаго дворянства.

Стиховъ, ради Бога, стиховъ! Душа проситъ. Простите, желалъ бы сказать: до свиданія.

14 іюня. Спб.

---

208. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 29 іюня). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. По пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ, являлся я къ Вамъ, но не имѣлъ щастія найти дома. Полагая, что Вы заблагоразсудите сами потребовать меня, до сихъ поръ я Васъ не безпокоилъ. Теперь осмѣливаюсь просить Васъ дозволить мнѣ къ Вамъ явиться, гдѣ и когда будетъ угодно В. Пр-ву.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности имѣю честь быть В. Пр-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

С.П.Б.
1827. 29 іюня.

[Помѣта: „Пригласить въ Середу въ 2 часа въ квартиру", о чемъ и сообщено Пушкину 5-го іюля].

---

209. **Ему-же.** (Спб., 20 іюля). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Въ 1824 году Г. Статскій Совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое „Кавказскій Плѣнникъ", и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ второго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3,000 рублей. Вслѣдствіе сего родитель мой, Статскій Совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Г. Ольдекопъ перепечаталъ-де „Кавказскаго Плѣнника" для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ, что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, Статскій Совѣт-

никъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа токмо развѣ яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасенія заплаты за безчестіе.

Не имѣя другого способа къ обезпеченію своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный Вашимъ Пр-мъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ Высшему покровительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

Честь имѣю быть съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, благодарности и преданности В. Пр-ва, М. Г., покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

С.-Петербургъ.
20 іюля. 1827.

210. **Ему-же.** (Спб., 20 іюля). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Честь имѣю препроводить на разсмотрѣніе В. Пр-ва новыя мои стихотворенія. Если Вы соблаговолите снабдить меня свидѣтельствомъ для цензуры, то вслѣдствіе Вашего снисходительнаго позволенія, осмѣливаюсь просить Васъ о доставленіи всѣхъ сихъ бумагъ издателю моихъ сочиненій Надворному Совѣтнику Петру Александровичу Плетневу.

Препровождая при семъ записку о дѣлѣ моемъ съ Г. Ольдекопомъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, М. Г., Вашего Пр-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

С.-Петербургъ.
20 іюля. 1827.

212. **Барону А. А. Дельвигу.** (Михайловское, 31-го іюля). — Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя.[1] Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ, и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу Посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣстъ принялся я за прозу.[2] Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ ли твою заспанную музу? У васъ***? Кстати, Сомовъ говорилъ мнѣ о „Вечерѣ у Карамзина“. Не печатай его въ своихъ „Цвѣтахъ“.[3] Ей-Богу, неприлично. Конечно, вольно собакѣ и на владыку лаять — но пусть

лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не Булгарину прерывать его — это было бъ еще неприличнѣе. — Что твоя жена? Помогло ли ей море? Няня ее цѣлуетъ; а я ей кланяюсь. — Пиши же.

31 іюля. Михайловское.

---

210. **М. П. Погодину.** (Михайловское, 15 августа). — Что дѣлаете? Что нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина на шапку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ подъ-цензуры; коль скоро получу, перешлю къ вамъ; я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы!

Пока не требуетъ поэта, и пр. (см. II, 57).

211. **Ему-же.** (Михайловское, 31 августа). — Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ, кромѣ двухъ стиховъ. Скажите это отъ меня господину Двигубскому, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе.[1]

Плетневъ доставитъ вамъ сцену съ копіей отношенія Бенкендорфа; если московская цензура все-таки будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, и я опять буду безпокоить государя императора всеподданнѣйшею просьбою и жалобою на неуваженіе высочайшей его воли.

Теперь обратимся къ другому предмету. Вы хотите издать Уранію.[2] Et tu, Brute!... Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы, издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы, честный литераторъ между лавочниками литературы, вы!... Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ; но какихъ же? quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче Вѣстнику; не только licet, но decet. И другія причины. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога, не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаюсь вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная

часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ немъ слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ — повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка Переправа[3] въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію — лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ „Телеграфѣ“ похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сѣрдитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидитесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ, но что все собираюсь загладить свою вину не знаю, увижу ли я васъ нынѣ, по крайней мѣрѣ хочется побывать въ Бѣлокаменной... Весь вашъ, безъ церемоній.

31 августа. Михайловское.

PS. Еще слово: изданіе Ураніи, ей-Богу, можетъ, хотя несправедливо, а вредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что̀ Вяземскій сказалъ объ альманахѣ издателя „Благонамѣреннаго“;[4] онъ совершенно правъ — публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ N. N. глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ.

Лучше ужь прекратить изданіе; но сіе было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

214. **А. Х. Бенкендорфу.** (Опочка, 10 сентября). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Съ благоговѣніемъ и благодарностію получилъ я чрезъ Ваше Пр-во отзывъ Го-

сударя Императора. Почитаю за счастіе во всемъ повиноваться Высочайшей его волѣ.

Что же касается моего дѣла съ Г. Одельскопомъ, то я не осмѣливаюсь вновь по оному безпокоить Ваше Пр-во. Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатываніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника.

Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе Вашего Пр-ва, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, М. Г., В. Пр-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

Опочка.
10 сентября. 1827.

215. **Ѳ. В. Булгарину.** (Петербургъ, въ ноябрѣ). — Напрасно думали вы, любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, чтобъ я могъ забыть свое обѣщаніе. Дельвигъ и я непремѣнно явимся къ вамъ съ повиннымъ желудкомъ сегодня въ $3^1/_2$ часа. Голова и сердце мое давно ваши. — *А. Пушкинъ*.

[На оборотѣ адресъ: „Его высокоблагородію милостивому государю Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину“].

216. **М. П. Погодину.** — Теперь я долженъ передъ вами зѣло извиняться за долгое молчаніе. — Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лѣнь мною овладѣла, это еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Туманскаго (кромѣ Голубые глаза, взятые у Дельвига). Отрывокъ изъ Онѣгина и Стансы пропущенные — на дняхъ пришлю въ Москву и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего не осталось послѣ здѣшней альманашной жатвы, а писать еще некогда. — Весь вашъ *А. П.*

Я не лишенъ правъ гражданства, и могу быть цензи-

рованъ нашею цензурою, если хочу, — а съ каждымъ нравоучительнымъ четверостишіемъ я къ высшему цензору не полѣзу — скажите это имъ.

---

217. **Неизвѣстному.** (Н. Н. Раевскому? черновое). — Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ судьбѣ Годунова. Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; но теперь, когда, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде не подозрѣваемыя.

Съ 1820 года, будучи удаленъ отъ московскихъ и петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдные, однообразные списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ нашей народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, французская словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюся, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно паробощать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ доженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы...

...Между тѣмъ, читая мелкія стихотворенія, величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ и слѣдовъ искренняго и свободнаго хода романтической поэзіи, но жеманство лжеклассицизма французскаго...

Все это сильно поколебало мою авторскую увѣренность: я началъ подозрѣвать, что трагедія моя есть анахронизмъ...

Скоро я въ томъ удостовѣрился. Вы читали въ 1-й книжкѣ Московскаго Вѣстника отрывокъ изъ Бориса Годунова, сцену лѣтописца. Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись князя Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ...

Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное равнодушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзинымъ и отразившееся въ его безсмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей. Что жь вышло? Обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и нашли ихъ запоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ риѳмъ назваться стихами. Г-нъ Загоскинъ предложилъ промѣнять сцену Бориса Годунова на картинку Дамскаго журнала. Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей публики...

Что жь изъ этого слѣдуетъ? Что г-нъ Загоскинъ и публика правы, но что гг. журналисты виноваты ошибочными извѣстіями, введшими меня въ искушеніе. Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрять на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны и, кажется, не нужны...

218. **Неизвѣстному.** (Черновой набросокъ). — М. Г. N. N. Вы не знаете правописанія и пишете обыкновенно безъ смысла. Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: не выдавайте себя за представителя цѣлаго народа и рѣшителя споровъ двухъ литераторовъ. Съ истиннымъ почтеніемъ etc.

1828.

219. **П. А. Осиповой.** (Спб., 24 января). — Je suis si honteux, madame, d'avoir été si longtemps sans vous écrire,

que j'ose à peine prendre la plume; ce n'est que le souvenir de vorte amitié, souvenir qui me sera éternellement délicieux, et l'assurance que j'ai de l'indulgence de votre bonté, qui m'enhardissent encore aujourd'hui. Delvig, qui abandonne ses Fleurs pour des épines diplomatiques, vous parlera de notre éxistence à Pétersbourg. Je vous avoue que cette éxistence est assez sotte, et que je brûle de la changer de manière ou d'autre. Je ne sais si je viendrais encore à Михайловское. Cependant c'eut été mon désir. Je vous avoue, madame, que le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout-à-fait étranger — je le supporte avec impatience. J'aime mieux votre beau jardin et le joli rivage de la Сороть. Vous voyez, madame, que mes goûts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon éxistence actuelle. Il est vrai qu'il est difficile de vous écrire et de n'être pas poète.

Agréez, madame, l'assurance de mon respect et de mon entier dévouement. Je salue de tout mon coeur toute votre charmante famille. Comment se trouve M-elle Euphrosine de son séjour à Torjok? et y fait-elle beaucoup de conquêtes? *A. P.*

24 Janvier.

[Адресъ: „à Madame Ossipof". Рукою Осиповой: „année 1828"]

220. **М. П. Погодину.** (Спб., 19 февраля). — Вы, конечно, правы, и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ — ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ.[1] — Когда бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно бъ ужь не пропустилъ выходку, которая такъ васъ безпокоитъ; печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела того стоитъ, — а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило — не трогать, чего знаете.— Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой, Ѳаддей Венедиктовичъ! Витязь великосердый, подвизайся, подвизайся. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь и, какъ говоритъ Тредьяковскій, „плюньте на суку" Сѣверную Пчелу.[2]

19 февраля.

На дняхъ пришлю вамъ прозу — да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишонковъ опечатками и т. под.[3] Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

221. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 5 марта). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Позвольте мнѣ принести Вашему Пр-ву чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе Государя Императора есть лестнѣйшая для меня награда, и почитаю за счастіе — обязанность мою слѣдовать Высочайшему его соизволенію.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и сердечной преданности, честь имѣю быть, М. Г., В. Пр-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

С.-Петербургъ.
5 марта 1828.

Осмѣливаюсь безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою лично узнать отъ В. Пр-ва будущее мое назначеніе.

[Помѣта: „Пригласить его ко мнѣ послѣ завтра въ воскресенье въ 4-мъ часу". Объ этомъ сообщено Пушкину 10-го марта: завтра въ воскресенье].

---

222. **И. Е. Великопольскому.** (Спб., получено 5-го апрѣля). — Любезный Иванъ Ермолаевичъ, Булгаринъ показалъ мнѣ очень милыя ваши стансы ко мнѣ, въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могу согласиться:

Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ

и ваше примѣчаніе — конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что вы немножко недовольны. Правда ли? По крайней мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ю главу Онѣгина? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ вы заплатили мнѣ свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Что, если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи. Простите. Весь вашъ *А. П.*

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Портретъ Наумова

(мужа Ек. Ник. Ушаковой).

Рисунокъ А. С. Пушкина, сдѣланный перомъ въ 1828 г.

Даръ А. Ѳ. Кони Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея. Воспроизведено непосредственно съ оригинала.

[Адресъ: „Евгенію Абрамовичу Баратынскому, въ Чернышевскомъ переулкѣ, въ домѣ Енгельгарда, въ Москвѣ. Пр. дост. И. Е. Великопольскому". Рукою Баратынскаго: „На Большой Екиманкѣ,—у Калужскихъ воротъ, въ д. Еремеевой"].

223. **С. А. Соболевскому.** (Спб., апрѣль). — Безалаберный! ты ничего не пишешь мнѣ о 2100 рубляхъ, мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь ли оную сумму получить съ Московскаго Вѣстника? Узнай, въ состояніи ли они мнѣ за нынѣшній годъ выдать 2100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что, душа моя Калибанъ? Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ — кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеическій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу? Зубаревь или Иванъ Савельичъ? 1 Я собирался къ вамъ, мои милые, да не знаю, попаду ли; во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ не остаюсь.

224. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 18 апрѣля). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. По приказанію В. Пр-ва являлся я сегодня къ Вамъ, дабы узнать рѣшительно свое назначеніе, но меня не хотѣли пустить и позволить мнѣ дожидаться.

Извините, В. Пр-во, если вновь осмѣливаюсь Вамъ докучать, но судьба моя въ Вашихъ рукахъ, и Ваша неизмѣнная снисходительность ободряетъ мою нескромность.

Съ истиннымъ, глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю честь быть В. Пр-ва, М. Г., покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

18 апрѣля.

[На письмѣ надпись карандашомъ: „Ему и Вяземскому написать порознь, что Государь весьма хорошо принялъ ихъ желаніе быть полезнымъ въ службѣ, что въ армію не можетъ ихъ взять, ибо всѣ мѣста заняты и отказывается всякой день желающимъ слѣдовать въ арміи, но что Государь ихъ не забудетъ и при первой возможности употребитъ ихъ таланты". Въ этомъ смыслѣ и написано было 20-го апрѣля кн. Вяземскому (№ 1602) и Пушкину (№ 1603). Письменныхъ прошеній отъ нихъ не было].

225. **Ему же.** (Спб., 21 апрѣля). — М. Г. Александръ Христофоровичъ! Искренне сожалѣя, что желанія мои не могли быть исполнены, съ благоговѣніемъ пріемлю рѣшеніе Государя Императора и приношу сердечную благодарность В. Пр-ву за снисходительное Ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ бы провести сіе время въ Парижѣ, что̀, можетъ быть, впослѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если Ваше Пр-во соизволите мнѣ испросить отъ Государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то Вы мнѣ сдѣлаете новое, истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ, дабы испросить отъ Вашего Пр-ва подтвержденія даннаго мнѣ вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностію и сердечной благодарностію, имѣю честь быть, м. г., вашего пр-ва всепокорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

Спб. 1828 г. 21-го апрѣля.

---

226. **М. П. Погодину.** (Спб., 1 іюля). — Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный Михайло Петровичъ; право, каждый день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякій день собирался къ вамъ писать, и все не собрался. Посему самому и не посылалъ вамъ ничего въ Московскій Вѣстникъ. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осень у воротъ, я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. — Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси: должно терпѣніемъ, добросовѣстностію, благородствомъ и особенно настойчивостію оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и одобреніе воликаго Гёте. — Честь и слава милому нашему Шевыреву.[1] Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина, и Ѳедорсва. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣнія съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ „Мысли“, одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ Сѣвернымъ Шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и N. N.... каждаго по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ! Растолковали ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ?... въ бытность свою въ С.-Петербургѣ Ксенофонъ Телеграфъ[2] со мною въ томъ было согласился (но сіе да будетъ между нами. Телеграфъ

добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу). Кланяйтесь Калибану — на дняхъ пишу къ нему — пришлю ему денегъ, а вамъ стиховъ — засимъ обнимаю васъ отъ сердца.

1 іюля.

Кстати, похвалите Славянина: онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ Русской Академіи. — На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ:

Что жь? Въ Бѣлокаменную, съ Богомъ,
Въ Московскій Вѣстникъ. Трудно, братъ:
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной, парнасскимъ демагогомъ.
Ну, въ Аѳиней — что Аѳиней?
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
Благонамѣренный Московскій.

---

226. **С. А. Соболевскому.** (Спб., 3 іюля). — Посылаю тебѣ, что могъ пока собрать, 1750 р. Изъ коихъ отошли, ради Христа, 250 Зубкову. Писать пока некогда. Прощай, обжирайся на здоровье.

3 іюля.

Мой адресъ на имя Плетнева Петра Александровича въ Екатер. Инст.

---

227. **Ему же.** (Спб., 15 іюля). — Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ. Цыганы мои не продаются вовсе, деньги же эти — трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго. Пріѣзжай въ Петербургъ, если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобой свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то есть, по одёжкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго тебѣ сказать не сумѣю. Прощай, мой другъ.

15 іюля.

---

228. **А. К. Бенкендорфу** (черновое). Спб., 19 августа. — Съ высочайшаго соизволенія, г. Оберъ-Полицеймей-

стеръ требовалъ отъ меня подписки въ томъ, что я впредь до надлежащаго одобренія цензуры не буду печатать. Я далъ оную, повинуясь священной для меня волѣ; тѣмъ не менѣе, прискорбна для меня сія мѣра. Государь Императоръ, въ минуту для меня незабвенную, изволилъ освободить меня отъ цензуры. Я далъ честное слово мое Государю, которому измѣнить не могу изъ явнаго благоразумія, не говоря уже о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности къ царю и человѣку. Требованіе полицеймейстера однакоже унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ; я чувствую, что того не заслуживалъ ... Я далъ бы въ томъ честное слово, если бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ цѣну ... Что касается до цензуры — если Государю Императору угодно уничтожить милость, мнѣ оказанную, то пріемля съ горестью сей знакъ его гнѣва, прошу Ваше Пр-во разрѣшить мнѣ: какъ надлежитъ мнѣ поступать съ моими сочиненіями, которыя, какъ вамъ извѣстно, составляютъ одно мое имущество.

Надѣюсь, что Ваше Пр-во поймете и не примете въ худую сторону смѣлости, съ которой объясняюсь. Она — знакъ искренняго уваженія человѣка, который чувствуетъ обяз. ... (не докончено).

---

229. **Князю П. А. Вяземскому.** (Спб., 1 сентября).— Благодарствуй за письмо, оно застало меня посреди хлопотъ и непріятностей всякаго рода. Отвѣчаю наскоро на всѣ твои запросы:

Быть можетъ, нѣкогда восплачутъ обо мнѣ —

стихъ Гнѣдича (который теперь здѣсь) въ переводѣ его Вольтерова Танкреда:

Un jour elle pleurera l'amant, qu'elle a trahi,
Ce coeur, qu'elle a perdu, ce coeur, qu'elle déchire.

Успокоился ли ты? Пока Киселевъ и Полторацкій были здѣсь, я продолжалъ образъ жизни, воспѣтый мною такимъ образомъ:

А въ ненастные дни собирались они часто;
Гнули, *Богъ* ихъ *прости*, отъ 50 на 100,
И выигрывали, и отписывали мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни занимались они дѣломъ. 1

Но теперь мы всѣ разбрелись. Киселевъ, говорятъ, уже въ арміи, Junior въ деревнѣ, Голицынъ возится съ

Глинкою и учреждаетъ родственно-аристократическіе праздники. Я пустился въ свѣтъ, потому что безпріютенъ. Если бъ не твоя мѣдная Венера, то я бы съ тоски умеръ,—но она утѣшительно смѣшна и мила. Я ей пишу стихи, а она произвела меня въ свои сводники (къ чему влекли меня и всегдашняя склонность, и нынѣшнее состояніе моего Благонамѣреннаго, о коемъ можно сказать то же, что было сказано о его печатномъ тезкѣ: ей-ей, намѣренье благое, да исполненіе плохое).

Ты зовешь меня въ Пензу, а того и гляди, что я поѣду далѣе,

Прямо, прямо на востокъ.

Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До Правительства дошла наконецъ Гавриліада; приписываютъ ее мнѣ, донесли на меня, и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность[2]. Это да будетъ между нами. Все это не весело, но критика кн. Павла веселитъ меня, какъ прелестный цвѣтъ, обѣщающій современемъ плоды. Попроси его переслать мнѣ свои замѣчанія; я буду отвѣчать на нихъ непремѣнно[3]. Благодарю тебя умомъ и сердцемъ, т. е. вкусомъ и самолюбіемъ за портретъ Пел. Ник[4]. Стиховъ ей не шлю, ибо на такой дистанціи не стрѣляютъ даже и турки. Передъ княгиней Вѣрой не смѣю поднять очей: однакожь вопрошаю, что думаетъ она о происшествіяхъ въ Одессѣ (Раевскій и гр. Воронцовъ)[5].

Addio, idol mio. Пиши ко мнѣ въ Петербургъ пока.

1 сент.

---

230. **А. Н. Вульфу.** (Малинники, 27 октября).—Тверской Ловеласъ С.-Петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ[1].

Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностію. Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ.—Требуемыя отъ меня поясненія насчетъ вашего петербургскаго поведенія далъ я съ откровенностію и простодушіемъ, отчего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ напримѣръ: какой мерзавецъ! какая скверная душа! но я притворился, что ихъ не

слышу. При сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья Васильевна Борисова[2] есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ, и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться. Здравствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе баронессѣ etc.

27 октября, 1828 года.

[Адресъ: Его благородію А. Н. Вульфъ].

---

231. **С. А. Собѳлевскому.** (Малинники, 9 ноября).— Во-первыхъ — запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ:

У Гальони, иль Кальони,
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони,
Да яичницу свари.
На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ:
Жареныхъ котлетъ отвѣдай
И отправься налегкѣ.
Какъ до Яжелбицъ дотащитъ
Колымагу мужичекъ —
То-то другъ мой растаращитъ
Сладострастный свой глазокъ:
Поднесутъ тебѣ форели —
Тотчасъ ихъ тарить вели;
Какъ увидишь — посинѣли,
Влей въ уху стаканъ шабли.
Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькій кусокъ.

Яжелбицы — первая станція послѣ Валдая. Въ Валдаѣ спроси: есть ли свѣжія сельди; если же нѣтъ —

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай),
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое-нибудь занятіе. Прощай. Пиши.

9 ноября.

———

232. **Барону А. А. Дельвигу.** (Малинники, ноябрь).— Вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину вмѣсто отвѣта Готовцовой, который не готовъ[1]. Я совершенно разучился

любезничать. Не знаю, долго ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюсь къ вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковью Александровну люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито[2]. Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ здѣсь повеселѣлъ, и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и чернослива и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ: онъ къ нимъ прибѣжалъ: „Дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте чернослива, поѣзжайте съ нею — тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку". Дѣти разревѣлись: „Не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина". Нечего дѣлать, ихъ повезли — и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ (или дѣвицъ, какъ приказываетъ звать Борисъ Михайловичъ)[4]. Я съ ними вожусь платонически, и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ. Прощай, поцѣлуй себя въ пупокъ, если можешь. Сестра проситъ для своего голубчика моего Ворона. Какъ ты думаешь? Пускай шуринъ гравируетъ, а ты печатай. Vale et mihi favere, какъ Евг. Онѣг.[5] Баронессѣ не говорю ничего, однакожь цѣлую ручку, но весьма чопорно.

---

233. **Ему же.** (Малинники, 26 ноября). — Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцовой, чортъ ее побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго пола, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи?[1] Господь его знаетъ!—Правда ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу заварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ Онѣгина, и стращаютъ мною ребятъ, какъ букою; а я ѣзжу на паромѣ, играю въ вистъ по восьми гривенъ робберъ, и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестямъ добродѣтели

и гнушаюсь сѣтей порока. Скажи это нашимъ дамамъ; я пріѣду къ нимъ ... Полно. Я что-то сегодня съ тобою разоврался.

26 ноября.

Что Иліада и что Гомеръ?

---

234. **Князю П. А. Вяземскому.** (Спб., въ концѣ декабря).—Уѣхалъ ли ты изъ Москвы? Не думаю.—На всякій случай пишу тебѣ въ Пензу, гдѣ ты когда-нибудь да прочтешь мое посланіе. Былъ я у Жуковскаго. Онъ принимаетъ въ тебѣ живое, горячее участіе, Арзамасское, не придворное. Онъ было хотѣлъ, получивъ первое извѣстіе отъ тебя, прямо отнестись съ письмомъ къ государю, но раздумалъ и, кажется, правъ. Мнѣнія, слова Жуковскаго должны имѣть большой вѣсъ, но для искорененія непріязненныхъ предубѣжденій нужны объясненія и доказательства — и тѣмъ лучше, ибо кн. Д.[1] можетъ представить и тѣ и другія. Жуковскій сказывалъ мнѣ о совѣтѣ своемъ отнестися къ Бенкендорфу, — а я знаю, что это будетъ для тебя и непріятно, и тяжело. Онъ, конечно, передъ тобою не правъ; на его чредѣ не должно обращать вниманія на полицейскія сплетни и еще менѣе съ укоризною давать знать объ нихъ aux personnes qui en sont l'objet. Mais comme au fond c'est un brave et digne homme, trop distrait pour vous garder rancune et trop distingué pour chercher à vous nuire, ne vous laissez pas aller à l'inimitié et tâchez de lui parler tout franchement. Сдѣлай милость, забудь выраженіе — развратное его поведеніе: оно просто ничего не значитъ. Жуковскій со смѣхомъ говорилъ, что говорятъ, будто бы ты пьяный былъ у дѣв. ..., и утверждаетъ, что наша поѣздка къ бабочкѣ-Филимонову, въ неблагопристойную Коломну, подала поводъ къ этому упреку. Филимоновъ конечно б ... шъ, а его бабочка конечно рублевая, паршивая Варюшка, въ которую и жаль, и гадко что-нибудь ..... Впрочемъ, если бъ ты вошелъ и не въ метафорическій б ..., все жь не бѣда:

Я захожу въ вашъ милый домъ,
Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходитъ.

Правительство не дама, не Princesse Moustache: прюдничать ему не пристало. Аминь, поговоримъ о другомъ. Я въ Петербургѣ съ недѣлю, не больше [2]. Нашелъ здѣсь все общество въ волненіи удивительномъ. Веселятся до

упаду и въ стойку, т. е. на раутахъ, которые здѣсь входятъ въ большую моду. Давно бы намъ догадаться: мы сотворены для раутовъ, ибо въ нихъ не нужно ни ума, ни веселости, ни общаго разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногамъ, какъ по ковру, извиняешься— вотъ уже и замѣна разговору. Съ моей стороны, я отъ раутовъ въ восхищеніи и отдыхаю отъ проклятыхъ обѣдовъ Зинаиды. (Дай Богъ ей ни дна, ни покрышки, т. е. ни Италіи, ни графа Риччи!). Я не читалъ еще журналовъ. Говорятъ, что Булгаринъ тебя хвалитъ. Въ какую то силу? Читалъ Цвѣты? Каково „Море“ Жуковскаго и каковъ его Гомеръ, за котораго сердится Гнѣдичъ, какъ откупщикъ на контрабанду? Прощай, нѣтъ ни времени, ни мѣста.

1829.

235. **Н. Н. Раевскому.** (Черновое. Спб., 30 января).— Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire, j'éxige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là, comme nos sansoeuvres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre, sine qua non. A l'exemple de Shakespeare, je me suis borné à développer une époque et ses personnages historiques sans rechercher les effets théâtrals, le pathétique, romanesque etc.... Le style en est mélangé. Il est trivial et bas là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers; quand aux grosses indécences, n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume, et disparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entrait beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрій amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir goûté de la royauté, voyez-la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier — partager tantôt le lit dégoutant d'un Juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'éxistait plus. Voyez-la braver la guerre, la misère, la honte, et en même temps traîter avec le roi de Pologne de couronne à couronne — et

finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle — mais j'y reviendrai, si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. Elle est horriblement polonaise comme le ...

[слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка].

Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès du Самозванецъ par une audace inouie. Après je l'ai retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la défendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à côté de Козьма Minine, puis Voevode à Нижній, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur. Il a été tout, même incendiaire, comme le prouve une грамота que j'ai trouvé à Погорѣлое Городище — ville qu'il fit brûler pour la punir de je ne sais quoi à la mode des proconsuls de la convention nationale.

Je compte revenir aussi sur Шуйскій. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers boyards à passer du côté de Дмитрій. Il est le premier qui conspire et c'est lui-même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui-même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête, Дмитрій lui fait grâce déjà sur l'échafaud, il l'exile et avec cette générosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйскій qui avait frisé de si près la hache et le billot? il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en a eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup de Henri IV dans Дмитрій. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion—tout deux abjurant leur foi pour cause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des projets chimériques, tout deux en buttes aux conspirations. Mais Henri IV n'a pas à se reprocher Ксенія — il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi, je me fais une religion de ne pas y croire.

Грибоѣдовъ a critiqué le personnage de Job; le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'ésprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Godounof j'ai reflêchi sur la tragédie —

et si je me mêlais de faire une préface, je ferais du scandale — c'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du temps, des lieux etc., que diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches? 2) La langue. Par ex. le Philoctète de La Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pirrhus: Hélas, j'entends les doux sons de la langue grecque! Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celles des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle des 24 heures? soit. Et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondément frappé du ridicule de l'a parte, il le suprime et là-dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin, si le diable me tente de faire une préface. — *A. P.*

30 J. 1829.

---

236. **П. А. Осиповой.** Спб., мартъ. — Je prends la liberté de vous envoyer les 3 derniers chants d'Онѣгинъ, je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation. J'y joins un exemplaire pour M-elle Euphrosine, en la remerciant beaucoup de la réponse laconique qu'elle a daigné faire à ma question. Je ne sais, madame, si j'aurai le bonheur de vous voir cette année; on dit que vous vouliez venir à Pétersbourg. Est-ce vrai? cependant je compte toujours sur le voisinage de Trigorsky et de Зуёво. Le sort aura beau faire, il faudra bien qu'à la fin nous nous réunissions sous les sorbiers de la Сороть. Agréez, madame, vous et toute votre famille, l'assurance de mon respect, de mes regrets et de mon parfait dévouement.

[Помѣта Осиповой: reçu le 13 de Mars 1829].

---

237. **И. М. Снегиреву.** (Москва, 9 апрѣля). — М. Г. Иванъ Михайловичъ! Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно

было напечатано, и я принужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобою на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности. — *А. Пушкинъ.*

[Помѣта Снегирева: „Пол. Апр. 9, 1829 г."].

---

238. **Н. И. Гончаровой.** (Въ началѣ мая, передъ отъѣздомъ на Кавказъ). — C'est à genoux, c'est en versant des larmes de reconnaissance que j'aurais dû vous écrire à présent que le comte Tolstoy m'a rapporté votre réponse. Cette réponse n'est pas un refus, vous me permettez l'espérance; cependant si je murmure encore, si de la tristesse et de l'amertume se mêlent à des sentiments de bonheur, ne m'accusez point d'ingratitude. Je conçois la prudence et la tendresse d'une mère. Mais pardonnez à l'impatience d'un coeur malade et [ivre] de bonheur. Je pars à l'instant, j'emporte au fond de l'âme l'image de l'être céleste qui vous doit le jour. Si vous avez quelques ordres à me donner, veuillez les adresser au comte de Tolstoy, qui me les fera parvenir.

Daignez, madame, accepter l'hommage de ma profonde considération. — *Pouchkine.*

---

239. **Барону А. А. Дельвигу** (черновое). (Тифлисъ, іюнь). — Путешествіе мое было довольно скучно. Начать съ того, что я поѣхалъ на Орелъ... и видѣлъ Ермолова. Хоть ты его не очень жалуешь, принужденъ тебѣ сказать, что я нашелъ въ немъ разительное сходство съ тобою, не только въ оборотѣ мыслей, но даже въ чертахъ лица и въ ихъ выраженіи. Онъ былъ до крайности любезенъ. Дорога черезъ Кавказъ скверная и тѣсная... днемъ я тянулся шагомъ съ конвоемъ пѣхоты и каждый день ночлегъ... За то видѣлъ Казбекъ, Терекъ, которые стоятъ Ермоловскихъ... Теперь прѣю въ Тифлисѣ, ожидая разрѣшенія гр. Паскевича.

---

240. **А. Н. Вульфу.** (Малинники, 16 октября). — Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили бъ мы бароновъ

и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ.

I. Въ Малинникахъ засталъ я одну Анну Николаевну съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію, и объявила мнѣ слѣдующее: а) Евпраксія Николаевна и Александра Ивановна отправились въ Старицу смотрѣть новыхъ улановъ; b) N. N. заняла свое воображеніе отчасти талією К — ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю — а; c) Гретхенъ хорошѣетъ и часъ отъ часу дѣлается невиннѣе (сейчасъ Анна Николаевна объявила, что она того не находитъ).

II. Въ Павловскомъ Фридерика Ив. страждетъ флюсомъ; Павелъ Иван. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда ли, что это очень мило? [1]

III. Въ Берновѣ[2] я не засталъ уже Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV. Разныя извѣстія. Поповна (ваша Кларисса) въ Твери.[3] П-ва кто-то прибилъ, и ему велѣно подать въ отставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе чѣмъ когда нибудь. Ив. Ив. на строгой діэтѣ (...разъ въ недѣлю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постелю. Постараюсь достать... Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

---

241. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 10-го ноября). — Mon Général. C'est avec la plus profonde douleur que je viens d'apprendre que Sa Majesté était mécontente de mon voyage à Arzroum. La bonté indulgente et libérale de Votre Excellence et l'intérêt qu'Elle a toujours daigné me témoigner, m'inspirent la confiance d'y recourir encore et de m'expliquer avec franchise.

Arrivé au Caucase, je ne pus résister au désir de voir mon frère qui sert dans le régiment des dragons de Nijni-Novgorod et dont j'étais séparé depuis 5 ans. Je crus avoir

le droit d'aller à Tiflis. Arrivé là, je ne trouvais plus l armée. J'écrivis à H. Раевскій, un ami d'enfance, afin qu'il obtint pour moi la permission de venir au camp. J'y arrivai le jour du passage du Sagan-lou. Une fois là, il me parut embarassant d'éviter de prendre part aux affaires qui devaient avoir lieu, et c'est ainsi que j'assistai à la campagne, moitié soldat, moitié voyageur.

Je sens combien ma position a été fausse et ma conduite étourdie, mais au moins n'y a-t-il que de l'étourderie. L'idée qu'on pourrait l'attribuer à tout autre motif me serait insupportable. J'aimerais mieux éprouver la disgrâce la plus sevère que de passer pour ingrat aux yeux de Celui auquel je dois tout, auquel je suis prêt à sacrifier mon existence, et ceci n'est pas une phrase.

Je supplie V. Ex. d'être en cetteo ccasion ma Providence et suis avec la plus haute considération, Mon Général, de V Ex. le très-humble et très-obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

10 novembre,

1829

St. P.

---

242. **С. Д. Киселеву.** (Спб., 15 ноября). — Любезный Сергѣй Дмитріевичъ, на дняхъ пріѣхалъ я въ П.б., о чемъ и даю тебѣ знать, ибо, можетъ быть, твой повѣренный пріятель былъ уже здѣсь безъ меня. Адресъ мой — у Демута. Что ты? Что наши? Въ Петербургѣ тоска, тоска...

Если ты увидишь еще Вяземскаго, то прогоняй его сюда. Мы всѣ ждемъ его съ нетерпѣніемъ. Кланяйся неотъемлемымъ нашимъ Ушаковымъ. Скоро ли, Боже мой, пріѣду изъ Петербурга въ Hôtel d'Angleterre мимо Карса![1] По крайней мѣрѣ мочи нѣтъ, хочется. — Весь твой *Пушкинъ.*

15 ноября П.б.

---

243. **И. А. Яковлеву.** (Спб., декабрь). — Тяжело мнѣ быть передъ тобою виноватымъ, тяжело и извиняться, тѣмъ болѣе, что знаю твою delicacy of gentleman. Ты ѣдешь на дняхъ, а я все еще въ долгу. Должники мои мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобъ они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 тысячъ. Во всякомъ случаѣ, ты первый получишь свои деньги. Надѣюсь

еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволь ихъ вручить Алексѣю Ивановичу, твоему батюшкѣ; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 тысячъ даны тобою мнѣ взаймы. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня денегъ у меня будетъ куча, но покамѣстъ я на мели и карабкаюсь. Весь твой *А. П.*

1830.

244. **Н. И. Гнѣдичу.** (Спб., 6 января). — Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ Газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени. Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь съ вами прежде. — Весь вашъ *Пушкинъ.*

245. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 7 января). — Mon Général, m'étant présenté chez Votre Excellence et n'ayant pas eu le bonheur de La trouver chez Elle, je prends la liberté de lui adresser la demande qu'elle m'a permis de lui faire.

Tandis que je ne suis encore ni marié, ni attaché au service, j'aurais désiré faire un voyage soit en France, soit en Italie. Cependant s'il ne m'était pas accordé, je demanderais la grâce de visiter la Chine avec la mission qui va s'y rendre.

Oserais-je vous importuner encore? Pendant mon absence, M-r Joukovsky avait voulu imprimer ma tragédie, mais il n'en a pas reçu d'autorisation formelle. Il me serait gênant, vu mon manque de fortune, de me priver d'une quinzaine de mille roubles que puit me rapporter ma tragédie, et il me serait triste de renoncer à la publication d'un ouvrage que j'ai longtemps médité et dont je suis le plus content.

M'en rapportant entièrement à votre bienveillance, je suis, Mon Général, de Votre Excellence le très-humble et très-obéissant serviteur. — *Alexandre Pouchkine.*

7 Janvier 1830.

246. **М. Н. Загоскину.** (Спб., 11 января). — М. Г. Михаилъ Николаевичъ! Прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго — лестный знакъ вашего ко

мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Лит. Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго.[1] Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ намъ многіе романы. Съ искреннимъ уваженіемъ и преданностію честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. — *А. Пушкинъ.*

11 Января, 1830. Спб.

[Адресъ: „Его Высокоблагородію, милостивому государю Михаилу Николаевичу Загоскину въ Москвѣ". Свѣрено съ подлинникомъ].

247. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 18 января). — Mon Général. Je viens de recevoir la lettre que Votre Excellence a daigné m'écrire. A Dieu ne plaise que je fasse la moindre objection à la volonté de Celui qui m'a comblé de tant de bienfaits. Je m'y serais soumis même avec joie, si je pouvais seulement être sûr de n'avoir pas en couru son mécontentement.

Je prends bien mal mon temps, Mon Général, pour recourir à votre bienveillance, mais c'est un devoir sacré qui m'y oblige. Des liens d'amitié et de reconnaissance m'attachent à une famille aujourd'hui bien malheureuse: la veuve de général Raievsky vint de m'écrire pour m'engager à faire quelques démarches en sa faveur auprès de ceux qui puissent faire parvenir sa voix jusqu'au trône de Sa Majesté. Le choix qu'elle a fait de moi prouve déjà à quel point elle est denuée d'amis, d'espérance et de ressources. La moitié de la famille est éxilée, l'autre à veille d'une ruine complète. Les revenus suffisent à peine pour payer les interêts d'une dette immense. Madame Raievsky sollicite, à titre de pension le traîtement entier de feu son mari, reversible à ses filles en cas de mort. Cela suffira pour la préserver de la mendicité. En m'adressant à Vous, Général, c'est plutôt le guerrier que le ministre, et l'homme bon et sensible plutôt que l'homme d'état que j'éspère intéresser au sort de la veuve du héros de 1812, du grand homme dont la vie fut si brillante et la mort si triste.

Daignez agréer, Mon Général, l'hommage de ma haute considération. Je suis aves respect votre très-humble et très-obéissant serviteur. — *Alexandre Pouchkine.*

18 Janvier. St. P.

248. **М. О. Судіенкѣ.** (Спб., 22 января). — Mon cher Soudenko, si vous n'avez pas été payé jusqu'à présent, c'est la faute de mon commissionaire qui avait égaré l'adresse du vôtre. Quant à moi, j'avais tout-à-fait oublié son nom, et vos 4.000 vous attendaient tout cachetés depuis plus de 6 mois.

Arrivé à Pétersbourg, je vous avais écrit à Черниговъ, pour savoir au juste votre adresse, pour vous féliciter avec votre mariage et pour vous proposer 50 r. à prendre. Vous m'apprenez que vous avez perdu l'appétit et que vous ne déjeunez plus comme en temps jadis. C'est dommage; faites de l'exercice, venez en poste à P. b., et cela reviendra. Здѣсь у насъ, мочи нѣтъ, скучно: игры нѣтъ, а я все-таки проигрываюсь. Объ Яковлевѣ имѣю печальныя извѣстія. Онъ въ Парижѣ. Не играетъ, къ дѣвкамъ не ѣздитъ и учится по-англійски. Долгорукій пріѣхалъ на дняхъ. Этотъ подаетъ надежду. Покамѣстъ умираю со скуки. Пріѣзжай, мой милый, или съ горя я къ тебѣ пріѣду. Прощай, душа моя; будь счастливъ и прости мнѣ невольное несдержаніе слова. — *А. Пушкинъ.*

22 января 1830. С.-Петербургъ.

[Адресъ: Его высокоблагородію Михаилу Осиповичу Суденкѣ].

---

249. **Ему же.** (Спб., 12 февраля). — Vous m'écrivez, mon cher Soudenko, une lettre si horriblement cérémonieuse que j'en suis tout étourdi. Les 4.000 r. en question vous attendaient tout cachetés depuis le mois de juillet; mais j'avais perdu l'adresse de votre homme d'affaires et je n'avais pas la vôtre. Il y a un mois que m-r Lerch est venu révendiquer la somme et qu'il l'a touché tout de suite. Je voulais vous envoyer le reçu qu'il m'a laissé, mais je ne sais ce que j'en ai fait. Pardon encore une fois, et merci pour la complaisance que vous avez eu d'attendre si longtemps.

Je quitte Pétersbourg ces jours-ci; je passerais, probablement, l'été à la campagne. Peut-être viendrai-je dans vos contrées. Vous me permettrez, j'espère, de venir frapper à votre porte. Si vous voulez m'écrire en attendant, adressez vos lettres Е. В. Петру Александровичу Плетневу въ Екатерининскомъ институтѣ. Addio, a rivederla. — *A. Pouchkine.*

12 Fevrier 1830.

[Адресъ: Его высокородію милостивому государю Михаилу Осиповичу Суденкѣ, въ Стародубъ, въ Черниговской губерніи].

---

250. **Князю П. А. Вяземскому.** (Спб., въ началѣ марта). — Высылай скорѣе Дельвига, если ты самъ не ѣдешь. Скучно издавать Газету одному съ помощію Ореста, несноснаго друга и товарища. Всѣ Оресты и Пилады на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу — подавай ее поболѣе. Ты бранишь Милославскаго, я его похвалилъ. Гдѣ гроза, тутъ и милость. Конечно, въ немъ многаго не достаетъ, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во снѣ не приснится. Какъ ты находишь Полевого? Чтеніе его „Исторіи“ замѣнило Жуковскому чтеніе Муравьева,[1] статсъ-секретаря. Но критика Погодина ни на что не похожа. Какъ бы Каченовскаго взбѣсить? Справимъ ихъ съ Полевымъ.

Правда ли, что моя Гончарова выходитъ за архивнаго Мещерскаго? Что дѣлаетъ Ушакова, моя же?[2] Собираюсь въ Москву — какъ бы не разъѣхаться. Я напечаталъ твое Къ Нимъ противу воли Жуковскаго.[3] Конечно, я бы не допустилъ къ печати ничего слишкомъ горькаго, слишкомъ озлобленнаго. Но элегическую е. м. позволено сказать, когда не въ терпежъ приходится благородному человѣку. Кланяюсь всѣмъ твоимъ и грозному моему критику Павлушѣ. Я было написалъ на него ругательную антикритику, слогомъ Галатеи, взявъ въ эпиграфъ: Павлушка мѣдный лобъ— приличное названье! Собирался ему послать, не знаю, куда дѣлъ.[4]

---

251. **Ему же.** (Москва, 14 марта). — Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся мнѣ навстрѣчу, были Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за ними братья Полевые. Пріѣздъ государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе. Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ, что все произошло отъ недоразумѣнія, что государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенія, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны.[1]

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу. Онъ извинялся передъ Потемкиной. Quand à m-me Карцовъ, tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, général, qu'elle chantait faux. Отселѣ изъясненія. Puisque

nous sommes sur le pied de la franchise, vous me permettrez, général, de vous demander la réhabilitation de mon mari. Онъ сказалъ ей, что недоволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что такое? Ты жалѣешь о томъ, что тебя не было въ Москвѣ; а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ сами по себѣ, а ты самъ по себѣ. Не должно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты бы былъ, конечно, включенъ въ общую амнистію, но ты достоинъ и долженъ требовать особеннаго оправданія, а не при сей вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица, а вотъ что важно: Киселевъ женится на Лизаветѣ Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы до гадости. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полевого и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ. Прощай, помни меня на вечерѣ у Катерины Андреевны и пиши мнѣ къ Копу. [2]

14 марта.

Запечатай и отошли записку Гагарину театральному.

[Адресъ: Его сіятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому въ С.-Петербургъ, на Моховой, въ домѣ Межуева].

---

252. **Ему же.** (Москва, 16 марта). — У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя, вѣроятно, полнѣе и дѣльнѣе разсказала тебѣ, въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръреволюціи революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ, и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ — вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Что твое здоровье? Каковъ ты съ министрами? И будешь ли ты въ службѣ новой? Знаешь ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой оппозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ. [1] Каковъ? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжую, не смотря на слезы Лизаветы Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны. Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шуму за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ московскаго клуба.

Прощай, кланяюсь твоимъ. Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ, что я развращаюсь.

16 марта.

---

253. **Ему же.** (Москва, въ мартѣ). — Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отысканъ въ бумагахъ Миллера, надорванный — вѣроятно въ присутствіи — и вѣроятно сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ Литературной Газетѣ.[1] Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку (справься у кн. Мещерской). Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефріихи.[2] Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою;[3] сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно. Но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякій день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ. Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтиться безъ вспоможенія, но все таки лучше-бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ table des matières Исторіи Карамзина, книгу необходимую.[4] Ее надобно напечатать; поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству. — Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя. Батюшковъ умираетъ.

---

254. **А. Х. Бенкендорфу.** (Москва, 21 марта). — Въ 1826 г. получилъ я отъ Государя Императора дозволеніе жить въ Москвѣ, а на слѣдующій годъ отъ Вашего Высокопревосходительства дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ я каждую зиму проводилъ въ Москвѣ, осень — въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго дозволенія и не получая никакого замѣчанія.

Это отчасти было причиною невольнаго моего поступка — поѣздки въ Арзрумъ, за которую имѣлъ я несчастіе заслужить неудовольствіе начальства.

Въ Москву намѣревался пріѣхать еще въ началѣ зимы, и встрѣтивъ васъ однажды на гуляніи, на вопросъ Вашего Высокопр-ва, что намѣренъ я дѣлать? имѣлъ я счастіе о томъ васъ увѣдомить. Вы даже изволили мнѣ замѣтить: vous êtes toujours sur les grands chemins.

Надѣюсь, что поведеніе мое не подало правительству повода быть мною недовольнымъ.

Съ искреннимъ и глубокимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, М. Г., Вашего Высокопр-ва покорнѣйшій слуга, *Александръ Пушкинъ*.

21 марта
Москва
1830.

[Надпись Бенкендорфа: „Я его прошу меня въ передъ увѣдомлять"].

---

255. **А. Х. Бенкендорфу.** (Москва, 24 марта). — Mon Général. La lettre dont Vous m'avez honoré m'a causé un chagrin véritable: je Vous supplie de m'accorder un moment d'indulgence et d'attention. Malgré quatre ans d'une conduite égale je n'ai pu obtenir la confiance de l'autorité. Je vois avec peine que la moindre de mes démarches éveille le soupçon et la malveillance. Pardonnez-moi, Mon Général, la liberté de mes doléances, mais au nom du ciel, daignez entrer un instant dans ma position et voyez combien elle est embarassante. Elle est si précaire que je me vois à tout moment à la veille d'un malheur que je ne puis ni prévoir, ni éviter. Si jusqu'à présent je n'ai pas éssayé quelque disgrâce, je le dois non à la connaissance de mes droits, de mon devoir, mais uniquement à Votre bienveillance personelle. — Mais que demain Vous ne soyez plus ministre, après-demain je suis coffré. M-r Boulgarine qui dit avoir de l'influence auprès de Vous est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infame article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas Vous prevenir sur mes relations avec cet homme, car il pourrait me faire un mal infini.

Je comptais de Moscou aller à la campagne de Pskov, cependant si Nicolas Raievsky vient à Poltava je supplie Votre Excellence de me permettre d'aller l'y trouver.

Agréez, Mon Général, l'hommage de ma haute considéra-

tion et de mon entier dévouement — de votre Excellence — le très-humble et trés-obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

24 Mars
1830
Moscou.

[Бенкендорфъ написалъ по всей первой страницѣ письма резолюцію карандашомъ: „Lui repondre que jamais Boulgarine ne m'a parlé de lui ..." etc., изложенную въ его отвѣтѣ отъ 3-го апрѣля на оба послѣднія письма, что Пушкинъ самъ виноватъ въ своемъ положеніи, что Булгаринъ никакого вліянія не имѣетъ, никогда ему о П. ничего не говорилъ, что видѣлъ онъ его 2—3 раза въ годъ и въ послѣднее время только чтобъ сдѣлать ему выговоръ; наконецъ, что государь положительно запрещаетъ свиданіе съ Раевскимъ].

---

256. **Н. А. Полевому.** (Москва, 27 марта). — Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь Николай Алексѣевичъ, дайте мнѣ знать, что дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его обществомъ и съ моимъ дипломомъ. Все это меня чрезвычайно затрудняетъ. Весь вашъ *А. Пушкинъ.*

27 марта 1830 г. Москва.

[Адресъ: Николаю Алексѣевичу Полевому].

---

257. **С. П. Шевыреву.** (Приписка въ письмѣ Погодина отъ 29 апрѣля). — Примите и мой сердечный привѣтъ, любезный Степанъ Петровичъ. Мы, жители прозаической Москвы, осмѣливаемся писать вамъ въ поэтическій Римъ, надѣясь на дружбу вашу. Возвратитесь обогащенный воспоминаніями, новымъ знаніемъ, вдохновеніями. Возвратитесь и оживите нашу дремлющую сѣверную литературу.

---

258. **Н. И. Гончаровой.** (Москва, въ апрѣлѣ). — Maintenant, madame, que vous m'avez accordé la permission de vous écrire, je suis aussi ému en prenant la plume, que si j'étais en votre présence. J'ai tant de choses à dire et plus j'y pense, plus les idées me viennent tristes et décourageantes. Je m'en vais vous les exposer toutes sincères et toutes diffuses, en implorant votre patience, votre indulgence surtout.

Lorsque je la vis pour la première fois, sa beauté venait d'être à peine aperçue dans le monde; je l'aimai, la tête me tourna, je la demandai. Votre réponse, toute vague qu'elle était, me donna un moment de délire: je partis la même nuit pour l'armée. Demandez-moi ce que j'allais y faire, je vous

jure que je n'en sais rien; mais une angoisse involontaire me chassait de Moscou: je n'aurais pu y soutenir ni votre présence, ni la sienne. Je vous avais écrit; [1] j'espérais, j'attendais une réponse; elle ne venait pas. Les torts de ma première jeunesse se présentèrent à mon imagination: ils n'ont été que trop violents, et la calomnie les a encore aggravés; le bruit en est devenu malheureusement populaire. Vous pouviez y ajouter foi; je n'osais m'en plaindre; mais j'étais au désespoir.

Que de tourments m'attendaient à mon retour! [2] Votre silence, votre air froid, l'accueil de mademoiselle N., si léger, si inattentif ... je n'eus pas le courage de m'expliquer, j'allais à Pétersbourg la mort dans l'âme. Je sentais que j'avais joué un rôle bien ridicule; j'avais été timide pour la première fois de ma vie, et ce n'est pas la timidité qui dans un homme de mon âge puisse plaire à une jeune personne de l'âge de m-lle votre fille. Un de mes amis va à Moscou, m'en rapporte un mot de bienveillance qui me rend la vie, et maintenant que quelques paroles gracieuses que vous avez daigné m'adresser, auraient dû me combler de joie,—je suis plus malheureux que jamais. Je vais tâcher de m'expliquer.

L'habitude et une longue intimité pourraient seules me faire gagner l'affection de m-lle votre fille; je puis espérer me l'attacher à la longue, mais je n'ai rien pour lui plaire. Si elle consent à me donner sa main, je n'y verrai que la preuve de la tranquille indifférence de son coeur. Mais entourée d'admirations, d'hommages, des séductions, cette tranquillité lui durera-t-elle? On lui dira qu'un malheureux sort l'a seul empêché de former d'autres liens plus égaux, plus brillants, plus dignes d'elle. Peut-être, ces propos seront-ils sincères; mais à coup sûr, elle les croira tels. N'aura-t-elle pas de regrets? Ne me regardera-t-elle pas comme un obstacle, comme un ravisseur frauduleux? Ne me prendra-t-elle pas en aversion? Dieu m'est témoin que je suis prêt à mourir pour elle, mais devoir mourir pour la laisser veuve brillante et libre de choisir demain un nouveau mari, cette idée — c'est l'enfer.

Parlons de la fortune. J'en fais peu de cas; la mienne m'a suffi jusqu'à présent. Me suffira-t-elle marié? Je ne souffrirai pour rien au monde que ma femme connût des privations, qu'elle ne fût pas là où elle est appelée à briller, à s'amuser. Elle a le droit de l'éxiger. Pour la satisfaire, je suis prêt à lui sacrifier tous les goûts, toutes les passions de ma vie, une éxistence toute libre et toute avantureuse. Toutefois ne murmurera-t-elle pas, si sa position dans le monde ne sera pas si brillante qu'elle le mérite et que je l'aurais désiré?

Telles sont en partie mes anxiétés; je tremble que vous

ne les trouviez trop raisonnables. Il y en a une que je ne puis me résoudre à confier au papier ...

Daignez agréer, madame, l'hommage de mon entier dévouement et de ma haute considération. *A. Pouchkine.*

Samedi.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

259. **А. Х. Бенкендорфу.** (Москва, 16 апрѣля). — Mon Général. Je suis tout embarassé de m'adresser à l'autorité dans une circonstance purement personnelle; mais ma position et l'intérêt que vous avez bien voulu me témoigner jusqu'à présent m'en font une obligation.

Je dois me marier à m-lle Gontcharoff que vous avez dû voir à Moscou; j'ai son consentement et celui de sa mère; deux objections m'ont été faites: ma fortune et ma position à l'égard du gouvernement. Quant à la fortune, j'ai pu repondre qu'elle était suffisante grâce à Sa Majesté qui m'a donné les moyens de vivre honorablement de mon travail. Quant à ma position, je n'ai pû cacher qu'elle était fausse et douteuse. Exclu du service en 1824, cette flétrissure me reste. Sorti du Lycée en 1817 avec le rang de la 10-me classe, je n'ai jamais reçu les deux rangs qui me revenaient de droit, mes chefs négligeant de me présenter et moi ne me souciant pas de le leur rappeler. Il me serait maintenant pénible de rentrer au service, malgré toute ma bonne volonté. Une place tout subalterne, telle que mon rang me permet de l'occuper, ne peut me convenir. Elle me distrairait de mes occupations littéraires qui me font vivre et ne ferait que me donner les tracasseries sans but et sans utilité. Je n'y dois donc plus songer. M-me Gontcharoff est effrayée de donner sa fille à un homme qui aurait le malheur d'être mal vu de l'Empereur; mon bonheur dépend d'un mot de bienveillance de Celui pour lequel mon dévouement et ma reconnaissance sont déjà purs et sans bornes.

Encore une grâce: en 1826 j'apportais à Moscou ma tragédie de Годуновъ, écrite pendant mon éxil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'Empereur, ayant daigné la lire, m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres, et je dois l'avouer, Sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes; en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens-là. Tous les troubles se ressemblent. L'auteur dramatique ne peut ré-

pondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragédie est une oeuvre de bonne foi, et je ne puis en conscience supprimer ce qui me paraît essentiel. Je supplie Sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de La contredire; je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de Sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent, et je viens supplier Sa Majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragédie comme je l'entends.

Encore une fois je suis tout honteux de Vous avoir entretenu si longuement de moi. Mais Votre indulgence m'a gâté et j'ai beau n'avoir rien fait pour mériter les bienfaits de l'Empereur, j'espère et je crois toujours en lui.

Je suis avec la considération la plus haute de Votre Excellence le très humble . et obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

16 avril
1830
Moscou.

---

260. **Князю П. А. Вяземскому.** (Москва, 2 мая). — Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы. Я въ точности передалъ ихъ моей невѣстѣ. Правда ли, что ты собираешься въ Москву? Боюсь графини Фикельмонъ. Она удержитъ тебя въ Петербургѣ. Говорятъ, что у Канкрина ты при особыхъ порученіяхъ, а настоящая твоя служба при ней. Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену, а мы поговоримъ объ газетѣ или альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожь его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ: должно принять въ союзницы или моду, или политику. Соперничать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужто кромѣ Сѣверной Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ

Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и неприлично правительству заключать союзъ — съ кѣмъ? Съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста, поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновенію, пустится въ доносы и клевету — и съ нимъ не справишься.

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, какъ и зачѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева. Жаль, что представлю его не въ прежнемъ его видѣ, доставившемъ ему камергерство.' Она болѣе благоговѣла бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ. знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи; но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь не совсѣмъ счастливому.

Прощай, мой милый; обнимаю тебя и Жуковскаго.

2 мая.

[Адресъ: Князю Петру Андреевичу Вяземскому. Въ С.-Петербургѣ. На Моховой, въ домѣ Межуевой. Штемпель: Москва. 3 мая, 1830].

———

261. **А. Н. Гончарову.** (Москва, 3 мая). — Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ! Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталію Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязанъ я больше, нежели чѣмъ жизнію. Счастіе вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

3 мая 1830. Москва.

———

262. **П. А. Плетневу.** (Москва, въ началѣ мая). — Милый! Побѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ. Вотъ что пишетъ мнѣ Бенкендорфъ:

„Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité".

Слушай же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками, а ты, благодѣтель, явись къ фонъ-Фоку и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично. Какъ ты думаешь? Рѣши.

Скажи: имѣлъ ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ „Сѣверной Пчелы"? Знаешь ли что? У меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ [1]. Теперь некогда, а современемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? Пожалуйста, отпиши.

Ахъ, душа моя, какую женку я себѣ завелъ! Сейчасъ получилъ письмо твое — благодарю, душа моя. Заключай условія, какія хочешь, только нельзя ли вмѣсто 4-хъ лѣтъ 3 года? выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ. Не продать ли намъ Смирдину и трагедію? Порученіе твое къ моей невѣстѣ исполнено. [2] Она заочно рекомендуется тебѣ и женѣ твоей. Что касается до будущаго мѣстопребыванія моего, то самъ не знаю; кажется, отъ Петербурга не отдѣлаюсь. Царь со мною очень милъ.

---

263. **Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.** (Москва, 6 мая). — Vous avez raison de trouver l'âne délicieux. [1] C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo. J'y vois plus de talent que dans le dernier jour [2] où il y en a beaucoup. — Quant à la phrase qui vous a embarassé, je vous dirai d'abord de ne pas prendre au sérieux tout ce qu'avance l'auteur. Tout le monde a préconisé le premier amour, il a trouvé plus piquant de parler du second. Peut-être a-t-il raison. Le premier amour est toujours une affaire de sentiment: plus il fut bête et plus il laisse de souvenir délicieux. Le second est une affaire de volupté — voyez-vous. On pourrait pousser le parallèle beaucoup plus loin; mais je n'en ai guère le temps. Mon mariage avec Natalie (qui, par parenthèse, est mon cent-troisième amour) est décidé. Mon père me donne 200 paysans que j'engage au

Lombard, et vous, chère princesse, je vous engage à être ma посаженая мать. — A vos pieds *A. P.*

Erratum. Variante, après 200 paysans: je les engage au Lombard, et vous, divine princesse, à être ma посаженая мать.

---

264. **М. П. Погодину.** Двѣнадцать записокъ. (Москва въ маѣ). —

1. Сдѣлайте Божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда. [1] — *А. П.*

2. Могу ли къ вамъ заѣхать и когда? и будутъ ли деньги? У Бога, конечно, всего много, но онъ взаймы не даетъ, а даритъ, кому захочетъ; такъ я болѣе на васъ надѣюсь, чѣмъ на него (прости, Господи, мое прегрѣшеніе).

Post scriptum et nota bene: Румянцевъ уничтожилъ рогатки (chevaux de Frise), а ввелъ карреи кагульскія. [2]

3. Выручите, если возможно, а я за васъ буду Бога молить съ женой и съ малыми дѣтушками. — Завтра увижу ли васъ и нѣтъ ли чего готоваго? (Въ трагедіи, понимается). [3] — *А. П.*

4. Сдѣлайте одолженіе, скажите, могу ли надѣяться къ 30 маю имѣть 5000 р. или на годъ по 10 рг. с., или на шесть мѣсяцевъ по 5 рг. с. — Что четвертое дѣйствіе Петра? — *А. П.*

5. Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ.

6. Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко недоумѣваетъ. [4] — *А. П.*

7. Если уже часть, такъ бо́льшую, ради Бога. — *А. П.*

8. Надеждинъ хоть изрядно насъ тешитъ иногда или чешетъ etc., но лучше было бы, если бъ онъ теперь потѣшилъ — двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc. — Весь вашъ etc.

9. Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любезный и почтенный! Ваши 1800 р. асс. получилъ съ благодарностію, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ, я не обязался именно, къ которому числу. — Весь вашъ *А. П.*

10. Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму. — *А. П.* — Четвергъ.

11. Сердечно благодарю васъ, любезный Михайло Пет-

ровичъ. Заемное письмо получите на дняхъ — Какъ вамъ кажется письмо Чадаева?[5] И когда увижу васъ?

12. Когда будетъ время, заѣзжайте ко мнѣ поутру. Я всегда дома. — *А. П.*

---

265. **Догановскому** (? черновое). — Я охотно взялся бы выкупить векселя (но слѣдующіе вамъ 24.800 рублей обязанъ выкупить въ теченіе четырехъ лѣтъ), — но срокъ онымъ векселямъ, по словамъ вашимъ, два года, а слѣдовательно... Я никакъ не въ состояніи, по случаю дурныхъ оборотовъ, заплатить вдругъ 25 тысячъ. Все, что могу — за вашъ 25 тысячный вексель выдать 20 съ вычетомъ 10% въ годъ, т. е. 18 тысячъ рублей. Въ такомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ, и я не премину, чрезъ васъ, или чрезъ кого вамъ будетъ угодно, доставить...

---

266. **Н. Н. Гончаровой.** (Черновое. Москва, въ іюнѣ).— Je voudrais pouvoir espérer que cette lettre ne vous trouvera plus à Zavod,— mais c'est avec délice que j'obéis à vos ordres, me voilà donc à Moscou si triste, si ennuyeux, lorsque vous n'y êtes pas; je n'ai pas eu le courage de passer par la Nikitskaïa, encore moins de venir demander des nouvelles... Vous ne saurez imaginer l'angoisse que me donne votre absence, je [regrette] d'avoir quitté Zavod. Toutes mes craintes reviennent plus vives et plus noires. [Que sais-je?] Je voudrais espérer etc. Je compte les quarts d'heure qui me séparent de vous ...

---

267. **А. Н. Гончарову.** (Москва, 7 іюня). — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга, и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина моего невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ сего мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С.-Петербургъ, чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника, то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ ли онъ съ государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его, вѣроятно, не замедлитъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Наталіи Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю

надѣяться, что современемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ, жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастью той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и безпредѣльной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

7 іюня 1830. Москва.

---

268. **А. Н. Гончарову.** (Москва, 28 іюня). — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Только сейчасъ получилъ я бумагу ваше; о повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло — не вооружить противу себя Канкрина, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтиться. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или гремя стами тысячъ) хотя и вещь затруднительная, но все легче, ибо зависитъ единственно отъ произвола государева. На дняхъ ѣду въ С.-Петербургъ, и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрина. Что касается до заложенія Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи вашей волѣ, но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоцѣнномъ для меня: мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній, препоручаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

28 іюня 1830. Москва.

---

269. **М. Н. Загоскину.** (Москва, 14 іюля). — М. Г. Михайла Николаевичъ. Братъ вчерашняго австрійскаго императора Щепина возымѣлъ сильное желаніе быть принятымъ въ театральную школу. Препоручаю Его Высочество вашему покровительству.

Сегодня или завтра ѣду въ Петербургъ на нѣсколько дней. — Надѣюсь при своемъ возвращеніи найти васъ и все семейство ваше въ добромъ здоровіи. — Весь вашъ *А. Пушкинъ*.

14 іюля. Москва.

[Адресъ: Его Высокородію м. г. Михайлу Николаевичу Загоскину].

---

271. **Н. Н. Гончаровой.** (Спб., 20 іюля). — Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, при всемъ томъ, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на пѣрвой станціи — я починилъ ее булавками, — на второй та же исторія — и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г. — Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я расчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. Наталья Кирилловна въ деревнѣ. Катерина Ивановна въ Парголовѣ (чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье). Что до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока m-me и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера.

Я тороплюсь — цѣлую руки Натальѣ Ивановнѣ, которую я еще не называлъ maman, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.

20 іюля. Спб.

[Оригиналъ — по-французски. На конвертѣ: „въ Москву, M-lle Natalie Gontcharoff"].

---

271. **Ей-же.** (Спб., между 20 и 30 іюля). — Передалъ ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не расписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ Натальѣ Кирилловнѣ. Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія. — Вы жéнитесь на

моей племянницѣ? — Точно такъ. — Какъ же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали; Наташа ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о maman). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резоновъ: — Наташа знаетъ, какъ я люблю ее, Наташа мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни, Наташа мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто. — Потомъ она много распрашивала о maman, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ — и мы разстались друзьями. Наталья Ивановна, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ Ивана Николаевича. Я былъ на манёврахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать Аѳанасію Николаевичу; но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Что̀ подѣлываетъ la Grand-maman de Zavode — бронзовая, разумѣется?[1] Этотъ вопросъ не вызоветъ ли васъ писать мнѣ? Что̀ вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете ли въ Ростовъ? будете ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь такого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это — такъ какъ вы меня всегда считаете сочинителемъ. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: прошу любить и жаловать. Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ. — До свиданія.

[Оригиналъ — по французски. На конвертѣ: Ея Высокоблагородію, м. г. Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ Москвѣ, на Никитской въ домѣ Гончарова. — По почтѣ, но безъ штемпеля].

---

272. **Н. Н. Гончаровой.** (Спб., 30 іюля). — Вотъ письмо Аѳанасія Николаевича, которое мнѣ пересылаетъ Иванъ Николаевичъ. Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получитъ дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли Натальи Ивановны — и безъ вѣдома

вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки — тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ Катерины Ивановны; она въ Парголовѣ, у графини Полье, которая почти сумасшедшая! она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣева, дочь Сперанскаго, присылала за мной, чтобъ вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей — но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой Мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40,000 рублей. Аѳанасію Николаевичу слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную Grand'maman, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы; развѣ только вотъ Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо Аѳанасія Николаевича, я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это — другое дѣло, Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, Канкрину, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой же аудіенціи. Простите, мой ангелъ. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.

30 іюля.

Роспишетесь ли вы въ полученіи этого письма?

[Оригиналъ — по французски].

---

273. **А. Н. Гончарову.** (Москва, 14 августа). — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! По приказанію вашему, являлся я къ графу Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ, что сіе дѣло зависитъ единственно отъ государя; я просилъ отъ него, по крайней мѣрѣ, не прекословить государю, если его величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя оное вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависитъ отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умолять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечной преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *Александръ Пушкинъ.*

14 августа 1830. Москва.

---

274. **Ему-же.** (Москва, 24 августа). — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Сердечно жалѣю, что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. Я бы за счастіе почелъ сдѣлать что-нибудь вамъ угодное.

Смерть дяди моего Василья Львовича Пушкина [1] и хлопоты по сему печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выйти изъ долговъ, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ нижегородскую деревню, дабы вступить во владѣніе оной. Надежда моя на васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ и проч. *Александръ Пушкинъ.*

24 августа. Москва.

---

275. **П. А. Плетневу.** (Москва, 31 августа). — Хорошъ! не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сейчасъ ѣду въ Нижній, т. е. въ Лукіяновъ, въ село Болдино. Пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разскажу тебѣ все, что̀ у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже „30-ти лѣтъ жизни игрока“ [1]. Дѣла будущей тещи моей разстроены: свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же, московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери — отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія; словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень подходитъ; это любимое мое время: здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень пріятно. Ѣду въ деревню; Богъ вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокой-

ствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ-то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно было мнѣ довольствоваться независимостію, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ. — Грустно, душа моя. — Обнимаю тебя и цѣлую нашихъ.

31 августа.

---

276. **Н. Н. Гончаровой.** (Москва, въ концѣ августа). — Я отправляюсь въ Нижній, безъ увѣренности въ своей судьбѣ [1]. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько же основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права — и я былъ не правъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться. — *А. П.*

[Оригиналъ: — по-французски. На конвертѣ: Mademoiselle Natalie Gontcharoff. — Послано не по почтѣ].

---

277. **Неизвѣстному лицу.** (Черновой набросокъ). — J'espérais vous voir et vous parler encore avant mon départ, mais mon mauvais sort me poursuit dans tout ce que je veux. Adieu donc, cher ami, je vais m'enterrer à la campagne jusqu'au premier janvier — je pars la mort dans le coeur.

---

278. **Н. Н. Гончаровой.** (Болдино, 9 сентября). — Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна — я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она — часть деревни изъ 500 душъ [1], и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантиновъ, которые начинаютъ устано

вляться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ Натальѣ Ивановнѣ; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностью. Сейчасъ же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine[1] за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я счастливъ только тамъ, гдѣ вы.

9 сентября. Болдино.

[Оригиналъ — по французски].

---

279. **А. Н. Гончарову.** (Болдино, 9 сентября). — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны вешней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта насчетъ пути, по которому препроводить вамъ къ государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и скорѣе чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частыя благодѣянія государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастіе быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. *Александръ Пушкинъ.*

9 сентября 1830. Село Болдино.

---

280. **П. А. Плетневу.** (Болдино, 9 сентября). — Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо, милый мой Петръ Александровичъ, да вѣдь меланхоліей тебя не удивишь: ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня холера-морбусъ. Знаешь ли, что это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ. Того и гляди, къ дядѣ Василью отправлюсь,

а ты и пиши мою біографію. Бѣдный дядя Василій, — знаешь ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему, нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня, погоревалъ, потомъ, помолчавъ: „какъ скучны статьи Катенина!“ И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche!

Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена свой братъ! При ней пиши сколько хошь, — а невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ [1]... Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое письмо; обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго, приданое не уѣдетъ; зоветъ меня въ Москву; я пріѣду не прежде мѣсяца, а оттолѣ къ тебѣ, моя радость. Что дѣлаетъ Дельвигъ, видишь ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтобъ онъ мнѣ припасъ денегъ: деньгами нечего шутить, деньги вещь важная — спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ахъ. мой милый! Что за прелесть здѣшняя деревня! Вообрази: степь да степь, сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается — никто не помѣшаетъ. Ужь я тебѣ приготовлю всячины, и прозы и стиховъ. — Прости жь мой милый.

[Приписано на загнутомъ внутрь краѣ листа, на сторонѣ адреса]

Что моя трагедія? Я написалъ элегическое маленькое предисловіе — не п ислать ли тебѣ его? Вспомни, однакожь, что ты обѣщалъ мнѣ свое: дѣльное, длинное. — А цѣна трагедіи? 10 или 12?

---

281. **Ему-же.** (Болдино, 29 сентября). — Сейчасъ получилъ письмо твое, и сейчасъ же отвѣчаю. Какъ же не стыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ее понялъ? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковскій! Вѣроятно, я выразился дурно; но это васъ не оправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужь конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры, и это бѣсило меня. Хандра схватила, и черныя мысли мной овладѣли. Неужто я хотѣлъ иль думалъ отказаться? но я видѣлъ ужь отказъ, и утѣшался чѣмъ ни попало. Все, что ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тётушки да бабушки да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня

любитъ; но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна[1] &c. Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ щастливъ только дуракъ; а человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ — *я*, а тутъ онъ будетъ *мы*. Шутка! Отъ того-то я тещу и торопилъ; а она, какъ баба, у которой дологъ лишь волосъ, меня не понимала, да хлопотала о приданомъ; чортъ его побери! Теперь понимаешь ли ты меня? Понимаешь, ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь; а я — оконча дѣла, ѣду въ Москву сквозь цѣлую цѣпь карантиновъ. Мѣсяцъ буду въ дорогѣ, — по крайней мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ, не видя ни души, не читая журналовъ, такъ что не знаю, что дѣлаетъ Филипъ[2] и здоровъ ли Полиньякъ; я бы хотѣлъ прислать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужичкамъ о холерѣ; ты бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя; кланяйся отъ меня женѣ и дочери.

---

282. **А. П. Осиповой.** (Болдино, въ сентябрѣ). — C'est dans la solitude de Boldino, madame, que j'ai reçu vos deux lettres à la fois. Il faut avoir été absolument seul, comme je suis maintenant, pour savoir le prix d'une voix amie et de quelques lignes tracées par quelqu'un que nous chérissons. Je suis bien aise que mon père ait, grâce à vous, bien supporté la nouvelle de la mort de Bac. Львъ. Je craignais beaucoup, je vous l'avoue, sa santé et ses nerfs si affaiblis. Il m'a écrit plusieurs lettres où il parait que la crainte de la choléra en a remplacé la douleur. Cette maudite choléra! Ne dirait-on pas que c'est une mauvaise plaisanterie du sort? J'ai beau faire, il m'est impossible d'arriver jusqu'à Moscou: je suis cerné par toute une échelle de quarantaines, et cela de tout côté, le gouvernement de Nijni étant juste le centre de la peste. Cependant je pars après-demain, et Dieu sait combien de mois je mettrai à faire 500 verstes que je parcours ordinairement en 48 heures.

Vous me demandez, madame, ce qu'est le mot toujours qui se trouve dans une phrase de ma lettre. Je ne m'en souviens pas, madame. Mais en tout cas ce mot ne peut être que l'expression et la devise de mes sentiments pour vous et toute votre famille. Je suis fâché si ma phrase présentait un sens inamical; et je vous suppie de la corriger. Ce que vous me dites de la sympathie est bien vrai et bien délicat. Nous sympathisons avec les malheureux par une espèce d'égoïsme: nous voyons que dans le fond nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose

une âme bien noble et bien désintéressée. Mais le bonheur.... c'est un grand peut-être, comme le disait Rabelais du paradis ou de l'éternité. Je suis l'athée du bonheur; je n'y crois pas, et ce n'est qu'auprès de mes bons et anciens amis que je suis un peu sceptique.

Dès que je serais à Pétersbourg, vous recevrez, madame, tout ce que j'ai imprimé; mais ici je n'ai pas les moyens de rien vous envoyer. Je vous salue, madame, de mon coeur, vous et toute votre famille. Adieu, au revoir. Croyez à mon entier dévouement. — *A. Pouchkine.*

[Адресъ: Ея высокор. м. г. Пр. Ал. Осиповой въ Опочку].

---

283. **Н. Н. Гончаровой.** (Болдино, 30 сентября). — Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ Богородицкѣ не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено пять карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ, конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что можетъ меня утѣшать, то это — мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами [1]. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ — мы только и видимъ это. Что вы подѣлываете, между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла, и что говоритъ le Grand papa? Знаете ли, что онъ мнѣ писалъ? La Grand maman [2], говоритъ онъ, стоитъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами, — развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ

недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять?— это нисколько не зазорно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантиновъ. Эти карантины не выходятъ у меня изъ головы. И такъ, простите, мой ангелъ. Мои душевные поклоны Натальѣ Ивановнѣ, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и m-r Serge.[3] Имѣете ли извѣстіе о другихъ?

30 сентября.

[Оригиналъ — по французски. Штемпель: Арзамасъ, 1 окт. 1830].

284. **Ей-же.** (Болдино, 11 октября). — Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ, я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая Наталья Николаевна, пишите мнѣ, не смотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили ли вы Москву? нѣтъ ли окольнаго пути, который могъ бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество и не знаю въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлать. Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя гово ила мнѣ когда-то, что только la canaille умираетъ отъ холеры — все это прекрасно и превосходно; но все же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хорошій тонъ. И такъ, вы въ деревнѣ, хорошо укрыты отъ холеры, не правда ли? Пришлите мнѣ вашъ адресъ и бюллетень о вашемъ здоровьѣ. Мы же окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и какъ поживаетъ мой братъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ: какъ говорится — до святости. Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ бы дать крюку, и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ — не крюкъ; а ѣхать прямо на Москву значитъ — семь верстъ

киселя ѣсть (да еще какого? московскаго!). Вотъ, по истинѣ, плохія шутки. Je ris jaune, какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей maman; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ.

11 октября.

[Оригиналъ — по французски. Штемпель: Арзамасъ, 16 окт. 1830. Письмо протыкано иголкою, по случаю холеры].

285. **П. А. Плетневу.** (Болдино, 28 октября). — Я сунулся было въ Москву, да узнавъ, что туда никого не пускаютъ, воротился въ Болдино, да жду погоды. Ну, ужь погода! Знаю, что не такъ страшенъ чортъ, якъ его малюютъ; знаю, что холера не опаснѣе турецкой перестрѣлки — да отдаленность, да неизвѣстность — вотъ что мучительно. Отправляясь въ путь, писалъ я своимъ, чтобъ они меня ждали черезъ 25 дней. Невѣста и перестала мнѣ писать, и гдѣ она, и что она, до сихъ поръ не вѣдаю. — Каково? то есть, душа моя Плетневъ, хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать[1], — но до того доходитъ, что хоть въ петлю. Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная: и дождь, и снѣгъ, и по колѣно грязь. Не знаю, гдѣ моя; надѣюсь, что уѣхала изъ чумной Москвы, но куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ Булгарину? ничего не знаю. Журналовъ вашихъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюся непремѣнно на подмогу зимой, коли здѣсь не околѣю. Покамѣстъ онъ ужь можетъ заказать виньетку на деревѣ, изображающую меня голенькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ поддерживающаго Лит. Газету. Что моя трагедія? Отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ея на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами: „Я хотѣлъ было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому“. Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти отца. И такъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ:

Драгоцѣнной для Россіянъ
памяти
Николая Михайловича Карамзина
сей трудъ, Геніемъ его вдохновенный,
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ
А. Пушкинъ.

286. **Н. Н. Гончаровой.** (Болдино, 30 октября). — Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ порусски, а вы, мой Ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по-чухонски, да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт. получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Вопервыхъ — потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я пренесчастное животное ужь безъ того. Гдѣ вы? Что вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ. Братъ мнѣ не пишетъ, полагая, что его письма, по обыкновенію, для меня не интересны. Въ чумное время дѣло другое: радъ письму проколотому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ — и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я пріѣду къ вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т. е. въ московской деревнѣ, то пріѣду къ вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей-Богу, не шучу — но напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо адресуйте: Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цѣлую ручки у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

[Адресъ: ея высокоблагородію м. г. Наталѣ Николаевнѣ Гончаровой въ Москву, на Никитской, въ собств. домѣ. Штемпель: 1830 окт. 30 Арзамасъ. Проколото].

---

287. **Барону А. А. Дельвигу.** (Болдино, 4 ноября). — Посылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по той причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго намъ крестовыми воинами, то есть бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но, не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю, въ чемъ дѣло — и кого надлежитъ душить, Полевого или Булгарина. Отецъ мнѣ ничего про тебя не пишетъ, а это безпокоитъ меня, ибо я все таки его сынъ, т. е., мнителенъ и хандрливъ (каково словечко?). Скажи Плетневу, что онъ расцѣловалъ бы меня, видя мое осеннее прилежаніе. — Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что-нибудь тебѣ пришлю.

4 ноября.

Я живу въ деревнѣ, какъ въ островѣ, окруженный карантинами. Жду погоды, чтобъ жениться и добраться до Петербурга — но я объ этомъ не смѣю еще и думать.

---

288. **Н. Н. Гончаровой.** (Болдино, 4 ноября). — 9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ! — мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась. Недостаточно ли этого, чтобъ повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ Лукоянова до Москвы 14 карантиновъ. Чего лучше? Теперь я разскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ — онъ хочетъ посмотрѣть его — дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящичкахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ — овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый, за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ „Кавказскаго Плѣнника“:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука:
Пройдетъ любовь, настанетъ скука —

и т. д... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ — я хочу сказать: revenons à nos moutons. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, Адріана, который отъ этого большіе барыши получаетъ[1]. Но Наталья Ивановна, но вы! — ей же ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добраться до васъ. Думаю, что Вятка еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ: въ Абрамово, для доставленія въ Болдино; ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки.

4 ноября.

Мои поклоны всему семейству.

[Оригиналъ — по французски. Штемпель: Арзамасъ. 1830, ноября 6. Проколото].

---

289. **Князю П. А. Вяземскому.** (Болдино, 5 ноября). — Отправляюсь, мой милый, въ зачумленную Москву, получивъ извѣстіе, что невѣста ея не покидала. Что̀ у ней за сердце! Твердою дубовою корой, тройнымъ булатомъ грудь ея вооруженна[1], какъ у Гораціева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое, хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а мы еще понтируемъ? Ни одной карты на лѣво, а мы все-таки лѣземъ. Подѣломъ, если останемся голы, какъ бубны. — Здѣсь я кое-что написалъ; но досадно, что не получалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться, и отдѣлалъ бы ихъ на ихъ же манеръ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ тобою: и нашего тутъ капля меду есть. — Радуюсь, что ты принялся за Фонвизина. Что̀ ты ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истинѣ (т. е. о точности примѣненія истины) нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны этихъ пуль-дуръ. Собери-ка свои статьи критическія; посмотри, что за перестрѣлка подымется. — Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушь нижнюю, да и самъ не знаю, какъ выбраться. Точно еловая шишка: вошла хорошо, а выдти, такъ и шершаво. Кстати, о Лизѣ голенькой[2] не имѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ тоже[3]. Кто платитъ за шампанское, ты или я? Жаль, если я. Кабы зналъ, что заживусь здѣсь, я бы съ ней завелъ переписку въ засосъ, т. е. на всякой почтѣ по листу кругомъ—и читалъ бы въ нижегородской глуши le Temps et le Globe. Каковъ государь? Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ. Дай Богъ ему здоровье. Дай Богъ вамъ всѣмъ здоровье, друзья. Покамѣстъ желать лучшаго нечего. Здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ „ваше здоровье“: титло завидное, безъ коего всѣ прочія ничего не значатъ.

5 ноября.

---

290. **Н. Н. Гончаровой.** (Болдино, 18 ноября). — Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я увидѣлъ, что вы были правы — 14 карантиновъ были только аванпостами, а настоящихъ карантиновъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. Владимірская); инспекторъ спра-

шиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную: — Вы не по казенной надобности изволите ѣхать? — Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей. — Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ. — Давно ли? — Да ужь около 3-хъ недѣль. — И эти свиньи губернаторы не даютъ этого знать? — Мы не виноваты-съ. — Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать — ѣду назадъ въ Лукояновъ: требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной, — сижу въ Болдинѣ, да кисну. Вотъ какимъ образомъ я продѣлалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудряется перемѣшать пакеты, такъ что Арзамасъ получаетъ почту изъ Казани, Нижній изъ Лукоянова, и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставлю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. На дняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову: онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, мой ангелъ; будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки; тысячу любезностей всѣмъ. Простите.

[Оригиналъ — по французски. Штемпель: Арзамасъ. 1830 нояб. 20. Проколото].

291. **М. П. Погодину.** (Болдино, въ ноябрѣ). — Изъ Московскихъ Вѣдомостей, единственнаго журнала, доходящаго до меня, вижу любезный и почтенный Михайло Петровичъ, что вы не оставили матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ веліимъ. Пошлите мнѣ слово

живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаютъ, что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что моя невѣста. Знаете ли вы, можете ли узнать? Ради Бога, узнайте и отпишите мнѣ въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вѣчевую свою трагедію, то вы будете моимъ благодѣтелемъ, истиннымъ благодѣтелемъ. Я бы на досугѣ васъ раскритиковалъ. А то ничего не дѣлаю, даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровье Полевому: его второй томъ со мною и составляетъ мое утѣшеніе. Посылаю вамъ изъ Пѳмоса моего апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ Вѣдомостяхъ — но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ея, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моею рукою переписанную [1].

А главнаго-то и не сказалъ: срокъ моему долгу въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, но я не имѣю надежды заплатить вамъ; не я лгу и не мошна лжетъ, лжетъ холера и прилыгаютъ 5 карантиновъ, насъ раздѣляющихъ. Прощайте, будьте живы. Что братъ?

— —

292. **Ему же.** (Болдино, въ концѣ ноября). — Я было опять къ вамъ попытался; доѣхалъ до перваго карантина. Но на заставѣ смотритель увидѣлъ, что я ѣду по собственной самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? въ утѣшеніе нашелъ я ваше письмо и Марѳу — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — Я было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ — я все таки при томъ же мнѣніи: Марѳа имѣетъ европейское, высокое достоинство. — Я разберу ее какъ можно пространнѣе. — Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. — Одна бѣда — слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете какъ Іоаннъ съ Новымъ городомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его — усѣченій, сокращеній — тьма. Но знаете ли? и эта бѣда — не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе.— Разумѣется, сообразно съ духомъ его. — И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность.— Скоро ли выдетъ ваша Марѳа? Не посылаю вамъ замѣчаній (частныхъ), потому что некогда вамъ будетъ перемѣнять то, что требуетъ перемѣны. До другого изданія. Покамѣстъ скажу вамъ, что анти-драматическимъ показалось

мнѣ только одно мѣсто — разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ: Іоаннъ не сохраняетъ величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хоть и новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику — вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего. — Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное — остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана Великаго, что и выполнитъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь *А. П.*

О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые, вѣроятно, подымутъ его на царя (и подѣломъ), а вы ихъ послушайтесь. Для васъ же пришлю я подробную критику надстрочную. Простите, до свиданія. Поклонъ Языкову. — Что за прелесть сцена пословъ! Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а князь Шуйскій? а князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства шекспировскаго.

---

293. **А. Н. Верстовскому.** (Болдино, въ концѣ ноября). — Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова оцѣпленъ, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ, во-первыхъ, потому что онъ мнѣ долженъ, во-вторыхъ, потому что я надѣюсь быть ему долженъ; въ-третьихъ, что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живого, т. е. умнаго и дружескаго. Итакъ, пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту и по приказанію гр. Закревскаго[1] не предается унынію (для чего не худо поссориться ему съ Павловымъ, яко съ лицомъ, унынiе наводящимъ).[2]

Не можешь вообразить, какъ непріятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что невозможно...

---

294. **Н. Н. Гончаровой.** (Болдино, 26 ноября). — Судя по вашему письму отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я верстъ за тридцать отсюда,

къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантиновъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь, и что жители всѣ оставили городъ. Это послѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ Нижній. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ Лукояновѣ (такъ какъ Болдино не заражено); въ то же время меня извѣщаютъ, что входъ и выходъ изъ Москвы запрещены. Эта послѣдняя новость, и въ особенности — неизвѣстность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ comme de l'an 40) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Пріѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся не найти васъ тамъ, и если бы меня туда впустили, я былъ убѣжденъ, что меня не выпустятъ оттуда. Между тѣмъ, слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, пріѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинами моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ Нижній. Переѣхавъ во Владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не знаетъ: такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблаговолите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говоритъ, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣетесь надо мной.

Затѣмъ кланяюсь вамъ.

26 ноября.

Абрамово — вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ вы полагаете, — а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; Лукояновъ отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ на слово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе[1]. Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ непріятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ Нижній. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ, и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

[Оригиналъ — по французски.]

---

295. **Ей же.** (Платово, въ концѣ ноября.) — Вотъ и еще одинъ документъ. *) Переверните страницу.

[На оборотѣ приложеннаго письма Пушкинъ сдѣлалъ свою приписку]:

Я остановленъ на карантинѣ Платова. Меня не впускаютъ, потому что я на перекладной, такъ какъ экипажъ мой сломанъ. Умоляю васъ дать знать князю Дмитрію Голицыну о моемъ несчастномъ похожденіи и просить его употребить свое вліяніе для моего пропуска въ Москву. Привѣтствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку и все семейство. На дняхъ я писалъ вамъ письмо нѣсколько жесткое, — но это потому, что у меня голова шла кругомъ — простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ раскаиваюсь. Вотъ, я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу ли я васъ черезъ 75 дней.

P. S. Или вотъ что: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

[Оригиналъ — по французски. Отправлено въ дополненіе предыдущаго письма частнымъ путемъ и потому не проткнуто; подъ адресомъ подпись: „самонужнѣйшее“.]

---

296. **Ей-же.** (Платово, 2 декабря.) — Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ, я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней — послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

---

*) Это отвѣтное письмо Пушкину Д. Языкова, изъ Нижняго:

„Monsieur! Je m'empresse de vous envoyer un certificat que j'ai obtenu pour votre départ. Je prends part à votre position ayant moi même des parents à Moscou, et je conçois le désir que vous avez d'y retourner. Bien charmé d'avoir pu vous être utile en cette occasion et vous souhaitant un voyage heureux, je me dis, Monsieur, avec l'estime la plus parfaite, votre très humble serviteur — Dmitrie Jasikoff. Le 22 novembre, 1830. — Nijni“.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Платовскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ ли я васъ. Если бы вы знали всѣ непріятности, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непремѣнно принялъ бы эту должность, если бы въ то же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена и въѣздъ запрещенъ. Затѣмъ — мои несчастныя попытки убраться; потомъ — извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ — ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ Нижнемъ ради этой sacrée княгини Голицыной? Знаете ли вы эту княгиню Голицыну? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жесткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ, и въ эту минуту не желаю ничего больше. Вотъ до чего мы дожили — что рады, когда насъ на двѣ недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!

Нижній больше не оцѣпленъ — карантины были уничтожены во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Если бы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинами, то вы все-таки не могли бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и m-r Serge.

2 декабря. Платово.

[Оригиналъ — по французски. Отправлено частнымъ путемъ, но все-таки проткнуто.]

---

297. **П. А. Плетневу.** (Москва, 9 декабря.) — Милый! Я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу озлобленную на меня, и насилу съ нею сладилъ, но — слава Богу — сладилъ. Насилу прорвался я и сквозь карантины: два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался. Но, слава Богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ, сколько можно болѣе: здѣсь Ломбардъ закрытъ, и я на мели. Что Годуновъ? Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: двѣ

послѣднія главы Онѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ апопуте; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единаго): написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется, и которыя напечатаемъ также апопуте. Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль, — но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему было печатать конфетный билетецъ этого несноснаго Лавинья [1]. Но все же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его Газетѣ не было и тѣни не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ, а то шпіоны-литераторы заѣдятъ его какъ барана, а не какъ барона. Прости, душа; здоровъ будь — это главное.

---

298. **П. В. Нащокину.** (Москва, въ декабрѣ). — Сейчасъ ѣду Богу молиться и взялъ съ собою послѣднюю сотню. Узнай, пожалуйста, гдѣ живетъ мой татаринъ и, коли можешь, достань съ своей стороны тысячи двѣ.

---

299. **Къ неизвѣстной.** (Черновое.) — Vous vous jouez de mon impatience, vous semblez prendre plaisir à me désappointer, je ne vous verrai donc que demain, — soit! Je ne peux m'occuper que de vous. Quoique vous voir et vous entendre serait pour moi le bonheur, j'aime mieux vous écrire que vous parler.

Il y a en vous une ironie, une malice qui m'aigrissent et découragent. Les sentiments deviennent pénibles, et les paroles se glacent en votre présence.

Surement, vous êtes le démon, c'est à dire celui qui doute et nie, comme dit l'Ecriture.

Dernièrement vous avez cruellement parlé du passé, vous m'avez dit ce que je tâchais de ne pas croire pendant sept ans... Pourquoi celà?

Le bonheur est si parfait pour moi que je ne l'ai pas reconnu quand il était devant moi. Ne m'en parlez donc plus, au nom de Christ... Le remord, si tout est connu, et remord aigu a sa volupté, un regret pareil à... la rage de...

Chère Ellenora, permettez-moi de vous donner ce nom qui me rappelle et les lectures brûlantes et le doux phantôme, qui me séduisait alors, et votre propre existence, si violente, si orageuse, si différente de ce qu'elle devait être.

Chère Ellenora, vous le savez, j'ai subi toute votre puissance, c'est à vous que je dois d'avoir connu tout ce que l'amour a de plus doux... De tout cela il ne m'est resté qu'un attachement bien doux, bien vrai, et qu'un peu de crainte, qu'il m'est impossible de surmonter. Si jamais vous lisez cela, je sais bien ce que vous penserez: il est humilié du passé, voilà tout; il mérite que je le..... encore. N'est-ce pas?

Cependant si prenant la plume je voulais vous demander quelque chose, je ne sais plus quoi. Oui, c'est d'amitié. Cette demande est bien vulgaire, c'est comme un mendiant qui demandait du pain. Le fait est qu'il me faut votre intimité... Et cependant vous êtes toujours aussi belle que le jour lorsque vos lèvres me touchèrent le front. Cette impression me reste encore humide, c'est elle qui m'a rendu catholique; mais vous allez vous..... Cette beauté va comme une avalanche, le monde aura votre âme, — restez debout quelque temps encore, etc.

1831.

300. **Н. А. Полевому.** (Москва, 1 января.) — М. Г. Николай Алексѣевичъ. Искренно благодарю васъ за присылку Телеграфа, пріятное для меня доказательство, что наше литературное разногласіе не совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жалѣю, что еще не могу доставить вамъ Б. Годунова, который уже вышелъ, но мною не полученъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть, м. г., вашъ покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

1 янв. 1831.

[Свѣрено съ подлинникомъ.]

---

301. **С.Д.Полторацкому.** (Москва, 2 января.) — Voici, mon ami, celui de mes ouvrages que j'aime le mieux. Vous

le lirez puisqu'il est à moi — et vous m'en direz votre avis. En attendant je vous embrasse et vous souhaite une bonne année.

2 Janvier.

[Свѣрено съ подлинникомъ.]

---

302. **Князю П. А. Вяземскому.** (Москва, 2 января.) — Стихи твои — прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масляницѣ альманахъ Блинъ. Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь ли ты ему Обозы, а Дѣвичій Сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полевого. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ отъ издателей, въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ. Все это прекрасно, однако жаль: въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены, да скоромщина французская и отечественная; а впрочемъ, странно читать многое напечатанное. Сѣв. Цвѣты что-то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглый годъ ничего самъ не написавшій и издавшій свой альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ у тебя буду. Съ удовольствіемъ привезу и шампанское; радуюсь, что бутылка за мною. Съ Полиньякомъ я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенѣ, меридіанъ, начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ-Скотта, все это романически-трогательно, а все таки Палата права. Рѣчьми адвокатовъ я недоволенъ — всѣ онѣ робки. Одинъ Ламенэ въ состояніи былъ бы aborder bravement la question. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C. P. противу тысячи руб., что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго. Мы совѣтуемъ написать ему жизнь его. Киръевскій нашъ здѣсь. Вечоръ видѣлъ его. Лиза пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется, послѣднія происшествія произвели на петербургское общество сильное дѣйствіе. Если бъ я былъ холостъ, то съѣздилъ бы туда.

Новый годъ встрѣтилъ я съ цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: пріѣхали сани.

Д — Митюша	Давыдовъ съ ноздрями,
В — Петруша	Вяземскій съ очками,
Г — Ѳедюша	Гагаринъ съ усами,
	Дѣвокъ испугали
	И всѣхъ разогнали и пр.

Знаешь ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ. До свиданія.

---

303. **П. А. Плетневу.** (Москва, 7 января.) — Что съ тобою, душа моя? Какъ побранилъ ты меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуху, ни духу. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное изданіе Бориса видѣлъ. Посланіе твое къ Гнѣдко[1] прочелъ; отвѣтъ его не прочелъ. Знаю, что ты живъ — а писемъ отъ тебя все нѣтъ. Ужь не запретилъ ли тебѣ ген.-губернаторъ имѣть со мною переписку? Чего добраго! Ужь не сердишься ли? Кажется, не за что. Отвѣчай же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. „Странная вещь, непонятная вещь!“[2] Дельвигъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами, какъ помѣщикъ съ своими крестьянами: мы трудимся — а онъ сидитъ на с... да насъ побраниваетъ. Нехорошо и неблагоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза, и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь! — Бѣдный Глинка работаетъ какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся Кого вздумалъ просить въ кумовья![3] Вообрази, въ какое положеніе приведетъ онъ и священника, и дьячка, и бабку, да и самого кума — котораго заставятъ же отрекаться отъ дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочія творить продѣлки. Нащокинъ увѣряетъ, что всѣхъ избаловалъ покойный царь, который у всѣхъ крестилъ ребятъ. Я до сихъ поръ отъ дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальт. Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе Двора? — Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ

Москвѣ то ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія — подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ риѳмъ не стихи; что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно — и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда нѣмцевъ, а о французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту, и скажутъ мнѣ, какъ наши: „Помилуйте-съ!...“ Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло; прочіе — попугаи или сороки Низовскія, которыя картавятъ одну имъ натверженную е... — Прости, мой ангелъ! — Поклонъ тебѣ, поклонъ и всѣмъ вамъ. Кстати: поэма Баратынскаго — чудо. Addio.

---

304. **Ему же.** (Москва, 13 января.) — Пришли мнѣ, мой милый, экземпляровъ 20 Бориса для московскихъ прощалыгъ; не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь въ семъ мѣсяцѣ, полгода проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ вамъ. Я не люблю московской жизни. Здѣсь живи не какъ хочешь — какъ тетки хотятъ. Теща моя — та же тетка. То ли дѣло въ Петербургѣ! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, независимо и не думая о томъ, „что скажетъ Марья Алексѣвна“. Что Газета наша? Надобно намъ о ней подумать. Подъ конецъ она была очень вяла. Иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филиппики. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ бы читать и писать, то я бы каждую недѣлю писалъ обозрѣніе литературное — да лихъ, терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впрочемъ, посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ денегъ, и я скажу тебѣ спасибо. Да что жь ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

---

305. **А. Х. Бенкендорфу.** (Москва, 18 января.) — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ Государя Императора о моей исторической драмѣ.

Писанный въ минувшее царствованіе, „Борисъ Годуновъ“ обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня Государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе.

Позвольте мнѣ благодарить усердно и Ваше Высокопр-во, какъ голосъ Высочайшаго благоволенія, и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есмь, М. Г., Вашего Высокопр-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

18 января.

1831.

Москва.

[Резолюція: „Къ свѣдѣнію“.]

---

306. **Князю П. А. Вяземскому.** (Москва, въ половинѣ января.) — Постараюсь взять отпускъ и пріѣхать на именины къ тебѣ. Но не обѣщаюсь. Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ собирается. Вчера видѣлъ я кн. Юсупова и исполнилъ твое препорученіе: допросилъ его о Фонвизинѣ, и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ Фонвизина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beaumarchais pour la conversation. Онъ знаетъ пропасть его bons-mots, да не припомнитъ. А покамѣстъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, трагикъ, встрѣтя Фонвизина, спросилъ у него, заикаясь по своему обыкновенію: видѣлъ ли ты мою Агріопу? — Видѣлъ. — Что жь ты скажешь объ этой трагедіи? — Скажу: Агріопа — ... Остро и неожиданно! Не правда ли? Помѣсти въ біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что до Телескопа (другая Агріопа), то у меня его покамѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ тебѣ всю эту дрянь послалъ. Твою статью о Пушкинѣ [В. Л.] пошлю къ Дельвигу. Что ты чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Максимовичу однакожь отдалъ Обозы, скрѣпя сердце. Кланяюсь княгинѣ и благодарю за любезный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англіи, говорятъ, бунтъ: чернь сожгла домъ Веллингтона. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

---

307. **Ему же.** (Москва, 20 января). — Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ Петербурга: Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Сегодня ѣду къ Салтыкову; онъ, вѣроятно, уже все знаетъ. Оставь Адольфа[1] у меня — на дняхъ перешлю тебѣ нужныя замѣчанія.

Арабъ (женскаго рода не имѣетъ), житель или урожденецъ Аравіи, аравитянинъ. Караванъ былъ разграбленъ степными арабами.

Арапъ, жен. арапка, такъ обыкновенно называютъ негровъ и мулатовъ. Дворцовые арапы: негры, служащіе во дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя парадными арапами.

Арапникъ, отъ польскаго herapnik (de harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. Reiff). NB. Harap vient de Herab.

А право, не худо бы взяться за лексиконъ, или хоть за критику лексиконовъ.

---

308. **П. А. Плетневу.** (Москва, 21 января.) — Что скажу тебѣ, мой милый! Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ къ Салтыкову объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій — вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ.

Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ — и постараемся быть живы.

---

309. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Москва, январь, — карандашомъ, на клочкѣ бумаги.) — Къ тебѣ собираюсь. Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у невѣсты. Сѣв. Цвѣты еще не получилъ. Борисъ Годуновъ здѣсь, но у меня его еще нѣтъ. Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

---

310. **С. Д. Киселеву.** — Отсылаю къ тебѣ твои книги съ благодарностью. Что? Не поздравить ли тебя съ наслѣдникомъ или наслѣдницею? — *А. П.*

---

311. **П. А. Плетневу.** (Москва, 31 января.) — Сейчасъ получилъ 2000 р., мой благодѣтель. Satis est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ болѣе не нужно. Отдай Софіи Михайловнѣ [1] остальныя 4000 р. — и тебя болѣе безпокоить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами — но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову. Онъ былъ искренно къ нему привязанъ — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелѣе: чувства души слабѣютъ и мѣняются; нужды жизненныя не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ — былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго — съ нимъ толковалъ обо всемъ, „что душу волнуетъ, что сердце томитъ“ [2]. Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами. — Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій въ Петербургѣ, — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. Въ немъ много прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мелочи характера малороссійскаго.

Что за мысль пришла Гнѣдичу посылать свои стихи въ Сѣв. Пчелу? [3] Радуюсь, что Гречъ отказался. — Какъ можно чертить миѳологическое надгробіе въ н....кѣ? И что есть общаго между поэтомъ Дельвигомъ и г... чистомъ полицейскимъ Ѳаддеемъ?

Милый мой, еще просьба: съѣзди къ St.-Florent (т. е. къ его преемнику) и расплатись съ нимъ за меня — я, помнится, долженъ ему около 1000 р. Извини меня передъ нимъ — я было совсѣмъ о немъ забылъ.

Что вдова?

---

312. **М. П. Погодину.** (Москва, февраль.) — Вотъ вамъ

Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ экземпляръ Нікодіму Недоумкѣ, приславшему мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ во дни переворотовъ или переоборотовъ (какъ лучше?). Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка. — Выдавайте жь Марѳу.

---

313. **Н. И. Кривцову.** (Москва, 10 февраля.) — Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе. Ты нѣкогда баловалъ первые мои опыты. Будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Нынѣшней осенью былъ я недалеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ тобою увидѣться и поболтать о старинѣ; карантины мнѣ помѣшали. Такимъ образомъ, Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, а я женатъ, — или почти. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся, — я поступаю какъ люди и, вѣроятно, не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностію.

У меня сегодня spleen, — прерываю письмо мое, чтобъ тебѣ не передать моей тоски: тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ домъ Хитровой. На дняхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824. Благодарю, но не отвѣчаю.

10 февраля 1831.

[Свѣрено съ подлинникомъ.]

---

314. **П. А. Плетневу.** (Москва, 16 февраля.) — Черезъ нѣсколько дней я женюсь, и представляю тебѣ хозяйственный отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38,000 р., и вотъ имъ распредѣленіе: 11,000 тещѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобы дочь ея была съ приданымъ — пиши пропало. 10.000 Нащокину, для выручки его изъ плохихъ

обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остаются 17,000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ іюнѣ буду у васъ и начну жить en bourgeois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя — а дѣлать нечего. Теперь понимаешь ли, что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія — я въ состояніи; но входить въ долги для ея тряпокъ — я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ настоять по крайней мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти; перешлю тебѣ на второй недѣлѣ, а къ Святой и тиснемъ.

Что баронесса? Я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нея, каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ ли долгъ Дельвигу? Не продастъ ли она мнѣ мой портретъ? Мнѣ пишутъ, что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михаилу Александровичу, что она здорова. Кто правъ? Что жь ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей — изложенія его мнѣній — анекдотовъ, разбора его стиховъ &c. — —

[Почтовый штемпель: 16 февраля.]

---

315. **А. Н. Гончарову.** (Москва, 24 февраля.) — Милостивый государь, дѣдушка Аѳанасій Николаевичъ! Спѣшу извѣстить васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію, какъ мужа безцѣнной внуки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ безпокоить и не знаемъ, въ пору ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ[1] сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожитесь на счетъ приданаго; моя усильная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не растроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія; мы же въ состояніи ждать. Что̀ касается до „памятника“, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ *Александръ Пушкинъ*.

[Приписка Натальи Николаевны: Любезный дѣдушка! Имѣю счастіе извѣстить васъ наконецъ о свадьбѣ моей и препоручаю мужа моего вашему милостивому расположенію. Съ моей же стороны чувства преданности, любви и почтенія никогда не измѣнятся. Сер-

дечно надѣюсь, что вы по-прежнему останетесь моимъ вѣрнѣйшимъ благодѣтелемъ. При семъ цѣлую ручки ваши и честь имѣю пребыватъ навсегда покорная внучка *Наталья Пушкина*.]

24 февраля 1831. Москва.

---

316. **П. А. Плетневу.** (Москва, 24 февраля.) — Мой милый, я очень безпокоюсь о тебѣ. Говорятъ, въ Петербургѣ гриппъ: боюсь за твою дочку. На всякій случай, жду отъ тебя письма.

Я женатъ — и счастливъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось; лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что кажется, я переродился. Посылаю вамъ визитную карточку — жены дома нѣтъ, и потому не сама она рекомендуется Степанидѣ Александровнѣ [1].

Прости, мой другъ. Что̀ баронесса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковскаго. Изъ газетъ узналъ я новое назначеніе Гнѣдича [2]. Оно дѣлаетъ честь государю, котораго искренно люблю и за котораго всегда радуюсь, когда поступаетъ онъ прямо по-царски. Addio.

[Приписка сбоку]: Будьте жь всѣ здоровы.

---

317. **Н. И. Хмельницкому.** (Москва, 6 марта.) — М. Г. Николай Ивановичъ! Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбія. Я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Библіотеку, но вслѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

6 марта 1831. Москва.

Давъ официальный отвѣтъ на официальное письмо ваше, позвольте благодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощеніе, не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непремѣнно, вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте

меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго, впрочемъ, я уважаю столь же, сколько васъ люблю. Весь вашъ.

[Помѣта Хмѣльницкаго: „13 марта“.]

---

318. **П. А. Плетневу.** (Москва, 26 марта.) — Что это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужь не воспослѣдовало ли вновь тебѣ отъ ген.-губернатора милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго! Не боленъ ли ты? все ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься, да понапрасну друзей своихъ пугаешь? Покамѣстъ вотъ тебѣ подробное донесеніе обо мнѣ, о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны — и каждый день новыя прибываютъ. Послѣ Святой отправляюсь въ Петербургъ. Знаешь ли что? мнѣ, мочи нѣтъ, хотѣлось бы къ вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и осень, такимъ образомъ, провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А домá, вѣроятно, нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, Двора нѣтъ — квартиръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также — Петербургъ подъ бокомъ — жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ на досугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Белизара[1] я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Shakespeare въ домъ Хитровой на Арбатѣ. (Домъ сей нанялъ я въ память своей Элизы; скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей)[2]. Сомову скажи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ, если можетъ, Лит. Газету за прошлый годъ (за нынѣшній не нужно: самъ за нимъ пріѣду), да и Сѣв. Цвѣты, послѣдній памятникъ нашего Дельвига; объ альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣдніе Сѣв. Цвѣты. Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жуковскій очень доволенъ Марѳой Посадницей. Если такъ, то пусть же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа, или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неравенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ

наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда бы не худо посадить на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, т. е. надъ предразсудками и вандализмомъ. О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 38,000 руб., я женился и обзавелся кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частные долги. На мою тещу и дѣда жены моей надѣяться плохо, частію отъ того, что ихъ дѣла разстроены, частію и отъ того, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны я поступилъ честно и болѣе нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь — ибо жёнка моя прелесть не по одной наружности — и не считаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ я сдѣлать. И такъ до свиданія, мой милый.

---

319. **Л. С. Пушкину.** (Москва, 6 апрѣля.) — Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ гр. Паскевича, какъ Бенкендорфъ получилъ о тебѣ изъ Москвы un rapport défavorable. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался бы съ французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ бы ужь быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать невозможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ, чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

6 апрѣля.

[Адресъ: Льву Сергѣевичу Пушкину. Въ Чугуевъ, Харьковской губ. Оставить до востребованія. — Чужою рукою: „Въ Изюмъ". Штемпель: Москва. 1831 апрѣля 8]

---

320. **П. А. Плетневу.** (Москва, 11 апрѣля.) — Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать ли мнѣ къ вамъ, остановиться ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла. Ты скажешь, что и Петербургъ малымъ чѣмъ лучше; но я, какъ Артуръ Потоцкій, которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'ennuyer autrement. Мнѣ кажется, что если всѣ мы бу-

демъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго — и газеты! Виземскій везетъ къ вамъ Жизнь Ф. Визина, книгу, едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все таки исключая Карамзина). Петръ Ивановичъ[1] приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ; а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну[2]. Разумѣю, не стану читать, а ругать все таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое я еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ привезу, потому и не посылаю.

Что баронесса? О тебѣ говорила мнѣ Жихарева. Анекдотъ о билетцахъ — прелесть![3]

Христосъ воскресъ!

---

321. **Ему же.** (Москва, въ апрѣлѣ.) — Ты правъ, любимецъ музъ — должно быть аккуратнымъ, хотя это и нѣмецкая добродѣтель; не худо быть и умѣреннымъ, хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. И такъ, вотъ тебѣ пунктуальные отвѣты на твои запросы. Деларю[1] слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется. О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ[2]. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села, гдѣ ради Бога найми мнѣ фатерку — насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка, да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ, разумѣется, лучше — но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садище. А нужна кухня, да сарай. Вотъ и все. Ради Бога, скорѣе же! и тотчасъ давай намъ и знать: что все-де готово, и милости просимъ пріѣзжать; а мы тебѣ какъ снѣгъ на голову.

Обними Жуковскаго за участіе, въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. Итакъ, былое съ нимъ сбывается опять[3]. Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады: переводы или сочиненія? Дмитріевъ, думая критиковать

Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. „Жуковскій, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ". Если все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо, и вижу, что я неакуратно отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ? 2) на сколько времени? и 3) во скоаько комнатъ нужна мнѣ квартира?

Отвѣты:

1) На какой бы то ни было улицѣ Царскосельской.

2) До января, и потому квартира должна быть теплая.

3) Былъ бы особый кабинетъ — а прочее мнѣ все равно.

За симъ обнимаю тебя, благодаря заранѣе.

---

323. **П. В. Нащокину.** (Спб., 21 мая). — Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичъ, въ Демутовъ трактиръ, и на дняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ. (Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой). Поливановъ[1] сейчасъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ; завтра отправляется къ вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. На дняхъ отправлю тебѣ 2000 р. для Горчакова[2]; не знаю, получилъ ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ перепишусь. Что ты дѣлаешь, душка? Что твоя хозяйка? Что Марья Ивановна[3], спровадилъ ли ты ее? И что твои хлопоты касательно моего дома и твоего долга? До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не сумѣю. Перешли поскорѣе. Жена тебѣ очень кланяется.

---

324. **Ему же.** (Спб., въ маѣ). — Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня предъ Горчаковымъ; онъ получитъ все прежде срока или въ срокъ, но не позже. Если увидишь Вяземскаго, то спроси, какъ ему переслать его 1000? Или нѣтъ ли у него здѣсь долговъ, или не хранить ли ее до его пріѣзда? Прости, любезный другъ, будь здоровъ и не хандри.

---

325. **А. Х. Бенкендорфу.** (Царское Село, 27 мая). — Général. Mademoiselle Kuchelbecker m'a fait demander si je

ne prendrais pas sur moi d'être l'éditeur de quelques poëmes manuscrits que son frère lui a laissés. J'ai cru qu'il fallait pour cela l'autorisation de Votre Excellence, et que celle de la censure ne suffisait pas. J'ose espérer que cette permission que je sollicite ne pourra me nuire: ayant été camarade de collège de G. Kuchelbecker, il est naturel que sa sœur, en cette occasion, se soit adressée à moi plutôt qu'à tout autre.

Maintenant permettez-moi de vous importuner pour quelque chose qui m'est personnelle. Jusqu'à present j'ai beaucoup négligé mes moyens de fortune. Actuellement que je ne puis être insouciant sans manquer à mes devoirs, il faut que je songe à m'enrichir et j'en demande la permission à Sa Majesté, mon service auquel Elle a daigné m'attacher, mes occupations littéraires m'obligent à demeurer à Pétersbourg, et je n'ai de revenu que ce que me procure mon travail. L'entreprise littéraire dont je sollicite l'autorisation et qui assurerait mon sort, serait d'être à la tête du journal dont M-r Joukovsky m'a dit vous avoir parlé.

Je suis avec respect, Général, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

27 Mai.

[На письмѣ карандашемъ: „Завтра въ 12 часовъ къ Генералу"].

Записка объ изданіи газеты.

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатаніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ [1].

Нещастныя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго Императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбѣ и притѣсненнымъ невѣжественной и своенравной цензурою [2]. Не было закона касательно собственности литературной. [3]

Ограженіе сей собственности и цензурный уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она отрасль промышленности, покровительствуемой законами. Изо всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе

приносятъ выгоды, и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.[4]

Сѣверная Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.[5]

Всякой журналистъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. Сѣверная Пчела пользуется симъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы чисто литературные, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва ли и 300, и слѣдственно голосъ ихъ былъ бы вовсе не дѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ихъ монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы: ни одно изъ ихъ произведеній не продается[6], ибо никто не станетъ покупать товара, охужденнаго въ самомъ газетномъ объявленіи.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли бы равняться средствамъ Сѣверной Пчелы, т. е[1] журналъ, въ коемъ бы печатались политическія и заграничныя новости.[7]

Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства[8], и въ семъ случаѣ я полагаю священною обязанностію ему повиноваться, и не только соображаться съ рѣшеніемъ цензора, но и самъ обязуюсь строго смотрѣть за каждой строкою моего журнала.

Злонамѣренность была бы съ моей стороны столь же безразсудна, какъ и неблагодарна.

---

326. **П. В. Нащокину.** (Царское Село, 1 іюня). — Вотъ уже недѣля, какъ я въ Царскомъ Селѣ, а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришлю тебѣ немедленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ Марьей Ивановной и поздравляю съ прекращеніемъ

домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы переслалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2000 рублей и потому пріостановился. Теперь, кажется, все сладилъ, и буду жить потихоньку, безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Поливановымъ? Ѣдетъ ли онъ въ Калугу вслѣдъ своей возлюбленной? У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, Кат. Ив. Загряжской[1], и я рекомендовалъ его какъ будущаго племянника. Только я боюсь, чтобъ дѣдушка его не надулъ — смотри за нимъ. Что твои домашнія обстоятельства? Не отыскался ли женихъ на извѣстную особу? Изъ Царскаго Села пріѣхалъ бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законный бракъ Ольги Андреевны[2], и увезъ бы тебя въ Петербургъ. То-то бы зажили! Опять бы завелись и арапы, и карлики, и сотернъ, и пр. — Прощай, пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я потеряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другого. Мы съ женой тебя всякій день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще покамѣстъ незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ.

1 іюня 1831 г.

Я сейчасъ увидѣлъ въ „Литературной Газетѣ“ разборъ Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь вмѣшался[3]. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземскаго тысяча?

[На конвертѣ: „Получено іюня 6“].

---

327. **Ему же.** (Царское Село, 11 іюня). — Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, и довѣренность, и деньги, получилъ весь мой московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужь не теряются ли письма? Пожалуйста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй[1], съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, Ольгу Андреевну сосватай, да пріѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; насилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы — и медленностію успѣховъ въ Турціи, и неуда-

чами противъ польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильны и о томъ, что Храповицкаго будто бы повѣсили [2]. Ужасно, но надѣюсь, неправда. Холера, говорятъ, все не унимается. Правда ли, что въ Твери карантины? Экой годъ! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любитъ и очень кланяется.

11 іюня 1831 г. Царское Село.

---

328. **Ему же.** (Царское Село, 21 іюня). — Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю, отвѣчалъ ли я тебѣ на оное; на всякій случай, перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ [1] я расплатился; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ же когда нибудь; покамѣстъ мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ Петербургѣ, и Царское Село оцѣплено — такъ, какъ при королевскихъ Дворахъ, бывало, за шалости принца сѣкли его пажа. Жду дороговизны, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій; и дѣдушка, и тёща отмалчиваются: рады, что Богъ послалъ ихъ Ташинькѣ муженька такого смирнаго. Что-то будетъ съ Александромъ Юрьевичемъ [Поливановъ]? Твое извѣстіе о немъ насмѣшило насъ до сыта. Воображаю его въ „Заводахъ“ en tête à tete съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну ходуномъ ходящую около дочерей, крѣпко на крѣпко заключенныхъ. Что Александръ Юрьевичъ? Остылъ, или нѣтъ? Ты-то что самъ? И скоро ли деньги будутъ? Какъ будутъ, пріѣду, не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужь я отчаяваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

[На конвертѣ: „Получено іюня 26“].

---

329. **Ему же.** (Царское Село, 26 іюня). — Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ. А что за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я ужь писалъ тебѣ, что въ Петербургѣ холера, а какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ, равнодушныхъ москвичей. На дняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея: собралось православнаго народу тысячъ шесть; отперли больницы, кой-кого (сказываютъ) убили; государь самъ

явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута. Тяжелыя времена на насъ, Воиновичъ! Тѣло цесаревича везутъ, также и Дибичево. Паскевичъ пріѣхалъ въ армію 13-го. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ, къ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ ли Догановскій [1]? Если у васъ, такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло, не дожидаясь меня; а я, не смотря на холеру, непремѣнно буду въ Москвѣ, на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяземскаго получилъ я письмо; свою тысячу оставляетъ онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую на дняхъ перешлю тебѣ. Холера прижала насъ, и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все-таки уходятъ. Вообрази, что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ ли ты съ горя? Кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ. Фуляровъ ей не присылаю, ибо съ Петербургомъ, какъ уже сказано было всякое сообщеніе прервано. По той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа [2]. Брюловъ въ Петербургѣ и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется. Кланяюсь Шнейдеру. Никого здѣсь не вижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи. [3] Кланяюсь и Андрею Петровичу [4]. Пришли мнѣ его романсъ исправленный во второмъ изданіи. Еще кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ, Матренѣ Сергѣевнѣ [5] и всей компаніи. Прости, моя прелесть. Жена тебѣ кланяется. Шитье ея для тебя остановилось за неимѣніемъ чернаго шелка. Все холера виновата.

26 іюня.

---

330. **Н. И. Гончаровой.** (Царское Село, 26 іюня). — Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Натали, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ Аѳанасію Николаевичу притязанія г-на Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ ли предложеніе г-на Поливанова принято, или нѣтъ, это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изобра-

жали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ — презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и сумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться на счетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что̀ предполагалось сдѣлать въ отношеніи Натали: это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, не смотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 рублей, которые я далъ взаймы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что̀ вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь, милостивая государыня, вашъ покорнѣйшій и послушный слуга — *Александръ Пушкинъ*.

Царское Село. 26 іюня 1831.

[Оригиналъ — по французски].

---

331. **М. П. Погодину.** (Царское Село, въ іюнѣ). — Сердечно благодарю васъ и за письмо, и за Статистику [1]. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ Петербурга и не знаю, какъ доставить экземпляры, слѣдующіе великимъ князьямъ и Жуковскому. Вы знаете, что у насъ холера; Царское Село оцѣплено; оно будетъ, вѣроятно, убѣжищемъ царскому семейству. Въ такомъ случаѣ, Жуковскій будетъ сюда и я дождусь его, чтобъ вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчаніе. Онъ самый неаккуратный корреспондентъ, и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу васъ увѣрить, что онъ искренно васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія ваша не поступила еще въ продажу. Вяземскій сказалъ мнѣ, что она уже вышла, потому-то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать и непремѣнно буду писать при первомъ случаѣ объ этомъ къ Блудову. Холера и смерть цесаревича насъ совершенно смутили. Дайте образумиться.

Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ Московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Московскому университету.

У насъ есть счетецъ. За мною процентовъ было 225 р.; изъ оныхъ я отдалъ вамъ, помнится, 75 — итого остается — 150 р., кои вы получите, какъ скоро получу оброкъ съ Смирдина.

---

332. **Ему же.** — Любезный и почтенный, не имѣю времени отвѣчать вамъ на ваше письмо. Увѣдомляю васъ только, что порученіе ваше касательно Статистики Петра I исполнено: Жуковскій получилъ экземпляръ для великаго князя и для себя. Экземпляромъ, слѣдующимъ в. к. Константину, расположилъ онъ иначе. Жуковскій представилъ его императрицѣ. Напишите, сдѣлайте милость, офиціальную записку его превосходительству Ивану Павловичу Шамбо (секретарю ея величества): „Осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ ея величества такую-то замѣчательную книгу“ и проч. — и доставьте письмо мнѣ. У гр. Бенкендорфа былъ я для васъ же, но не засталъ его дома; онъ въ Ц. Селѣ остается, слѣдственно на дняхъ буду съ нимъ толковать. Покамѣстъ обнимаю васъ.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантиномъ. Вашихъ порученій касательно книгъ покамѣстъ не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

---

333. **П. А. Осиповой.** (Царское Село, 29 іюня). — Je différais de vous écrire m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer.

C'est donc par écrit, madame, que je vous félicite et que je souhaite à M-elle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux [1].

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au

milieu des mutins. On m'écrit: „Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади". Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'émeute s'est apaisée; mais les désordres se sont renouvelés depuis.

Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarskoé Sélo, qui jusqu'à present n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoé des sept plaies de l'Égypte; vivez heureuse et tranquille et puissé-je me retrouver un jour dans vorte voisinage! Et à propos de cela, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quelles en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites-vous, madame, de mes chateaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? Pour moi ce projet-là m'enchante, et j'y reviens à tout moment. Recevez, madame, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Sarskoe Sélo. 29 Juin 1831.

---

334. **П. А. Плетневу.** (Царское Село, 3 іюля). — Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живъ ли ты? Что ты намѣренъ дѣлать? Что наши? Экія страсти! Господи Іисусе Христе!

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантины.

Знаешь ли что? Я живъ и здоровъ.

3 іюля.

Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? Печатать ли намъ самимъ, или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей и желаетъ вамъ здравія.

---

335. **Князю П. А. Вяземскому.** (Царское Село, 3-го іюля). — Получилъ я письмо твое (вѣроятно отъ Ѳедосія Сидоровича, по крайней мѣрѣ на печати вырѣзанъ крестъ и якорь и надпись: Богъ моя надежда). Ты требуешь на-

Пишите Петра; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были бы одинъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ Московскимъ университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Московскому университету.

У насъ есть счетецъ. За мною процентовъ было 225 р.; изъ оныхъ я отдалъ вамъ, помнится, 75 — итого остается — 150 р., кои вы получите, какъ скоро получу оброкъ съ Смирдина.

---

332. **Ему же.** — Любезный и почтенный, не имѣю времени отвѣчать вамъ на ваше письмо. Увѣдомляю васъ только, что порученіе ваше касательно Статистики Петра I исполнено: Жуковскій получилъ экземпляръ для великаго князя и для себя. Экземпляромъ, слѣдующимъ в. к. Константину, расположилъ онъ иначе. Жуковскій представилъ его императрицѣ. Напишите, сдѣлайте милость, офиціальную записку его превосходительству Ивану Павловичу Шамбо (секретарю ея величества): „Осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ ея величества такую-то замѣчательную книгу“ и проч. — и доставьте письмо мнѣ. У гр. Бенкендорфа былъ я для васъ же, но не засталъ его дома; онъ въ Ц. Селѣ остается, слѣдственно на дняхъ буду съ нимъ толковать. Покамѣстъ обнимаю васъ.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантиномъ. Вашихъ порученій касательно книгъ покамѣстъ не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

---

333. **П. А. Осиповой.** (Царское Село, 29 іюня). — Je différais de vous écrire m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer.

C'est donc par écrit, madame, que je vous félicite et que je souhaite à M-elle Euphrosine tout le bonheur dont ici-bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux [1].

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au

milieu des mutins. On m'écrit: „Государь говорилъ съ народомъ — чернь слушала на колѣняхъ — тишина — одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади". Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'émeute s'est apaisée; mais les désordres se sont renouvelés depuis.

Peut-être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarskoé Sélo, qui jusqu'à present n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoé des sept plaies de l'Égypte; vivez heureuse et tranquille et puissé-je me retrouver un jour dans vorte voisinage! Et à propos de cela, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quelles en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites-vous, madame, de mes chateaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? Pour moi ce projet-là m'enchante, et j'y reviens à tout moment. Recevez, madame, l'hommage de ma haute considération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Sarskoe Sélo. 29 Juin 1831.

---

334. **П. А. Плетневу.** (Царское Село, 3 іюля). — Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живъ ли ты? Что ты намѣренъ дѣлать? Что наши? Экія страсти! Господи Іисусе Христе!

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантины.

Знаешь ли что? Я живъ и здоровъ.

3 іюля.

Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? Печатать ли намъ самимъ, или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей и желаетъ вамъ здравія.

---

335. **Князю П. А. Вяземскому.** (Царское Село, 3-го іюля). — Получилъ я письмо твое (вѣроятно отъ Ѳедосія Сидоровича, по крайней мѣрѣ на печати вырѣзанъ крестъ и якорь и надпись: Богъ моя надежда). Ты требуешь на-

задъ свою мебель. Эхъ, милый! трудно въ Царскомъ Селѣ мнѣ будетъ найти новую. Нечего дѣлать, возьми себѣ назадъ. Только мнѣ жаль будетъ тебѣ оставить ее за ту же цѣну. Ей-Богу, ваше сіятельство, больше стòитъ. Она мнѣ досталась по оказіи и по знакомству; право, не грѣхъ прибавить рублей сто. По газетамъ видѣлъ я, что Тургеневъ отправился къ тебѣ въ Москву; не пріѣдешь ли съ нимъ назадъ? Это было бы славно. Мы бы что-нибудь и затѣяли вродѣ „альманаха“ и Тургенева порастрепали бы. Объ Адольфѣ твоемъ[1] не имѣю никакого извѣстія: Плетневъ отдѣленъ отъ меня холерою, ничего не пишетъ. Ждалъ я сюда Жуковскаго, но Дворъ уже не ѣдетъ въ Царское Село, потому что холера показалась въ Пулковѣ. Въ П. Б. народъ не спокоенъ; слухи объ отравѣ такъ распространились, что даже люди порядочные повторяютъ эти нелѣпости отъ чистаго сердца.

Двухъ лекарей народъ убилъ. Царь унялъ возмущеніе, но не все еще тихо. Изъ арміи извѣстія не имѣемъ. Вотъ тебѣ все, что знаю. О литературѣ не спрашивай: я не пслучаю ни единаго журнала, кромѣ С.-Петерб. Вѣдомостей, и тѣхъ не читаю. Рославлева прочелъ, и очень желаю знать, какимъ образомъ ты бранишь его. Разговоровъ о Борисѣ[2] не слыхалъ и не видалъ, а въ чужіе разговоры не вмѣшиваюсь. Не пишу покамѣстъ ничего, ожидаю осени. Элиза приготовляется къ смерти мученической, и уже написала мнѣ трогательное прощаніе. Ты что? Вышелъ ли Фонъ-Визинъ изъ цензуры и поступилъ ли въ печать?[3] Кстати о цензурѣ: Щегловъ умеръ, не нашего полку, чужого. Отецъ мой горюетъ у меня въ сосѣдствѣ, въ Павловскомъ; вообще довольно скучно.

3 іюля.

Кланяюсь всѣмъ твоимъ, въ томъ числѣ и Тургеневу, если онъ ужь у васъ.

---

336. **П. Я. Чаадаеву.** (Царское Село, 6 іюля). — Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre, et nous continuerons nos conversations, commencées jadis à Sarsko-Selo et si souvent interrompues.

Vous savez ce qui nous arrive à Pétersbourg: le peuple s'est imaginé qu'on l'empoisonnait. Les gazettes s'épuisent en semonces et en protestations; malheureusement le peuple ne sait pas lire, et les scènes de sang sont prêtes à se renouveler. Nous sommes cernés à Sarsko-Sélo et à Pavlovsky et nous n'avons aucune communication avec Péters-

bourg. Voilà pourquoi je n'ai vu ni Bloudoff, ni Bélizard Votre manuscrit est toujours chez moi; voulez-vous que je vous le renvoye? mais qu'en ferez-vous à Nécropolis? [1] Laissez-le moi encore quelque temps. Je viens de le relire. Il me semble que le commencement est trop lié à des conversations antécédentes, et à des idées antérieurement développées, bien claires et bien positives pour vous, mais dont le lecteur n'est pas au fait. Les premières pages sont donc obscures, et je crois que vous feriez bien d'y substituer une simple note ou bien d'en faire un extrait. J'étais prêt à vous faire remarquer aussi le manque d'ordre et de méthode de tout le morceau, mais j'ai fait réflexion que c'est une lettre, et que le genre excuse et autorise cette négligence et ce laisser-aller. Tout ce que vous dites de Moïse, de Rome, d'Aristote, de l'idée du vrai Dieu, de l'art antique, du protestantisme, est admirable de force, de verité ou d'éloquence. Tout ce qui est portrait et tableau est large, éclatant, grandiose. Votre manière de concevoir l'histoire m'étant tout-à-fait nouvelle, je ne puis toujours être de votre avis; par exemple, je ne conçois pas votre aversion pour Marc-Aurèle, ni votre prédilection pour David (dont j'admire les psaumes, si toutefois ils sont de lui). Je ne vois pas pourquoi la peinture forte et naïve du polythéisme vous indignerait dans Homère. Outre son mérite poétique, c'est encore d'après votre propre aveu un grand monument historique. Ce que l'Iliade offre de sanguinaire, ne se retrouve-t-il pas dans la Bible? Vous voyez l'unité chrétienne dans le protestantisme? L'idée première fut monarchique; elle devint républicaine. Je m'exprime mal, mais vous me comprendrez. Ecrivez-moi, mon ami, puissiez-vous me gronder. Il vaut mieux, dit l'Ecclésiaste, entendre la correction de l'homme sage que les chansons de l'insensé.

6 Juilet. S. S.

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Петру Яковлевичу Чаадаеву. Въ Москвѣ. На Дмитровкѣ, въ домѣ Рѣшетникова].

---

337. **П. А. Плетневу.** (Царское Село, 16 іюля). — Я надоѣдалъ тебѣ письмами и не зналъ о твоемъ огорченіи. Вчера только сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго слѣпца [1]. Зная твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ, пустѣй дорога передъ нами. Тяжелое время, тяжелый годъ. По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и недостижимъ. Но, кажется, зараза теряетъ свою силу и въ Петербургѣ. Мы, уже об-

стрѣлянные въ Москвѣ и Нижнемъ, равподушно слышали приближающуюся перестрѣлку. Но сколько знакомыхъ жертвъ! Однакожь, кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. Селѣ все суетится, ликуетъ; ждутъ разрѣшенія царицы; ждутъ добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждутъ прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ, что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровьѣ своемъ и своихъ.

[Адресъ: Въ Спб., на Кушелевой дачѣ, у Самсоніевской заставы]

---

338. **П. А. Плетневу.** (Царское Село, въ іюлѣ). — Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услышать отъ Жуковскаго, что тебя сюда не будетъ. Но такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать. безпокоясь о тебѣ, но Жуковскій отсовѣтовалъ, говоря: онъ живъ — чего жь вамъ больше? Однако, она поручила было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой-то запоздалой пенсіи. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга[1] повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля; получилъ ли ты ихъ? предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ цензуру земскую, не удѣльную, — да и снюхаемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10,000, и вотъ какимъ образомъ:

2000 экз. по 6 р. = 12,000.
1000 за печать,
1000 процентовъ.
Итого 10,000.

Что же твой планъ Сѣв. Цвѣтовъ въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ Моцарта и нѣсколько мелочей. Жуковскій даетъ свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому: онъ пришлетъ намъ сокровища. Онъ въ своей деревнѣ. Отъ тебя стиховъ не дождешься; если бъ ты собрался, да написалъ что-нибудь о Дельвигѣ! то-то было бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ, проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мель. Обозрѣнія словесности не надобно: чортъ ли въ нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина — кстати ли такое аллилуія на могилѣ Дельвига? Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, да и распорядись — а издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію. Будьте здоровы всѣ, Христосъ съ вами.

---

339. **М. Л. Яковлеву.** (Царское Село, 19 іюля). — Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичъ, у Плетнева. Потрудись, сдѣлай одолженіе, съѣздить къ нему; но какъ онъ человѣкъ аккуратный, то возьми съ собою вексель мой и надпиши, что проценты получены. Попроси его отъ меня написать мнѣ три строчки и прислать деньги, въ коихъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ ли онъ, и всѣ ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьѣ Михайловнѣ, и очень жалѣю, что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что̀ Сѣверные Цвѣты? Съ моей стороны я готовъ. На дняхъ пересмотрѣлъ у себя письма Дельвига; можетъ быть, современемъ это напечатаемъ. Нѣтъ ли у ней моихъ къ нему писемъ? Мы бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхли и его же Ижорскій, также и моя баллада о Рыцарѣ влюбленномъ въ Дѣву[1]. Не можетъ ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетневъ и я, мы бы постарались что-нибудь изъ этого сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ пріятелей отправился туда, отколь никто не воротился? Прости, до свиданья. — *А. П.*

19 іюля. С. Село.

[Адресъ: „Его высокобл., м. г. Михайлѣ Лукьяновичу Яковлеву, въ Спгѣ, во 2-е отдѣленіе Собственной Е. В. канцеляріи". — Штемпель: Царское Село. 20 іюля 1831].

340. **П. В. Нащокину.** (Царское Село, 21 іюля). — Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичъ, у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ[1]; но это дѣло несбыточное: по крайней мѣрѣ, я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ сбираюсь, да боюсь карантиновъ. Нынѣ никакъ нельзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени пріѣзда. Вмѣсто трехдневной ѣзды того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! — Посылаю тебѣ посылку на имя Чаадаева; онъ живетъ на Дмитровкѣ, противъ церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ, кажется, все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лекарей и полковниковъ

не убиваютъ. Недаромъ царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу! Въ Царскомъ Селѣ также все тихо; но около — такая каша, что Боже упаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ-то Критическомъ разговорѣ[2], котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы, что все, что называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ своей стороны, я отступился: возражать серьезно — невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жь, ни критика, ни публика недостойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, попаду во временщики, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ польскую армію. Имъ были недовольны . . . . . ; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого. — Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ! Прощай, душа, не лѣнись и будь здоровъ.

21 іюля. 1831.

P. S. Я съ тобою болтаю, а о дѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ Петербургѣ, у Плетнева или у Смирдина. Оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры. Не знаю, получу ли, что мнѣ слѣдуетъ къ 1-му августу; въ такомъ случаѣ пришлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не-то, ради Господа Бога, займи хоть на мое имя, и заплати въ срокъ. Не я виноватъ, виновата холера, отрѣзавшая меня отъ Петербурга, который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догановскимъ не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается.

---

341. **А. Х. Бенкендорфу.** (Около 21 - 22 іюля). — Заботливость истинно-отеческая Государя Императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями Его Величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе[1]. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ изъ Лицея) къ несчастію, представлялъ препятствіе на поприщѣ службы. Я считался въ Иностранной Коллегіи отъ 1817-го до 1824-го года — мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. Титулярнаго и Коллежскаго Ассесора, но бывшіе мои начальники забывали о моемъ предста-

вленіи[2]. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало.[3]

Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое[4], то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнить волю Его Величества и готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій, которыхъ у насъ не существуетъ — и правительству нѣтъ надобности имѣть свой офиціальный журналъ. Но, тѣмъ не менѣе, общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо.[5] Съ радостію взялся бы я за редакцію Политическаго и Литературнаго журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію[6]. Болѣе соотвѣтствовало бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ Государственныхъ Архивахъ и Библіотекахъ. Не смѣю и не желаю взять на себя званіе Исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Государя Петра III.

[Карандашомъ надписано: „Написать Графу Нессельроду, что Государь велѣлъ его принять въ Иностранную Коллегію, съ позволеніемъ рыться въ старыхъ Архивахъ для написанія Исторіи Петра Перваго. — Не угодно ли будетъ Графу испросить или самому назначить Пушкину жалованье“].

---

342. **П. А. Плетневу.** (Царское Село, 22 іюля). — Письмо твое отъ 19-го крѣпко меня опечалило. Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры — одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши — старыя хрычовки; а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри, холера на дняхъ пройдетъ; были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы.

Жаль мнѣ, что ты моихъ писемъ не получалъ. Между ними были дѣльныя; но не бѣда. Эслингъ сей, котораго ты не знаешь, — мой внукъ по Лицею и, кажется, добрый малый; я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказки; про-

читай ихъ ради скуки холерной, а печатать ихъ не къ спѣху. Кромѣ 2000 за Бориса, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина. Думаю, накопилось около двухъ же тысячъ моего жалованья; напишу ему, чтобъ онъ ихъ переслалъ ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500 Россетинскихъ. — Кстати, скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Ей-Богу, онъ очень со мною милъ. Когда жь мы, братъ, увидимся? Охъ, ужь эта мнѣ холера! Мой Юсуповъ умеръ, нашъ Хвостовъ умеръ[1], — авось, смерть удовольствуется сими двумя жертвами. Прощай, кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами.

---

343. **П. В. Нащокину.** (Царское Село, 29 іюля). — Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чадаеву; посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу: вотъ сія тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу.

Что ты дѣлаешь? Ожидаешь ли ты своихъ денегъ и выручишь ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго? Нужно ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Царскомъ Селѣ, что и дешевле, и спокойнѣе?

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились, холера также. Государь ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ взбунтовались было колоніи и гдѣ произошли ужасы. Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила великаго князя Николая Николаевича. О Польшѣ ничего не слышно. Прощай, до свиданія.

29 іюля 1831.

---

344. **П. А. Осиповой.** (Царское Село, 29 іюля). — Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois et vous souhaite à tous et du fond de mon coeur — prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée,

l'escapade d'Olga, la quarantaine etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrêts, le choléra n'est guère a craindre. Il va finir á Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Novgorod dans les colonies militaires? Les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde pretexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers et les médecins ont été massacrés avec un raffinement d'atrocité. L'Empereur y est allé, et a apaisé l'émeute avec un courage et un sangfroid admirable; mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux émeutes, et les émeutés à sa présence. Il parait que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. „Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ". Si cette vérité était connue avant, nous eussions évité bien de maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement, avec de l'huile et du lait chaud, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remets en vos mains mes interêts et mes projets. Je ne tiens ni à Savkino, ni à tout autre lieu, je tiens à être votre voisin et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances, à ce qu'il parait, vont me retenir à Pétersbourg plus longtemps que je n'eus voulu, mais cela ne change rien à mon projet et mes espérances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma considération. Je salue toute votre famille.

29 Juillet. Zarskoe Sélo.

[Адресъ: Ея Высокор. м. г. П. А. Осиповой въ Опочкѣ, въ селѣ Тригорскомъ].

---

345. **Н. М. Коншину.** (Царское Село, лѣтомъ). — Собака нашлась, благодаря вашимъ приказаніямъ. Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Я давалъ ему за труды 10 руб., онъ не взялъ, говоря: мало; по мнѣ, и онъ, и собака того не стоятъ, но жена моя другого мнѣнія. Здоровы ли и скоро ль увидимся? *А. П.*

[Адресъ: Николаю Михайловичу Коншину].

---

346. **П. В. Нащокину.** (Царское Село, 3 августа). — Отецъ и благодѣтель! На дняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, по-

лучилъ ли все исправно: да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ ли Карніолинъ-Пинскій [1]? Здоровъ ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что жь не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ, за неимѣніемъ живописца. Засимъ прощенія просимъ.

3 августа.

P. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ ломбардъ? Самому ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

---

347. **П. А. Плетневу.** (Царское Село, 3 августа). — Получилъ я, любезный Плетневъ, и письмо, и 1500. Ты умно дѣлаешь, что сидишь смирно въ своей норѣ и носу не показываешь въ проклятомъ нѣкогда мною Петербургѣ. Не холера опасна, опасно опасеніе, моральное состояніе, уныніе, долженствующее овладѣть всякимъ мыслящимъ существомъ въ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ недѣлю, вѣроятно, прекратится; но Царское Село будетъ еще долго окружено карантинами: и такъ, свиданіе наше еще далеко. Что жь Цвѣты? Ей-Богу, не знаю, что мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покамѣстъ нельзя за нихъ приняться. Почему же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумати? развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія?

Кстати: что сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправнѣе Меркурія. Кстати: не умеръ ли Бестужевъ-Рюминъ? Говорятъ, холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ, Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова: „Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?“ — Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать — хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

Россети вижу часто; она очень тебя любитъ и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужь ее поздравилъ.

348. **П. И. Миллеру.** (Царское Село, 6 августа). — Сердечно благодарю васъ за книги и за любезное письмо ваше. Когда же исполните вы другое свое обѣщаніе — побывать у меня? Внукъ очень тѣмъ обяжетъ ему сердцемъ преданнаго дѣда. — *А. П.*

349. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Царское Село, послѣ 20 августа). — Между нами. У Дельвига осталось два брата безъ гроша денегъ, на рукахъ его вдовы, потерявшей большую часть маленькаго своего имѣнія. Нынѣшній годъ мы выдадимъ Сѣв. Цвѣты въ пользу двухъ сироть. Ты пришли мнѣ стиховъ и прозы; за журналъ нашъ примемся послѣ.

20 августа, день смерти Вас. Львов., здѣшніе Арзамасцы поминали своего старосту ватрушками, въ кои воткнуто было по лавровому листу. Свѣтлана произнесла надгробное слово, въ коемъ съ особеннымъ чувствомъ вспоминала она обрядъ принятія его въ Арзамасъ.

350. **А. Ѳ. Воейкову.** (Царское Село, между 21—25 августа). — Сейчасъ прочелъ „Вечера близъ Диканьки". Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались „Вечера", то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу[1]. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

351. **П. А. Плетневу.** (Царское Село, передъ 25 августа). — Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ.—Правила, коими будемъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлыхъ мѣстъ и какъ можно шире разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать полныя, напр. Иванъ Ивановичъ Ивановъ, а не И. Ив. Ив—ъ. То же и объ городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кромѣ годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ Смотритель назвать гусара Минскимъ, и симъ именемъ замѣнить вездѣ***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, съ тѣмъ, чтобъ онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей вмѣсто 10-ти — ибо нынче времена тяжелыя, рекрутскій наборъ и карантины.

Думаю, что публика будетъ безпрекословно платить сей умѣренный оброкъ и не принудитъ меня употреблять строгія мѣры.

Главное: будемъ живы и здоровы. — Прощай, мой ангелъ.

P. S. Эпиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ — на особенномъ листѣ (ради ширины). *

Кстати объ эпиграфахъ: къ Выстрѣлу надобно будетъ пріискать другой, именно въ Романѣ въ семи письмахъ А. Бестужева въ Полярной Звѣздѣ (1824): У меня оставался одинъ выстрѣлъ, я поклялся etc. Справься, душа моя.

---

352. **Н. В. Гоголю.** (Царское Село, 25 августа). — Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ.[1] Но вы слишкомъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина еще не явилась[2]. Не знаю, что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича? — Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ — съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другого — толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца [Полевой]. У насъ все благополучно; бунтовъ, наводненія

---

* Между этою строкою и заключеніемъ письма вырѣзанъ большой клочёкъ бумаги.

и холеры нѣтъ. Жуковскій расписался; я чую осень и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николаевна[3], т. е. моя Наталья Николаевна, благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите за меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено. — *А. П.*

25 августа.

---

353. **П. В. Нащокину.** (Царское Село, 3 сентября). — Любезный мой Павелъ Воиновичъ, не отвѣчалъ я на твое послѣднее письмо, исполнившее меня радостью и благодарностью, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго. Но оно покамѣстъ еще не пришло. Дай-то Богъ, чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою! Жду съ трепетомъ сердца рѣшенія Догановскаго. Все ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимоѳеевнѣ и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здорова. Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія Исторіи Петра I. Дай Богъ здравія царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ; я потребовалъ счетовъ; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; вслѣдствіе сего Алекс. Григорьевичъ сдалъ министерство Василію (за коимъ блохи другого рода). Въ тотъ же день поваръ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки: сего министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно, явится къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно; но, можетъ быть, все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата — плюху, за что онъ вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему же во вредъ: ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили было его въ тюрьму, отъ коей, по своему великодушію, избавилъ я его. Тещá моя не унимается; ее не перемѣняетъ ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur; бранитъ меня, да и только; а все за нашего друга Александра Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Натальи Николаевны. Мои дѣла идутъ помаленьку; печатаю incognito мои повѣсти; первый экземпляръ перешлю тебѣ. Прощай, душа. Да не забудь о ломбардѣ поразспросить.

3 сентября.

Жена тебѣ весьма кланяется. До свиданья.

---

354. **Князю П. А. Вяземскому.** (Царское Село, 3 сентября). — Сперва о дѣлѣ: у Нащокина моихъ денегъ нѣтъ, а своихъ, вѣроятно, не завелось. По причинѣ холеры я въ полученіи доходовъ затрудненъ. Твои 500 рублей получишь изъ С.Б., какъ скоро спишусь съ моими корреспондентами. Ты пишешь о журналѣ: да, чорта съ два! Кто намъ разрѣшитъ журналъ? Фонъ-Фокъ умеръ; того и гляди, поступитъ на его мѣсто Н. И. Гречъ. Хороши мы будемъ! О газетѣ политической нечего и думать, но журналъ ежемѣсячный, или четырехмѣсячный, третейской, можно бы намъ попробовать — одна бѣда: безъ модъ онъ не пойдетъ, а съ модами стать намъ на ряду съ Шаликовымъ, Полевымъ и проч. — совѣстно. Какъ ты? съ или безъ? Мы бы переписку Авраама съ Игн. помѣстили въ отдѣленіи: Классическая словесность. Жуковскій все еще пишетъ, завелъ 6 тетрадей и разомъ началъ 6 стихотвореній; такъ его и несетъ. Рѣдкій день не прочтетъ мнѣ чего новаго; нынѣшній годъ онъ вѣрно написалъ цѣлый томъ. Это хорошо было бы для журнала. Я началъ также подристывать; на дняхъ изпразнился сказкой въ тысячу стиховъ. Другая въ брюхѣ бурчитъ. А все холера... То, что ты говоришь о Рославлевѣ, — сущая правда; мнѣ смѣшно читать рецензіи нашихъ журналовъ; кто начинаетъ съ Гомера, кто съ Моисея, кто съ Вальтеръ-Скотта; пишутъ книги о романѣ, котораго ты оцѣнилъ въ трехъ строчкахъ совершенно полно, но къ которымъ можно прибавить еще три строчки: что положенія, хотя и натянутыя, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть съ удовольствіемъ (итого 3 строки 1/2).

У Доны Sol былъ я вчера; писемъ твоихъ у ней здѣсь нѣтъ, она намѣрена ихъ сжечь, et vous accuse de fatuité. Дѣло въ томъ, что она чрезвычайно мила, умна и въ лицахъ представляетъ генеральшу Ламберъ и камеръ-лакеянѣмца — въ совершенствѣ. Твое разсужденіе о пословицѣ русской не пропадетъ. Къ числу благороднѣйшихъ принадлежитъ и сія: за тычкомъ не угонишься, т. е. не хлопочи о полученномъ тычкѣ. Кстати о тычкѣ: читалъ ли ты въ Телескопѣ статью Ѳ. Косичкина?

Прости, кланяюсь тебѣ и твоимъ. Вчера Д. Соль получила при мнѣ и Жуковскомъ письмо отъ своего брата: онъ отъ имени Катерины Андреевны спрашиваетъ у Жуковскаго его мнѣнія: пріѣзжать ли ей въ С.Б. или оставаться въ Москвѣ. Жуковскій сказалъ, что еслибъ онъ имѣлъ сто языковъ, то всѣ бы они заговорили: пріѣзжайте къ намъ, къ намъ, къ намъ. Себялюбіе въ сторону, я

точно того же мнѣнія; холера въ С.Б. прекратилась, а у васъ опять начинается. Экія времена! — Варшава должна быть взята 24 или 26; но еще извѣстія нѣтъ.

3 сентября.

---

355. **А. О. Смирновой.** (Царское Село, послѣ 5 сентября). — La comtesse Lambert m'ayant annoncé la première la prise de Varsovie, il est juste qu'elle recoive le premier exemplaire; le second est pour vous.

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

Quand j'aurai trouvé les deux autres vers, je vous les enverrai.

---

356. **П. А. Осиповой.** (Царское Село, 11 сентября),— Merci bien, Madame, pour la peine que vous donnez de traiter avec les chatelains de Savkino. S'il y en a un de trop opiniâtre, n'y aurait-il pas moyen de s'arranger avec les deux autres en le laissant de côté? Au reste, rien ne presse: de nouvelles occupations vont me retenir à Pétersbourg au moins 2 ou trois ans. J'en suis fâché: j'espérais les passer près de Trigorsk.

Ma femme vous est bien reconnaissante des lignes que vous avez bien voulu lui adresser. C'est une très bonne enfant et qui est prête à vous aimer de tout son coeur.

Je ne vous parle pas de la prise de Varsovie. Vous jugez avec quel enthousiasme nous l'avons apprise, après 9 mois de désastre. Que dira l'Europe? — voilà la question qui nous occupe.

Le choléra a fini ses ravages à P.bourg, mais il va faire sa tournée en province. Prenez bien garde, Madame. Vos maux d'estomac me font trembler. N'oubliez pas qu'on traite la choléra comme un simple empoisonnement: du lait et de l'huile — et gardez-vous de prendre du froid.

Adieu, Madame. — Daignez croire à mon respect et mon sincère attachement. Mes hommages à toute votre famille.

11 Sept. Sarsko Sélo.

[Адресъ: Ея высокоблагородію м. г. Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Въ Опочку, въ село Тригорское].

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

357. **П. И. Миллеру.** (Ц. Село, въ началѣ сентября).— Очень благодаренъ вамъ, любезный Миллеръ, за статью Ѳ[еофилакта] К[осичкина], я уже ее видѣлъ. Благодарю

васъ сердечно и за извѣстіе о взятіи Варшавы. Поздравляю васъ и весь мой Лицей. Преданный Вамъ Пращуръ.

---

358. **Ему же.** — Если есть въ Сынѣ Отечества отвѣтъ Ѳ. Косичкину, то пришлите мнѣ, сдѣлайте милость — очень благодаренъ за Телеграфъ. — *А. П.*

---

359. **Ему же.** (Царское Село, октябрь). — У меня взяли читать повѣсти. Пришлю Вамъ ихъ, какъ скоро получу. — До свиданья. — *А. П.*

---

360. **П. В. Нащокину.** (Царское Село, 7 октября). — Жалѣю, любезный Павелъ Воиновичъ, что дѣло разошлось за 5000. Всетаки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за ихъ снисхожденіе. Ты же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 14 тыс., а остальныя 5 заплачу я въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казачьемъ переулкѣ, въ домъ Дмитріева, О. С. Павлищевой для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику. — Весь твой *Пушкинъ.*

Царское Село, 7 окт. 1831.

---

361. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 19 октября). — М. Г., Александръ Христофоровичъ. Осмѣливаюсь безпокоить Ваше Высокопр-во покорнѣйшею просьбою о дозволеніи издать особою книгою стихотворенія мои, напечатанныя уже въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ 1829 году Ваше Высокопр-во изволили мнѣ сообщить, что Государю Императору угодно было впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій. Высочайшая довѣренность налагаетъ на меня обязанность быть къ самому себѣ строжайшимъ цензоромъ, и послѣ того было

бы для меня нескромностію вновь подвергать мои сочиненія собственному разсмотрѣнію Его Императорскаго Величества. Но позвольте мнѣ надѣяться, что Ваше Высокопр-во, по всегдашней ко мнѣ благосклонности, удостоите меня предварительнаго разрѣшенія.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, благодарностію и совершенной преданностію честь имѣю быть, М. Г., Вашего Высокопр-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

При семъ препровождаю Вашему Высокопр-ву письмо, доставленное мнѣ Г. Погодинымъ.

---

362. **С. С. Уварову.** (Спб.. 21 октября). — М. Г. Сергѣй Семеновичъ. Князь Дундуковъ доставилъ мнѣ прекрасные, истинно-вдохновенные стихи, которые угодно было вашей скромности назвать подражаніемъ. Стихи мои послужили вамъ простою темою для развитія геніальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца васъ благодарить за вниманіе, мнѣ оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мнѣ присвоенныхъ вами. — Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, М. Г., Вашего Пр-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

21 октября. Спб. 1831.

[Адресъ: Его Превосходительству, м. г. Сергѣю Семеновичу Уварову, въ Москвѣ].

---

363. **П. В. Нащокину.** (Спб., 24 октября). — Милый мой Павелъ Воиновичъ, вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной, въ домѣ Брискорна. Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5,000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать ли мнѣ самому въ Москву? А мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я бы самъ кое-какія дѣла обработалъ, напр. брилліанты жены моей[1], которые стараюсь спасти отъ банкротства тещи моей и отъ лапъ Семена Ѳедоровича[2]. Дѣдушка... выдаетъ свою третью наложницу замужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000[3] и ничего своей внучкѣ не даетъ. Наталья Никол. брюхата — въ маѣ родитъ. Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни, и обо всемъ надо подумать. Что-то Москва? Какъ вы приняли государя, и кто возьмется оправдать старинное московское хлѣбосольство? Бояре перевелись. Намъ надо праздниковъ. Москва гу-

бернскій городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю ли чего-нибудь литературнаго — журнала, альбома и тому подобнаго. Лѣнь. Кстати: я издаю Сѣверные Цвѣты для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ, обнимаю тебя отъ сердца.

1831. 24.

[На конвертѣ: 1831. 24 октября].

---

364. **Н. М. Языкову.** (Спб., 18 ноября). — Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Кирѣевскаго, за дружескія письма и за прекрасные стихи. Если бы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я былъ бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца[1]. Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ, чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его; на дняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ). Жуковскій пріѣхалъ; извѣстія, имъ привезенныя, очень утѣшительныя; тысяча, пробитая вами (?) очень поправить домашнія обстоятельства нашей бѣдной литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ попрежнему прекрасны[2]. Торопите Вяземскаго, пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ, стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ; а вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто же? — друзья его! ей-Богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ стариною. Онъ говоритъ:

Приближася похода къ знаку,
Я сталъ союзникъ зодіаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пѣлъ при старости іюль —

и проч., въ томъ же видѣ[3]. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ все у насъ благополучно.

---

365. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 24 ноября). — Mon Général, n'étant pas encore attaché définitivement au service et des affaires pressantes nécessitant ma présence à Moscou,

je suis obligé de m'absenter pour deux ou trois semaines sans d'autre autorisation que celle de l'officier de quartier, et je crois de mon devoir d'en prévenir votre Excellence.

Je saisis cette occasion pour vous parler d'une chose qui m'est toute personnelle. L'intérêt que vous avez toujours daigné me témoigner, m'encourage à vous en parler en détail et en toute confiance.

Il y a un an à peu près que dans l'un de nos journaux on imprima un article satyrique dans lequel on parlait d'un certain littérateur qui manifestait des prétentions à une origine noble, tandis qu'il n'était qu'un bourgeois-gentilhomme. On ajoutait que sa mère était une mulâtre dont le père, pauvre négrillon, avait été acheté par un matelôt pour une bouteille de rhum. Quoique Pierre le Grand ne ressembla guère à un matelôt ivre, c'était me designer assez clairement, vu qu'il n'y a que moi de littérateur Russe qui comptasse un nègre parmi ses ancêtres. Comme l'article en question était imprimé dans une gazette officielle, qu'on avait poussé l'indécence jusqu'à parler de ma mère dans un feuilleton qui ne devrait être que littéraire, et que nos gazettiers ne se battent pas en duel, je crus devoir répondre au satyrique anonyme, ce que je fis en vers et très vertement. J'envoyais ma réponse à feu Delvig, en le priant de l'insérer dans son journal. Delvig m'engagea à la supprimer, me faisant observer qu'il y aurait de ridicule à se défendre la plume à la main contre des attaques de cette nature et à afficher des sentiments aristocratiques, lorsqu'à tout prendre on n'était qu'un gentilhomme-bourgeois, sinon un bourgeois-gentilhomme. Je me rendis à son avis, et l'affaire en resta là; cependant il courut quelques copies de cette réponse, ce dont je ne suis pas fâché, attendu qu'il n'y a rien que je voulais désavouer. J'avoue que je tiens à ce qu'on appelle des préjugés: je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique cela ne rapporte pas grand'chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé.

Mais comme on pourrait prendre mes vers pour une satyre indirecte sur l'origine de quelques familles marquantes, si on ne savait que c'est une réponse très moderée à une provocation très répréhensible, je me suis fait un devoir de vous en donner franchement l'explication, et d'y joindre la pièce en question.

Agréez, Général, l'hommage de ma haute considération. De votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

24 Nov.
S-t. P b.

366. **Н. Н. Пушкиной.** (Москва, 6 декабря). — . . . Сегодня мочи нѣтъ, усталъ. — Цѣлую тебя, женка, мой ангелъ. 6 дек.

[Адресъ: М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Галерной, въ домѣ Брискорнъ. — Штемпель: Москва, 7 декабря].

---

367. **Ей же.** (Москва, 8 декабря). — Здравствуй, женка, мой ангелъ. Не сердись, что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itinéraire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что по причинѣ оттепели долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четверомѣстную карету вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человѣка съ собою не взялъ, въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ отхаркивался въ углу. Другой — мемельскій жидъ, путешествующій на счетъ перваго. Вообрази, какая веселая компанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь аккуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его во всю дорогу пріятнымъ разговоромъ, напримѣръ, по-нѣмецки разсказывалъ ему Ivan Wijiguin (ganz charmant!). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), пріятель мой Жемчужниковъ, Фр. Когтова и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимніе экипажи, и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою комиссію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и судно, на которомъ испразнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются; очень распрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю сплетни, а сплетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніе вѣроятно не явлюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ, вѣроятно, скоро кончу; о твоихъ брилліантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ, что

я ужасный ростовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелькомъ. Кстати: я кошелекъ обратилъ въ мошну, и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ именинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ восхищеніи отъ Царя, и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ 80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому же, съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, женка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ, и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать. Брюловъ пишетъ ли твой портретъ? была ли у тебя Хитрово или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрилей не пляши ничего; напиши, не притѣсняютъ ли тебя люди, и можешь ли ты съ ними сладить. За симъ цѣлую тебя сердечно. У меня гости.

8 декабря.

[Адресъ тотъ же. Штемпель: Москва, 9 декабря].

---

368. **Ей же.** (Москва, 10 декабря). — Я все боюсь, чтобъ ты не прислала билетовъ на старую квартиру Нащокина и тѣмъ не замедлила моихъ хлопотъ. Вотъ ужь недѣлю, какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова; вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента-дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора! Все это, однакожь, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ, я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться, и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе; да полно, я слушаться ея не намѣренъ. Цѣлую тебя и прошу ходить взадъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать. — Христосъ съ тобой.

10 декабря.

[Адресъ тотъ же. Штемпель: Москва, 11 декабря].

---

369. **Ей же.** (Москва, 15 декабря). — Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ, что онъ истратилъ на меня 200 рублей. Алёшкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по моему пріѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя безпокоить, а они, какъ я вижу, обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли пустить къ тебѣ Ѳомина, когда ты принять его не хотѣла? да и ты хороша. Ты пляшешь по ихъ дудкѣ; платишь деньги, кто только попроситъ—эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ, какъ приступятъ къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ; а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алёшкой раздѣлаюсь по моемъ пріѣздѣ, Василія, вѣроятно, принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной — afin de faire maison nette; все это очень досадно. — Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ коихъ ни на единый онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать. Тебя, мой ангелъ, люблю такъ, что выразить не могу; съ тѣхъ поръ какъ здѣсь, я только и думаю, какъ бы удрать въ Петербургъ, къ тебѣ, женка моя. — Распечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста, не стягивайся, не сиди поджавши ноги, и не дружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьёзно и съ безпокойствомъ. Письмо Бенкендорфа ты хорошо сдѣлала, что отослала — дѣло не о чинѣ, а всетаки нужное. — Жду его. — На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солданъ, вечеръ у Вяземскаго — и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ: и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ — о своемъ здоровьѣ. На хоры не ѣзди — это мѣсто не для тебя.

[Адресъ тотъ же. Штемпель: Москва, 16 декабря].

---

370. **Ей же.** (Москва, 16 декабря). — Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что таксе vertige? обмороки или тошнота? видѣлась ли ты съ бабкой? пустили ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что-нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь ... Зачѣмъ ты не ходишь?

а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по 2 часа въ сутки. Хорошо ли это? Богъ знаетъ, кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ пріѣду. — Голкондскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ, и въ новый годъ вывезу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его — такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда: всякой кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго — что дѣлать? Между тѣмъ, денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ — время идетъ, а дѣло мое не распутывается. Все это поневолѣ меня бѣситъ. Къ тому же, я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое, вѣроятно, будетъ пахнуть бобковой мазью, какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко — званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской, у которой увидѣлъ я твоего Давыдова — не женатаго (утѣшься). Вчера Нащокинъ задалъ намъ цыганскій вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ. — Тоска, мой ангелъ — до свиданія.

16 дек.

[Адресъ тотъ же. Штемпель: Москва, 19 декабря].

1832.

371. **П. В. Нащокину.** (Спб., 5 января). — Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичъ; все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата, и есть ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуйста, не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ отписать. Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ мой опекунскій билетъ, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю. Что Рахмановъ, и что мои алмазы? Нужно ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь? Кстати, не забудь Revue de Paris. Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего, впрочемъ, бояться нечего). Жену мою нашелъ я здоровую, не смотря на дѣвическую ея не-

осторожность. На балахъ пляшетъ, съ государемъ любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ. Надобно бабёнку къ рукамъ прибрать. Она тебѣ кланяется и готовитъ шитье. Ждетъ взятокъ обѣщанныхъ. Sur ce обнимаю тебя. Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры.

5 января 1832 г.

---

372. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 7 января). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Ваше Высокопр-во изволили требовать отъ меня объясненія: какимъ образомъ стихотвореніе мое Древо яда было напечатано въ Альманахѣ безъ предварительнаго разсмотрѣнія Государя Императора; спѣшу отвѣтствовать на запросы Вашего В-прва.

Я всегда твердо былъ увѣренъ, что Высочайшая милость, коей нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго Государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно Его Величество, раза два обратился къ Вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастіе найти въ Васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней.

Имѣя необходимость объяснить лично Вашему В-прву нѣкоторыя затрудненія, осмѣливаюсь просить васъ назначить часъ, когда мнѣ можно будетъ явиться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, М. Г., Вашего В-прва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

7 янв. 1832.
С.Пб.

[На письмѣ написано: „Въ середу въ 11 часовъ къ Генералу"].

---

373. **Ему-же.** (Черновое).—По приказанію В. Высокопр-ва препровождаю къ Вамъ одно стихотвореніе, взятое отъ меня въ Альманахъ и уже пропущенное цензурой — я остановилъ его печатаніе до Вашего разрѣшенія. При семъ случаѣ пріемлю смѣлость откровенно объяснить мое положеніе. Въ 1827 году Государю Императору угодно было объявить мнѣ, что у меня кромѣ Его Величества никакого цензора не будетъ. Сія неслыханная милость налагала на меня обязанность представлять на разсмотрѣніе Его Величества стихотворенія, достойныя Его

вниманія, если не по достоинству ихъ, то, по крайней мѣрѣ, по ихъ цѣли и содержанію. Мнѣ всегда было тяжело и совѣстно озабочивать Царя стихотворными бездѣлицами, важными только для меня, ибо они доставляли мнѣ 20.000 дохода, и одна сія необходимость заставляла меня пользоваться правомъ, даннымъ мнѣ Государемъ. Нынѣ В. В-прво, принявъ въ уваженіе сіи мои [соображенія], изволили приказать мнѣ обращаться къ В. В-ву съ тѣми моими стихотвореніями, которыя я или журналисты пожелаютъ напечатать.

Позвольте доложить В. В-ву, что сіе представляетъ разныя неудобства.

1) В. В-во не всегда изволите пребывать въ Пб., а книжная торговля, какъ и всякая, имѣетъ свои сроки, свои ярмонки, такъ что отъ того, что книга будетъ напечатана въ мартѣ, а не въ январѣ, сочинитель можетъ потерять нѣсколько тысячъ рублей, а журналистъ нѣсколько сотъ подписчиковъ.

2) Подвергаясь одинъ особой, отъ Васъ единственно зависящей цензурѣ, я, вопреки права, даннаго Государемъ, изо всѣхъ писателей буду подверженъ самой стѣснительной цензурѣ, ибо весьма простымъ образомъ сія цензура будетъ смотрѣть на меня съ предубѣжденіемъ и находить вездѣ тайныя примѣненія, allusions, и затруднительности, а обвиненія въ примѣненіяхъ и подразумѣніяхъ — не имѣютъ ни границъ, ни оправданій, если подъ словомъ дерево будутъ разумѣть конституцію, а подъ словомъ стрѣла — самодержавіе.

Осмѣливаюсь просить объ одной милости: впередъ имѣть право съ мелкими сочиненіями своими относиться къ обыкновенной цензурѣ.

---

374. **Кистеру.** (Того-же времени; черновое). — Титулярный совѣтникъ Пушкинъ проситъ г-на Кистера явиться къ нему въ Галерную, въ домъ г-на Брискорна, для полученія слѣдующихъ ему суммъ по векселю, данному въ 1820 году.

---

375. **А. А. Орлову.** (Спб., 24 ноября 1831 — 9 января 1832). — М. Г. Александръ Анѳимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно, не имѣющее нужду ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если

мой камышекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго „Выжигина“ есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анѳимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей „Пчелы“! Оставьте меня впереди, соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу, или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ „Молвѣ“ объявленіе о намѣреніи вашемъ писать „Исторію русскаго народа“: можно ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ *А. Пушкинъ.*

24-го ноября 1831. Спб.

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, м. г. Александръ Анѳимовичъ! но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, а надѣялся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стóятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня; собираюсь на него разсердиться; покамѣстъ съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ Н. Лугового — мое дѣло сторона. — *А. П.*

1832. 9-го янв. Спб.

---

376. **П. В. Нащокину.** (Спб., 10 января). — 10 янв. Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ; коли брилліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова: я перешлю ему покамѣстъ 5,500 руб., на эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ брилліанты (заложенные въ 5,500 р.). Остальные выкуплю, перезаложивъ сіи. Сдѣлай милость, не полѣнись отвѣчать мнѣ. — Весь твой.

---

377. **П. А. Осиповой.** (Спб., въ январѣ). — Recevez, madame, mes bien sincères remercîments pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie pour dernière grâce de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore un coffre envoyé à la campagne avec les caisses qui contenaient mes livres. Je soupçonne qu'Архипъ ou d'autres én retiennent un à la prière

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

„Сѣверные Цвѣты на 1832 годъ“.

Виньетка изданія.

Воспроизведено непосредственно съ оригинала, принадлежащаго Пушкинскому музею Императорскаго Александровскаго лицея.

de Nikita, mon domestique (à présent celui de Léon). Il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et votre indulgence m'ont tout-à-fait gâté.

Je vous envoye, madame, les „Сѣверные Цвѣты" dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanac et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins des contes à dormir debout; je souhaite que cela vous amuse un moment. Nous avons appris ici la grossesse de M-me votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement, et que sa santé se rétablisse tout-à-fait. On dit que les premières couches embellissent une jeune femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez, madame, agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inaltérable attachement. — *A. P.*

[Помѣта Осиповой: „reçue le 14 de Janvier 1832"].

---

378. **М. О. Судіенку.** (Спб., 15 января). — Боюсь я, любезный Михаилъ Осиповичъ, чтобъ долгая разлука совсѣмъ насъ не раззнакомила; однако попытаюсь напомнить тебѣ о своемъ существованіи и поговорить о важномъ для меня дѣлѣ.

Надобно тебѣ сказать, что я женатъ около года, и что вслѣдствіе сего образъ жизни моей совсѣмъ перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Остафьевны и кавалергардскихъ шаромыжниковъ. Отъ картъ и костей отсталъ я болѣе двухъ лѣтъ; на бѣду мою, я забастовалъ, будучи въ проигрышѣ, и расходы свадебнаго обзаведенія, соединенные съ уплатою карточныхъ долговъ, разстроили дѣла мои. Теперь обращаюсь къ тебѣ: 25,000, данныя тобою мнѣ заимообразно, на 3, или по крайней мѣрѣ на 2 года, могли бы упрочить мое благосостояніе. Въ случаѣ смерти, есть у меня имѣніе, обезпечивающее твои деньги.

Вопросъ: можешь ли ты мнѣ сдѣлать сіе, могу сказать, благодѣяніе? En fait de grands propriétaires трое только на семъ свѣтѣ состоятъ со мною въ сношеніяхъ, болѣе или менѣе дружескихъ: ты, Яковлевъ и еще третій. Сей послѣдній записалъ меня недавно въ какую-то Коллегію и далъ уже мнѣ (сказываютъ) 6,000 годового дохода; болѣе отъ него не имѣю права требовать. Къ Яковлеву въ прежнее время явился бы я со стаканчиками и предложилъ бы ему un petit déjeuné; но онъ скупъ, и я никакъ не рѣшусь про-

сить у него денегъ взаймы. Остаешься ты. Къ одному тебѣ могу обратиться откровенно, зная, что если и откажешь, то это произойдетъ не отъ скупости или недовѣрчивости, а просто отъ невозможности.

Еще слово: если надежда моя не будетъ тщетна, то прошу тебя назначить мнѣ свои проценты, не потому, что они были бы нужны для тебя, но мнѣ иначе деньги твои были бы тяжелы. Жду отвѣта и дружески тебя обнимаю. Весь твой *А. Пушкинъ*.

Адресъ мой — въ Галерной, домъ Брискорнъ.

15 января.

---

379. **П. В. Нащокину.** (Спб., до 29 января). — Твои дѣла кончены. Андрей Христофоровичъ получилъ отъ меня 1000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъто. Если бъ ты былъ ...,*) то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить.

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову. Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арапа; фуляры пришлю съ Андреемъ Христофор. Портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ. Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

[На конвертѣ: 29 января 1832].

---

380. **И. И. Дмитріеву.** (Спб., 14 февраля). — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить — драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить риѳму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите жь долго, милостивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ тщедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ Европеецъ запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый

*) Прорвано.

и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается, и что клеветники — или по крайней мѣрѣ клевета— устыдится и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

14 февраля С.П.Б.

---

381. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 24 февраля). — Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, Всемилостивѣйше пожалованную мнѣ Его Императорскимъ Величествомъ. Драгоцѣнный знакъ Царскаго ко мнѣ благоволенія возбудитъ во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то, по крайней мѣрѣ, усердіемъ и добросовѣстностію.

Ободренный благосклонностію Вашего Высокопр-ва, осмѣливаюсь вновь безпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ разсмотрѣть находящуюся въ Эрмитажѣ библіотеку Вольтера, пользовавшагося разными рѣдкими книгами и рукописями, доставленными ему Шувловымъ, для составленія исторіи Петра Великаго.

По приказанію В. В-прва препровождаю къ Вамъ одно стихотвореніе, данное мною въ Альманахъ и пропущенное уже цензурою. Я остановилъ печатаніе онаго до разрѣшенія Вашего Высокопр-ва.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю честь быть В. В-прва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

24 февраля 1832. С.П.Б.

[На письмѣ надписано: „Государь позволяетъ". — 29 увѣдомленъ Пушкинъ, а кн. Волконскому сообщено о томъ 1-го марта; 2-го онъ отвѣтилъ, что сдѣлано надлежащее распоряженіе].

---

382 **П. В. Нащокину.** (Спб., въ февралѣ). — Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, десятокъ фуляровъ желаю, чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствi домашняго. О брилліантахъ нечего думать; если завтра или послѣ завтраго не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю послѣ когда-нибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

---

383. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 3 мая). — Mon Général. Sa Majesté ayant daigné s'intéresser à mon sort, m'avait

assigné des appointements. Mais comme j'ignore d'où je dois les recevoir et à compter de quel jour, je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence en La priant de me tirer d'incertitude ... Veuillez pardonner mon importunité et l'accueillir avec Votre indulgence accoutumée.

Je suis avec respect, Mon Général, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

3 Mai. 1832.

---

384. **П. А. Осиповой.** (Спб., 16 мая). — М-г Алымовъ part cette nuit pour Pskow et Trigorsky, et il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère, bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ais pas félicité sur la naissance d'un petit-fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien, et que nous assistions tous à sa noce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de baptême: j'en aurai bientôt un на Фурштатской въ домѣ Алымова. N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'écrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni littéraire,— je suppose que vous en êtes fatiguée comme nous tous. Il n'est rien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux — vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une existence toute mondaine et toute bouleversée. Je ne sais si nous nous verrons cet été, c'est un de mes rêves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, madame, je vous salue bien tendrement, vous et toute votre famille.

[Свѣрено съ подлинникомъ. Помѣта Осипов й: „1832 года, 16 чи. Не можно разобрать мѣсеца"].

---

385. **М. П. Погодину.** (Спб, 11 іюля). — Исполнивъ комиссію вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ вамъ объ ономъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опутанъ самъ разными обязательствами, накупивъ романовъ и т. п., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; трагедіи нынче не раскупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ же и мы; мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то разбранили за Посадницу; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы — сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная сла-

бость. Ваша Марѳа, вашъ Петръ исполнены драматической силы, и если когда-нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, ибо монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется.

Но журналъ будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, пскмѣсть порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой башкѣ моей ... Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба-де морочутъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой по одному тому своей Исторіи. Разница—собрать подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ, а межлу тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница—напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: вотъ начало стихотворенія, которое, вѣроятно, никогда не будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ Полевымъ есть съ его стороны свинство: какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что, если бы еще должны мы были уважать мнѣнія Булгарина, Полевого, Надеждина? Приходилось бы стрѣляться послѣ каждаго нумера ихъ журналовъ. Слава Богу, что общее мнѣніе (каковò бы у насъ ни было) избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната![1] Не будете ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

11 іюля 1832.

---

386. **Неизвѣстному.** (Въ Москву; черновое). — Какую программу хотите вы видѣть? Часть политическая: иностранныя извѣстія, переводимыя изъ Journal de St.-Pétersbourg, безъ правительственныхъ примѣчаній и размышленій, елико возможно безцвѣтно, безъ движенія, безъ цѣли; внутреннія извѣстія—о дождяхъ и объ урожаѣ etc. Разныя извѣстія — о курсѣ, о пріѣзжихъ и уѣзжихъ, о спектаклѣ и

проч. — Литературная часть: критика иностранныхъ и русскихъ книгъ, мелкія статьи, удобо-помѣщаемыя на двухъ столбцахъ, — и выйдетъ газета немного хуже Сѣверной Пчелы. Вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію — и успѣлъ. Остальное мало меня интересуетъ. Шутки въ сторону; отъ моей газеты я многаго не ожидаю: часть политическая будетъ офиціально ничтожна, литературная—существенно ничтожна, ибо что прикажете говорить о вещахъ, которыя никого не интересуютъ, начиная съ литераторовъ? Браниться съ журналами я буду всего разъ въ годъ. Угождать публикѣ, восхищающейся пошлымъ балагурствомъ Булгарина и безсмыслицей Полевого — было бы слишкомъ низко. Печатать стихотвореній я въ ней не буду: и Богъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой,—на то проза-мякина ...

---

387. **Н. Н. Пушкиной.** (Москва, 22 сентября). — Четвергъ. Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву вчера, въ середу. Велосиферъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади расковывались, и неслыханная вещь! ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. Насилу дотащился въ Москву, об....ную дождемъ и встревоженную пріѣздомъ Двора. Теперь послушай, съ кѣмъ я путешествовалъ, съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей-Богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ, онѣ со мною амурились въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькой Іосифъ, вышелъ чистъ отъ искушенія. Пріѣхавъ въ Москву, поскакалъ отыскивать Нащокина, нашелъ его по-прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онъ кокю, и видитъ, что это состояніе пріятное и независимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ кн. Вяз.; княгиня завезла меня во французскій театръ, гдѣ я чуть было не заснулъ отъ скуки и усталости. Пріѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь съ 20-го числа, и сегодня ѣдетъ къ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ увидѣться, хоть было бы и нужно. Великая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ

еще безпокоенъ, и государь не принялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, и я, мой ангелъ, не мѣшкая ни минуты, поскачу въ Петербургъ. Не можешь вообразить, какая тоска безъ тебя. Я же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго пьяницу, который спитъ, не проспится, ибо онъ и пьяница, и дуракъ; на Ирину Кузминичну, которая съ тобою воюетъ; на Ненилу Ануфріевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха, и что Спасскій? Ахъ, женка-душа! что съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

[Адресъ: М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ С.-Петербургѣ, на Фурштадтской, въ домѣ Алымова. — Штемпель: Москва, 22 сентября].

---

388. **Ей же.** (Москва, 25 сентября). — Какая ты умненькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай, какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду Бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клубѣ. Каретникъ мой плутъ: взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяцъ карета моя — хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полу-талантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но за то не надули бы меня. Ради Бога, Машу не пичкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю. Кстати: смотри, не брюхата ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ-нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разсказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской, въ приходѣ Вознесенія. [1] Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другого, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А несчастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяземскія слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастный любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правда ли, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ Плетневу похвально, но соберешься ли ты? съѣзди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней отправлялся обозъ, и я

было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и для потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ: актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣшанный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу и разсказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашенкахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякой день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвичьей, но только не сводничай Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Букли я отослалъ къ Малиновскимъ, они велѣли звать меня на вечеръ, но, вѣроятно, не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ — мой ангелъ, милая моя женка. Покамѣстъ прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь, и цѣлую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ.

Воскресеніе.

Важное открытіе: Ипполитъ говоритъ по-французски. [1]

[Адресъ тотъ же. — Штемпель: Москва. 26 сентября].

---

389. **Ей же.** (Москва, 27 сентября). — Вчера, только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три.— Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать.— Нехорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства: принимать Павлова тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Вслѣдствіе сего деру тебя за ухо и цѣлую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно; хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot. Былъ вечеръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasof, который такъ же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Ипполитъ принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ — а въ Московскомъ университетѣ я оглашен-

ный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это пріятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога — Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ пастилою. Прощай, Христосъ съ тобою и съ Машею.

Вторникъ.

Цѣлую ручку у Катерины Ивановны. Не забудь же.

[Адресъ тотъ же. — Штемпель: Москва. 27 сентября].

---

390. **Ей же.** (Москва, 30 сентября). — Вотъ видишь, что я правъ: нечего было тебѣ принимать Павлова. Просидѣла бы ты у Идаліи [1] и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разсчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужь не кокю-ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc., etc. — Знаешь русскую пѣсню —

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмелье, да и въ своемъ тошнитъ. — Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ), а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія [2]. Передай это Вяземскому! Благодарю, душа моя, за то, что въ шахматы учишься. Это непремѣнно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у кн. Вяз.; слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Сологубъ, гр. Пушкина (Владиміръ), Auroe [Карамзина], ея сестра и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Сологубъ (съ тѣткой, entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Съ Нащокинымъ вижусь всякой день. У него въ домикѣ былъ пиръ: подали на столъ мышенка въ сметанѣ подъ хрѣномъ, въ

видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной, домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ[3]. Мнѣ пришелъ въ голову романъ и я, вѣроятно, за него примусь; но покамѣстъ голова моя кругомъ идетъ при мысли о Газетѣ. Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ[4]. Цѣлую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангелъ. Христосъ съ вами.

[Адресъ тотъ же. — Штемпель: Москва. 30 сентября].

---

391. **Ей же.** (Москва, 3 октября). — По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія. 1) Русской человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и, доѣхавъ до мѣста свинья-свиньею, идетъ въ баню, которая наша вторая мать. Ты развѣ некрещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ — а я въѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другова дня. Видишь ли, что я правъ, а что ты кругомъ виновата? Виновата 1) потому, что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому, что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь, съ досады на меня, Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе, будто бы подобное Нащокинскому! женка, женка! — — Но оставимъ это. Ты, мнѣ кажется, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь счеты, доишь кормилицу — ай-да хватъ баба! Что хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. Насилу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставлю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и пріѣхалъ хлопотать о томъ сюда[1]. Съ Натальей Ивановной они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ управленіе имѣнія, и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскія ѣдутъ послѣ 14, а я на дняхъ. Слѣдственно, нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю, куда головы преклонить. Хочешь комеражей? Горскина вчера вышла за кн. Щербатова, за младенца. Красавецъ Безобразовъ кружитъ здѣшнія головки, причесанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вязем-

скую (не говори отцу, онъ станетъ безпокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-соловейкѣ. Москва ожидаетъ Царя къ зимѣ, но, кажется, напрасно. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя и Машу. Прощай, душа моя — Христосъ съ тобою.

[Адресъ тотъ же. Штемпель: Москва, 3 октября].

---

392. **Графу Д. И. Хвостову.** (Спб., въ октябрѣ). — М. Г. графъ Дмитрій Ивановичъ. Жена моя благодаритъ васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патріарху. — *Александръ Пушкинъ.*

---

393. **П. В. Нащокину.** (Спб., 2 декабря). — Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неаккуратности. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ нанимать новую квартиру, и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичъ, нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломбардныя деньги безпрепятственно: въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ Ѳедоромъ Даниловичемъ [1], отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо, вѣроятно, тебѣ она нужна будетъ; остальной же долгъ получишь въ январѣ, какъ я ужь распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur ce поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго конченъ [2], и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику г. Короткаго [3]. Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго пострадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои memoriі [4]? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой. Мой журналъ остановился потому, что долго не приходило разрѣ-

шеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣстъ буду жаться понемногу. Мою статую еще я не продалъ, но продамъ, во что бы ни стало [5]. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Наталья Никол. брюхата опять, и носитъ довольно тяжело. Не пріѣдешь ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи Полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и о 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится; слѣдственно, Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? Каковы его обстоятельства, и что его опера [6]? Прощай, кланяюсь твоимъ, — цѣлую Павла [7].

2 декабря. Петербургъ.

Въ Морской, въ домѣ Жадиміровскаго.

[Штемпель: 4 декабря 1832].

---

493. **Д. Н. Бантышъ-Каменскому.** (Спб., 14 декабря). — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе—позиакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь, что въ другой разъ буду счастливѣе. Покамѣсть прошу ваше превосходительство принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

14 декабря 1832 г.

---

395. **Неизвѣстной** (черновое). — C'est aujourd'hui ..., c'est l'anniversaire du jour où je vous ai vu pour la première fois ce jour ... de ma vie, c'est ...

Plus j'y pense, plus je vois que mon existence est inséparable de la vôtre: je suis né pour vous aimer et vous suivre, tout autre soin de ma part est erreur ou folie. Loin de vous je n'ai que les remords d'un bonheur dont je n'ai pas su m'assouvir. Tôt ou tard il faut bien que je jette tout et que je vienne tombes à vos pieds. L'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en ... est la seule qui me sourit et me ranime au milieu de mes mornes regrets. Là je pourrais venir en pélerinage, errer autour de votre maison, vous rencontrer, vous entrevoir ...

1833.

396. **Графу А. И. Чернышову.** (Спб., 9 февраля). — Приношу вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2) Донесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 г., 3) Донесенія его 1799 г., 4) Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сіятельства дозволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами.

---

397. **П. В. Нащокину.** (Спб., 23 февраля). — Что̀, любезный Павелъ Воиновичъ? Получилъ ли ты нужныя бумаги, взялъ ли ты себѣ малую толику, заплативъ Ѳедору Даниловичу, справилъ ли остальную тысячу въ ломбардѣ, пришлешь ли мнѣ что-нибудь? Коли ничто еще не сдѣлано, то сдѣлай вотъ что: 2,525 рублей доставь, сдѣлай одолженіе, сенатору М. А. Салтыкову, живущему на Маросейкѣ, въ д. Бубуки, и возьми съ него росписку. Это нужно, и для меня очень непріятно.

Что̀ твои дѣла? За-глаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ [1] тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ [2], и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки. Жизнь моя въ Петербургѣ ни то, ни се. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню, къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да, можетъ быть, въ Астрахань. Мимоходомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически.

[На конвертѣ: 23 февраля 1833].

---

398. **А. П. Ермолову.** (Черновое). — Долго я не рѣшался обратиться къ в. высокопр-ву съ просьбою о дѣлѣ, для меня важномъ, зная, что вы неохотно рѣшитесь ее ис-

полнить; но, собирая памятники отечественной исторіи, напрасно ожидалъ я, чтобы вышло, наконецъ, описаніе вашихъ закавказскихъ подвиговъ. Походы Наполеона затемняютъ и заглушаютъ все — и только нѣкоторые военные люди знаютъ, что̀ въ то̀ же время происходило на Востокѣ. Обращаюсь къ в. в. съ просьбою; знаю, что вы etc., но ваша слава ..... Прошу васъ дозволить мнѣ быть вашимъ историкомъ. Если въ праздные часы занялись вы бѣглыми воспоминаніями и составили записки о своихъ войнахъ, то прошу васъ удостоить меня чести быть вашимъ издателемъ. — Если же вы не допустите... исполнить, то... даровать мнѣ краткія необходимѣйшія свѣдѣнія и ...

---

399. **И. Т. Калашникову.** (Черновое). — безграмотному ..... много таланта .... Дочь купца Жолобова ... Изъ русскихъ романовъ назовемъ съ большимъ удовольствіемъ ... Камчадалка не ниже вашего перваго произведенія ... Сколько я могъ замѣтить ... будутъ ... отличны ... не по объяв ... Публика ... полюбила васъ и приняла обѣ ваши пьесы (книги). Послѣ этого не тревожьтесь мнѣніемъ Полевого. Онъ, конечно, человѣкъ не глупый ..... что онъ можетъ ..... какъ писатель онъ не ..... Романа его я не читалъ, но читалъ его Исторію; но, судя по его Исторіи, знаю, какъ онъ замѣтно былъ ниже Камчадалки и Дочери Жолобова. Публика его любитъ единственно за его дерзость и потому, что глупцы всегда съ благоговѣніемъ слушаютъ человѣка, который браниться смѣло все, и думаютъ: то-то умникъ!

---

400. **М. П. Погодину.** (Спб., 5 марта).—По секрету. Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтобъ выпросить васъ въ сотрудники. — Да все какъ-то не удавалось. Наконецъ, на масленицѣ, царь заговорилъ какъ-то со мной о Петрѣ I, и я тутъ же представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно, и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Государь спросилъ: кого же мнѣ надобно, и при вашемъ имени было нахмурился: онъ смѣшиваетъ васъ съ Полевымъ; извините великодушно, онъ литераторъ не весьма твердый, хоть и молодецъ, и славный царь. Я кое-какъ успѣлъ васъ отрекомендовать, а Д. Н. Блудовъ все поправилъ и объяснилъ, что между вами и Полевымъ общаго только первый слогъ вашихъ фамилій. Къ сему присовокупился и благосклонный отзывъ Бенкендорфа.

Такимъ образомъ, дѣло слажено, и архивы вамъ открыты (кромѣ тайнаго). Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъюнктскаго жалованья во все время вашихъ трудовъ — и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все, елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя, это будетъ вамъ и пріятно, и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ, сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться! Съ вашей вдохновенной дѣятельностію, съ вашей чистой добросовѣстностію — вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ за васъ Бога молить, какъ за Шлёцера и Ломоносова.

Напишите же мнѣ оффиціальное письмо, которое могъ бы я показать, и я поспѣшу все здѣсь окончить. — Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

1833. 5 марта.

---

401. **Графу А. И. Чернышову.** (Спб., 8 марта). — Доставленныя мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ Московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою; благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловалименя.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ Военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ вашему сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть .... и пр.

---

402. **П. И. Соколову.** (Черновое). (Спб., май).— Получивъ отъ вашего пр-ва извѣщеніе о выборѣ господъ См. и Бар. въ члены Россійской Академіи, спѣшу доставить вамъ избирательный свой голосъ. Съ глубочайшимъ ...

---

403. **П. А. Осиповой.** (Спб., 15 мая). — Pardon, mille fois pardon, chère Прасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre bien aimable lettre et pour son in-

téressante vignette. Des embarras de toutes espèces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurai le bonheur de me présenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullement: ni mes goûts, ni ma fortune ne peuvent s'en accommoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés, ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquiétude pendant ces cinq ou six jours: je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à présent. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles, qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mes parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de juillet. Je voudrais bien être du voyage.

[Адресъ: Ея высокор. м. г. П. А. Осиповой въ Псковъ. — Штемпель: Спб. 15 мая 1833. Помѣта: „reçue le 20 de Mai 1833“].

---

404. **А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 22 іюля). — [Подлинное письмо остается неизвѣстнымъ. Пушкинъ просилъ о дозволеніи съѣздить въ Дерптъ для свиданія съ г-жей Карамзиной, а потомъ мѣсяца на три въ свое имѣніе въ Нижегородской губ., а также — въ Казань и Оренбургъ; послѣдніе два города онъ желалъ посѣтить потому, что въ нихъ происходитъ большая часть дѣйствія романа, давно имъ начатаго,—„Капитанская Дочка“, который онъ надѣется окончить въ уединеніи, въ деревнѣ. По всей вѣроятности, къ этому же письму относятся слѣдующія строки, набросанныя въ одной изъ черновыхъ тетрадей поэта:]

Les circonstances m'obligent d'aller bientôt passer deux ou trois mois dans mes terres de Nijni-Novgorod. Je voudrais en profiter pour faire un tour à Orenbourg et Perm que je ne connais pas encore. Je supplie Sa Majesté de me permettre de voir les archives de ces deux gouvernements.

---

405. **А. А. Ананьину.** (Спб., 26 іюля). — М. Г. Александръ Андреевичъ! Бывъ у васъ и не имѣвъ удовольствія застать васъ дома, на всякій случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ деревню, вы изволили обнадежить меня, что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ васъ еще 2000 р. По моему счету, мнѣ болѣе 1500 р. не надобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта вашего черезъ городскую почту, если неудобно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу на Черной рѣчкѣ, на Миллеровой дачѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

26 іюля.

[На оборотѣ: Его высокобл. м. г. Александру Андреевичу Ананьину].

---

406. **А. Н. Мордвинову.** (Черновое). (Спб., 30 іюля).— М. Г. Александръ Николаевичъ. Спѣшу отвѣтствовать со всею искренностію на вопросы В. Пр-ва.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но что дѣлать? Они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ проживать съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную.

Можетъ быть, Государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.

Повторяю, что кромѣ жалованія, опредѣленнаго мнѣ щедростію Его Величества, нѣтъ у меня постояннаго дохода; между тѣмъ, жизнь въ столицѣ дорога, и съ умноженіемъ моего семейства умножаются и расходы.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, М. Г., Вашего Пр-ва покорнѣшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

30 іюля. Черная Рѣчка. _____

407. **Н. Н. Пушкиной.** (Торжокъ, 21 августа). — Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго моста — Нева была такъ высока, что мостъ стоялъ дыбомъ; веревка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную Рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше, и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валились, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастію, вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ въ это время. Что было съ вами, петербургскими жителями? Не было ли у васъ новаго наводненія? что, если и это я прогулялъ? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по дорогѣ змѣй, которыя обрадовались съ дуру солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за

нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно, и теперь отправляюсь въ сторону, въ Ярополецъ[1] — а Соболевскаго оставляю наединѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, стращая меня грязными проселочными дорогами. Коли не утону въ лужѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Яропольца. Отъ тебя буду надѣяться письмà въ Симбирскѣ. Пиши мнѣ о своей грудницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь: не съ кѣмъ. Однако, все-таки не кокетничай. Кланяюсь и цѣлую ручку съ Ермоловской нѣжностью Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цѣлую крѣпко, и всѣхъ васъ благословляю, тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому, когда увидишь, скажи ему, что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься и поговорить объ альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорогою.

[Адресъ: Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, въ Санктпетербургѣ, на Черной Рѣчкѣ, на дачѣ Миллера. — Штемпель: Торжокъ, 21-го августа].

---

408. **Ей же.** (Павловское, 24 августа). — Ты не угадаешь, мой ангелъ, откуда я къ тебѣ пишу: изъ Павловскаго, между Берновомъ и Малинниковъ, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много разсказывалъ. Вчера, своротя на проселочную дорогу къ Яропольцу, узнаю съ удовольствіемъ, что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій, и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу [Вульфъ], который обрадовался мнѣ какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и съѣздилъ въ Малинники; но и та ужь подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковіи Александровны Рейхманъ, который попотчивалъ меня шнапсомъ. Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая[1], живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; такъ же ли ты хороша, какъ сказываютъ — и какая ты: брюнетка или блондинка, худенькая или плотненькая? Завтра чѣмъ

свѣтъ отправляюсь въ Ярополецъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву, гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Ярополецъ (виноватъ: въ Торжкѣ) толстая m-lle Pojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжности: стыдно вамъ замѣчать чужія красоты, у васъ у самого такая красавица, что я, встрѣтя ее (?), ахнула. А надобно тебѣ знать, что m-lle Pojarsky — ни дать ни взять m-me George, только немного постарѣ. Ты видишь, моя женка, что слава твоя распространилась по всѣмъ уѣздамъ. Довольна ли ты? будьте здоровы всѣ, помнитъ ли меня Маша, и нѣтъ ли у ней новыхъ затѣй? Прощай, моя плотненькая брюнетка (что-ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться. Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ именинъ. Глядѣлась ли ты въ зеркало, и увѣрилась ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ — а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, пѣлую тебя крѣпко.

[Адресъ тотъ же. — Штемпель: Москва, 26 августа].

---

409. **Ей же.** (Москва, 26 августа). — 26 авг. Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, мой ангелъ, цѣлую тебя заочно въ очи — и пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій — изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Яропольца. Въ Ярополецъ пріѣхалъ я въ середу поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нея лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нея. Много говорили о тебѣ, о Машкѣ и о Катеринѣ Ивановнѣ. — Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось бы, чтобъ ты будущее лѣто провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ, и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Семенъ Ѳедоровичъ, съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу, и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Яропольца. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Наталья Ивановна позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прибудутъ съ вареньемъ

и наливками. Такимъ образомъ, набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, женка, послушай, что дѣлается съ Дмитріемъ Николаевичемъ. Онъ, какъ владѣтельный принцъ, влюбился въ гр. Н. Чернышеву по портрету, услыша, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церкви. Вотъ, онъ и полѣзъ на стѣны. Пишетъ изъ Заводовъ, что онъ безъ памяти отъ la charmante et divine comtesse, что онъ ночи не спитъ, et que son charmant image etc., и непремѣнно требуетъ отъ Натальи Ивановны, чтобъ она просватала за него la charmante et divine comtesse; Наталья Ивановна поѣхала къ Кругликовой и выполнила комиссію. Позвали la divine et charmante, которая отказала наотрѣзъ. Наталья Ивановна безпокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А надобно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимою, и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ Муравьеву (святому); для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: Митрофанъ, хочешь ли ты жениться? Видишь, какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. Муравьевъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яропольца выѣхалъ я ночью, и пріѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ [Гончаровъ] меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрьева къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ. Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ заимодавцевъ, какъ настоящій gentleman, и скупаетъ свои векселя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не обсчитывая товарища. 2) Не п.... ть ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ, и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были скверныя; меня насилу тащили шестерней. Въ Казани буду около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цѣлую всѣхъ васъ. Кланяйся Катеринѣ Ивановнѣ.

410. **Ей же.** (Москва, 27 августа). — Вчера были твои именины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Кирѣевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ѣду послѣ завтра — прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера, пріѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также именинница. Я не поѣхалъ, за неимѣніемъ бальнаго платья и за небритіе усовъ, которые отрощаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извощиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ-три салопницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокина не видалъ цѣлый день. Чадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни братъ его не умирали — а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тёзка его, князь Петръ Долгорукій — получивъ какое-то наслѣдство, и не успѣвъ его промотать въ Англійскомъ клобѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ клобѣ я не былъ— чуть ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу, а я весь Англійскій клобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другіе мои старые знакомые. Но мнѣ надоѣли мои старые знакомые. Никого не увижу. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Ростопчинымъ въ годъ, когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію, бродилъ я по книжнымъ лавкамъ, и ничего путнаго не нашелъ. Книги, взятыя мною въ дорогу, перебились и перетерлись въ сундукѣ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ няней: прибью. Цѣлую тебя. Кланяюсь теткѣ. — Благословляю Машку съ Сашкой.

---

411. **Ей же.** (Нижній, 2 сентября). — Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженкой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску: нѣтъ мнѣ счастія съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей, я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ, и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятыя сутки. Успѣлъ

только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только тебѣ: les rues sont larges et bien pavées, le maisons bien bâties. Ѣду на ярмонку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра отправляюсь въ Казань.

Мой ангелъ, кажется я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги, Параша, поваръ, извощикъ, аптекарь, m-me Sichler etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься — сердишься на меня, и подѣломъ. А это еще хорошая сторона картины — что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другіе, непредвидѣнные случаи? — Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну — и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Симбирскѣ, и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей, какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркіе, съ утра маленькіе морозы — роскошь! такъ ли у васъ? Гуляешь ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще въ заперти? Во всякомъ случаѣ, береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я и ревную ее къ тебѣ, но прошу Христомъ и Богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цѣлую всѣхъ васъ равно крѣпко — тебя въ особенности.

[Адресъ тотъ же. — Штемпель: Нижній. 2 сентября.

---

412. **Ей же.** (Нижній, 2 сентября). — Мой ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиняться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для смотрителей, которые очень мало меня уважаютъ, не смотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него засталъ я его дочерей, и Всеволожскаго le socu, который скачетъ изъ Казани къ вамъ въ Петербургъ. Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу, я не поѣхалъ, жалѣя своихъ усовъ, которые только лишь ощетинились. Обѣдалъ у Суденки, моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть — но у него 125,000 доходу, а у насъ, мой ангелъ, это впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моей именинницы, и выпили мы всѣ, не морщась, по бокалу шампанскаго. Вечеръ у На-

щокина, — да какой вечеръ! шампанское, лафитъ, зажженный пуншъ съ ананасами — пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевскаго. — Sacré chien, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностію, pourquoi n'êtes vous pas venu me voir? — Animal, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ, qu'avez vous fait de mon manuscript petit-russien? Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ — держа меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виноватъ: втроемъ съ бутылкой мадеры). Потомъ, для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерлядями и съ жженкой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признанье. Сказать ли тебѣ словечко, утерпитъ ли твое сердечко? Я нарочно тянулъ письмо разсказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобъ какъ можно позже дойти до сего рокового мѣста; ну, такъ ужь и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и нараспѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыдно? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не даете. — Право? сказалъ я, и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью и уѣхалъ. Ты подумаешь: ну это еще не бѣда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго — онѣ отстали на 3 или 4 станціи — и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь: хороша ли городничика? Вотъ то-то, что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю. — Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у губернатора, ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговаривалъ меня обѣдать завтра у него. Ярмонка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣніе бальнаго разъѣзда, когда карета Гончаровыхъ

ужь уѣхала. Ты видишь, что не смотря на городничиху и ея тетку — я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цѣлую куда ни попало. Addio, mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro? —

---

413. **Ей же.** (Казань, 8 сентября). — Казань, 8 сентября. Мой ангелъ, здравствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Симбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками, современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, распрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все, что предполагалъ видѣть, и въ концѣ сентября быть въ деревнѣ. Здорова ли ты? здоровы ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ, какъ котенокъ, и у которой уже два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій — вотъ, онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно — теперь некогда. — Цѣлую тебя.

[Адресъ тотъ же. — Штемпель: Казань, 11 сентября].

---

414. **А. А. Фуксъ.** (Казань, 8 сентября). — Милостивая государыня, Александра Андреевна! Съ сердечною благодарностію посылаю вамъ мой адресъ, и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ — не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани. Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.

---

415. **Н. Н. Пушкиной.** (Изъ окрестностей Симбирска, 12 сентября). — Село Языкова, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября. Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ, и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангелъ — но я все-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ? Ну, такъ и быть — дай Богъ теперь быть тебѣ здоровой. — Я радъ, что Сергѣй Николаевичъ будетъ съ

тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣстъ. Объ Иванѣ Николаевичѣ говорить нѣчего. Надѣюсь, что свадьба его разстроится. По всему видно, что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Вѣроятно, и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика; а съ отцомъ и съ дядей-башмачникомъ дуэля, кажется, не будетъ. — Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его — но ужь, по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень безпокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди, сдѣлаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ — некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ, и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ — но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея — умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень — и я радъ, что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ, — послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ (нимъ) вечеръ, и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангелъ женка. Цѣлую тебя и всѣхъ васъ — благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата. Кланяюсь Катеринѣ Ивановнѣ и брату Сергѣю.

Пиши мнѣ въ Болдино.

---

416. **Ей же.** (Симбирскъ, 14 сентября). — Симбирскъ, 14. Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую

дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станціи стали закладывать мнѣ лошадей — гляжу: нѣтъ ямщиковъ — одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться, и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно — я заснулъ — просыпаюсь утромъ — что же? не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора — лошади не везутъ — около меня человѣкъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ — наконецъ, взъѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужь этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ — анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? какова ты и дѣти? Цѣлую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о всякомъ вздорѣ, до тебя касающемся. Кланяюсь теткѣ.

[Адресъ: Ея Превосходительству, М. Г. Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской, въ Спб., въ Зимнемъ Дворцѣ, для дост. Н. Н. Пушкиной. Штемпель: Симбирскъ, 14 сентября].

---

417. **Ей же.** (Оренбургъ, 19 сентября). — Оренбургъ, 19 сент. Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ — дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три — и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу. —

Что, женка? скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ — взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ — то есть, уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой. — А ужь чувствую, что дурь на меня находитъ — я и въ коляскѣ сочиняю; что жь будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ московскаго канцеляриста: глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги, и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ меня, да и только. Свѣтъ-то мой Ипполитъ! Кстати о Хамовомъ племени: какъ ты ладишь своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мущинами какъ тебѣ ладить? Все это меня безпокоитъ — и я мнителенъ, какъ отецъ мой. Не говорю ужь о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья — и тебѣ, женка. Прощай, женка — не жди отъ меня ужь писемъ, до самой деревни. Цѣлую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю — и на дняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонкѣ и старушка Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ.

Адресъ тотъ же. — Штемпель: Оренбургъ, 19 сентября.

---

418. **Ей же.** (Болдино, 2 октября). — 2 окт. Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня — думалъ здѣсь найти отъ тебя письма, и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова ли ты? здоровы ли дѣти? сердце замираетъ, какъ подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что, не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія, я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамошній атаманъ и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду — и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ (23 сентября) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній годъ была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратный же путь послалъ онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и такъ же озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня — изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось, сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ, какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-лѣтними старухами. А на молоденькихъ зас . . хъ шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune — нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ[1]. Я отъ нея не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать, и потомъ къ — тебѣ съ добычею. Въ воскресенье приходитъ почта въ Абрамово, надѣюсь письма — сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать. Прости — оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цѣлую тебя, женка — будь умна и здорова.

[Адресъ тотъ же. — Штемпель: Лукояновъ, 4 октября].

---

419. **Ей же.** (Болдино, 8 октября). — Мой ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc. — А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь прибавлять: въ Арзамасскомъ уѣздѣ; а то — чего добраго: въ Нижегородской губерніи можетъ быть и не одно село Абрамово, такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня безпокоятъ: то, что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и — брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не стращай меня, женка, не говори, что ты изкокетничалась: я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать, — а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше оставь ужь меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужь недѣлю, какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои Записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ, и заживемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцѣлуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣздою; каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софьѣ Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать. Жаль, что ты Смирновой не видала: она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Безобразовъ умно дѣлаетъ, что женится на княжнѣ Хилковой. Давно бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за

чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ и не сердись на Нащокина: слава Богу, что онъ прислалъ 1500 — а о 180 не жалѣй; плюнь да и только. Что такое 50 руб., присланные тебѣ моимъ отцомъ? ужь не проценты ли за 550, которые онъ мнѣ долженъ? Чего добраго? Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василья Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во-первыхъ деньги, а во-вторыхъ свободное время. А у меня ни того, ни другого. Какова Краевская! недаромъ Отрыжковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь, съ твердостію, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фикельмоны пріѣхали? Радуюсь за тебя; какъ-то, мой ангелъ, удадутся тебѣ балы? Въ самомъ дѣлѣ, не забрюхатѣла ли ты? что ты за нед...ка? Прощай, душа. Я что-то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болитъ, какъ у Александрова. Цѣлую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай. — 8 окт.

[Адресъ: М. Г. Нагальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Спб., у Пантелеймона, близъ Цѣпного моста, въ домѣ Оливье. Штемпель: Лукояновъ, 10 октября].

---

420. **Ей же.** (Болдино, 11 октября). — Мой ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу и попроси его, чтобъ онъ къ моему пріѣзду велѣлъ переписать изъ Собранія Законовъ (год. 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы, относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое брюхо? Не жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не стращай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ царемъ, ни съ женихомъ княжны Любы[1]. Я пишу, я въ хлопотахъ, никого не вижу — и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь, что Смирдинъ аккуратенъ. На дняхъ пришлю ему стиховъ. — Знаешь ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ — передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки — онъ хлопъ стаканъ, другой, третій — и ужь начнетъ писать! — Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ взяла, не только лицомъ, да и фигурой. Чего тебѣ больше? Прости, цѣлую васъ и благословляю. Теткѣ цѣлую ручку. Гово-

ритъ ли Маша? ходитъ ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю. — Прощай.

11 октября.

[Адресъ тотъ же. Штемпель: станція Абрамово, 11 октября.]

---

421. **Ей же.** (Болдино, 21 октября). — Получилъ сегодня письмо твое отъ 4 окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресенiе не получилъ отъ тебя письма и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что я не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничто не помѣшаетъ тебѣ отличаться на нынѣшнихъ балахъ. Видно, Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна, ни покрышки! кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о безпорочности поведенiя, которое относится не къ тону, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. Сологубъ. Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно, кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также, гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскiе. Княгинѣ Вяземской скажи, что напрасно она безпокоится о портретѣ Вигеля, и что съ этой стороны честное мое поведенiе выше всякаго подозрѣнiя; но что, изъ уваженiя къ ея просьбѣ, я поставлю его портретъ сзади всѣхъ другихъ. Кстати: она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова не сдержала; попеняй ей отъ меня. Жуковскаго и Вельгорскаго, вѣроятно, ты уже видѣла. Что̀ Жуковскiй? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Правда ли? Что жь ты хотѣла женить его на Катеринѣ Николаевнѣ? и что Катерина Николаевна, будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресенiе вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для pâtés de foie gras, и который для того затѣваетъ альманахъ. Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о стихахъ (что я говорю — просьбы: приказанiя, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Ужь эти мнѣ зубы! — а каковъ Сашка рыжiй? Да въ кого-то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него. О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла,

хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что̀ со мною дѣлается. Старамъ стала, и умомъ плохамъ! Пріѣду оживиться твоею молодостію, мой ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться; взялся за гужъ, не скажу, что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодари мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей. — Машку, Сашку рыжаго и тебя цѣлую и крещу. Господь съ вами. — Прощай, спать хочу.

31 октября. Болдино.

[Тотъ же адресъ и станція. Штемпель: 25 октября].

---

422. **Ей же.** (Болдино, 30 октября). — Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою, какъ за сучкой, бѣгаютъ кобели, поднявъ хвостъ трубочкой и понюхивая .....; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Парасковьѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ: стоитъ разгласить, что-де я большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мущинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ.[1] Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя, какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой курвѣ не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, какъ ты пишешь, вѣроятно уже открылись. — Да, ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю,

что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнею, все, что не comme il faut, все, что vulgar... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой аристократическій тонъ измѣнился, разведусь, вотъ-те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь, какъ я живу, и похорошѣлъ ли я? Во-первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; усъ да борода — молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ. 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5 въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да грешневой кашей. До 9 часовъ — читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону — никакъ не попалъ на Дерптъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Софьѣ Николаевнѣ, княгинѣ и княжнамъ Вяземскимъ. Полетикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ являюсь лично, а что-де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божію волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цѣлую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христосъ съ вами. — Благословляю и цѣлую васъ.

30 октября.

---

423. **Кн. В. Ѳ. Одоевскому.** (Болдино, 30 октября).— Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхалъ въ деревню, думалъ — распишусь; не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь — барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина: не на шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозѣйки, ни на чердакѣ Панька. Не достоинъ онъ видно, быть въ ихъ компаніи... А куда бы не худо до погреба-то добраться![1] Теперь донесу вашему сіятельству, что будучи въ Симбирскѣ, видѣлъ я скромную отшельницу, о которой мы съ вами говорили передъ моимъ отъѣздомъ. Недурна. Кажется, губернаторъ гораздо усерднѣе покровительствуетъ ей, нежели губернаторша. Вотъ все, что могъ я замѣтить. Дѣло ея, кажется, кончено. Вы обрадовали меня извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ, чтобъ нынѣшній запасъ здоровья сталъ ему лѣтъ на пять. А тамъ ужь какъ нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней же есть закорючка[1]. — Весь вашъ *А. Пушкинъ*.

30 окт. Болдино.

[Адресъ: Его Сіят-ву, М. Г., князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому. Въ Спбгѣ, по Дворцовой набережной, въ Мошковомъ пер., д. Ланской].

---

424. **Н. Н. Пушкиной.** — (Болдино, 6 ноября). Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, что я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немножко сердитъ, и кажется, письмо немножко жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; курва, у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью), Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего? — Для тебя, женка: чтобъ ты была спокойна, и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c. — не говоря объ cocuage, о коемъ прочелъ я на дняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ[1].

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ такъ же неспособенъ, какъ и къ военной, но у него, по крайней мѣрѣ, жена здоровая, и на сѣдлѣ онъ все-таки далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается, что мы безъ европейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся — тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говоритъ у насъ засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣстъ совѣтую ему бить баклуши: занятіе и пріятное, и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но не заступится ли Бенкендорфъ: попробую, пріѣхавъ въ Петербургъ. — При семъ письмо къ отцу — вѣроятно, уже онъ

у васъ. Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого: а то альманашники заѣдятъ меня. Цѣлую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цѣлую Машку — и такъ далѣе, до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинымъ именинамъ. Да Богъ вѣсть.

[Тотъ же адресъ; штемпель 8 ноября].

---

425. **П. В. Нащокину.** (Спб., 24 ноября). — Что, Павелъ Воиновичъ, каковы домашнія обстоятельства? Рѣшено ли? Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться. Vous êtes éminemment un homme de passion — и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ[1] и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно. Лёлинька мнѣ не мѣшалъ, онъ очень милъ, т. е. молчаливъ; всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима, и какъ рѣка еще не стала, а мостовъ уже нѣтъ, то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ, вѣроятно, одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ, и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало. Я подумалъ о тебѣ. Вели-ка своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавейкѣ слѣзть съ козелъ — полно ему воевать! Дома я нашелъ все въ порядкѣ, жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ — и увезъ къ себѣ, какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ городничаго. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я думаю ихъ распутать. Отца видѣлъ; онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ. Братъ во фракѣ и очень благопристоенъ. Соболевскій выигралъ свой процессъ и ѣдетъ къ вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевнѣ мое почтеніе.

[На конвертѣ: 24 ноября 1833 г.].

---

426. **И. И. Дмитріеву.** (Спб., ноябрь; черновое). — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Имѣвъ всегда счастіе пользоваться благосклонностью вашего превосходительства, осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ вамъ со всепокорнѣйшей просьбою. Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги, касающіяся Пугачева, собственныя письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать. Въ Историческихъ Запискахъ (которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже) вы говорите о Пугачевѣ и какъ очевидецъ описали его смерть. Могу ли надѣяться, что вы, м. г., не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми, коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду, и позволите помѣстить собственныя ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Великой Екатерины?

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

---

427. **А. С. Норову.** — Его Превосходительству А. С Норову отъ А. Пушкина.

Отсылаю тебѣ, любезный Норовъ, твоего Стеньку. Завтра получишь Struys и Одалиску. Нѣтъ ли у тебя сочиненія Вебера о Россіи (Возрастающая Россія или что-то подобное)? А Пердуильонисъ, т. е. Stephanus Rasin Don. Cosacus perduellis, publicæ disquisitioni I. I. M. Schurtzfleisch? — *А. П.*

---

428. **Ему же.** Его Превосходительству А. С. Норову. Посылаю тебѣ, любезный Норовъ, Satyrikon, а Мистеріи гдѣ-то у меня запрятаны. Отыщу непремѣнно. До свиданія. — Весь твой *А. П.*

---

429. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 6 декабря). — М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Осмѣливаюсь препроводить къ В. С-ву стихотвореніе, которое желалъ бы я напечатать, и при семъ случаѣ просить Васъ о разрѣшеніи, для меня важномъ. Книгопродавецъ Смирдинъ издаетъ журналъ, въ коемъ просилъ меня участвовать. Я могу согласиться только въ томъ случаѣ, когда онъ возьмется мои сочиненія представлять въ цензуру и хлопотать объ нихъ наравнѣ съ другими писателями, участвующими въ его предпріятіи, но безъ Вашего вѣдѣнія я ничего не хотѣлъ сказать ему рѣшительнаго.

Хотя я какъ можно рѣже старался пользоваться драгоцѣннымъ мнѣ разрѣшеніемъ утруждать вниманіе Государя Императора, но нынѣ осмѣливаюсь просить на то Высочайшаго соизволенія.

Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева; но, нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ Исторію Пугачевщины.[1]

Осмѣливаюсь просить черезъ Ваше Сіятельство дозволеніе представить оную на Высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ ее напечатать[2]; но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для Его Величества, особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю честь быть, М. Г., В. С-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

6 декабря 1833
СПБ.

[На письмѣ надпись: „Отвѣтить: 1-е что піесы его, для журнала Смирдина назначаемыя, могутъ быть помѣщаемы въ ономъ по разсмотрѣніи цензурою на ровнѣ съ другими. 2-е чтобъ рукопись Пугачевщины прислалъ къ Графу". Заготовленный отвѣтъ остался неподписаннымъ, и 15 декабря помѣчено, что отвѣтъ графъ объявилъ на словахъ].

---

430. **Барону М. А. Корфу.** (Спб., въ декабрѣ). — Сейчасъ былъ у Смирдина и, кажется, дѣло сдѣлано. Н. М. Бакунинъ можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я бы совѣтовалъ ему справиться сперва о томъ, что берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille, и требовать ту же цѣну; такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нежели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого-нибудь затрудненія, пусть онъ располагаетъ мною: я готовъ служить ему отъ всей души.[1]

Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнить твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія[2]. — Весь твой *Александръ Пушкинъ*.

Пятница.

[Адресъ: Его превосх. м. г. Модесту Андреевичу барону Корфу].

---

431. **П. В. Нащокину.** (Спб., въ декабрѣ, послѣ 11-го). — Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ желая знать, что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно,

слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, чего надѣяться: перемѣнилась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Ѳедоровичъ) пила твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ Лёлинькѣ[1] не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эристова[2], а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужь мнѣ поздно отвѣчать: онъ безпокоится о каллиграфическихъ трудахъ своего сына и о томъ, не плачетъ ли мальчикъ, и не тоскуетъ ли о своихъ родныхъ! Успокой старика, какъ умѣешь.

Не знаю, буду ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія — я отказался отъ наслѣдства. Не знаю, войдутъ ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію, то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень непріятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

Всѣ мои здоровы. Крестникъ твой тебя цѣлуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ, потому что дѣло не къ спѣху. Прощай. Кланяюсь князю Гагарину и желаю вамъ обоимъ счастія. — *А. П.*

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Павлу Воиновичу Нащокину. Въ Москвѣ, на Остоженкѣ, въ приходѣ Воскресенія, у священника въ домѣ].

---

432. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (1833—1834; черновое). — Il y a deux ou trois ans que M-rle grand-père de ma femme se trouvant pressé d'argent à cause de mon mariage fut sur le point de refondre une statue colossale de Catherine II, et c'est à Votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il s'agissait d'une masse informe de bronze, je ne demandai pas mieux, mais il se trouva que la statue est une belle production de l'art, et j'eus conscience et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de roubles...

... J'en désirais 25.000 r. Certe belle statue pourrait convenablement être placée dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit à P.bourg, soit à Sar. Selo, où sa statue manque parmi les monuments qu'Elle a fait élever à la memoire des grands hommes qui l'ont servi.

1834.

433. **Ст. Д. Нечаеву.** (Спб., 12 февраля). М. Г. Степанъ Дмитріевичъ, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ в. пр-ству съ всепокорнѣйшей просьбою.

По волѣ государя императора, протодіаконъ Царскосельской придворной церкви, за нетрезвость, исключенъ изъ придворнаго вѣдомства и переведенъ въ епархіальное. По предписанію же синода, онъ долженъ быть отправленъ въ свою родную епархію. Протодіаконъ, человѣкъ уже не молодой и семейный, проситъ, какъ милости, быть оставленъ въ епархіи здѣшней. Смыслъ высочайшаго повелѣнія будетъ исполненъ равно, ибо въ немъ ни слова не было сказано о томъ, чтобы на своею епархію отправить его.

Протодіаконъ, не знаю почему, отнесся ко мнѣ, полагая, что слабый мой голосъ удостоится вашего вниманія. Во всякомъ случаѣ, я не могъ отказаться отъ ходатайства, и препоручаю моего кліента вашему великодушному покровительству.

Съ глубочайшимъ, и пр. *Александръ Пушкинъ.*

[Надпись рукою Нечаева: „Прислать ко мнѣ состоявшееся о немъ повелѣніе". Затѣмъ другая помѣтка: „Данъ паспортъ для слѣдованія въ Смоленскую епархію".]

---

434. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 26 февраля). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Не имѣя нынѣ способа, независимо отъ книгопродавцевъ, приступить къ напечатанію мною написаннаго сочиненія, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ В. С-ву съ всепокорнѣйшею моею просьбою о выдачѣ мнѣ изъ казны заимообразно за установленные проценты 20,000 рублей, съ тѣмъ, чтобъ я оные выплатилъ въ два года, по срокамъ, которые угодно будетъ назначить начальству.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, М. Г., В. С-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

26 февраля 1834.

[Карандашомъ надписано: „Министру Финансовъ. Государь приказалъ на этомъ основаніи выдать Пушкину 20 т. р."].

---

435. **Ему же.** (Черновое). — En soumettant à Sa Majesté le tome II de Pougatschef, je prends la liberté d'entretenir Votre Excellence des circonstances qui me regardent et de recourir à Votre bienveillance accoutumée.

En permettant l'impression de cet ouvrage, Sa Majesté a assuré ma fortune. La somtune que je pourrais en retirer me met à même d'accepter la succession à laquelle j'avais été forcé de renoncer, faute de 40.000 roubles qui me manquaient, etc.

Cet ouvrage me les procurera, si je puis mois-même en être l'éditeur sans avoir recours au libraire. 15.000 me suffiseraient.

Je demande deux choses: l'une, qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans l'imprimerie particulière de Sa Majesté qui dépend de M. Jacovlef, la seule où je suis sûr de n'être pas friponné; l'autre, de recevoir en emprunt pour deux ans 15.000 roubles, somme qui me permettrait de mettre à l'édition tout le temps et les soins que je lui devrais.

Je n'ai d'autres droits à la grâce que je solllcite que les bontés que j'ai déjà reçues et qui me donnent le courage et la confiance d'y recourir encore. C'est à Votre protection que je confie ma très-humble requête. Je suis, M-r le Comte, de Votre Excellence etc. etc.

---

436. **Ему же.** (Спб., 27 февраля). — М. Г. Александръ Христофоровичъ. Государю Императору угодно было чрезъ В. С-во дозволить мнѣ печатать Исторію Пугачева въ одной изъ типографій, зависящихъ отъ Его Высокопр-ва М. М. Сперанскаго: осмѣливаюсь прибѣгнуть къ В. С-ву съ покорнѣйшею просьбою дать знать о томъ, куда слѣдуетъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, имѣю честь быть, М. Г., В. С-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

27 февраля 1834.

[Помѣчено: „Сперанскоиу, что государь приказалъ Исторію Пугачева соч. Пушкина, напечатать въ тип. 2-го Отд. Соб. Е. И. В. канцеляріи, подъ его вѣдомствомъ находящейся". 4-го марта сообщено объ этомъ Бенкендорфомъ Сперанскому (№ 380); Министру Финансовъ о выдачѣ 20 т. р. (№ 381) и Пушкину о томъ же (№ 382), а сверхъ того и отъ Л. В. Дубельта (№ 1064) о печатаніи въ тип. II отдѣленія].

---

437. **Ему - же.** (Спб., 5 марта). — М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Извѣщеніе В. С-ва о Высочайшей милости Государя Императора имѣлъ я счастіе получить. Осмѣливаюсь, М. Г., засвидѣтельствовать В. С-ву чувства глубочайшей благодарности за могущественное ходатайство, коего изволили меня удостоить.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю честь быть, М. Г., В. С-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

5 марта 1834.

---

438. **Л. В. Дубельту.** (Спб., 5 марта). — М. Г. Леонтій Васильевичъ. Спѣшу Васъ всепокорнѣйше извѣстить, что увѣдомленіе о Высочайшемъ соизволеніи Государя Императора печатать мною написанную Исторію о Пугачевѣ въ одной изъ типографій, подвѣдомственныхъ г-ну Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Сперанскому, получить имѣлъ я честь.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю честь быть, М. Г., Вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

5 марта 1833.
С.П.Б.

---

439. **Кн. В. Ѳ. Одоевскому.** (Спб., 16 марта). Дѣло идетъ о Конверсаціонсъ-Лексиконѣ. Соглашаюсь съ в. с-вомъ, что нынѣшній вечеръ имѣетъ свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Греча, ибо на то получилъ разрѣшеніе отъ Плетн-ва, который есть воплощенная совѣсть. Поѣдемъ; что за бѣда? Вѣдь это будетъ мірская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся, а въ воровскую шайку не вступимъ. *А. П.*

---

440. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 25 марта). — М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Всепокорнѣйше честь имѣю извѣстить В. С-во, что сего 24-го марта получено мною увѣдомленіе объ отзывѣ Г. Министра Финансовъ касательно всемилостивѣйше мнѣ пожалованныхъ заимообразно денегъ на изданіе Исторіи Пугачевскаго Бунта.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію имѣю честь быть, М. Г., В. С-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*,

25 марта 1834.
С.П.Б.

---

441. **П. В. Нащокину.** (Спб., въ мартѣ или апрѣлѣ). — Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во-первыхъ, получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать.

Съ первыхъ строкъ вижу, что ты спокоенъ и счастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сплетни, половинѣ коихъ я не вѣрилъ, но коихъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Сергѣевичъ. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ пріятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали тебѣ счастія. Наталія Никол. нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ твоею Вѣрою Александровною,[1] и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ. — Но сперва поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отправилъ меня изъ Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты безъ моихъ денегъ обойдешься. Оттого-то я моихъ распоряженій и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но твои 3,000 доставлю тебѣ въ непродолжительномъ времени, по срокамъ, которые назначу, сообразясь съ моими обстоятельствами.[1] Здѣсь говорили, что ты проигралъ въ долгъ все, что́ тебѣ слѣдовало получить съ брата. Ты не можешь вообразить, какъ это меня безпокоило; но теперь надѣюсь на перемѣну жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрясеній кензъ-эль-ва и пліе для разсѣянія своего домашняго горя. Говорятъ, что несчастіе хорошая школа: можетъ быть. Но счастіе есть лучшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно, мы квиты, если ты мнѣ обязанъ женитьбою своей, и надѣюсь, что Вѣра Александровна будетъ меня любить, какъ любитъ тебя Наталья Николаевна. Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масленицѣ танцовали ужь два раза въ день. Наконецъ, настало послѣднее воскресенье передъ Великимъ Постомъ. Думаю: слава Богу, балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю — съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить), слава Богу, здорова, и ѣдетъ на дняхъ въ калужскую деревню, къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи. Долгъ Вяземскаго я еще до полученія твоего письма перевелъ на себя. Андрей Петровичъ въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я мы помогали ему деньгами — скупо, увѣщаніями — щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ

нѣмецкихъ геніевъ, преодолѣвшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому случаю. На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу — нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое? — Имѣніе описываютъ. — Надо скорѣе заплатить долгъ. — Ужь долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя. — О чемъ же горе? — Жить нечѣмъ до октября. — Поѣзжайте въ деревню. — Не съ чѣмъ. — Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я желалъ бы и успокоить старость отца, и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой же художникъ, какъ и Андрей Петровичъ, съ той разницею, что за собою никакого художества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула, и опять брюхата. Чудеса, да и только!

Вотъ тебѣ другія новости: я камеръ-юнкеръ съ января мѣсяца; Мѣдный Всадникъ не пропущенъ — убытки и непріятности! За то Пугачевъ пропущенъ, и я печатаю его на счетъ государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что, конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ, и вѣрно не думалъ меня кольнуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои. Прощай, жди денегъ.

---

442. **И. И. Лажечникову.** (Черновое, Спб., мартъ). — Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова о времени Пугачева. Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, еслибъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены, что я возращу ее въ цѣлости и при первомъ вашемъ востребованіи. Съ истиннымъ и пр.

---

443. **Ему же.** (Черновое, Спб., апрѣль). — Съ живѣйшею благодарностью получилъ я письмо ваше отъ 30-го и рукопись о Пугачевѣ. Рукопись была уже мнѣ извѣстна. Она сочинена академиковъ Рычковымъ, находившимся въ Оренбургѣ во время осады. Но въ вашемъ спискѣ я нашелъ нѣкоторыя небольшія прибавленія, которыми непремѣнно воспользуюсь. Нѣсколько разъ проѣзжая черезъ Тверь, я всегда желалъ случая вамъ представиться и благодарить васъ, во-первыхъ, за то истинное наслажденіе, ко-

торое доставили вы мнѣ вашимъ первымъ романовъ, а во-вторыхъ—и за вниманіе, котораго вы меня удостоили. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего творенія, изъ котораго прекрасный отрывокъ читалъ я въ альманахѣ Максимовича. Скоро ли онъ выдетъ и какъ вы думаете его выдать? — ради Бога, не по частямъ; эти разсрочки выводятъ изъ терпѣнія многочисленныхъ вашихъ читателей и почитателей. Съ глубокимъ и пр.

444. **М. П. Погодину.** (Спб., 6 апрѣля). — Радуюсь случаю говорить съ вами откровенно. Общество Любителей поступило со мною такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время, какъ онъ единогласно забаллотированъ въ Англійскомъ клубѣ (NB: въ петербургскомъ), какъ шпіонъ, переметчикъ и клеветникъ, въ то самое время, какъ я въ отвѣтъ на всѣ его ругательства принужденъ былъ напечатать статью о Видокѣ. Мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ была удивляться моему долготерпѣнію, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ ошельмованнаго негодяя, толкующаго о чести и нравственности. И что же? Въ то самое время читаю въ газетѣ Шаликова: „Александръ Сергѣевичъ и Ѳаддей Венедиктовичъ, сіи два корифея нашей словесности, удостоены" etc. Воля ваша: это пощечина. Вѣрю, что Общество въ этомъ случаѣ поступило, какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня:

„Я всякому, ты знаешь, радъ!"

Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ; я того не сдѣлалъ, потому что тогда мнѣ было не до дипломовъ — но ужь имѣть сношенія съ Обществомъ Любителей я не въ состояніи.

Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всаднике, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться передъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не по... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это вшивый рынокъ. Быть такъ.

[Надпись на конвертѣ: 1834. Апрѣля 7].

445. **Графу Г. А. Строганову.** (Спб., около 11 апрѣля). — Monsieur le comte! J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse. L'accolade de Lelewel me parait plus dure qu'un éxil en Sibérie. Je vous remercie cependant de ce que vous avez bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte au sermon. Veuillez, Monsieur le comte, me mettre aux pieds de Madame votre femme et agréez l'hommage de ma haute considération. — *Alexandre Pouchkine.*

---

446. **Къ І. М. Пеньковскому.** (Спб., 13 апрѣля). — Батюшкѣ угодно было поручить въ полное мое распоряженіе управленіе имѣнія его. Посему, утверждая довѣренность, имъ данную вамъ, извѣщаю васъ, чтобы отнынѣ относились вы прямо ко мнѣ по всѣмъ дѣламъ, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мнѣ счетъ денегъ, доставленныхъ вами батюшкѣ со времени вступленія вашего во управленіе, также и вами взятыхъ въ займы и на уплату долга, а засимъ и сколько въ остаткѣ непроданнаго хлѣба, несобраннаго оброка и (если случится) недоимокъ — приступить вамъ также и къ подворной описи Болдина, дабы оная къ сентябрю мѣсяцу была готова. *А. Пушкинъ.*

13 апрѣля.

[Адресъ: „Въ Арзамасскомъ уѣздѣ. въ Нижегородской губерніи, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино г-ну Пеньковскому". — Штемпель: Спб. Отд ленiе. 1834. Апр. 13].

---

447. **Н. Н. Пушкиной.** (Спб.). — 17 апрѣля. Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Сашка и Машка? Христосъ съ вами! будьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Жду отъ тебя письма изъ Новгорода, а покамѣстъ вотъ тебѣ отчетъ о моемъ холостомъ житьѣ-бытьѣ. Третьяго-дня возвратился я изъ Царскаго Села въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ, и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: Vous vous trompez: c'est pour les demoisel-

les d'honneur. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ, съ моей сѣдой бородкой, придется выступать съ Безобразовымъ или Реймарсомъ — ни за какія благополучія! J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-r Jourdain. По утру сидѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма и ожидая, чтобъ ты, мой ангелъ, позвонила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ вспомнилъ я, что я хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужь оскоромился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме, и покамѣстъ стали приводить въ порядокъ библіотеку; тетка пріѣхала спросить о тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою комиссію, поговорили о тебѣ, потужили, побезпокоились, и рѣшились тебѣ подтвердить наши просьбы и требованія — беречь себя и помнить наши наставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали потчивать меня шампанскимъ и пуншемъ, и спрашивать, не поѣду ли я къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться ужь болѣе не намѣренъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану ботвинью и beafsteaks. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся въ 7 часовъ и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе. — Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня — буду ей писать, а покамѣстъ обнимаю и цѣлую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.

[Адресъ: Ея Благородію М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Москвѣ, на Никитской, въ домѣ Гончарова. Штемпель: Спб. 17 апрѣля].

---

448. **Ей же.** (Спб., 19 апрѣля). — Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я распечаталъ изъ любопытства и скупости (чтобъ меньше платить на почту вѣсовыхъ денегъ), также и рецептъ капель. Сдѣлай милость, не забудь перечесть инструкцію Спасскаго и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче; а мнѣ!... Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужь у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь осторожна, пляши умѣренно, гуляй понемножку, а пуще — скорѣе добирайся до деревни. Цѣлую тебя крѣпко и благословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай, куда рада, что можетъ въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ поведеніи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а

принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинью да beafsteaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную ботвинью; Левъ Серг. хлебаетъ двѣ тарелки, утираетъ осетрину; наконецъ требуетъ вина; ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина. — Какъ, нѣтъ? — Алекс. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник. я на діэтѣ — и пью воду. Надобно было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣича — который уже ко мнѣ, вѣроятно, обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ, и потчивалъ Льва Сергѣича, который чинился и отказывался. Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невинныхъ упражненій. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новагорода, и тотчасъ понесу его Кат. Ивановнѣ. Покамѣстъ — прощай, ангелъ мой. Цѣлую васъ и благословляю. Вчера былъ у насъ первый громъ — слава Богу, весна кончилась.

19 апрѣля.

[Тотъ же адресъ. Штемпель: Спб. 19 апрѣля].

---

449. **Ей же.** (Спб., 20—22 апрѣля). — Пятница (20-го). Ангелъ мой, женка! сейчасъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ — и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому что рапортуюсь больнымъ и боюсь царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою няньку[1], второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ то нашъ Сашка будетъ ладить съ порфироroднымъ своимъ тёзкой; съ моимъ тёзкой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ: по-

жалуйста, побереги себя, особенно сначала; не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестеръ, не таскайся по гуляніямъ съ утра до ночи, не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ: онъ можетъ ихъ испугать, и мало ли что еще. Пуще береги себя во время болѣзни — въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, женка. Кокетничать позволяю, сколько душѣ угодно. Верхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ (о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверхъ того, прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать, не совѣстясь и не церемонясь.

Воскресеніе (22-го). Христосъ воскресъ, моя милая женка; грустно, мой ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ изъ головы нейдетъ. Ты, мнѣ кажется, слишкомъ устала. Пріѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ: нервы твои будутъ напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь простоишь у всенощной, и теперь лежишь въ растяжку, въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что̀ меня тревожитъ, мой ангелъ, такъ что голова кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала? Нынче великій князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что рапортуюсь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣланъ канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейлинъ, между прочими твоя пріятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нѣтъ. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; государь также. Вообще говорятъ, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней какъ свидѣтелю. Еще новость: Мердеръ умеръ; это еще тайна для в. князя, и отравитъ его юношескую радость. Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ видѣться и наговориться. Тетка подарила мнѣ шоколадный бильярдъ— прелесть. Она тебя очень цѣлуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христосъ воскресъ, Христосъ съ вами.

---

450. **Ей же.** (Спб., 28 апрѣля). — Ну, женка! насилу дождались мы отъ тебя письма. По моему разсчету, ты должна была пріѣхать въ Москву въ великій четвергъ [19-го] (такъ и вышло), и цѣлые девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная

уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты пріѣзда и радость свиданія помѣшаютъ тебѣ въ первые дни думать о письмахъ. Однако, ужь и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты пріѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно, онъ и совсѣмъ выздоровитъ. Не отъ кормилицы ли онъ боленъ? Вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. Что дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ пріѣхать не хочетъ, поѣзжай къ ней на недѣлю, на двѣ, хоть это лишніе расходы и лишнія хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помяни Господи Царя Давида и всю кротость его! — Съ отцомъ, пожалуйста, не входи въ близкія сношенія, и дѣтей ему не показывай: на его, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди, откуситъ у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружитъ всѣ головы и сдѣлался предметомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанялъ у меня 50 р. и съ тѣхъ поръ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энгельгардта къ родителямъ. Честь имѣю тебѣ замѣтить, что твой извощикъ спрашивалъ не рейнвейну, а ренскаго (т. е. всякое бѣлое кисленькое виноградное вино называется ренскимъ); впрочемъ, твое замѣчаніе о просвѣщеніи русскаго народа очень справедливо и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь ли ты ромашку или eau d'orange? Тетка третьяго дня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоемъ здоровьѣ и пококетничала со мною изъ ...[1] ты. Сегодня отправлюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай. мой ангелъ; цѣлую тебя, и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ. — Эхъ, хотѣлось бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь. Addio.

Суббота.

[Тотъ же адресъ. Штемпель: Спб. 28 апрѣля].

[1] Вырванъ кусокъ бумаги.

451. **Ей же.** (Спб., 30 апрѣля). — Ѳоминъ понедѣльникъ. — Вчера былъ, наконецъ, дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу, и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюминацію приготовляли. Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ Англ. клобъ, гдѣ со мною случилось небывалое происшествіе. У меня въ клобѣ украли 350 рублей, украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли, какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клобъ? перещеголяли мы и Московскій! Ты думаешь, что я сердился? ничуть. Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой анге ъ. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты пай дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо; не утерпѣла ты, чтобъ не съѣздить на балъ кн. Голицыной. А я именно объ этомъ и просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sonntag, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднимъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать ..... ну, ужь Богъ съ тобой. — Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей-Богу, досада беретъ — и письма не хочу продолжать.

452. **Ей же.** (Спб., 30 апрѣля).. — Жена моя милая, женка мой ангелъ — я сегодня ужь писалъ тебѣ, да письмо мое какъ-то не удалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ нѣжностями, а кончилъ плюхой. Виноватъ, женка. Остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощаю тебѣ балъ у Голицыной, и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженаго, такъ что мнѣ бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ,

что было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ я справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клубѣ украли деньги; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ лапахъ у Соболевскаго, и что онъ пакоститъ твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять съ Sophie Karamsine. Она сегодня на свадьбѣ, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцовъ женится — на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь изъ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій, — ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого-то выберетъ онъ? Александру ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо, вѣроятно, получишь ты уже въ Ярополицѣ; Натальѣ Ивановнѣ я уже писалъ; поцѣлуй за меня у ней ручки и скажи много нѣжнаго. — Прощай, жена, цѣлую и благословляю тебя и васъ. — *А. П.*

[Тотъ же адресъ. Штемпель: Спб. 1 мая].

---

453. **Д. Н. Бантышъ-Каменскому.** (Спб., 1 мая). — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоцѣнный знакъ вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть, и также гравируется. Съ нетерпѣніемъ буду ждать біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностью.

Жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такого человѣка, каковъ вы, послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой исторической опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

1 мая. 1834. С. П. Б.

---

454. **Н. И. Павлищеву.** (Спб., 4 мая). — М. Г. Николай Ивановичъ! Благодарю васъ за ваше письмо. Оно дѣльное и дѣловое, слѣдовательно отвѣтить на него не трудно.

Согласясь взять на себя управленіе батюшкинова имѣнія, я потребовалъ яснаго разсчета долгамъ казеннымъ и частнымъ, и доходамъ. Батюшка отвѣчалъ мнѣ, что долгу на его имѣніи тысячъ сто, что процентовъ въ годъ должно уплачивать тысячъ семь, что недоимки тысячи три, а доходовъ тысячъ двадцать двѣ. Я просилъ

все это опредѣлить съ бо́льшею точностью, и батюшка не успѣлъ того сдѣлать самъ; я обратился въ ломбардъ, и узналъ навѣрное, что долгу казеннаго 190.750, что процентовъ ежегодно 11.826, что недоимокъ 11.045. (Частныхъ долговъ полагаю около 10.000). Сколько доходу, навѣрное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя 22.000, выйдетъ, что, за уплатою казнѣ процентовъ, остается до 10.000. Изъ оныхъ, если батюшка положитъ по 1500 Ольгѣ Сергѣевнѣ, да по стольку же Льву Сергѣевичу, то остается для него 7.000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенныя, долги частные, долги Льва Сергѣевича; а часть доходовъ сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покамѣстъ не приведу въ порядокъ сіи запутанныя дѣла, ничего не могу обѣщать Ольгѣ Сергѣевнѣ и не обѣщаю; состояніе мое позволяетъ мнѣ не брать ничего изъ доходовъ батюшкинова имѣнія, но своихъ денегъ я не могу и не въ состояніи приплачивать. Надѣюсь получить... (вырвано). Изъ нихъ пришлю вамъ долгъ Льва Сергѣевича.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга *А. Пушкинъ*.

P. S. Я еще не получилъ отъ батюшки довѣренности. За одинъ мѣсяцъ изъ моихъ денегъ уплатилъ уже въ одинъ мѣсяцъ 866 за батюшку, а за Льва Сергѣевича 1.330; болѣе не могу.

4 мая 1834 года. С.-Петербургъ.

[Адресъ: Его высокоблагородію м. г. Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшаву. Помощнику статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Штемпель: Спб. 1834, мая 5-го].

---

455. **Н. Н. Пушкиной.** (Спб., 13 мая). — Какая ты дура, мой ангелъ! конечно, я не стану безпокоиться оттого, что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалеръ-гардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и не ревнивъ. Я отправилъ тебя изъ Петербурга съ большимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ сызнова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія насчетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьѣ Карамзиной очень пріятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: Смирнова не бываетъ у К., ей не встащить брюхо на такую лѣстницу; ка-

жется, она уже на дачѣ; графиня Сологубъ тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у кн. В. — Волочиться я ни за кѣмъ не волочусь; у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни, что взялъ имѣніе; но что жь дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цѣлуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь посадилъ Наслѣдника подъ арестъ. Сюда ожидаютъ Прусскаго принца и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать да жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Ярополецъ, гдѣ ты должна быть съ третьягоднешняго дня. — Кланяюсь сердечно Натальѣ Ивановнѣ, цѣлую тебя и дѣтей. Христосъ съ вами. Знаешь ты, что кн. Мещ. и Sophie Karamsine ѣдутъ за границу? Sophie ужь плачетъ недѣли двѣ; вѣроятно, я довезу ее до Кронштадта.

[Адресъ: М. Г. Натальѣ Николаевнѣ Пушкиной, въ Волоколамскъ, въ село Ярополицъ. Штемпель: Спб. 14 мая].

---

456. **Н. В. Гоголю.** (Спб., послѣ 13 мая). — Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня же назидать Уварова, и кстати о смерти Телеграфа, поговорю и о вашей. Отъ сего незамѣтнымъ и искуснымъ образомъ перейду къ безсмертію, его ожидающему. Авось уладимъ.

---

457. **Н. Н. Пушкиной.** (Спб., 15 мая). — Мой ангелъ! поздравляю тебя съ Машинымъ рожденіемъ, цѣлую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того же и Сашѣ желаю, хоть онъ не именинникъ. Ты такъ давно, такъ давно ко мнѣ не писала, что не смотря на то, что безпокоиться по пустому я не люблю, но я безпокоюсь. Я долженъ былъ изъ Яропольца получить по крайней мѣрѣ два письма. Здорова ли ты и дѣти? спокойна ли ты? Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золъ — не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь — что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно,—тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая скверномъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было бы больно. Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ.

Вчера я былъ въ концертѣ, данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ жаль, что ты ея не видала! Пѣли новую музыку Вельгорскаго на слова Жуковскаго. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ ужь мѣсяцъ живу безъ тебя; дотяну до августа; а ты себя береги: боюсь твоихъ гуляній верхомъ. Я еще не знаю, какъ ты ѣздишь; вѣроятно—смѣло; да крѣпко ли на сѣдлѣ сидишь? вотъ запросъ. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя. — Благословляю всѣхъ васъ, дѣтушки.

[Прежній адресъ. Штемпель: Спб. 18 мая].

---

458. **Ей же.** (Спб., 16 мая). — Давно, мой ангелъ, не получалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ, видно, было некогда. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что, того и гляди, пріѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Спасскимъ о Пирмонтскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала, и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ дѣтей, которыхъ цѣлую и благословляю. Кланяюсь Натальѣ Ивановнѣ. — Тебя цѣлую. — На дняхъ получишь письма по оказіи. — Прощай, мой милый другъ.

16 мая.

[Тотъ же адресъ. Штемпель: Спб. 18 мая].

---

459. **А. Н. Мордвинову.** (Спб., 26 мая; черновое). — М. Г. Александръ Николаевичъ. Осмѣливаюсь безпокоить ваше пр-во покорнѣйшей просьбой о позволеніи мнѣ перепечатать въ одну книгу сочиненія мои въ прозѣ, донынѣ изданныя; также о позволеніи доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляръ всѣхъ моихъ сочиненій.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, м. г., вашего пр-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

26 мая 1834. С.ПБ.

---

460. **Н. Н. Пушкиной.** (Спб., въ концѣ мая).—Что это, жена? вотъ уже 5 дней, какъ я не имѣю о тебѣ извѣстія.

Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и пріѣзда однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать, и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Ярополецъ. Не знаю, куда отправить тебѣ деньги, въ Москву ли, въ Волоколамскъ ли, въ Калугу ли? На дняхъ на что-нибудь рѣшусь. Что тебѣ сказать о себѣ? жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобъ не встрѣтиться съ холостою шайкою. Вечеромъ бываю въ клобѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сологубъ. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она безпокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія. — Погода у насъ славная, а у васъ, вѣроятно, еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лекарство, на ванны и на чистый воздухъ.

Сейчасъ, мой ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь свои времяны. Это мнѣ, показываетъ твое благоразуміе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошѣешь хоть это du superflu. Сейчасъ (въ 5 час.) сидѣла у меня тетка, она тебя цѣлуетъ. — Лѣтній садъ полонъ. Всѣ гуляютъ. Гр. Фикельмонъ звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда. — За Сологубъ я не ухаживаю, вотъ-те Христосъ; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родитъ черезъ мѣсяцъ. — Всѣ тебѣ кланяются. Завтра еще буду писать. Не смѣй купаться — съ ума сошла, что ли? Послѣ завтра обѣдаю у Спасскаго и буду на тебя жаловаться. Я не поѣхалъ къ Фикельмону, а остался дома, перечелъ твое письмо, и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга Сергѣевна начинаетъ уже сердить. — Откажусь отъ всего — и стану жить припѣваючи.

---

461. **Ей же.** (Спб., 29 мая). — Благодарю тебя, мой ангелъ, за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальные прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло. Что́ ты путаешь, говоря: „о себѣ не пишу, потому что не интересно“. Лучше бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой забираешь въ голову всякой вздоръ — на смѣхъ всѣмъ честнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма. Ты спрашиваешь, что́ я дѣлаю. — Ничего путнаго, мой ангелъ. Однако дома сижу до 4-хъ час. и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака отвыкъ; въ клобѣ провожу вечера. Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя библіотека растетъ и тѣснится. Къ намъ въ Петербургъ пріѣхалъ ventriloque[1], который смѣшилъ меня до

слезъ; мнѣ, право, жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнять долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. — Вотъ тебѣ и мораль. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ? — идетъ помаленьку: скопляю матерьялы — привожу въ порядокъ — и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ. — Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзиныхъ, Жуковскаго, Вельгорскаго, Вяземскаго — всѣ тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ — для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дынями, съ земляникой, клубникой — такъ что боюсь поносомъ встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня ѣду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покамѣстъ прощай, мой другъ. — У меня желчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цѣлую васъ и благословляю.

P. S. Деньги шлю на имя Дмитрія Николаевича.

[Адресъ: въ Калугу, на Полотняные Заводы. Штемпель: Спб., 29 мая].

---

462. **Ей же.** (Спб., 3 іюня). — Что это, мой другъ, съ тобою дѣлается? вотъ ужь девятый день, какъ не имѣю отъ тебя извѣстія. Это меня по-неволѣ безпокоитъ. Положимъ: ты выѣзжала изъ Яропольца; все-таки, могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобою подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала ли ты желѣзная ванны? есть ли у Маши новые зубы, и каково перенесла она свои первые? У меня

отгадай, кто теперь остановился? — Сергѣй Николаевичъ, который пріѣхалъ было въ Царское Село къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шашки возобновились. Тетка уѣхала съ Натальей Кирилловной. — Я еще у ней не былъ. Долгорукая Малиновская выкинула, но кажется здорова. Сегодня обѣдаю у Вяземскаго, у котораго сынъ именинникъ; Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мещерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи, и раскаяваясь въ томъ, что оставляетъ Катерину Андреевну одну? Я провожалъ ихъ до пироскафа. Въ прошлое воскресеніе представлялся я Великой Княгинѣ. Я поѣхалъ къ Ея Высочеству на Каменный Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда над ваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою несчастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел. Кн. сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui parait. — Oui, Votre A. I., отвѣчалъ онъ ей, d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила. Смирнова на сносяхъ. Брюхо ея ужасно; не знаю, какъ она разрѣшится, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго году. Графиню Сологубъ встрѣтилъ я недавно. Она велѣла тебя поцѣловать, и тетка ея также. Я большею частію дома и въ клобѣ. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что разстроилъ себѣ желудокъ, и что желчь меня такъ и волнуетъ. Да отъ желчи здѣсь не убережешься. Новостей нѣтъ, да хоть бы и были, такъ не сказалъ бы. — Цѣлую всѣхъ васъ, Христосъ съ вами. Отецъ и мать на дняхъ ѣдутъ въ деревню, а я хлопочу. Левъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село, а Соболевскій въ Ораніенбаумъ. Видно, имъ обоимъ дѣлать нечего. Прощай, мой ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу, скрѣпя сердце.

3 іюня.

463. **Д. Н. Бантышъ-Каменскому.** (Спб., 3 іюня). — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Не знаю, какъ васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я вашу прекрасную статью о Панинѣ.

Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь ли вы участвовать въ его журналѣ, и на какихъ условіяхъ?

Вы, вѣроятно, изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о русскомъ Conversations-Lexicon. Великое множество біографическихъ статей, вами заготовленныхъ, могли бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете ли въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать меня въ свои повѣренные, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего прев. покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

3 іюня 1834. Спб.

---

464. **Н. Н. Пушкиной.** (Спб.). — 8 іюня. Милый мой ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя, и не смѣть даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ имъ можно поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я, изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за вѣсы, роскошную вывѣску моей скупости. Мнѣ прислала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно, она теперь въ хлопотахъ и приготовляетъ Наталью Кирилловну къ вѣсти о смерти кн. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣреніе, и умеръ въ Москвѣ. Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. Теребятъ меня безъ милосердія. Вѣроятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ, какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Машкѣ поста-

раемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вельгорскій ѣдетъ въ Италію, къ больной женѣ; Петербургъ пустъ, всѣ на дачахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клобѣ. Вотъ и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ клобѣ играть, но принужденъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня — а желчь не унимается. Цѣлую васъ и благословляю. Прощай. Жду отъ тебя письма объ Ярополицѣ. Но будь осторожна ... вѣроятно, и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность.

[Адресъ калужскій. Штемпель: Спб. 8 іюня].

---

465. **Ей же.** (Спб., 11 іюня). — Нашла, за что браниться!... за Лѣтній садъ и за Соболевскаго! Да вѣдь Лѣтній садъ — мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція — удрать къ тебѣ въ деревню. Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ, и вѣрно ужь моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома — такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще не былъ. Ѣду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne croyais pas, сказала она, que la mort de K. me fît tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ — онъ, а не Маша. Сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго Села, куда Левъ Серг. ходитъ пѣшечкомъ. Ужь какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ: Ольга Серг. и Левъ Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало! Меня же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты слади эту свадьбу, а я пріѣду въ отцы посаженые. Напиши мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Яропольцѣ, какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что

вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ Прусскаго принца. Вчера пріѣхалъ Озеровъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думалъ о тебѣ, и желалъ тебѣ воротиться изъ Завода такою же тетёхой. Полно тебѣ быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма, и помирился отъ души съ почтою и полиціей. Чортъ съ ними. Что дѣлаютъ дѣти? благословляю ихъ, а тебя цѣлую.

11 іюня.

---

466. **Ей же.** (Одновременно съ предыдущимъ). — Въ тотъ же день.—Сейчасъ отъ меня тетка. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня — тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское Село, въ домъ кн. Кочубея, съ Натальей Кирилловной, которая удивительно мила и добра; завтра ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она проситъ, чтобъ я тебя въ Калугу пустилъ; да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія. Ты на это молодецъ. Сейчасъ простился съ отцомъ и матерью. У него хандра и черныя мысли. Знаешь, что я думаю? не пріѣхать ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, женка, дѣла есть, потерпимъ еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду какъ снѣгъ на голову; если только пустятъ меня. Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во-первыхъ, вѣроятно откажутъ: а во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу. — Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ — быть подалѣ отъ Двора: въ немъ толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя вамъ всѣмъ наваливаться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ бы себѣ бариномъ. — Но вы, бабы, не понимаете счастія независимости, и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадяхъ, за дѣтьми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще: сестеръ поцѣлуй запросто, Дм. Ник. также — дѣтей за меня благослови. Цѣлую тебя. Ѣду на пироскафѣ провожать Вельгорскаго,

который, вѣроятно, жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I идетъ; того и гляди, напечатаю 1-ый томъ къ зимѣ. На того я пересталъ сердиться, потому что, toute réfléxion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ. А живя въ н.... кѣ, поневолѣ привыкнешь къ г ..., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ, что gentleman. Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!

---

467. **Ей же.** (Спб., 19 іюня). — Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались, и на меня насѣли. То — то, то — другое. Вотъ тебѣ письмо Спасскаго. Если ты здорова, на что тебѣ ванны? Тетку видѣлъ на дняхъ. Она ѣдетъ въ Царское Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ. — *П.* Цѣлую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

[Адресъ калужскій. Штемпель: Спб. 19 іюня].

---

468. **Ей же.** (Спб., 21 іюня). — „Ваше благородіе всегда понапрасну лаяться изволите“ (Недоросль).

Помилуй, за что, въ самомъ дѣлѣ, ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякой день; пиши, сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ которой письма приходятъ каждые десять дней. Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что расцѣловалъ бы тебя; а это—такое безалаберное, что за ухо бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся В. Кн., дежурная была не С., а моя прицепленая кузинка Чичерина, до которой я не охотникъ; да хоть бы и С. была въ караулѣ, такъ ужь если влюбляться ... — Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то бы я навралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, что я отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во лжи, какъ въ petite misère ouverte, доказывая, что я видѣлъ и того, и другого, слѣдственно въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ Англійскому клобу; а этимъ нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообразп: двоихъ. Какова бабёнка, и каковъ красноглазый кроликъ Смирновъ? Перваго ребенка такого сдѣлали, что не пролѣзъ, а теперь принуждены на двое раздѣлить. Сегодня, кажется, девятый день и — и, слышно, мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Катерину

Николаевну за Хлюстина, а Александру Николаевну за Убри; ничему не бывать: оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи, моя красавица. Хлюстинъ тебѣ вретъ, а ты ему вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ августѣ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ ботвиньи съ лукомъ? Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго, я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда бы отъ жизни удралъ, улизнулъ. Цѣлую тебя и дѣтей и благословляю васъ отъ души.—Ты, я думаю, такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже. — Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. На дняхъ ѣду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

[Адресъ калужскій. Штемпель: Спб. 21 іюня].

———

469. **Ей же.** (Спб., въ іюнѣ). — Мой ангелъ, сейчасъ послалъ я къ графу Литта извиненіе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по случаю болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь: онъ того стоитъ. Не знаю даже, удастся ли тебѣ когда-нибудь его видѣть. Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ? мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться мнѣ богатымъ · а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. Петербургъ ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ живетъ на Петергофской дорогѣ. На Черной рѣчкѣ только Бобринская, да Фикельмонъ. Принимаютъ — а никто не ѣдетъ. Будутъ большіе праздники послѣ Петергофа. Но я ужь никуда не поѣду. Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно ли будетъ его заложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужь крови, что всѣ піявки дома нашего ее мнѣ не высосутъ. — Кстати о домѣ нашемъ:

надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ побранился, и вотъ почему. На дняхъ возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А я ему уже нѣсколько разъ говорилъ: прежде моего пріѣзда не запирать — разсердясь на него, далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери запирать съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибить къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича, о сдачѣ квартиры — а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Война же съ дворникомъ не прекращается, и вчера еще съ нимъ повозился. Мнѣ его жаль, но дѣлать нечего; я упрямъ, и хочу переспорить весь домъ — включая тутъ и піявокъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ, въ отношеніи денежномъ. Были деньги и — проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ-нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня во-свояси. Письмо твое не передо мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить — но до другого дня. — Пока прощай. — Цѣлую тебя и дѣтей, благословляю всѣхъ троихъ. Прощай, душа моя — кланяйся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Никол. на дняхъ въ офицеры произведенъ, и хлопочетъ о мундирѣ. — *А. П*

---

470. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 25 іюня). — M. le Comte. Des affaires de famille nécessitant ma présence tantôt à Moscou, tantôt dans l'intérieur, je me vois obligé de me retirer du service, et je suplie Votre Excellence de m'en obtenir la permission.

Je demanderais comme la dernière grâce que l'autorisation que Sa Majesté a daigné m'accorder, celle de visiter les archives, ne me fut point retirée.

Je suis avec respect, M. le Comte, de V. Ex. le très humble et très obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

15 Juin.
S. Pétersbourg.

---

471. **Н. Н. Пушкиной.** (Спб., 30 іюня). — Твоя Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу Шишкову въ Академію, и то не для свадьбы, а для жетоновъ, pour [pas?] autrement. Исторія же о княж-

нахъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшного. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя, въ жизни моей утѣшенія нѣтъ — и жить съ тобою въ разлукѣ такъ же глупо, какъ и тяжело. Но что жь дѣлать? Послѣ завтраго начну печатать Пугачева, который до сихъ поръ лежитъ у Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ. — Въ августѣ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева, вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно побранился, и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно, если пріѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодецъ. — Исторія о томъ, какъ Иванъ Николаевичъ побранился съ Юрьевымъ, и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ разсказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обѣщаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволилъ, но все-таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться.— Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не бѣда: мальчикъ привыкнетъ къ вину и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не то я пріѣду—и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ — тебя цѣлую въ особенности.

30 іюня.

Пожалуйста, не требуй отъ меня нѣжныхъ любовныхъ писемъ. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе — охлаждаетъ меня, и я поневолѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ.

[Адресъ калужскій. Штемпель: Спб. 2 іюля[.

---

472. **М. Л. Яковлеву.** (Спб., 3 іюля). — М. Г. Михайло Лукьяновичъ. Вслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ Исторія Пугачевскаго Бунта, и по личному моему съ вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

1-е. Желаю я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого же формата, какъ Сводъ Законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

3 іюля 1834. Спб.

---

473. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 3 іюля). — Monsieur le Comte! Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneu de m'adresser à Votre Excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette démarche étant inconvenante, je Vous suplie, Monsieur le Comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent que d'être ingrat.

Cependant un congé de quelques mois me serait indispensable. Je suis avec respect, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine*.

3 Juillet. 1844.

---

474. **В. А. Жуковскому.** (Спб., 4 іюля). — Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, ma démarche êtant inconsidérée, и сказалъ, que j'aimais mieux avoir l'air inconséquent qu'ingrat. Но вслѣдъ затѣмъ получилъ официальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое не весело; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять это все гр. Бенкендорфу мнѣ не достало духа — отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочемъ, я ужь вѣрно не имѣлъ намѣренія произвести что́ вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужь и такъ много сдѣлалъ для меня. Сейчасъ отъ меня Лизавета Михайловна. Она привезла еще мнѣ два твои письма. Это меня, конечно, трогаетъ. Но что жь мнѣ дѣлать? Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

---

475. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 4 іюля). — М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо Вашего Сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

4 іюля 1834. Спб.

---

476. **В. А. Жуковскому.** (Спб., 6 іюля). — Я, право самъ не понимаю, что со мною дѣлается. Идти въ отставку когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе — какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ, я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь — отчего письма мои сухи? Да зачѣмъ же имъ быть сопливыми? Въ глубинѣ сердца моего чувствую себя правымъ передъ государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ; но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе. Что мнѣ дѣлать? просить прощенія? да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь, и объясню ему, что у меня на сердцѣ. Не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

---

477. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 6 іюля). — Monsieur le Comte. Permettez-moi de Vous parler à coeur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvénient d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seule pensée; c'est avec une douleur profonde que je la vois si cruellement interprêtée. L'Empereur m'a comblé de grâces, dès le premier moment que Sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion: tant il y a mis de loyauté et de générosité. Il a toujours été

pour moi une providence, et si dans le cours de ces huit ans il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, un sentiment d'aigreur ne s'est mêlé à ceux que je lui ai voués. Et dans ce moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout puissant qui me remplit de douleur — c'est celle de laisser dans son ésprit une impression que, par honneur, je n'ai pas méritée.

Je réitère, Monsieur le Comte, ma très-humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si étourdiment.

C'est en me recommandant à Votre puissante protection, que j'ose Vous présenter l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur — *Alexandre Pouchkine.*

6 Juillet. St. P. 1834.

---

478. **М. Н. Загоскину.** (Спб., 9 іюля). — М. Г. Михаилъ Николаевичъ! Выизволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное ваше твореніе, и не слыхали отъ меня спасибо.[1] Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій, который ѣдетъ въ Москву каждый день, и уже седьмой мѣсяцъ, какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ, очень замѣчательное лицо (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленія пополамъ съ дирекціей (издержки спектакля на ея счетъ) и бенефисъ. Удостойте меня вашимъ отвѣтомъ и потѣшьте матушку-Москву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, М. Г., вашего превосходительства покорнѣйшій слуга *А. Пушкинъ.*

9 іюля 1834.

[Свѣрено съ подлинникомъ].

---

479. **Н. Н. Пушкиной.** (Спб., 11 іюля). — Ты, женка моя, презалаберная [вычеркнуто] пребезалаберная (насилу слово написалъ). То сердишься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то, что я къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ, и увидишь, что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу ко-

ротко и холодно по обстоятельствамъ, тебѣ извѣстнымъ, не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо я печатаю Пугачева, и закладываю имѣнія, и вожусь, и хлопочу — и письмо твое меня огорчило, а между тѣмъ и порадовало: если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка. За что цѣлую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ, какъ читаю корректуру, — какъ тороплю Яковлева! Только бы въ августѣ быть у тебя. Теперь разскажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельмонъ. Надо тебѣ знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ какъ въ клобѣ нигдѣ не бываю. Вотъ вчерась, какъ я вошелъ въ освѣщенную залу, съ нарядными дамами, то я смутился какъ нѣмецкій профессоръ; насилу хозяйку нашелъ, насилу слово вымолвилъ. Потомъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ я, что народу не такъ-то много, и что балъ это за-просто, а не раутъ. Незнакомыхъ дамъ—нѣсколько прусачекъ (наши лучше, не говоря уже о тебѣ), а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянные. Вотъ, наѣлся я мороженаго, и пріѣхалъ себѣ домой — въ часъ. Кажется, не за что меня бранить. О тебѣ въ свѣтѣ много спрашиваютъ и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхало плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъа ай да баба! — а у меня сердце радуется. Тетка заѣзжала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мною въ каретѣ; я ей жаловался на свое житьё-бытьё; а она меня утѣшала. На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ тѣмъ чуть было не побранился — и трухнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть онъ и не правъ. Сегодня былъ на дачѣ у Плетнева: у него дочь именинница. Только вмѣсто его нашелъ я кривую кузину — и ничего. А онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ — Вел. Княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай, женка — спать хочу. Цѣлую тебя и васъ — и всѣхъ благословляю. — Христосъ съ вами.

11 іюля.

---

480. **П. А. Осиповой.** (Спб., 23 іюня — 13 іюля). — Je vous remercie de tout mon cœur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même interêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais hônnete homme et, pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky, vu que je connais le premier et

que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien, qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complète; je veux seulement n'être pas volé et payer les interêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pas pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne serait que pour Olga et Léon qui pour perspective ont la mendicité, ou tout au moins la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misére. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez presenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remercîments et l'expression de mon respect et de mon inaltérable amitié.—

29 Juin. Spb. *A. P.*

13 Juillet. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines; je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arrêteront encore quelque temps à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte.

---

481. **Н. Н. Пушкиной.** (Спб., 13 іюля). — Ты хочешь непремѣнно знать, скоро ли я буду у твоихъ ногъ? Изволь, моя красавица: я закладываю имѣніе отца; это кончено будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяцъ. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тутъ ужь я къ тебѣ и явлюсь, и обниму тебя, и дѣтей разцѣлую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ пріѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ бы Богу свѣчку поставилъ; радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Дай, сдѣлаю деньги, — не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости. — А о какомъ сосѣдѣ пишешь

мнѣ лукавыя письма? кѣмъ это меня ты стращаешь? отселѣ вижу, что̀ такое. Человѣкъ лѣтъ 36; отставной военный, или служащій по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ, и ѣдетъ ихъ перезакладывать — по случаю неурожая — а наканунѣ отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ ли? А ты, бабёнка, за неимѣніемъ того и другого, избираешь въ обожатели и его: дѣльно. Да какъ балы тебѣ не пріѣлись, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ? Удивительно! — Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что̀ ты будешь дѣлать, и что̀ скажутъ Машка, а въ особенности Сашка? Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. — Поцѣлуй дѣтей и благослови ихъ за меня. — Прощай, цѣлую тебя. — *А. П.*

[Адресъ калужскій. Штемпель: Спб. 14 іюля].

---

482. **Ей же.** (Спб., 14 іюля). — Всѣ вы, дамы, на одинъ покрой. Куда какъ интересны похожденія дурачка Д. и его семейственныя ссоры! А ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и раскокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ поцарствуешь! — Впрочемъ, женка, я тебя за то не браню. Все это въ порядкѣ вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. — Цѣлую тебя отъ сердца — теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обѣихъ ли ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, женка! смотри ... Мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣстъ малы; родители, когда ужь престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ, объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождались. Надѣюсь, что ты передо мною чиста и права, и что

мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ кажется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться — радуюсь; онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора, и кровь кинулась въ голову; слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Николаевичъ ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ останусь. У насъ третій день какъ жары— и мы не знаемъ, что дѣлать. Сплю и вижу, чтобы изъ Петербурга убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну — и займусь своими дѣлами. Левъ Серг. очень себя дурно ведетъ. Ни копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, мужику 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что ужь они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты. Тетка въ Царскомъ Селѣ. Я все къ ней сбираюсь, да не соберусь. — Прощай. Обнимаю тебя — дѣтей благословляю— тебя также. Всякій ли ты день молишься, стоя въ углу?

14 іюля.

[Адресъ калужскій. Штемпель: Спб. 16 іюля].

---

483. **Ей же.** (Спб., 26 іюля). — Наташа, мой ангелъ, знаешь ли что? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня ѣдетъ въ чужіе края, дочь ея больна не на шутку: боятся чахотки. Дай Богъ, чтобъ югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальяни, est un animal naturellement faible & malade. Какія же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа проситъ, да мошна не велитъ. Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни, — Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу — и сломя голову къ тебѣ прискачу. Сейчасъ приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ. Слышишь ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратися съ добычею. — Въ

свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня внишетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (animal naturellement faible & malade). Цѣлую Машу и заочно смѣюся ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нея покамѣстъ ума не требую, а требую здоровья. Довольна ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ и подпишу: печатать, — такъ и пущусь къ тебѣ, а покамѣстъ буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на маневрахъ. Знай нашихъ. Цѣлую тебя и ихъ. Господь васъ благослови.

[Адресъ калужскій. Штемпель: Спб. 30 іюля].

---

484. **Ей же.** (Спб., 30 іюля). — Что это значитъ, жена? Вотъ ужь болѣе недѣли, какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что ты? въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что такъ могло тебя занять и развлечь? какіе балы? какія побѣды? ужь не больна ли ты? Христосъ съ тобою. Или, просто, хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ пріѣхать? Пожалуйста, женка—брось эти военныя хитрости, которыя не въ шутку мучатъ меня за тысячу верстъ отъ тебя. Я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы не заставь меня все бросить, и потомъ охать цѣлый годъ, если не два и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро — до 4 часовъ — никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильярдѣ въ клубѣ — возвращаюсь домой рано, надѣясь найти отъ тебя письмо — и всякій день обманываюсь. Тоска, тоска! —

Съ кн. Вяземскимъ я уже условился. Беру его квартиру. Къ 10 августу припасу ему 2,500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать недолго.

Прощай — будьте всѣ здоровы. Цѣлую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

[Адресъ калужскій. Штемпель: Спб. 30 іюля].

---

485. **Ей же.** (Спб., 3 августа). — Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноватъ, я или

почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться въ скверный уѣздный городишко, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернію губернскій фейворокъ — когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ, и никакимъ фейворокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по-Калугамъ не разъѣзжать, да видно, ужь у тебя такая натура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ — но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цѣлую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься, на колѣняхъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь, и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня, такъ и для насъ. Ты ждешь меня въ началѣ августа. Вотъ, нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ. Надо будетъ мнѣ переѣхать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься въ дорогу. Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ именинамъ, я и тѣмъ былъ бы счастливъ.

Вяземскіе здѣсь. Бѣдная Полина очень слаба и блѣдна. Отца жалко смотрѣть. Такъ онъ убитъ. Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ, чтобъ климатъ ей помогъ. Marie похорошѣла, и въ бѣдной и загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремитъ еще молва, послѣ минутнаго твоего появленія. Нашли, что ты похудѣла. Я привезу тебя тетёхой, по твоему обѣщанію: смотри жь! не поставь меня въ лгуны. На дняхъ встрѣтилъ я m-me Жоржъ. Она остановилась со мною на улицѣ, и спрашивала о твоемъ здоровьи; я сказалъ, что на дняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала присѣдать, повторяя: Ахъ, Monsi, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того что ты выкинула. Надѣюсь, однако, что ты отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаетъ оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кирилловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердится на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, зачѣмъ онъ

умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolées. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь, Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. Serge въ лагерѣ. Брата Ивана не вижу. Прощай, Христосъ съ вами. Цѣлую васъ, тебя въ особенности. Принесли корректуру.

3 августа.

---

486. **М. Л. Яковлеву.** (Спб., въ половинѣ августа). Вотъ 18-й листъ. — Справлялся я въ другихъ спискахъ, и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія (ты правъ, любимецъ музъ!) должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его. — № 14.

---

487. **Н. И. Гончаровой.** (Полотняные Заводы, передъ 26 августа). — М. Г. матушка Наталья Ивановна! Какъ я жалѣю, что на пути моемъ изъ Петербурга не заѣхалъ я въ Ярополецъ: я бы имѣлъ и счастіе съ вами свидѣться, и сократилъ бы нѣсколькими верстами дорогу, и миновалъ бы Москву, которую не очень люблю, и въ которой провелъ нѣсколько лишнихъ часовъ. Теперь я въ Заводахъ, гдѣ нашелъ всѣхъ моихъ, кромѣ Саши, здоровыхъ; я оставлю ихъ еще на нѣсколько недѣль и ѣду по дѣламъ отца въ его нижегородскую деревню, а жену отправляю къ вамъ, куда и самъ явлюсь какъ можно скорѣе. Жена хандритъ, что не съ вами проведетъ день вашихъ общихъ именинъ. Какъ быть! И мнѣ жаль, да дѣлать нечего. Покамѣстъ поздравляю васъ со днемъ 26 августа и сердечно благодарю васъ за 27-е. Жена моя—прелесть, и чѣмъ долѣ я съ ней живу, тѣмъ болѣе люблю это милое, чистое, доброе созданіе, котораго я ничѣмъ не заслужилъ передъ Богомъ. Въ Петербургѣ видался я часто съ братомъ Ив. Ник., а Серг. Ник. и жилъ у меня почти до моего отъѣзда. Онъ теперь въ хлопотахъ обзаведенія. Оба, слава Богу, здоровы. Цѣлую ручки ваши и поручаю себя и всю семью мою вашему благорасположенію. — *А. Пушкинъ.*

---

488. **Н. Н. Пушкиной.** (Болдино, 15 и 17 сентября). — 15 сент. Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота; итакъ, это письмо не скоро до тебя доберется. Я пріѣхалъ третьяго дня, въ четвергъ, поутру — вотъ какъ тихо ѣздятъ по губернскимъ трактамъ а я еще плотилъ

почти вездѣ двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты подъ государя, который долженъ изъ Москвы проѣхать въ Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ: c'est une très aimable attention, однако я еще писать не принимался, и въ первый разъ беру перо, чтобъ съ тобою побесѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, менѣе будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что-нибудь мнѣ бы очень хотѣлось; не знаю, придетъ ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины-маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и, вѣроятно, купитъ полъ-Болдина. Охъ, кабы у меня было 100,000! какъ бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичекъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну, нечего дѣлать: буду живъ, будутъ и деньги ... Вотъ, ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ — прощай.

Ухъ, насилу отвязался! Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили — дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я перехитрилъ. Вижу отселѣ твою недовѣрчивую улыбку: ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетутъ, — увидимъ. Пріѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и пріѣду въ Петербургъ молодцомъ и обладателемъ села Болдина — —

Сейчасъ у меня были мужики, съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить, — но эти навѣрное меня перехитрятъ. Хотя я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ какъ читаю Conquête de l'Angleterre par les Normands. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать.

Ну, женка, умора. Солдатка проситъ, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его-де записали въ в.....ки, а она-де родила его только 13 мѣсяцевъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой же онъ в.....къ? Я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ и, вѣроятно, ужь думаешь объ отъѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино. — Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно; а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цѣлую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

———

489. **Ей же.** (Болдино, 25 сентября).—Вотъ ужь скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой ангелъ. Стихи въ голову нейдутъ, и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю. Здоровъ ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отдѣлалась ли отъ проклятой нѣмки? Какова доѣхала? Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно, нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нѣтъ, — такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дня три, у Нат. Ив. (въ Ярополькѣ) сутки — и пріѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: неужто близь тебя не распишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да, видно, не дождусь. — Скажи пожалуйста, брюхата ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула, и что тебѣ надобно себя беречь. — Охъ, кабы ты ужь была въ Петербургѣ! Но по всѣмъ моимъ разсчетамъ, ты прежде 3-го октября не доѣдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амельяна, съ твоими дурами няньками и неряхами дѣвушками (не во гнѣвъ буди сказано Пелагеѣ Ивановнѣ, которую заочно цѣлую). У тебя, чай, голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь — видно, что мнѣ надобно спѣшить. — Прощай, Христосъ васъ храни. Цѣлую тебя крѣпко — будьте здоровы.

[Адресъ: въ С. Петербургѣ, на Дворцовой Набережной, у Прачешнаго моста, въ домѣ Баташева. — Штемпель: станція Абрамов, 26-го сентября].

---

490. **Н. М. Языкову.** (Болдино, 26 сентября).—Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича, который, къ сожалѣнію, пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнитъ онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково, быть свидѣтелемъ его свободы, обѣщаясь употребить меня съ пользою, — но мнѣ невозможно: жена и дѣти.

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили, что весьма не худо было бы мнѣ приняться за альманахъ, или паче за журналъ; я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? сами видите: щелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей-ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправляюсь въ Петербургъ. Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки, адресуйте ихъ на Дворцовую набережную,

въ домъ Баташева, у Прачешнаго моста. Ал. Мих. изволитъ спѣшитъ,—и я кончаю письмо мое, поручая себя вашей благосклонности. Вашъ богомолецъ *А. Пушкинъ*.

---

491. **М. Л. Яковлеву.** (Спб., 19 октября). — Вѣдь у гебя празднуемъ мы годовщину? Не правда ли? — № 14.

19 окт.

---

492. **А. А. Фуксъ.** (Спб., 19 октября).—Вчера, возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ими ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы.[1] Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ, да еще въ какой!... право, совѣстно, — особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ, вѣроятно потому, что барона Люцероде я уже не засталъ въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрезденъ. Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить.

Потрудитесь, м. г-ня, засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Ѳедоровичу, коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною признательностію честь имѣю быть и проч.

19 октября 1834 г. С.-Петербургъ.

---

493. **І. М. Пеньковскому.** (Спб., 10 ноября). — Получилъ я ваше письмо отъ 30 октября и спѣшу вамъ отвѣчать. Долгъ мой въ Опекунскій Совѣтъ я заплачу самъ,

а изъ доходовъ Болдина не должно тратить ни копѣйки Что касается до 1270, требуемыхъ за просрочку батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите. — Довѣренность посылаю къ вамъ на слѣдующей почтѣ. Вы хорошо сдѣлали, что до сихъ поръ не приступили къ продажѣ хлѣба. Невозможно, чтобы цѣны не возвысились. Къ счастью, могу еще подождать. — *А. П.*

10 ноября.

[Адресъ: „Въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ., въ село Абрамово — оттолѣ въ село Болдино, его благородію Осипу Матвѣевичу Пеньковскому". — Штемпель: Спб. 12 ноября 1834].

———

494. **Довѣренность ему же.** (20 ноября). —

Милостивый государь мой, Осипъ Матвѣевичъ! По довѣренности отца моего, статскаго совѣтника Сергѣя Львовича Пушкина, имѣю я въ своемъ вѣдѣніи въ Нижегородской губерніи въ селѣ Болдинѣ по 4-й ревизіи 563 души, а въ сельцѣ Кистеневкѣ въ Сергачевскомъ уѣздѣ 220 душъ, собственно мнѣ принадлежащихъ. По случаю пребыванія моего въ С.-Петербургѣ, прошу васъ оное имѣніе принять въ полное ваше распоряженіе и управленіе, и буде случатся по оному дѣла, то слѣдующія прошенія, объявленія и всякаго роду бумаги отъ имени моего, за вашимъ рукоприкладствомъ, во всѣ присутственныя мѣста, также и частнымъ лицамъ, подавать. По тѣмъ дѣламъ выписки, экстракты и рѣшенія выслушивать, удовольствіе или неудовольствіе подписывать, на апелляціи въ высшія присутственныя мѣста, со взносомъ апелляціонныхъ денегъ, подавать, крестьянъ отъ обидъ и притѣсненій защищать, для работъ и промысловъ, по вашему разсужденію, отпускать съ законными видами, также и дворовыхъ отпускать по паспортамъ, съ наложеніемъ оброка.

При томъ имѣете вы наблюдать, тобы казенныя повинности и подати были въ свое время сполна уплочены; положенный же съ оброчныхъ крестьянъ оброкъ получать безъ недоимокъ и ко мнѣ высылать; буде окажутся дурнаго поведенія и вредные вотчинѣ крестьяне и дворовые люди, таковыхъ отдавать во всякое время въ зачетъ будущаго рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать безъ зачету, предварительно меня о томъ увѣдомивъ. Словомъ, прошу васъ въ ономъ имѣніи распоряжаться, какъ бы я самъ, высылая доходы на мое имя; что же вы къ приращенію доходовъ и къ улучшенію имѣнія учините, впередъ во всемъ вамъ вѣрю и впредь спорить и прекословить не буду.

Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ. 20 ноября 1834 года.

Сія довѣренность принадлежитъ Бѣлорусскому дворянину Осипу Матвѣевичу Пеньковскому.

[Явлена 22 ноября въ 1-мъ Деп. Спб. Палаты гражд. суда и записана по 13-й книгѣ № 346].

———

495. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 23 ноября). — М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Исторія Пугачевскаго Бунта отпечатана, и для выпуска оной въ свѣтъ ожидалъ я разрѣшенія В. С-ва; между тѣмъ позвольте обезпокоить Васъ еще одною покорнѣйшею просьбою: я желалъ бы имѣть счастіе представить первый экземпляръ

книги Государю Императору, присовокупивъ къ ней нѣкоторыя замѣчанія, которыхъ не рѣшился я напечатать, но которыя могутъ быть любопытны для Е. В-ва. Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ В. С-ву для полученія на то позволенія.

Книгопродавецъ Смирдинъ хочетъ издать въ одну книгу мои уже напечатанные стихи; я осмѣлился ихъ препроводить въ Канцелярію Его Пр-ва А. Н. Мордвинова, по предписанному предъ симъ порядку.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностію и благодарностію честь имѣю быть, М. Г., В. С-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

23 ноября 1834.
С.П.Б.

[На письмѣ помѣта: „Доложено Государю 2-го Декабря 1834 г."]

---

496. **П. В. Нащокину.** (Спб., въ декабрѣ). — Не можешь вообразить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо; но прежде него поговоримъ о дѣлѣ. Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, немедленно тебѣ доставитъ 2,000 р. Слѣдственно будь покоенъ. Я бы нашелъ много, что тебѣ сказать въ извиненіе моей несостоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя; а дай Богъ, чтобъ запоздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной, желаю роженицѣ здоровья. (Ты не пишешь, когда она родила). Все лѣто рыскалъ я по Россіи— и нигдѣ тебя не заставалъ: изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлю; въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобой увидѣться! Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь, почаще: на Дворцовую набережную, въ домъ Баташова у Прачешнаго моста (гдѣ жилъ Вяземскій), а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затериваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видалъ ли ты лошадей, выгруженныхъ на петер-

бургской биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то ли и съ тобою? О себѣ говорить я не хочу, потому что не намѣренъ въ наперсники брать московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ всего сердца. Цѣлую ручку у твоей роженицы.

---

497. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 17 декабря).— Monsieur le Comte. Je suis au désespoir d'importuner de nouveau Votre Excellence, mais M. Speransky vient de me faire dire que l'histoire de la révolte de Pougatchef ayant été dans sa section par ordre da Sa Majesté l'Empereur, il lui est impossible de livrer l'édition безъ Высочайшаго на то соизволенія. Je supplie Votre Excellence de me pardonner et de me tirer d'embarras.

Je suis avec respect le plus profond, M. le Comte, de V. E. le très humble et très obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

17 Decembre 1834.

1835.

498. **П. В. Нащокину.** (Спб. 20 января). — Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, 1500 рублей, а остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ заимообразно молодой человѣкъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболѣзнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно, ты извинишь меня великодушно. Однако, пожалуйста, пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-me Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-me Нащокинъ est brune et qu'elle a un beau teint, то выбрала она для нея шляпу такого-то цвѣта, а не другого. Впрочемъ, это дѣло дамское.

Ты видѣлъ, вѣроятно, Пугачева, и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ—оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату. Теперь, об-

нявъ тебя отъ всего сердца и поцѣловавъ ручку Вѣры Александровны, отправляюсь на почту.

20 января 1835. Спб.

499. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб. 26 января). — М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Честь имѣю препроводить къ В. С-ву нѣкоторыя замѣчанія, которыя не могли войти въ Исторію Пугачевскаго Бунта, но которыя могутъ быть любопытны. Я просилъ о дозволеніи представить оныя Государю Императору и имѣлъ счастіе получить на то Высочайшее соизволеніе.

При семъ осмѣливаюсь просить В. С-во о испрошеніи важной для меня милости: о Высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ Архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то, по крайней мѣрѣ, для успокоенія исторической моей совѣсти.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, М. Г., С-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

26 янв. 1835. С.П.Б.

[На письмѣ надпись карандашомъ: „Государь принялъ и велѣлъ его благодарить. Позволяетъ Пушкину читать все дѣло, и просить сдѣлать выписку для Государя; дать знать, гдѣ слѣдуетъ, должно быть М. Юстиціи". — 31-го января Н. Журавлевъ увѣдомилъ, что дѣло хранится въ сенатскомъ архивѣ. 2-го февраля Бенкендорфъ сообщилъ Мин. Юстиціи о дозволеніи Пушкину тамъ заниматься. 6-го февраля М. Ю. увѣдомилъ, что сообщилъ о томъ оберъ-прокурорамъ кн. Лобанову-Ростовскому и Морозу и Сенатору Маврину, а 21-го февраля дополнилъ, что, по всеподданнѣйшей запискѣ, статсъ-секретарь Танѣевъ увѣдомилъ его, что дѣло въ 8 запечатанныхъ пакетахъ должно быть передано въ Гос. Архивъ, о чемъ приказано увѣдомить вице-канцлера и допустить Пушкина].

---

500. **Д. Н. Бантышъ-Каменскому.** (Спб., 26 января). — М. Г. Дмитрій Николаевичъ. Съ благодарностію отсылаю къ вамъ статьи, коими, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разскащика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны — научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: на стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50 — Изъ примѣчанія въ пятой главѣ (92) вмѣсто Тобольскъ — Табинскъ,

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и благодарностію честь имѣю быть, м. г., вашего превосх-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

26 января 1835. Спб.

[Адресъ: Его Прев., м. г., Дмитрію Николаевичу Бантышу-Каменскому, въ Москвѣ, въ книжную лавку Ширяева].

---

501. **И. И. Дмитріеву.** (Спб., 14 февраля). — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы съ моей стороны не только скупостію, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.

Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ, и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимаетъ ли васъ участь нашей Академіи, которая недавно лишилась свего секретаря, умершаго на щитѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Неизвѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ: но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современникъ нашъ [гр. Хвостовъ), о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ Андрею Никол. Карамзину, слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а Академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще нераспроданныя, и раздаетъ ихъ въ Академіи своимъ сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

14 февраля 1835. Спб.

---

502. **Д. Н. Бантышъ-Каменскому.** (Спб., 2 апрѣля). — М. Г. Дмитрій Николаевичъ. Съ крайней досадою узналъ я, что давно уже отосланныя ваши бумаги все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю, получили ли вы Исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ вашими бумагами тому безпечному комиссіонеру.

Поручая себя вашей благосклонности, съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть, м. г. вашего прев-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ*.

2 апрѣля 1835.

[Адресъ: Его Прев., м. г., Дмитрію Николаевичу Б.-Каменскому.

---

503. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 11 апрѣля). — М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Пользуясь драгоцѣннымъ своимъ правомъ, имѣю счастіе повергнуть на разсмотрѣніе Е. В-ва сочиненіе, которое весьма желалъ бы я напечатать, по причинамъ, объясненнымъ въ предисловіи.

Ободренный вниманіемъ, коего Вы всегда изволили меня удостоивать, осмѣливаюсь просить В. С-во о дозволеніи объяснить Вамъ лично обстоятельство, собственно до меня касающееся.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть, М. Г., В. С-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

11 апрѣля 1835
С.П.Б.

---

504. **Л. С. Пушкину.** (Спб. 24 апрѣля). — J'ai tardé à vous répondre, parce que je n'avais pas grand'chose à vous dire. Depuis que j'ai eu la faiblesse de prendre en main les affaires de mon père, je n'ai pas touché 500 r. de revenus; et quant à l'emprunt de 13000, il est déjà dépensé. Voici le compte qui vous regarde.

à Engelhardt	1330	
à la restauration	260	
à Dumé	220	(pour de vin).
à Pavlichtchef	837	
à tailleur	290	
à Plechtcheef	1500	
Depuis vous avez reçu:		
en assignats	280	
en or	950	
Août 1834	5767	

Votre lettre de change 10000 a été rachetée ... Outre le loger, la table et le tailleur qui ne vous ont rien coutés, vous avez donc reçu 1230 r. Comme ma mère a été très mal, je garde encore les affaires malgré mille dégouts. Je tâcherai alors de vous faire avoir votre part des terres et des paysans. Il est probable qu'alors vous vous occuperez de vos affaires et que vous perdrez de votre indolence et de la facilité avec laquelle vous vous laissez aller à vivre au jour la journée. Je n'ai pas payé vos petites dettes de jeu, car je ne suis pas allé chercher vos compagnons — c'était à eux qu'il fallait m'adresser.

[На оборотѣ: Его благор. м. г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ. — Штемпель: Спб. 24-го апрѣля].

---

505. **И. И. Дмитріеву.** (Спб., 26 апрѣля). — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и подѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ Академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ-Лобановъ и Аяксъ-Ѳедоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мѣрѣ, издателю Нестора). Вы пророкъ въ отечествіи своемъ.

На Академіи наши нашелъ черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ Академіи Наукъ явился вице-президентомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, фокусникъ, а Фуссъ его паясъ. Кто-то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой; одинъ кувыркается на канатѣ, а другой подъ нимъ на полу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

26 апрѣля 1835. Спб.

506. **І. М. Пеньковскому.** (Спб. 1 мая). — Всѣ ваши распоряженія и предположенія одобряю въ полной мѣрѣ. Въ іюнѣ думаю быть у васъ. Дѣла мои въ П.Б. приняли было худой оборотъ, но надѣюсь ихъ поправить. По условію съ батюшкой, доходы съ Кистенева отнынѣ опредѣлены исключительно на брата Льва Сергѣевича и на сестру Ольгу Сергѣевну. Слѣдственно, всѣ доходы съ моей земли отправлять, куда потребуетъ сестра или мужъ ея Ник. Ив. Павлищевъ; а доходы съ другой половины (кромѣ процентовъ, слѣдующихъ въ ломбардъ) отправлять ко Л. С., куда онъ прикажетъ. Болдино останется для батюшки. — На дняхъ буду писать вамъ обстоятельнѣе. *А. Пушкинъ.*

1 мая.

[Адресъ прежній: „Въ Нижег..... въ с. Болдино, управителю г-ну Пеньковскому." — Штемпель: Спб. 3 маія 1835].

---

507. **Л. С. Пушкину.** (Спб., 2 мая). — Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева. Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго дохода около 2000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2000 р. не много, но все же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить. — *А. П.*

2 мая.

[Адресъ: Его благор. м. г. Льву Сергѣевичу Пушкину въ Тифлисъ. На почтовомъ штемпелѣ: Спб. 3 мая 1835].

---

508. **Н. И. Павлищеву.** (Спб., 2 мая). — М. Г. Николай Ивановичъ! Я вамъ долго не отвѣчалъ, потому что ничего утвердительнаго не могъ написать. Отвѣчаю сегодня на оба ваши письма: вы правы почти во всемъ, а въ чемъ не правы, о томъ нечего толковать. Поговоримъ о дѣлѣ. Вы требуете сестрину законную часть: вы знаете наши семейственныя обстоятельства; вы знаете, какъ трудно у насъ приступать къ чему-нибудь дѣльному, или дѣловому; отложимъ это до другого времени. Вотъ распоряженія, которыя на дняхъ предложилъ я батюшкѣ, и на которыя онъ, слава Богу, согласенъ. Онъ Льву Сергѣевичу отдаетъ половину Кистенева, свою половину уступаю сестрѣ (т. е. доходы), съ тѣмъ, чтобъ она получала доходы и платила проценты въ ломбардъ. Я писалъ о томъ уже управителю. Батюшкѣ остается Болдино. Съ моей стороны это, конечно, не пожер-

твованіе, ни одолженіе, а разсчетъ для будущаго. У меня у самого семейство, и дѣла мои не въ хорошемъ состояніи. Думаю оставить Петербургъ и уѣхать въ деревню, если только этимъ не навлеку на себя неудовольствія.

За фермуаръ и за булавку даютъ 850 рублей. Какъ прикажете? ... не худо было бы вамъ пріѣхать въ Петербургъ, но объ этомъ успѣемъ списаться.

Я до сихъ поръ еще управляю имѣніемъ, но думаю къ іюлю сдать его. Матушкѣ легче, но ей совсѣмъ не такъ хорошо, какъ она думаетъ; лекаря не надѣются на совершенное выздоровленіе.

Сердечно кланяюсь вамъ и сестрѣ. *А. Пушкинъ.*

2 мая 1835 года.

---

509. **М. П. Погодину.** (Черновое. Спб., май). — Сейчасъ получилъ я послѣднюю книжку Библіотеки для Чтенія, и увидѣлъ тамъ какую-то повѣсть съ надписью Бѣлкинъ, и встрѣтилъ ваше имя — то спѣшу вамъ объявить, что этотъ Бѣлкинъ не мой Бѣлкинъ. Какъ я читать его не буду, то спѣшу ... [*пропущено*] и что за его нелѣпость я не отвѣчаю.

Это письмо доставитъ вамъ г. издатель Живописнаго Ежегодника — онъ собирается описать Москву, отсылаю его къ ея любовнику.

Скажите Наблюдателямъ, чтобъ они были немножко какуратнѣе въ доставленіи ...

---

510. **Гр. А. Х Бенкендорфу.** (Спб., 1 іюня). — M-r le Comte. Je suis honteux d'importuner toujours Votre Excellence, mais l'indulgence et l'interêt que Vous avez toujours daigné me témoigner seront l'excuse de mon indiscrétion.

Je n'ai pas de fortune; ni moi, ni ma femme nous n'avons encore la part qui doit nous réussire. Jusqu'a présent je n'ai rien que des fruits de mon travail. Mon revenu fixe, ce sont les appointements que l'Empereur a daigné m'accorder. Travailler pour vivre n'a pour moi, certes, rien d'humiliant, mais accoutumé à l'indépendance il m'est tout-à-fait impossible d'écrire pour de l'argent, et l'idée seule suffit pour me reduire à l'inaction complète.

La vie de Pêtersbourg est horriblement chère. Jusqu'à présent j'ai envisagé avec assez d'indifférence les dépenses que j'ai été obligé de faire; un journal politique et littéraire, entreprise purement mercantile, me donnerait tout de suite le moyen d'avoir 30 à 40.000 de revenu. Cepen-

dant cette besogne me répugnait tellement que je n'ai songé à y avoir recours à la permission que Sa Majesté avait daigné m'accorder qu'à la dernière extremité.

Je me vois dans la necessité de couper court à des dépenses qui ne m'entrainent qu'à faire des dettes et qui me préparent un avenir d'inquiétude et d'embarras, si non de misère et de désespoir. Trois ou quatre ans de retraite à la campagne me mettront de nouveau dans la possibilité de venir reprendre à P.bourg des occupations que je dois encore aux bontés de Sa Majesté.

J'ai été comblé des bienfaits de l'Empereur, je serais au désespoir que Sa Majesté put supposer dans mon désir de m'éloigner de P.b. un autre motif que celui d'une absolue necessité. Le moindre signe de mécontentement ou de soupçon suffirait pour me retenir dans la position où je me trouve, car enfin j'aime mieux être gêné dans mes affaires que perdu dans l'opinion de Celui qui a été mon bienfaiteur non comme Souverain, non par devoir et par justice, mais par un libre sentiment de bienveillance noble et généreuse [1]. C'est remettant mon sort entre vos mains que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond, M-r le Comte, de Votre Excellence très humble et très obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

1 Juiu S Pb.

[На письмѣ государь написалъ карандашомъ: „Нѣтъ препятствія ему ѣхать, куда хочетъ, но не знаю, какъ разумѣетъ онъ согласить сіе со службой. Спросите, хочетъ ли отставки, ибо иначе нѣтъ возможности его уволить на столь продолжительный срокъ"].

---

511. **Н. И. Павлищеву**. (Спб., 3 іюня). — М. Г. Николай Ивановичъ! Вы желаете знать, что такое состояніе батюшки: посылаю вамъ о томъ вѣдомость:

Въ селѣ Болдинѣ душъ по 7-й ревизіи 564.

Въ сельцѣ Кистеневѣ (Тимашевѣ тожь) 476.

Покойный Василій Львовичъ владѣлъ другой половиною Болдина, въ коей было также около 600 душъ. Эта часть продана спустя три года послѣ отреченія отъ наслѣдства самого наслѣдника. Я не могъ на себя взять долга покойника, потому что ужь я безъ того былъ стѣсненъ, а братъ Левъ Сергѣевичъ, кажется, не могъ бы о томъ и подумать, ибо на первый случай надобно было бы уплатить по крайней мѣрѣ 60.000. Жаль, что вы въ то время не снеслись со мною; кабы я могъ думать, что вы примете на себя управленіе этимъ имѣніемъ, я бы могъ отъ него не отступиться.

Вы хотите имѣть довѣренность на управленіе части Кистенева, коего доходы уступаю сестрѣ: съ охотою; напишите мнѣ только: переслать ли вамъ оную, или сами вы за нею пріѣдете. Переговорить обо всемъ не худо бъ было.

Весь вашъ *А. Пушкинъ*.

3-го іюня 1835 года.

[Адресъ: Его высокоблагородію м. г. Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Варшаву, г. помощнику статсъ-секретаря.— Штемпель: Спб. 5-го іюня 1835].

---

512. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 4 іюня). — М. Г. Графъ Александръ Христофоровичъ. Государю угодно было отмѣтить на письмѣ моемъ къ В. С-ву, что нельзя мнѣ будетъ отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню иначе, какъ взявъ отставку. Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю, и желаю только, чтобъ рѣшеніе Его Величества не было для меня знакомъ немилости и чтобъ входъ въ Архивъ, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть, М. Г., Вашего С-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

4 іюня 1835.
С.П.Б.

[На письмѣ гр. Бенкендорфъ написалъ: „Если ему нужны деньги, государь готовъ ему помочь, пусть мнѣ скажетъ: если нужно дома побыть, то можетъ взять отпускъ на 4 мѣсяца"].

---

513. **В. А. Дурову.** (Спб., 16 іюня). М. Г. Василій Андреевичъ. Искренне обрадовался я, получа письмо ваше, напомнившее мнѣ старое, любезное знакомство, и спѣшу вамъ отвѣчать. Если авторъ записокъ согласится поручить ихъ мнѣ, то съ охотою берусь хлопотать объ ихъ изданіи. Если думаетъ онъ ихъ продать въ рукописи, то пусть назначитъ самъ имъ цѣну. Если книгопродавцы не согласятся, то, вѣроятно, я ихъ куплю. За успѣхъ, кажется, можно ручаться. Судьба автора такъ любопытна, такъ извѣстна и такъ таинственна, что разрѣшеніе загадки должно произвести сильное общее впечатлѣніе. Что касается до слога, то чѣмъ онъ проще, тѣмъ будетъ лучше. Главное — истина, искренность. Предметъ самъ по себѣ такъ занимателенъ, что никакихъ украшеній не требуетъ. Они даже повредили бы ему.

Поздравляю васъ съ новымъ образомъ жизни. Жалѣю, что изъ ста тысячъ способовъ достать 100.000 рублей ни

одинъ еще вами съ успѣхомъ, кажется, не употребленъ. Но деньги — дѣло наживное. Главное, были бы мы живы.

Прощайте, съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта. Съ глубочайшимъ и пр. *Александръ Путкинъ.*

---

514. **А. А. Краевскому.** (Спб., 18 іюня). — Не написалъ я ничего братіи московской. Но сдѣлайте милость: поправьте предъ-послѣдній стихъ въ Тучѣ:

И вѣтеръ, лаская листочки древесъ.

[Адресъ: „Его Высокоблагородію Милостивому Государю . . . . . [6 точекъ] Г-ну Краевскому. У Обухова моста въ домѣ Сухаревой". — Штемпель: Городск. почта 1835 іюн. 18 полдень].

---

515. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Черновое). — J'ose soumettre à la décision de Votre Excellence ... En 1832 Sa M. a daigné m'accorder la permission d'être l'éditeur d'un journal politique et littéraire.

Ce métier n'est pas le mien et me répugne sous bien des rapports, mais les circonstances m'obligent d'avoir recours à un moyen dont jusqu'à présent j'ai cru pouvoir me passer. — Je demeure à P.b. où grace à S. M. je puis me livrer à des occupations plus importantes et plus à mon goût; mais la vie que j'y mène entrainant à des dépenses, et les affaires de famille étant très dérangées, je me vois dans la nécessité soit de quitter des travaux historiques qui me sont devenu chers, soit d'avoir recours aux bontés de l'Empereur, auquels je n'ai d'autres droits que les bienfaits dont il m'a déjà accablé.

Un journal m'offre le moyen de demeurer à Pb. et de faire face à des engagements sacrés. — Je voudrai donc être l'éditeur d'une gazette en tout pareille à la Сѣверная Пчела, et quant aux articles purement littéraires, comme critiques de longue haleine, contes, nouvelles, poèmes etc., qui ne peuvent trouver place dans un feuilleton, je voudrai les publier à part, un volume tous les 3 mois dans le genre des Reviews anglaises.

Je vous demande pardon, mais je suis obligé de tout vous dire. J'ai eu le malheur de m'attirer l'inimitié de M-r le ministre de l'instruction publique, ainsi que celle de M-r le Pr D. [Дондуковъ], né Korsakoff. Déjà tout les deux me l'ont fait sentir d'une manière assez désagréable. En entrant dans une carrière où je vais dépendre d'eux je serai perdu sans votre protection immédiate .... J'ose donc vous supplier d'accorder à mon journal un censeur tiré de Votre chancellerie.

Cela m'est d'autant plus indispensable que mon journal devant paraître en même temps que la Свв. Пч., je dois avoir le temps de traduire les mêmes articles sous peine d'être obligé de reimprimer le lendemain les nouvelles publiées de la veille, ce qui suffirait déjà pour ruiner toute l'entreprise.

---

516. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Черновое). — En demandant la permission d'être l'éditeur d'une gazette je sentais moi-même tous les inconvénients de cette entreprise. Je m'y voyais forcé par de tristes circonstances: ni moi, ni ma femme nous n'avons encore notre fortune. Celle de mon père est si derangée que j'ai été obligé d'en prendre la direction pour assurer un avenir au reste de ma famille. Je ne voulais devenir journaliste que pour ne pas me reprocher d'avoir négligé un moyen qui me donnant 40.000 de revenu me mettait hors d'embarras. Mon projet n'ayant pas eu l'agrément de Sa Majesté, j'avoue que me voilà soulagé d'un grand poids, mais aussi je me vois obligé d'avoir recours aux bontés de l'Empereur qui maintenant est mon seul espoir. Je vous demande la permission, M-r le Comte, de Vous exposer ma situation et de remettre ma requête à votre protection. L'Empereur en daignant me prendre à son service m'a fait la grâce de me fixer 5.000 d'appointements. Cette somme est énorme, et cependant ne me suffit pas pour vivre à Pb. où je suis obligé de dépenser 25.000 pour pouvoir vivre et pour payer toutes mes dettes, arranger les affaires de ma famille et être enfin libre de me livrer sans trouble entièrement à mes travaux ... occupations. Il me suffit de trouver à faire un emprunt de 100.000, mais c'est impossible. L'Empereur qui jusqu'a présent ne s'est pas lassé de me combler de grâce mais qu'il m'est pénible ... Cette somme représente les interêts d'un capital de 125.000. Si au lieu de mes appointements S. M. faisait la grâce de m'en donner ce capital en emprunt pour 10 ans et sans interêts je serais parfaitement tranquille ...

---

517. **Ему же.** (? — черновое). — В. С. Отвѣтъ, коимъ изволили меня удостоить, имѣлъ я счастіе получить — крайне сожалѣю, что способъ, который осмѣлился я предложить, оказался неудобнымъ.

Во всякомъ случаѣ, почитаю за долгъ во всемъ окончательно положиться на благоусмотрѣніе В. С-ва.

Примите, В. С., искреннюю мою благодарностъ за вниманіе, коимъ меня удостоили. Съ глубочайшимъ ...

---

518. **Ему же.** (Спб., 22 іюля). — Monsieur le Comte! J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de Votre Excellence, sans avoir eu le bonheur de La trouver chez Elle.

Accablé de bontés de Sa Majesté, c'est à Vous, Monsieur le Comte, que je viens m'adresser pour Vous rendre grâce de l'interêt que Vous avez bien voulu me témoigner et pour Vous exposer franchement ma situation.

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Pétersbourg, j'ai contracté près de soixante mille roubles de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaires de ma famille; cela m'a si fort embarrassé, que j'ai été obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne, — ou bien d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presque impossible en Russie, où la loi accorde au créancier une trop faible garantie et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La reconnaisance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'Empereur n'est troublé par aucune arrière-pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de Sa Majesté, et qu'il m'est impossible de rien demander.

C'est donc à Vous, Monsieur le Comte, que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en Vous suppliant d'agréer l'hommage de ma haute considération que j'ai l'honneur d'être avec respect et reconnaissance, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur — *Alexandre Pouchkine.*

22 Juillet 1835.
St. Pétersbourg.

[Надписано карандашомъ гр. Бенкендорфомъ, 26-го іюля 1835 г.: „l'Empereur lui propose 10.000 roubles et 6 mois de congé au bout du quel il verra s'il doit prendre son congé ou non"].

---

519. **В. Д. Вольховскому.** (Спб., 22 іюля). — Обращаюсь къ тебѣ, почтенный мой Владиміръ Дмитріевичъ, съ дружеской и покорнѣйшей просьбою: графъ Забѣла ѣдетъ служить въ Грузію подъ твоимъ начальствомъ. Друзья и родственники просятъ для него твоего покровительства и благорасположенія, которое и необходимо ему въ его положеніи. Знаю, что мое предстательство въ этомъ случаѣ совершенно лишнее; но я радуюсь случаю издали напомнить тебѣ о старомъ лицейскомъ товарищѣ, искренно тебѣ преданномъ.

Посылаю тебѣ послѣднее мое сочиненіе, Исторію Пугачевскаго Бунта. Я старался въ немъ изслѣдовать военныя тогдашнія дѣйствія и думалъ только о ясномъ ихъ изложеніи, что стоило мнѣ немалаго труда, ибо начальники, дѣйствовавшіе довольно запутанно, еще запутаннѣе писали свои донесенія, хвастаясь или оправдываясь равно безтолково. Все это нужно было сличать, повѣрять etc.; мнѣніе твое касательно моей книги во всѣхъ отношеніяхъ было бы драгоцѣнно.

Будь здравъ и счастливъ. — *А. Пушкинъ.*

22 іюля 1835 г. С.П.Б.

---

520. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 26 іюля). — Monsieur le Comte! Il m'en coute au moment où je reçois une grâce inattendue d'en demander deux autres, mais je me décide à avoir recours en toute franchise à Celui qui a daigné être ma providence.

De mes 60.000 de dettes, la moitié sont des dettes d'honneur. Pour les acquitter, je me vois dans la nécessité de contracter des dettes usuraires, ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettra dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à la générosité de l'Empereur.

Je supplie donc Sa Majesté de me faire une grâce pleine et entière, premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30.000 roubles et en second lieu en daignant me permettre de regarder cette somme comme un emprunt et en faisant, en conséquence, suspendre le paiement de mes appointements jusqu'à ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommandant à Votre indulgence que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la reconnaissance la plus vive, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

26 Juillet 1835.
St Pétesbourg.

[Помѣта карандашомъ: ',l'Empereur lui accorde les 30.000 roubles en retenant, comme il le demande, ses appointements"].[1]

---

521. **А. А. Фуксъ.** (Спб., 15 августа). — Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портрета Пугачева; наконецъ его получилъ, и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. — Надѣясь на вашу снисходи-

[1] Выноска другою рукою о томъ, кому сообщено:

Т. сов. Родофиникину	1-го августа 2590 [объ отпускѣ].
Ему же	1-го августа 2591 [о 30.000].
Мин. Финанс.	1-го августа 2592 [о 30.000].

тельность, я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную Исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоцѣнному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Ѳедоровича (предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть и проч.

522. **Е. П. Люценку.** (Спб. 19 августа). — М. г. Ефимъ Петровичъ! Мнѣ, право, совѣстно за хлопоты, по которымъ ввожу Ваше Превосходительство. Смирдинъ не сдержалъ своего слова; полагаю, въ самомъ дѣлѣ обстоятельства его запутаны. Печатаніе вашей поэмы не можетъ стоить 1500 рублей; онъ ошибается. Отъѣздъ мой въ деревню мѣшаетъ мнѣ взяться самому за это дѣло. Сейчасъ писалъ я барону Корфу, прося его походатайствовать за Васъ, какъ за лицеиста. Надѣюсь, что съ своей стороны сдѣлаетъ онъ все возможное.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью, честь имѣю быть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою. — *А. Пушкинъ.*

19 августа 1835 г.

523. **Въ Главный Комитетъ Цензуры.** (28 августа). — Честь имѣю обратиться въ Главный Комитетъ Цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе Высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ Его Величества, изъ III отдѣленія Собственной Его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ: „съ дозволенія Правительства“. Такимъ образомъ были напечатаны: „Цыганы“ — повѣсть (1827), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы „Евгенія Онѣгина“ — романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833), „Полтава“ (1829), 2-я и 3-я часть „Мелкихъ Стихотвореній“, 2-е исправленное изданіе поэмы „Русланъ и Людмила“ (1828), „Графъ Нулинъ“ (1828), „Исторія Пугачевскаго Бунта“ и проч.

Нынѣ, по случаю второго исправленнаго изданія „Анджело“, перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе по-

зволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника Собственной Его Величества канцеляріи. Между тѣмъ, никакого новаго распоряженія не послѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ Государемъ Императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ Государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ Собственную канцелярію Его Величества, и принужденъ утруждать Комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію? — Титулярный совѣтникъ *Александръ Пушкинъ*.

---

524. **В. А. Полѣнову.** (Спб., 28 августа). — Милостивый государь, Василій Алексѣевичъ. Позвольте обратиться къ вашему пр-ву съ покорнѣйшею просьбою. — Государь императоръ изволилъ мнѣ приказать распечатать дѣло о Пугачевѣ для составленія исторической выписки. Въ осьми связкахъ, доставленныхъ мнѣ изъ С. П-аго Сената, не нашелъ я главнѣйшаго документа: допроса, снятаго съ самого Пугачева въ слѣдственной комиссіи, учрежденной въ Москвѣ. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить в. пр-во, дабы приказали снестись о томъ съ А. Ѳ. Малиновскимъ, которому, вѣроятно, извѣстно, гдѣ находится сей необходимый документъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г., вашего пр-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

28 августа 1835.
СПБ.

---

525. **Гр. Е. Ф. Канкрину.** (Спб., 6 сентября). — М. Г. графъ Егоръ Францовичъ. Обращаясь къ в. с-ву съ покорнѣйшей просьбою, осмѣливаюсь утрудить вниманіе ваше предварительнымъ объясненіемъ моего дѣла.

Вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ принужденъ я былъ проситься въ отставку, дабы ѣхать въ деревню на нѣсколько лѣтъ.

Государь императоръ весьма милостиво изволилъ сказать, что онъ не хочетъ отрывать меня отъ моихъ историческихъ трудовъ, и приказалъ выдать мнѣ 10.000 р. какъ вспоможеніе. Этой суммы недостаточно было для поправленія моего состоянія. Оставшись въ Петербургѣ, я дол-

женъ былъ или часъ отъ часу болѣе запутать мои дѣла. или прибѣгать къ вспоможеніямъ и къ милостямъ, средству, къ которому я не привыкъ: ибо до сихъ поръ былъ я, слава Богу, независимъ и жилъ моими трудами.

И такъ осмѣлился я просить Его Величество о двухъ милостяхъ: 1) о выдачѣ мнѣ, вмѣсто вспоможенія, взаймы 30.000 р., нужныхъ мнѣ въ обрѣзъ для уплаты необходимой; 2) о удержаніи моего жалованья до уплаты сей суммы. Государю угодно было согласиться на то и другое.

Но изъ государственнаго казначейства выдано мнѣ, вмѣсто 30.000 р., только 18.000 р., за вычетомъ разныхъ процентовъ и десяти тысячъ руб. (10.000 р.), выданныхъ мнѣ заимообразно на напечатаніе одной книги. Такимъ образомъ, я болѣе чѣмъ когда-нибудь нахожусь въ стѣсненномъ положеніи, ибо принужденъ оставаться въ Петербургѣ, съ долгами недоплаченными и лишенный 5.000 р жалованья.

Осмѣливаюсь просить в. с. о разрѣшеніи получить мнѣ сполна сумму, о которой принужденъ я былъ просить государя, и о позволеніи платить проценты съ суммы, въ 1834 г. выданной мнѣ, пока обстоятельства дозволятъ мнѣ внести оную сполна.

Препоручая себя благорасположенію в. с-ва, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью, честь имѣю быть, М. Г., в. с-ва, покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

6-го сентября 1835.

---

526. **А. И. Беклешовой** (Тригорское, между 7—23 сентября). — Мой ангелъ, какъ мнѣ жаль, что васъ я уже не засталъ, а какъ обрадовала меня Евпраксія Николаевна, сказавъ, что вы опять собираетесь пріѣхать въ наши края! Пріѣзжайте, ради Бога, хоть къ 23-му. У меня для васъ три короба признаній, объясненій и всякой всячины. Можно будетъ на досугѣ и влюбиться. Я пишу къ вамъ, а наискось отъ меня сидите вы сами въ образѣ Маріи Ивановны. Вы не повѣрите, какъ она напоминаетъ прежнее время, и путешествія въ Опочку, и прочее. Простите мнѣ мою дружескую болтовню. Цѣлую ваши ручки. — *А. П.*

---

527. **Н. Н. Пушкиной.** (Михайловское, 14 сентября). — Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вотъ онъ: въ Пск. Губ., въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужь недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ, а

Пушкинъ. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

толку въ томъ не вижу. Писать не начиналъ, и не знаю, когда начну. За то безпрестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Что у насъ за погода! Вотъ ужь три дня, какъ я только что гуляю, то пѣшкомъ, то верхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю,и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ, не сдѣлавъ ничего. Прасковьи Александровны еще здѣсь нѣтъ. Она или въ деревнѣ у Бѣгичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ безпокоиться. Что наша экспедиція? Видѣлась ли ты съ графиней Канкриной, и что отвѣтъ? На всякій случай, если насъ гонитъ графъ Канкринъ, то у насъ остается графъ Юрьевъ, я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все, что гы дѣлаешь, чтобъ я зналъ, съ кѣмъ ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь, и счастливо ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа, цѣлую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моей заступницею у тебя. Сашку цѣлую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. ТеткамъАзи и Коко мой сердечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

[Прежній адресъ. Шгемпель: Новоржевъ, 16 сентября].

---

528. **Ей же.** (Михайловское, 21 сентября). — Жена моя, вотъ и 21-ое, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что гы мой адресъ, вѣроятно, узнала не прежде, какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ ли? къ тому же, и почта изъ Петербурга идетъ только разъ въ недѣлю. Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ. Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже съ половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30.000. Все держится на мнѣ да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣстъ грустно. — Поцѣлуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои на 400

лаю, а такъ, изъ пустого въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мною покушать. Что Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю — въ Англ. клобъ не ѣзжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Когда будутъ цари? и не слышно ли чего про войну и т. под.? Благословляю васъ — будьте здоровы. Цѣлую тебя. Какъ твой адресъ глупъ — такъ это объяденіе! Въ Псковскую губернію, въ село Михайловское. Ахъ ты, моя голубушка! а въ какой уѣздъ — и не сказано. Да и Михайловскихъ селъ, чаю, не одно; а хоть и одно, такъ кто жь его знаетъ? Экая вѣтреница! ты видишь, что я все ворчу, да что дѣлать? нечему радоваться. Пиши мнѣ про тетку — и про мать. Je remercie vos sœurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за что.

[Прежній адресъ).

531. **Ей же.** (Михайловское, 2 октября). Милая моя женка, есть у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжи, и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее что на дорогѣ, какъ она закуситъ поводья, да и несетъ верстъ десять по кочкамъ да оврагамъ — и тутъ ужь ничѣмъ ея не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, ангелъ кротости и красоты! письмо твое, гдѣ изволишь ты, закусивъ поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь ты устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ, — а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя какъ красная дѣвица. Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится; кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось распишусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что К. И-нѣ лучше; ты бы такъ бодро не бранилась, еслибъ она была не на шутку больна. Всетаки, напиши мнѣ обо всемъ, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко и думаю: не худо бы, если вдругъ въѣхала на дворъ карета — а въ каретѣ сидѣла бы Нат. Ник.! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ Петербургѣ, а я постараюсь ужь поторопиться, и пріѣхать къ тебѣ прежде сроку. Что Плетневъ? что Карамзины, Мешер-

скія? etc. — пиши мнѣ обо всемъ. Цѣлую тебя и благословляю ребятъ. —

[Прежній адресъ: — Штемпель: 4 октября].

---

532. **П. А. Плетневу.** (Михайловское, 11 октября). — Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно; ты получилъ „Путешествіе“ отъ цензуры; но что рѣшилъ Комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? Ужели залягаетъ меня ослёнокъ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ, они отъ меня такъ легко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать, но мое мнѣніе — даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ; я люблю имена, не имѣющія смысла; шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера заставь также нарисовать виньетку безъ смысла. Были бы цвѣточки, да лиры, да чаши, да плющъ, какъ на квартирѣ Александра Ив. въ комедіи Гоголя. Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу — черезъ пень колоду валю. Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе; а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все, тобою придуманное, мнѣ удавалось. Начнемъ альманахъ съ „Путешествія“. Присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ стиховъ. Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь, что Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина; но нельзя ль (разумѣется изъ-за угла и тихонько, напримѣръ, въ Московскомъ Наблюдателѣ) объявить, что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою долю грѣховъ своего омонима? Это бы, право, было не худо.

[Адресъ: „У Обухова моста въ домѣ г-жи Сухаревой башни“. На конвертѣ помѣта: 11-го октября 1835 г., и на самомъ письмѣ: „Получено 1835 окт. 16. Утро“].

---

533. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Черновое). — Обращаюсь къ в. с-ву съ жалобой и покорнѣйшею просьбою. По случаю затрудненія Цензуры изданія одного изъ моихъ стихотвореній принужденъ я былъ во время вашего отъѣзда обратиться въ цензурный комитетъ съ просьбой о разрѣшеніи встрѣтившагося недоразумѣнія. Но Комитетъ не удостоилъ просьбу мою отвѣтомъ. Не знаю, чѣмъ я могъ заслужить таковое небреженіе, но ни одинъ изъ русскихъ писателей

не притѣсненъ болѣе моего. Сочиненія мои, одобренныя Государемъ, остановлены при ихъ объявленіи, — печатаются съ своевольными поправками цензора, жалобы мои оставлены безъ вниманія. Я не смѣю печатать мои сочиненія, ибо не смѣю .....

---

534. **П. В. Нащокину.** (Спб., въ октябрѣ). — Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Не писалъ къ тебѣ, потому что въ ссорѣ съ московскою почтою. Услышалъ я, что ты собирался ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что тамъ меня бы не засталъ. Болѣзнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ. О тебѣ были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что̀ истинно меня утѣшило, такъ это то, что всѣ въ голосъ оправдывали тебя, и тебя одного. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не околѣю на дорогѣ. То-то бы наболтались! А здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15.000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился и сталъ бы снова сотрудникомъ его „Библіотеки". Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться невозможно. — Желалъ бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились. — Каковы твои дѣла? Что Куликовъ и твой жидёнокъ-лекарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ ними! Это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданія, мой другъ.

---

535. **Гр. Е. Ф. Канкрину.** (Сцб., 13 октября). — М. Г. графъ Егоръ Францовичъ. Возвратясь изъ деревни, узналъ я, что в. с-во изволили извѣщать меня о высочайшемъ соизволеніи государя на покорнѣйшую просьбу, вамъ принесенную мною. Приношу в. с-ву искреннюю, глубокую мою благодарность за снисходительное вниманіе, коимъ удостоили вы меня посреди вашихъ трудовъ, и за благосклонное ходатайство, коему обязанъ я успѣхомъ моего дѣла.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, М. Г., в. с-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*

13-го октября. С.-Петербургъ.

---

536. **П. А. Осиповой.** (Спб. 26 октября). — Me voici, madame, arrivé à Pétersbourg; imaginez-vous, que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de vos gens, pour faire dire au maître de poste que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à extrémité; elle était venue de Pavlovsk pour chercher un logement, et elle est tombée snbitement en faiblesse chez М-г Княжнинъ, où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Natalie en bût à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux qu'elle soit si élégante, quand son beau-père et sa belle-mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle-mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1.200 paysans soit dans la misère. C'est mon père qui a quelque chose et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Natalie n'a que faire dans tout cela, c'est moi qui devrais en répondre. Si ma mère s'était venue établir chez moi, Natalie, comme de raison, l'aurait reçue; mais une maison froide, remplie de marmaille et encombrée de monde, n'est guère convenable à une malade. Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvé déjà déménagée; mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi, je fais de la bile, et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère madame Ossipof, la vie, toute süsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur.

[Адресъ: Ея высокоблагородію м. г. П. А. Осиповой во Псковъ, оттолѣ въ село Тригорское. Штемпель: Спб., октября 26. Свѣрено съ подлинникомъ].

---

537. **И. И. Лажечникову.** (Спб., 3 ноября). — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Во первыхъ, долженъ я просить у васъ прощеніе за медленность и неисправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ, и возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностію и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи „Ледяной Домъ“ и выше „Послѣдняго Новика“, но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ же Волынскаго онъ играетъ роль мученика. Его донесеніе академіи трогательно чрезвычайно Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Бирон̀ѣ можно бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастье быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно: въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово хоботъ въ послѣднемъ вашемъ твореніи, и по какому нарѣчію?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою — *Александръ Пушкинъ.*

3 ноября 1835 г. С.-Петербургъ.

---

538. **П. А. Клейнмихелю.** (Спб., 19 ноября). — Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопр-ства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его с-ва гр. Чернышова, возвращены мною въ военное министерство. — Обращаюсь къ вашему высокопр-ству съ покорнѣйшею просьбою: въ Главномъ штабѣ находится одна, мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами; осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопр-ства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

---

539. **П. А. Осиповой**. (Спб., 26 декабря). — Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 novembre. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov, et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traine, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки также. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce à la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекеръ. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je voudrais le savoir plus près de nous; et peut être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de M-me Glinka, sa sœur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées, ma situation, etc., etc. En vérité, il n'y a que mon amitié pour vous et votre famille que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

26 Dec.

---

540. **Н. В. Гоголю**.—Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ! — *А. П.*

---

541. **Ему же**.—Г. Булгаринъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, увѣдомляетъ публику, что есть люди, не признающіе въ немъ никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія — (!).

Съ нашей стороны, мы знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.

Новый романъ г. Булгарина нимало не уступаетъ его прежнимъ ...

---

542. **Бѣдной вдовѣ.** — Милостивая государыня! Все, что могу сдѣлать для васъ добраго, постараюсь, но не осудите, если пособіе мое будетъ не такъ значительно, какъ вы, быть можетъ, ожидаете. Я самъ далеко не изъ числа богатыхъ людей. На дняхъ буду у васъ. — Съ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть покорный къ услугаиъ *А. Пушкинъ.*

1835 г.

---

543. **Гр. А. Х. Бенкендорфу.** (Спб., 31 декабря). — Имѣю счастіе повергнуть на разсмотрѣніе Его Величества Записки Бригадира Моро де Бразе о походѣ 1711 года — съ моими примѣчаніями и предисловіемъ. Эти Записки любопытны и дѣльны. Онѣ важный историческій документъ, и едва ли не единственный (опричь Журнала самого Петра Великаго).

Осмѣливаюсь безпокоить В. С-во покорнѣйшею просьбою: я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году издать четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній, etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ Reviews. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Review доставило бы мнѣ вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ Государя.

Препоручая себя всегдашней Вашей благосклонности, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, М. Г., Вашего С-ва покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

31 Дек. 1835. С.П.Б.

[Карандашемъ помѣчено: „Государь позволилъ черезъ цензуру, о чемъ увѣдомить Уварова", которому и сообщено 14-го января 1836 г., а 16-го онъ отвѣтилъ, что сдѣланы надлежащія распоряженія.]

1836.

544. **Н. А. Дуровой.** Спб., 19 января. — М. г. Александръ Андреевичъ. По послѣднему письму вашему, отъ 6-го января, чрезвычайно меня встревожило. Рукописи вашей я не получилъ, и вотъ какую подозрѣваю на то причину. Уѣхавъ въ деревню на три мѣсяца, я пробылъ въ

ней только три недѣли и принужденъ былъ скоро воротиться въ Петербургъ. Вѣроятно, ваша рукопись послана въ Псковъ. Сдѣлайте милость, не гнѣвайтесь на меня. Сейчасъ ѣду хлопотать; задержки постараюсь вознаградить.

Я было совсѣмъ отчаявался получить записки, столь нетерпѣливо мною ожидаемыя. Слава Богу, что теперь попалъ на слѣдъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и пр. — *Александръ Пушкинъ.*

---

545. **С. С. Хлюстину.** (Спб., 4 февраля).—Monsieur. Permettez-moi de redresser quelques points où vous me paraissez dans l'erreur. Je ne me souviens pas de vous avoir entendu citer quelque chose de l'article en question. Ce qui m'a porté à m'expliquer peut-être avec trop de chaleur, c'est la remarque que vous m'avez faite de ce que j'avais eu tort la veille de prendre au coeur les paroles de Senkovsky.

Je vous ai répondu: „Я не сержусь на Сенковскаго; но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ". Vous assimiler à des свиньи и мерзавцы est certes une absurdité qui n'a pu ni m'entrer dans la tête, ni même m'échapper dans toute la pétulence d'une dispute.

A ma grande surprise, vous m'avez répliqué que vous preniez entièrement pour votre compte l'article injurieux de Senkovsky, et notamment l'expression: „обманывать публику".

J'étais d'autant moins préparé à une pareille assertation venant de votre part, que ni la veille, ni à notre dernière entrevue, vous ne m'aviez absolument rien dit qui eût rapport à l'article du journal. Je crus ne vous avoir pas compris et vous priais de vouloir bien expliquer, ce que vous fites dans les mêmes termes.

J'eus l'honneur alors de vous faire observer que ce que vous veniez d'avancer devenait une toute autre question, et je me tus. En vous quittant, je vous dis que je ne pouvais laisser cela ainsi. Cela peut être regardé comme une provocation, mais non comme une menace. Car enfin, je suis obligé de le répéter: je puis ne pas donner suite aux paroles d'un Senkovsky, mais je ne puis les mépriser dès qu'un homme comme vous les prend sur soi. En conséquence je chargeais m-r Sobolevsky de vous prier de ma part de vouloir bien vous rétracter purement et simplement, ou bien de m'accorder la réparation d'usage. La preuve combien ce dernier parti me répugnait, c'est que j'ai dit

nommément à Sobolevsky que je n'éxigeais pas d'excuses. Je suis fâché que m-r Sobolevsky a mis dans tout cela sa négligence ordinaire.

Quant à l'impolitesse que j'ai eu de ne pas vous saluer lorsque vous m'avez quitté, je vous prie de croire que c'était une distraction tout-à-fait involontaire, et dont je vous demande excuse de tout mon coeur.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur. *A. Pouchkine.*

---

546. **Кн. Н. Г. Репнину**. (Спб., 5 февраля). — Mon Prince. C'est avec regret que je me vois contraint d'importuner votre excellence; mais, gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfants.

Je n'ai pas l'honneur d'être personnellement connu de votre excellence. Non seulement jamais je ne vous ai offensé, mais par des motifs à moi connus, je vous ai porté jusqu'à présent un sentiment vrai de respect et de reconnaissance.

Cependant un M-r Bogoluboï a publiquement répété des propos outrageants pour moi, et cela comme venant de vous. Je prie votre excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir.

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de vous; mais vous qui êtes non seulement un grand seigneur, mais encore le réprésentant de notre ancienne et véritable noblesse, à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette démarche. Je suis avec respect de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur *Alexandre Pouchkine.*

5 Février 1836.

---

547. **Ему же**. (Спб., 11-го февраля). — М. Г. князь Николай Григорьевичъ! Приношу вашему сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есмь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

11 февраля 1386.

---

548. **А. А. Фуксъ.** (Спб., 20 февраля). — Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, коимъ изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани — мѣсто, для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, м. г-ня, препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю ли надѣяться, что вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую съ глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и проч.

---

549. **С. Н. Глинкѣ.** (Спб., въ мартѣ). — М. Г. Сергѣй Николаевичъ! Искренно благодарю васъ за любезное письмо ваше (извините галлицизмъ). Современникъ мой еще не вышелъ — а выйдетъ современемъ. Вы первый его получите.

Какъ адресовать письмо къ Ѳедору Николаевичу? Весь вашъ *А. Пушкинъ*.

[Адресъ: Его высокородію м. г. Сергѣю Николаевичу Глинкѣ На Сергѣевской, въ домѣ Болдырева, № 37, на дворѣ].

---

550. **В. Д. Сухорукову.** (Спб., 14 марта).—Любезнѣйшій Василій Дмитріевичъ. Пишу къ вамъ въ комнатѣ вашего соотечественника, милаго молодого человѣка, отъ котораго нерѣдко получаю объ васъ извѣстія. Сейчасъ сказалъ онъ мнѣ, что вы женились. Поздравляю васъ отъ всего сердца; желаю вамъ счастія, которое вы заслуживаете по всѣмъ отношеніямъ. Заочно кланяюсь Ольгѣ Васильевнѣ и жалѣю, что не могу высказать ей все, что про васъ думаю и что знаю прекраснаго.

Писалъ ли я вамъ послѣ нашего разлученія въ Арзрумскомъ дворцѣ? Кажется, что не писалъ; простите всегдашнему недосугу и не причисляйте мою лѣность къ чему-нибудь иному. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Вы знаете, что я сдѣлался журналистомъ (это напоминаетъ мнѣ, что я не послалъ вамъ „Современника"; извините — постараюсь загладить мою вину). Итакъ, сдѣлавшись собратомъ Бул-

гарину и Полевому, обращаюсь къ вамъ съ удивительнымъ безстыдствомъ и прошу у васъ статей. Въ самомъ дѣлѣ, пришлите мнѣ что-нибудь изъ вашихъ дѣльныхъ и любопытныхъ произведеній. Въ сосѣдствѣ Бештау и Эльбруса живутъ досугъ и вдохновеніе. Между тѣмъ, и о цѣнѣ (денежной) не худо поговорить. За листъ печати я плачу по 200 руб. Не войдемъ ли мы и въ торговыя сношенія? Простите. Весь вашъ *А. П*

14 марта 1836. С. П. Б.

551. **В. А. Дурову.** (Спб., 17-27 марта). М. г. Василій Андреевичъ. Очень благодарю васъ за присылку записокъ и за довѣренность, вами мнѣ оказанную. Вотъ мои предположенія: 1) я издаю журналъ: во второй книжкѣ онаго (т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ) напечатаю я Записки о 12 годѣ (всѣ или часть ихъ), и тотчасъ перешлю вамъ деньги, по 200 рублей за листъ печатный; 2) дождавшись другихъ записокъ брата вашего, я думаю соединить съ ними и Записки о 12 годѣ; такимъ образомъ книжка будетъ толще и, слѣдственно, дороже.

Полныя Записки, вѣроятно, пойдутъ успѣшно послѣ того, какъ я о нихъ протрублю въ своемъ журналѣ. Я готовъ ихъ и купить, и напечатать въ пользу автора, — какъ ему будетъ угодно и выгоднѣе. Во всякомъ случаѣ, будьте увѣрены, что приложу всевозможное стараніе объ успѣхѣ общаго дѣла.

Братецъ вашъ пишетъ, что лѣтомъ будетъ въ Петербургѣ. Ожидаю его съ нетерпѣніемъ. Прощайте, будьте счастливы, и дай вамъ Богъ разбогатѣть съ легкой ручки храбраго Александрова, которую ручку прошу за меня поцѣловать.

Весь вашъ *Александръ Пушкинъ*.

Сейчасъ прочелъ переписанныя Записки: прелесть! Живо, оригинально, слогъ прекрасный. Успѣхъ несомнителенъ. — 27 марта.

552. **Альфонсу Жобару.** (Спб., 24 марта) — Monsieur! J'ai reçu avec un véritable plaisir votre charmante traduction de l'ode à Luculle et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on ait voulu légalement constater que vous aviez perdu l'esprit, il faut convenir que depuis vous l'avez diablement retrouvé!

La bienveillance que vous paraissez me porter et dont je suis fier, m'autorise à vous parler en pleine confiance. Dans votre lettre à M-r le ministre de l'instruction publique,

vous semblez disposé à imprimer votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes, nécessaires, dites-vous, pour l'intelligence du texte: j'ose vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. Je suis fâché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrit dans un moment de mauvaise humeur. Sa publication a encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie. Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicitè à l'idee d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production qui sans cela tombera dans l'oubli qu'elle mérite. J'ose espérer que vous ne me refuserez pas la grâce que je vous demande, et vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur, votre tres humble et très obeissant serviteur *A. Pouchkine.*

24 Mars 1836. St.-Petersbourg.

---

553. **А. Л. Крылову.** (Спб.. мартъ; черновое). — М. Г. Александръ Лукичъ. Князь М. А. Корсаковъ писалъ мнѣ, что Письма изъ Парижа будутъ разсмотрѣны въ высшемъ комитетѣ. Препровождаю ихъ къ вамъ. Одно замѣчаніе: Письма изъ Парижа Тургенева печатаются въ Московскомъ Наблюдателѣ не какъ статьи политическія, а литературныя . . . . .

---

554. **Кн. В. Ѳ. Одоевскому.** (Спб., въ концѣ марта).— Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ. Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно, и дѣло наше въ шляпѣ. Корректуру „Путешествія" прикажите однако присылать ко мнѣ. Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь.— *А. Пушкинъ.*

[Адресъ: Его Сіятельству князю Одоевскому].

---

555. **Ему же.** (Спб., въ началѣ апрѣля). — У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки вашего пера — грустно мнѣ; но времени вамъ не достало, а за меня пріятели мои дали предъ публикою обѣтъ выдать Современникъ на Ѳоминой.

Думаю 2 № начать статьею вашей, дѣльной, умной и сильной, и которую хочется мнѣ наименовать: „О враждѣ къ просвѣщенію"; ибо въ томъ же № хочется мнѣ помѣстить и Разборъ „Постоялаго Двора", подъ на-

званіемъ: „О нѣкоторыхъ романахъ“ — разрѣшаете ли вы?

О Сегеліелѣ, кажется, задумалась цензура, но я не очень имъ доволенъ; къ тому же, какъ отрывокъ, онъ въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія.

Я ѣду во вторникъ. Увижу ли васъ дотолѣ? Весь вашъ. — А. *П.*

„Разговоръ недовольныхъ“ не помѣстилъ я, потому, что ужь „Сцены“ Гоголя были у меня напечатаны, и что вы могли другъ другу повредить въ эффектѣ.

[Адресъ: Князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому]

---

556. **Кн. М. А Дондукову-Корсакову.** (Спб., 6 апрѣля). — М. Г. князь Михаилъ Александровичъ. Осмѣливаюсь обратиться къ в. с-ву съ покорнѣйшею просьбою. Конечно, я не имѣю права жаловаться на строгость цензуры: всѣ статьи, поступившія въ мой журналъ, были пропущены. Но разрѣшеніемъ оныхъ обязанъ я единственно благосклонному снисхожденію в. с-ва, ибо цензоръ г. Крыловъ самъ отъ себя не могъ рѣшиться ихъ пропустить. Чувствуя въ полной мѣрѣ цѣну покровительства, вами оказаннаго, осмѣливаюсь однакожь замѣтить, во первыхъ, что мнѣ совѣстно и неприлично поминутно безпокоить в. с-во ничтожными вопросами, между тѣмъ какъ я желалъ бы пользоваться правомъ, вами мнѣ даннымъ, только въ случаяхъ истинно-затруднительныхъ и въ самомъ дѣлѣ требующихъ разрѣшенія высшаго начальства; во вторыхъ, что таковая двойная цензура отымаетъ у меня чрезвычайно много времени, такъ что мой журналъ не можетъ выходить въ положенный срокъ. Не жалуюсь на излишнюю мнительность моего цензора: знаю, что на немъ лежитъ отвѣтственность, можетъ быть, не ограниченная цензурнымъ уставомъ; но осмѣливаюсь просить в. с-во о дозволеніи выбрать себѣ еще одного цензора, дабы такимъ образомъ вдвое ускорить разсматриваніе моего журнала, который безъ того остановится и упадетъ. — Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть, М. Г. в. с-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

6 апрѣля 1836. Спб.

---

557. **Н. М. Языкову.** (Михайловское, 14 апрѣля). — Отгадайте, откуда пишу къ вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ вольные живали вы, гдѣ ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ — вы,

Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи и бокалы съ емкой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ — и старину. Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны, нѣкогда полувоздушной дѣвы, нынѣ — дебелой жены, въ пятый разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ, — поклонъ вамъ ото всего и ото всѣхъ, вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью!

Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской Ловласъ — попрежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое во Псковѣ такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни, какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ, въ ожиданіи, что и вы откликнетесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобъ онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конискомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи — вода живая, наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его вашими кипучими каплями. Посланіе къ Давыдову — прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ — и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи. Прощайте, пишите мнѣ, да кстати ужь напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его Посланіе, напечатанное въ Новоселье (помнится) и о которомъ вы ему ни слова не молвили. Будьте здоровы и пишите, то есть: живи и жить давай другимъ. Весь вашъ Ал.

Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и еще какую-нибудь легенду: нужно.

Михайловское, 14 апрѣля 1836.

---

558. **М. П. Погодину.** [Михайловское, 14 апрѣля.] — Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ. Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его ужь получили. — Статья о вашихъ Афоризмахъ писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духа ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня, если вы ею недовольны. Не войдете ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за

Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ С-Петербургъ. А въ Москву буду въ маѣ — порыться въ архивѣ и свидѣться съ вами.—Весь вашъ А. П.

14 апрѣля. Михайловское.

---

559. **А. Н. Мордвинову.** [Спб., 28 апрѣля]. — М. Г. Александръ Николаевичъ. Спѣшу препроводить къ Вашему Пр-ву полученное мною письмо. Мнѣ вручено оное тому съ недѣлю, по моему возвращенію съ прогулки, оно было просто отдано моимъ людямъ безъ всякаго словеснаго препорученія неизвѣстно кѣмъ. Я полагалъ, что письмо доставлено мнѣ съ Вашего вѣдома.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, М. Г., Вашего Пр-ва покорнѣйшимъ слугою. *Александръ Пушкинъ.*

28 апр. 1836. С. П. Б.

Помѣчено: „Отв. 30-го апрѣля;“ и „Ген. Губ. Восточн. Сибири“.

---

560. **И. И. Лажечникову.** Тверская станція, проѣздомъ; 1 мая.—Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ. — Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, минутное знакомство. — Отлагаю до сентября, то есть до возвратнаго пути; покамѣстъ поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству. — Сердечно васъ уважающій *Пушкинъ.*

---

561. **Н. Н. Пушкиной.**—4 мая, Москва, у Нащокина—противу Стараго Пимена, домъ г-жи Ивановой. Вотъ тебѣ, Царица моя, подробное донесеніе: путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse. Жена его очень мила. Онъ счастливъ и потолстѣлъ. Мы, разумѣется, другъ другу очень обрадовались, и цѣлый вчерашній день проболтали, Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ, и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета, имъ писаннаго? невоз-

можно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, какъ прогнала ты прусака Кридена. Мнѣ очень хочется привезти Брюлова въ Петербургъ. А онъ настоящій художникъ, добрый малый, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его было заполонилъ: перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ.— Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства — недостаетъ только живыхъ человѣчиковъ. Какъ бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акулова, долгоносая пѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выдти замужъ. Надежда не сбылась. Она впала въ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убѣжала къ Троицѣ. Ее насилу поймали, и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣются, что у ней бѣлая горячка, но врядъ ли. Видѣлъ я свата нашего Толстого; дочь у него, также почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона и лечится гомеопатически. Чадаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать, и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.— Вотъ, является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цѣлую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже о свадьбѣ Marie W. — Я секретничаю покамѣстъ. Прости, мой другъ, — цѣлую тебя еще разъ.

(Адресъ прежній. Штемпель. Москва. 5 мая).

---

562. **Ей же.** (Москва, 6 мая).—Вотъ ужь три дня, какъ я въ Москвѣ, и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцевымъ на поклоненіе не бывалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь—глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстова, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія бы тебѣ московскія сплетни передать? что-то ихъ много, да не вспомню. Что Москва говоритъ о Петербургѣ, такъ это умора. Напримѣръ: есть у васъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ, влюбленъ онъ въ Idalie Полетику и далъ

за нее пощечину Гринвальду. Савельевъ на дняхъ будетъ разстрѣлянъ. Вообрази, какъ жалко Idalie! И про тебя, душа моя, идутъ кой-какіе толки, которые не вполнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ; однакожь видно, что ты довела К о г о-т о до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Нехорошо, мой ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе вашего пола. Чтобъ чѣмъ-нибудь полакомить Москву, которая ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я разсказываю, что Александръ Карамзинъ (сынъ исторіографа) хотѣлъ застрѣлиться изъ любви pour une belle brune, но что, по счастью, пуля вышибла только передній зубъ. Однако, полно врать. — Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны, я то же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ. — При семъ п а к е т ъ къ Плетневу, для С о в р е м е н н и к а; коли цензоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ Комитетъ, и ради Бога, напечатать во 2 №. Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ. Что твое брюхо, и что твои деньги? Я не раскаиваюсь въ моемъ пріѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургѣ. На дачѣ ли ты? Какъ ты съ хозяиномъ управилась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію — а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить н....ки и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что.... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается. Цѣлую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь. _____

563. **Кн. П. А. Вяземскому.** (Москва, 7 мая). — Вотъ въ чемъ дѣло: Рязанскимъ губернаторомъ было сдѣлано представленіе (№ 11.483) касательно пенсіи, слѣдующей вдовѣ Степана Савельевича Губанова, губернскаго землемѣра. Жена его въ крайности и проситъ ускорить время полученія оной пенсіи.

Пожалуйста, мой милый, сдѣлай это черезъ Д. В. Дашкова, отъ котораго дѣло это зависитъ: очень обяжешь и

Акулова, у котораго пишу тебѣ эту записку и который о томъ же тебя проситъ.—*А. Пушкинъ.*

---

564. **Н. Н. Пушкиной.** (Москва, 11 мая).—Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный мове-тонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ, какъ вздумаетъ,—порядокъ ничего не значитъ. Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? онѣ мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской?—Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть. Впрочемъ, это не важно.—Вчера былъ у меня Ив. Никол. Онъ увѣряетъ, что дѣла идутъ хорошо. Впрочемъ, Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пребезпутная. Дома не сижу—въ архивѣ не роюсь. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. На дняхъ обѣдать я у Орлова, у котораго собрались Московскіе Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный человѣкъ и очень добрый малый, но до него я какъ-то не охотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій, который прошлаго разу казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица—говорятъ, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ прибавилось и то, что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую прелесть. Недавно сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отроду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего Путешествія въ Сицилію. Не побранить ли мнѣ его en bon parent? Вчера ужиналъ у кн. Ѳед. Гагарина, и возвратился въ 4 часа утра—въ такомъ добромъ расположеніи, какъ бы съ бала. Нащокинъ здѣсь одна моя отрада. Но онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клубъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чадаева видѣлъ всего разъ.—Письмо мое похоже на Тургеневское — и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ. Ѣду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ я у Солнцевой — его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ

въ деревню на лѣто. Кузинки пищатъ, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ, бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ (которое стоитъ Послѣдняго дня Помпеи), приговаривая: — Замѣть, какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ этакой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу, пьяница онъ.— Умора. Ну, прощай. Цѣлую тебя и ребятъ, будьте здоровы,—Христосъ съ вами

11 мая.

———

565. **Ей же.** (Москва, 14-16 мая).— Что это, женка? такъ хорошо было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужь не родила ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда—а я уже собираюсь къ тебѣ. Въ архивахъ я былъ, и принужденъ буду опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на шесть; что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужь возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Сижу дома— вижу только мужескъ полъ. Пѣшкомъ не хожу, не прыгаю — и толстѣю.

На дняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю— а у него жена выкинула. Это намъ не помѣшало отобѣдать очень скучно и очень дурно. Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умѣю; но Наблюдатели меня не жалуютъ. Любитъ меня одинъ Нащокинъ. Но тинтере мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ ли и со мною? право, боюсь. Баратынскій однакожь очень милъ. Но мы какъ-то холодны другъ ко другу. — Зазываю Брюлова къ себѣ въ Петербургъ.—Но онъ боленъ и хандритъ.

Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: — у меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылѣпимъ. Видѣлъ я невѣсту Хомякова. Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Она, какъ говорилъ покойный Гнѣдичъ, pas une belle-femme, но une jolie figurlette. Прощай, на минуту: ко мнѣ

входятъ два буфона. Одинъ маіоръ-мистикъ, другой пьяница-поэтъ; оставляю тебя для нихъ.

14 мая.

Насилу отдѣлался отъ буфоновъ — въ томъ числѣ отъ Норова. Всѣ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выѣздѣ. Ты ужь, вѣроятно, въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетащила тѣхъ и другихъ? и какъ перетащила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангелъ. Богъ съ тобою и съ дѣтьми. Будьте здоровы.— Кланяюсь твоимъ наѣздницамъ.—Цѣлую ручки у Катерины Ивановны. — Прощай. — *А. П.*

Я получилъ отъ тебя твое премилое письмо—отвѣчать некогда—благодарю и цѣлую тебя, мой ангелъ.

16 мая.

(На особомъ листкѣ, написано карандашомъ):

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня разнѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р.— Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ; теперь, покамѣстъ, прощай.—У меня сидитъ Иванъ Николаевичъ.

---

566. **Ей же.** (Москва, 18 мая). — Жена, мой ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я съ тобою побранюсь: зачѣмъ тебѣ было писать? — Это мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26-го. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выдетъ. А ты безъ меня не родишь. Можешь ли ты изъ полученныхъ денегъ дать Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся — вотъ и все. Новое твое распоряженіе, касательно твоихъ доходовъ, касается тебя, дѣлай какъ хочешь; хоть, кажется, лучше имѣть дѣло съ Дмитріемъ Николаевичемъ, чѣмъ съ Натальей Ивановной. Это я говорю только dans l'intérêt de m-r Durier et de m-me Sichler, а мнѣ все равно. Твои петербургскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева. — У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разсчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэля, и подвергается одному наказанію—а не смертной казни. Утопленіе Сталыпина — ужасъ! неужто невозможно было помочь? У насъ въ Москвѣ, все слава Богу, смирно: бой Кирѣева съ Яромъ произвелъ великое негодованіе въ чопорной здѣшней публикѣ. Нащокинъ заступается за Кирѣева очень просто и очень умно: что за бѣда, что гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, ко-

торый сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы били нѣмцевъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а нѣмцы получали тычки сложа руки? По мнѣ, драка Кирѣева гораздо простительнѣе, нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются батистовымъ платкомъ, смекая, что если выдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ. Брюловъ сейчасъ отъ меня ѣдетъ въ Петербургъ, скрѣпя сердце: боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужь полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: Vous avez trompé, и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело, нечего сказать.—Прощай, будьте здоровы. Цѣлую тебя.

18 (мая).

(Прежній адресъ: Штемпели: Москва, 18 мая; Спб., 21 мая).

---

567. **Князю М. А. Дондукову-Корсакову.** (Черновое). (Спб., въ маѣ.) — Письмо, коимъ в. с-во удостоили меня, и статью о взятіи Дрездена имѣлъ счастіе получить. Хотя цензура и не могла допустить печатать оправданіе генерала Давыдова, тѣмъ не менѣе, М. Г., благодаренъ я в. с-ву за вниманіе, коимъ изволили почтить мою покорнѣйшую просьбу.—Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и пр.

---

568. **Д. В. Давыдову.** (Черновое, Спб., 23 мая). — Я сейчасъ изъ Москвы. Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать прежде нежели ее напечатаютъ, ибо она есть цензурный документъ. Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны. Покамѣстъ благодарю за позволеніе напечатать ее и въ настоящемъ ея видѣ. Чортъ побери генералъ-лейтенанта Винцингероде! А жаль, что не тиснули мы ее во 2-мъ №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда какъ кстати тутъ же было заколоть у подножія Вандомской колонны генерала Винцингероде, какъ жертву примирительную! Я было и рукава засучилъ—вырвался, проклятый! Богъ съ нимъ, чортъ его побери!

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои „Очи“ безъ твоего позволенія: я бы радъ, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно бы безъ имени? Отъ Языкова ждуписемъ

---

569. **Генералу Ушакову.** (Черновое. Спб.. въ маѣ). — Возвратясь изъ Москвы, я имѣлъ честь получить вашу книгу и ее прочелъ. Не берусь судить о ней, какъ о произведеніи ученаго военнаго человѣка, но восхищаюсь яснымъ, краснорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. Отнынѣ великое имя покорителя Кавказа соединено будетъ съ именемъ его блестящаго историка.

Съ изумленіемъ увидѣлъ, что вы мнѣ даровали безсмертіе одною чертою вашего пера. Вы впустили меня въ храмъ славы, какъ нѣкогда графъ Эриванскій позволилъ мнѣ въѣхать въ имъ завоеванный Арзрумъ. Съ глубочайшимъ etc.

---

570. **П. В. Нащокину.** (Спб.. 27 мая). — Любезный Павелъ Воиновичъ! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей NB.), и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Во-вторыхъ — деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣзу.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу — на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2-хъ часовъ en tout.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно имъ займусь дѣятельно. Прощай, будь счастливъ въ тинтере и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ. Ея комиссіи сдѣлать еще не успѣлъ. На дняхъ буду хлопотать.

Вотъ тебѣ анекдотъ о моемъ Сашкѣ. Ему запрещаютъ (не знаю зачѣмъ) просить, чего ему хочется. На дняхъ говоритъ онъ своей теткѣ: Азя! дай мнѣ чаю — я просить не буду.

[На конвертѣ: 27 мая 1836].

---

571. **А. Н. Муравьеву.** (Спб., май-іюнь). Сердечно благодарю за статью, которую я такъ долго ожидалъ. Я передъ вами кругомъ виноватъ, я не только долженъ, но еще и желалъ бы съ вами поговорить. Когда я васъ застану? *А. Пушкинъ.*

[Адресъ: Его Высокоблагородію М. Г. Андрею Николаевичу Муравьеву].

---

572. **Л. С. Пушкину.** (Спб., 3 іюня). — Вотъ тебѣ короткій разсчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ Псковской губерніи [1] стоятъ (полагая 500 р. за душу, вмѣсто обыкновенной цѣны — 400 р.) — 40000 р.

Изъ оныхъ выключается 7-я часть на отца . . 5714
Да 14-я часть на сестру 2857

Итого 8571

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить поровну — 31429 р.

На твою часть придется — 15715.

Прежде сентября мѣсяца мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какіе у тебя долги въ Тифлисѣ и, если успѣешь, то купи свои векселя, покамѣстъ кредиторы твои не узнали о твоемъ наслѣдствѣ.

Изъ письма твоего къ Ник. Ив. (Павлищеву) вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ; долгъ Плещееву заплаченъ (кромѣ 30 черв., о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія нашимъ имѣніемъ). Долгъ Ник. Ив. также заплаченъ. Изъ мелочныхъ не заплаченъ долгъ Гута и нѣкоторые другіе, которые ты знаешь, говоритъ мнѣ Ник. Ив.

3 іюня.

Мнѣніе мое: эти 15000 разсрочить тебѣ на три года, ибо, вѣроятно, тебѣ деньги нужны, и ты на полученіе половины доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь. — О положенномъ тебѣ отцомъ буду съ нимъ говорить, хоть это, вѣроятно, ни къ чему не поведетъ. Отдавая ему имѣніе, я было выговорилъ для тебя независимые доходы съ половины Кистенева. Но, видно, отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцовскаго.

---

573. **А. А. Краевскому.** (Спб., 13 іюня). — Я разрѣшилъ типографіи печатать Парижъ прежде послѣднихъ статей: о Ревизорѣ и о новыхъ книгахъ, ибо Парижъ, благо, готовъ, а тѣ еще не переписаны, и въ тискахъ у Крылова не бывали. Простите. Будьте здоровы, такъ и мы будемъ живы. — Весь вашъ *А. П.*

13 іюня.

[Адресъ: Его благородію А. А. Краевскому, отъ Пушкина].

---

[1] Псковская деревня принадлежала матери Пушкина.

574. **Ему же.** — Муравьевъ замѣтилъ важную ошибку въ своей сценѣ: цѣлый стихъ выпущенъ —

Кто за великаго магистра?
князь боэмундъ. Я! (стр. 163).

Что намъ дѣлать? Перепечатать ли страницу или помѣтить въ Errata?

---

575. **И. И. Дмитріеву.** (Спб., 14 іюня). — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Возвратясь въ Петербургъ, имѣлъ я счастіе найти у себя письмо отъ вашего высокопр-ва. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое вами въ несчастіи, которое насъ постигло.

Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе.

Замѣчаніе о вашемъ омонимѣ украситъ второй № Современника и будетъ напечатано слово въ слово. Вашъ Созій не сынъ Юпитера, и его встрѣча съ вами для него невыгодна во всѣхъ отношеніяхъ.

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего высокопр-ва покорнѣйшимъ слугою. — *Александръ Пушкинъ.*

14 іюня. Спб.

---

576. **І. М. Пеньковскому.** (Спб., 14 іюня). — Возвратясь изъ Москвы, нашелъ я у себя письмо ваше. Надѣюсь, что квитанція изъ Московскаго Совѣта вами уже получена. Оброка прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистенево положить на пашню, то съ Богомъ. Но врядъ ли это возможно.

Батюшка намѣренъ нынѣшній годъ побывать у васъ, но врядъ ли сберется. Жить же въ Болдинѣ, вѣроятно, не согласится. Если не останется онъ въ Москвѣ, то, думаю, поселится въ Михайловскомъ.

Очень вамъ благодаренъ за ваши попеченія о нашемъ имѣніи. Знаю, что въ прошломъ году вы остановили батюшку въ его намѣреніи продать это имѣніе и тѣмъ лишить, если не меня, то дѣтей моихъ, послѣдняго вѣрнаго куска хлѣба. Будьте увѣрены, что я никогда этого не забуду — *А. П.*

14 іюня 1836 г. Спб.

О Михайлѣ и его семьѣ буду къ вамъ писать.

---

577. **Н. А. Дуровой.** (Спб., въ концѣ іюня). — Очень васъ благодарю за ваше откровенное и рѣшительное письмо. Оно очень мило, потому что носитъ отпечатокъ вашего пылкаго и нетерпѣливаго характера. Буду отвѣчать по пунктамъ, какъ говорятъ подъячіе.

1) Записки ваши еще переписываются. Я долженъ былъ ихъ отдать только такому человѣку, въ которомъ могъ быть увѣренъ. Оттого дѣло и замѣшкалось.

2) Государю угодно было быть моимъ цензоромъ; это правда; но я не имѣю права подвергать его разсмотрѣнію произведенія чужія. Вы, конечно, будете исключеніемъ, но для сего нуженъ предлогъ, и о томъ-то и хотѣлось мнѣ съ вами переговорить, дабы скоростью не перепортить дѣла.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вамъ еще чуждое. Хлопоты сочинителя вамъ не понятны. Издать книгу нельзя въ одну недѣлю; на то требуется, по крайней мѣрѣ, мѣсяца два. Должно рукопись переписать, представить нъ цензуру, обратиться въ типографію, и проч., и проч.

4) Вы пишете мнѣ: дѣйствуйте, или дайте мнѣ дѣйствовать. Какъ скоро получу рукопись переписанную, тотчасъ и начну. Это не можетъ и не должно мѣшать вамъ дѣйствовать съ вашей стороны. Моя цѣль — доставить вамъ какъ можно болѣе выгоды и не оставить васъ въ жертву корыстолюбивымъ и неисправнымъ книгопродавцамъ.

5) Ѣхать къ государю на маневры мнѣ невозможно по многимъ причинамъ. Я даже думалъ обратиться къ нему въ крайнемъ случаѣ, если цензура не пропуститъ вашихъ Записокъ. Это объясню я вамъ, когда буду имѣть счастіе васъ увидѣть лично.

Остальные 500 рублей буду имѣть вамъ честь доставить къ 1-му іюлю. У меня обыкновенно (какъ и у всѣхъ журналистовъ) платежъ производится только по появленіи въ свѣтъ купленной статьи.

Я знаю человѣка, который охотно купилъ бы ваши Записки; но, вѣроятно, его условія будутъ выгоднѣе для него, чѣмъ для васъ. Во всякомъ случаѣ, продадите ли вы ихъ, или будете печатать отъ себя, всѣ хлопоты изданія, корректуры и проч. — извольте возложить на меня. Будьте увѣрены въ моей преданности и ради Бога не спѣшите осуждать мое усердіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*

P. S. На дняхъ выйдетъ 2-й № Современника. Тогда я буду свободнѣе и при деньгахъ.

---

578. **А. А. Жандру.** (Черновое). — Осмѣливаюсь тебя безпокоить просьбою за молодого человѣка, мнѣ незнакомаго, но который находится въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленной помощи. Г. Хл. на дняхъ пріѣхалъ изъ Малороссіи. Онъ здѣсь безъ денегъ и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученному, онъ уменъ и имѣетъ благородныя чувства. Вотъ въ чемъ просьба моя къ тебѣ: онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не имѣлъ доступа до кн. Меншикова. Я обѣщалъ его тебѣ представить, и отвѣчаю за твою готовность сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

---

579. **А. А. Краевскому.** (Спб., 6 іюля) — Въ статьѣ Вяземскаго о Юліи Кесарѣ и Наполеонѣ есть ошибки противу языка въ собственныхъ именахъ. Напримѣръ: Тарквинъ вмѣсто Тарквиній, Парфы вмѣсто Парѳяне, Тиверій вмѣсто Тиберій, и другія. — Исправьте, сдѣлайте милость, если замѣтите.

6 іюля.

---

580. **Ему же.** — Сейчасъ отправляюсь къ цензуру. Думаю мои статьи переслать кн. Корсакову. До свиданія.

---

581. **Ему же.** М. Г. Александръ Андреевичъ. Вчера былъ я у васъ не имѣлъ удовольствія застать васъ дома. Завтра явлюсь къ вамъ поутру. Не имѣю словъ для изъясненія глубочайшей моей благодарности вамъ и кн. Одоевскому. До свиданія. — Весь вашъ *А. П.*

---

582. **Н. И. Павлищеву.** (Спб., 13 іюля). — Я очень зналъ, что прикащикъ плутъ, хотя, признаюсь, не подозрѣвалъ въ немъ такой наглости. Вы прекрасно сдѣлали, что его прогнали, и что взялись сами хозяйничать. Одно плохо: по письму вашему вижу, что, вопреки моему приказанію, прикащикъ успѣлъ уже все распродать. Чѣмъ же будете вы жить покамѣстъ? Ей-Богу, не вѣдаю. Вашъ Пановскій ко мнѣ не является. Но такъ какъ я еще не имѣю довѣ-

ренности отъ Льва Сергѣевича, то я его и не отыскивалъ. Однако, гдѣ мнѣ найти его, когда будетъ до него нужда? Батюшка уѣхалъ изъ Петербурга 1-го іюля, и я не получилъ отъ него извѣстія. Письмо сестры перешлю къ нему, коль скоро узнаю, куда къ нему писать; что ея здоровье? Отъ всего сердца обнимаю ее. Кланяюсь также милой и почтенной Прасковьѣ Александровнѣ (Осиповой), которая совсѣмъ меня забыла. — Здѣсь у меня голова кругомъ идетъ, думаю пріѣхать въ Михайловское, коль скоро немножко устрою свои дѣла

13-го іюля 1836 года.

[Адресъ: Его Высокоблагородію, м. г. Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ городъ Островъ, оттуда въ Вревъ].

---

583. **Ему же.** (Спб., въ началѣ августа). — Пришлите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, объявленіе о продажѣ Михайловскаго, составя его на мѣстѣ; я такъ его и напечатаю. Но постарайтесь на мѣстѣ же переговорить съ лучшими покупщиками. Здѣсь за Михайловское одинъ изъ моихъ сосѣдей, знающій и край, и землю нашу, предлагалъ мнѣ 20.000 рублей. Признаюсь, врядъ ли кто дастъ вдвое, а о 60.000 я не смѣю и думать. На сдѣлку, вами предлагаемую, не могу согласиться, и вотъ почему: батюшка никогда не согласится выдѣлить Ольгу, а полагаться на Болдино мнѣ невозможно. Батюшка уже половину имѣнія прожилъ и проглядѣлъ, а остальное хотѣлъ уже продать. Вы пишете, что Михайловское будетъ мнѣ игрушка; такъ — для меня, но дѣти мои ничуть не богаче вашего Лели, и я ихъ будущностью и собственностію шутить не могу. Если, взявъ Михайловское, понадобится вамъ его продать, то оно мнѣ и игрушкою не будетъ. Оцѣнка ваша въ 64.000 выгодна, но надобно знать, дадутъ ли столько; я бы и далъ, да денегъ не хватаетъ. да кабы и были, то я капиталъ свой могъ бы употребить выгоднѣе.—Кланяюсь Ольгѣ, дай Богъ ей здоровья, — а намъ хорошихъ покупщиковъ. Нынче осенью буду въ Михайловскомъ — вѣроятно въ послѣдній. Желалъ бы васъ еще застать. — *А. Пушкинъ.*

1836.

[Адресъ: „Его высокобл. м. г. Николаю Ивановичу Павлищеву. Въ Островъ, въ село Вревъ].

---

584. **Н. А. Дуровой.** (Спб.. сентябрь). — Вотъ начало вашихъ Записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое искреннее и безкорыстное —

оставить какъ есть. Записки Амазонки какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой — просто, искренно и благородно. Будьте смѣлы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся. — Весь вашъ *А П.*

Домъ мой къ вашимъ услугамъ. На Дворцовой набережной, домъ Баташева, у Прачешнаго мосту.

---

585. **Д. В. Давыдову.** (Черновое, Спб., въ сентябрѣ). — Ты думалъ, что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима? [1] Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется, военные цензоры вымарываютъ для того, чтобъ доказать, что они читаютъ. Цензура—дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства; но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову... Одно спасеніе намъ, если государь успѣетъ самъ прочитать и разрѣшить.

---

586. **П. А. Корсакову.** (Спб., до 28 сентября).—М. Г. Петръ Александровичъ. Нѣкогда, при первыхъ моихъ шагахъ на поприщѣ литературы, вы подали мнѣ дружескую руку. Нынѣ осмѣливаюсь прибѣгнуть снова къ вашему снисходительному покровительству.

Вы одинъ у насъ умѣли сочетать щекотливую должность цензора съ чувствомъ литератора лучшихъ, не нынѣшнихъ временъ. Знаю, какъ вы обременены занятіями; мнѣ совѣстно васъ утруждать; но къ вамъ одному можемъ мы прибѣгать съ полной довѣренностью и съ искреннимъ уваженіемъ кь вашему окончательному рѣшенію. Пеняйте же сами на себя. Осмѣливаюсь препроводить на разрѣшеніе къ вамъ первую половину моего романа, прося васъ сохранить тайну моего имени.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, м. г., вашъ покорнѣйшій слуга *А. Пушкинъ.*

---

587. **Н. И. Гречу.** (Спб., 13 октября).—М. Г. Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лицо Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства, но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

13 октября 1836 г.

[На конвертѣ съ черной печатью: Его высокоблаг. м. г. Николаю Ивановичу Гречу etc. За Синимъ мостомъ, на Мойкѣ, въ собств. домѣ. Свѣрено съ подлиннымъ].

---

588. **Бар. М. А. Корфу.** (Спб., 14 октября).—Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ, и останется у меня памятникомъ. Право, жалѣю, что, государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употреблю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле—эта новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять!—Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего человѣческая природа лѣнива (русская природа въ особенности). До свиданія. Завтра, вѣроятно, мы увидимся у Мясоѣдова.

Сердцемъ тебѣ преданный. *А. П*

14 октября.

---

589. **М. Л. Яковлеву.** (Спб., въ октябрѣ).—Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напомнить. — *№ 14*.

---

590. **П. Я. Чаадаеву.** (Черновое Спб., 19 октября). Je vous remercie de la brochure que vous m'avez envoyée. J'ai été charmé de la relire, quoique très étonné de la voir traduite et imprimée. Je suis content de la traduction: elle a conservé de l'énergie et du laisser-aller de l'original. Quant aux idées, vous savez que je suis loin d'être tout-à-fait de votre avis. Il n'y a pas de doute que le schisme nous a séparé

„Руслanъ“.

Съ картины художника Синцова.

du reste de l'Europe, et que nous n'avons pas participé à aucun des grands événements qui l'ont remuée; mais nous avons eu notre mission à nous. C'est la Russie, c'est son immense étendue qui a absorbé la conquête des Mogoles. Les Tartares n'ont pas osé franchir nos frontières occidentales et nous laisser à dos. Ils se sont retirés vers leurs déserts, et la civilisation chrétienne a été sauvée. Pour cette fin, nous avons dû avoir une existence tout-à-fait à part, qui en nous laissant chrétiens, nous laissait cependant tout-à-fait étrangers au monde chrétien, en sorte que notre martyre ne donnait aucune distraction à l'énergique développement de l'Europe catholique.

Vous dites que la source où nous sommes allés puiser le christianisme était impure, que Byzance était méprisable et méprisée etc. Hé, mon ami! Jésus-Christ lui-même n'était-il pas né Juif, et Jérusalem n'était-elle pas la fable des nations? L'Evangile en est-il moins admirable? Nous avons pris de Grecs l'Evangile et les traditions, et non l'ésprit de puérilité et de controverse. Les moeurs de Byzance n'ont jamais été celles de Kiov. Le clergé russe, jusqu'à Théophane, a été respectable; il ne s'est jamais soulié des infamies du papisme, et certes n'aurait jamais provoqué la réformation au moment où l'humanité avait le plus besoin d'unité. Je conviens que notre clergé actuel est en retard. En voulez-vous savoir la raison? C'est qu'il est barbu, voilà tout. Il n'est pas de bonne compagnie.

Quant à notre nullité historique, décidément je ne puis être de votre avis. Les guerres d'Oleg et de Sviatoslav, et même les guerres d'apanage n'est-ce pas, cette vie d'effervescence avantureuse et d'activité âpre et sans but qui caractérise la jeunesse de tous les peuples? L'invasion des Tartares est un triste et grand tableau. Le réveil de la Russie, le développement de sa puissance, sa marche vers l'unite (unité russe, bien entendu), les deux Ivan, le drame sublime commencé à Ouglitch et terminé au monastère d'Ipatief — quoi? Tout cela ne serait pas de l'histoire, mais un rêve pâle et à-demi oublié? Et Pierre-le-Grand, qui à lui seul est une histoire universelle? Et Catherine II, qui a placé la Russie sur le seuil de l'Europe? Et Alexandre, qui vous à mené à Paris? Et (la main sur le coeur), ne trouvez-vous pas quelque chose d'imposant dans la situation actuelle de la Russie, quelque chose qui frappera le futur historien? Croyez-vous qu'il nous mettra hors de l'Europe?

Quoique personnellement attaché de coeur à l'Empereur, je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi. Comme homme de lettres, je suis aigri; comme homme à préjugés, je suis froissé. Mais je vous jure sur mon honneur que pour rien au monde je n'aurais voulu changer de patrie,

ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée.

Voici une bien longue lettre. Après vous avoir contredit, il faut bien que je vous dise que beaucoup de choses dans votre epître sont profondément vraies. Il faut bien avouer que notre existence sociale est une triste chose, que cette absence d'opinion publique, cette indifference pour tout ce qui est devoir, jnstice et verité, ce mepris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme, sont une chose vraiment désolante. Vous avez bien fait de le dire tout haut; mais je crains que vos opinions historiques ne vous fassent du tort... Enfin, je suis fâché de ne pas m'être trouvé près de vous lorsque vous avez livré votre manuscript aux journalistes. Je ne vais nulle part et ne puis vous dire si l'article fait effet. J'espère qu'on ne le fera pas mousser.

Avez-vous lu le 3-me № du Современникъ? L'article Voltaire et John Tenner sont de moi. Козловскій serait ma providence, s'il voulait une bonne fois devenir homme de lettres. Adieu, mon ami. Si vous voyez... [1]) dites-leur bien des choses. Que disent-ils de vos lettres, eux qui sont si mediocrement chrétiens?

(На послѣдней, четвертой страницѣ рукою Пушкина написано:)

Воронъ ворону глаза не выклюетъ — шотландская пословица, приведенная В. Ск. въ Woodstock.

---

591. **П. А. Корсакову.** (Спб., до 25 октября).—М.Г. Петръ Александровичъ! Спѣшу отвѣтить на вопросы ваши. Имя дѣвицы Мироновой вымышлено. Романъ мой основанъ на преданіи, нѣкогда слышанномъ мною, будто бы одинъ изъ офицеровъ, измѣнившихъ своему долгу и перешедшихъ въ шайки пугачевскія, былъ помилованъ императрицею по просьбѣ престарѣлаго отца, кинувшагося ей въ ноги. Романъ, какъ изволите видѣть, ушелъ далеко отъ истины. О настоящемъ имени автора я бы просилъ васъ не упоминать, а объявить, что рукопись доставлена черезъ П. А. Плетнева, котораго я уже предувѣдомилъ.

Позвольте, м. г., вновь засвидѣтельствовать глубочайшее почтеніе и сердечную мою благодарность.

Честь имѣю быть, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

---

592. **Гр. А. Е. Канкрину.** (Спб., 6 ноября). — М. Г. графъ Егоръ Францовичъ. Ободренный снисходительнымъ

[1]) Два собственныхъ имени зачеркнуты такъ, что нельзя ихъ прочесть.

вниманіемъ, коимъ в. с. уже изволили меня удостоить, осмѣливаюсь вновь безпокоить васъ покорнѣйшею моею просьбою.

По распоряженіямъ, извѣстнымъ въ министерствѣ в. с-ва, я состою долженъ казнѣ (безъ залога) 45.000 руб., изъ коихъ 25.000 должны мною быть уплачены въ теченіе пяти лѣтъ.

Нынѣ, желая уплатить мой долгъ сполна и немедленно, нахожу въ томъ одно препятствіе, которое легко быть можетъ отстранено, но только вами.

Я имѣю 220 душъ въ нижегородской губерніи, изъ коихъ 200 заложены въ 40.000. По распоряженію отца моего, пожаловавшаго мнѣ сіе имѣніе, я не имѣю права продавать ихъ при его жизни, хотя и могу закладывать какъ въ казну, такъ и въ частныя руки.

Но казна имѣетъ право взыскивать, что ей слѣдуетъ, не смотря ни на какія частныя распоряженія, если только оныя высочайше не утверждены.

Въ уплату означенныхъ 45.000 осмѣливаюсь предоставить сіе имѣніе, которое вѣрно того стоитъ, а вѣроятно — и болѣе.

Осмѣливаюсь утрудить в. с-во еще одною, важною для меня, просьбою. Такъ какъ это дѣло весьма малозначуще и можетъ войти въ кругъ обыкновеннаго дѣйствія, то убѣдительнѣйше прошу в. с-во не доводить онаго до свѣдѣнія государя императора, который, вѣроятно, по своему великодушію, не захочетъ таковой уплаты (хотя оная мнѣ вовсе не тягостна), а можетъ быть, и прикажетъ простить мнѣ мой долгъ, что поставило бы меня въ весьма тяжелое и затруднительное положеніе: ибо я въ такомъ случаѣ былъ бы принужденъ отказаться отъ царской милости, что и можетъ показаться неприличіемъ, напрасной хвастливостію или даже неблагодарностію.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, М. Г., в. с-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

6-го ноября 1836 г.

---

593. **Князю Н. Б. Голицыну.** (Спб., 10 ноября). — Merci mille fois, cher prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers lancée contre les ennemis de notre pays. J'en avais déjà vu trois, dont une d'un parfait personnage de mes amis, et aucun ne vaut la vôtre. Que ne traduites-vous pas cette pièce en temps opportun: je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à toutes les vociférations de la Chamdre des Députés.

Que je vous envie votre beau climat de Crimée. Votre lettre a réveillé en moi bien des souvenirs de tout genre. C'est le berceau de mon Онѣгинъ, et vous avez sûrement reconnu certains personnages.

Vous m'annoncez une traduction en vers de mon Бахчисарайскій Фонтанъ: je suis sûr qu'elle vous réussira comme tout ce qui sort de votre plume, quoique le genre de littérature auquel vous-vous adonnez soit le plus difffcile que de traduire des vers russes en vers francais, car, vû la concision de notre langue, on ne peut jamais être aussi bref ... Honneur donc à celui qui s'en acquitte aussi bien que vous.

Adieu; je ne désespère pas de vous voir bientôt dans notre capitale, vu votre facilité de locomotion. — Tout à vous *A. Pouchkine.*

---

594. **Князю В. Ѳ. Одоевскому.** (Спб., въ ноябрѣ). — Конечно, Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нежели Сильфида; но всякое даяніе ваше благо. Кажется, „Письмо тестя" холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ „?". Оно показалось мнѣ невразумительно. Во всякомъ случаѣ, Сильфиду ли, Княжну ли, но оканчивайте и высылайте. Безъ васъ пропалъ Современникъ. — *А. П.*

---

595. **Ему же.** — Статья г. Волкова въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна, дѣльно и умно написана и занимательна, для всякаго. Однакожь я ея не помѣщу, потому что, по моему мнѣнію, правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проектъ этого Герстнера. Россія не можетъ бросить 3.000.000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей: пускай они и хлопочутъ. Все, что можно имъ обѣщать, такъ это привилегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога (желѣзная) изъ Москвы въ Нижній Новгородъ еще была бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ Петербургъ. И мое мнѣніе было бы — съ нея и начать ... Я, конечно, не противъ желѣзныхъ дорогъ, но я противъ того, чтобъ этимъ занялось правительство. Нѣкоторыя возраженія противу проекта неоспоримы. Напримѣръ: о заносѣ снѣга. Для сего должна быть выдумана новая машина, sine qua non. О высылкѣ народа или о наймѣ работниковъ для сметанія снѣга нечего и думать: это нелѣпость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать, что противу желѣзныхъ дорогъ были многіе изъ государственнаго совѣта;

и тонъ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ. Я бы желалъ, чтобъ статья была напечатана особо, или въ другомъ журналѣ; тогда бы мы объ ней представили выгодный отчетъ съ обильными выписками.

Я согласенъ съ вами, что эпиграфъ, выбранный Волковымъ, неприличенъ. Слова Петра I были бы всего болѣе приличны, но на сей разъ пришли мнѣ слѣдующія: а спросить у нѣмца, а не хочетъ ли ...?

[Адресъ: Князю Одоевскому].

596. **Н. В. Путятѣ.** (Спб., осенью). — M'étant approché hier d'une dame qui parlait à m-r de Lagrené, celuici lui dit aussi haut pour que je l'entendisse: renvoyez-le! Me trouvant forcé de demander raison de ce propos, je vous prie, Monsieur, de vouloir bien vous rendre auprès de m-r de Lagrené et de lui parler en conséquence. *Pouchkine.*

597. **Виконту д'Аршіаку.** (Спб., 17 ноября). — Je n'hésite pas à écrire ce que je puis déclarer verbalement. J'avais provoqué M-r G. Heckern en duel, et il l a accepté sans entrer en aucune explication. C'est moi qui prie Messieurs les témoins de cette affaire de vouloir bien regarder cette provocation comme non avenue, ayant appris par la voix publique que M-r Georges Heckern était décidé à déclarer ses projets de mariage avec M-lle Gontcharof, après le duel. Je n'ai nul motif d'attribuer sa résolution à des considérations indignes d'un homme de coeur.

Je vous prie, Monsieur le Comte, de faire de cette lettre l'usage que vous jugerez à propos.

Agréez l'assurance de ma parfaite considération. — *A. Pouchkine.*

17 Novembre. 1836.

598. **М. Л. Яковлеву.** (Спб., 19 ноября). — Милый и почтенный мой Михайло Лукьяновичъ! Я было тебя зазвалъ сегодня къ себѣ отобѣдать, а меня дома не будетъ. До другого раза — прости великодушно — не забудь записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному.

[Надпись: „Его высокородію м. г. Михаилу Лукьяновичу Яковлеву. У Казанскаго моста, въ домѣ казенной типографіи". Помѣта Яковлева: 19 ноября 1836].

599. **Ему же.** (Спб.). — Милый Михаилъ Лукьяновичъ! Я надѣялся съ тобой обѣдать и кутнуть — невозможно. Какъ бы о томъ дать знать Эристову? Извини меня великодушно. — *№ 14.*

600. **Ему же.**—

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ;
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ:
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождика четвергъ.

Завтра получу деньги въ 2 часа по полудни. А ввечеру тебѣ доставлю. — Весь твой А. П.

На оборотѣ: „М. Л. Яковлеву".

---

601. **Гр. А. Х. Бенкендорфу**. (Спб., 21 ноября). — Monsieur le Comte! Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à Votre Excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin de 4 novembre, j'ai reçu trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, j'ai reconnu dès le premier moment qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate. J'allai aux recherches. J'appris que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plupart des personnes qui les avaient reçu, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite da ma femme était irréprochable, on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé en cette occasion avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heckern vint chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, eu me demandant un delai de 15 jours.

Il se trouve que dans l'intervalle accordé M-r Dantès devint amoureux de ma belle-soeur M-lle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiac (second de M-r Dantès) que ma provocation fût regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société.

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le Comte, que cette lettre est une preuve du respect et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être, M-r le Comte, votre très humble et très obéissant serviteur — *A. Pouchkine.*

21 Novembre 1836.

602. **В. Ѳ. Одоевскому.** (Сбп., въ декабрѣ). — Я не очень здоровъ и занятъ. Если сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ г. Сахаровымъ, то очень меня обяжете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ. — *А. П.*

---

603. **Н. М. Коншину.** (Спб., 22 декабря). — Письмо ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу въ дѣло. Жуковскаго увижу и сдамъ ему васъ съ рукъ на руки. Съ Уваровымъ — увы! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Лажечникова, не займетесь ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? А куда бы хорошо! Все-таки, вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволю себѣ дружески вамъ за то попенять. Но будете ли вы въ Петербургѣ? Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что я васъ увижу ... Отвѣтъ постараюсь доставить вамъ какъ можно скорѣе. — *А. П.*

[Адресъ: Его высокобл. м. г. Николаю Михайловичу Коншину].

---

604. **Кн. В. Ѳ. Одоевскому.** (Спб., 28 декабря). — Такъ же зло, какъ и дѣльно. Думаю, что цензура, однакожь, не все уничтожитъ. На всякій случай спросъ не бѣда; не увидимся ли въ академіи наукъ, гдѣ засѣдаетъ князь Дундукъ?

---

605. **Кн. П. А. Вяземскому.** — Письмо твое прекрасно. Форма „М. Г.“ или „О“, и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статьѣ какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но, во всякомъ случаѣ, цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено и неловко

Какъ же быть? Думаю оставить статью, какъ она есть, а впослѣдствіи времени выбирать изъ нея все, что будетъ можно выбирать, какъ нѣкогда дѣлалъ ты и въ „Литературной Газетѣ“ со статьями, не пропущенными Щегловымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формѣ, изобрѣтенной Воейковымъ для Полевого; а куда бы хорошо. Стихи для тебя переписываю.

1837.

606. **Ѳ. А. Скобельцыну.** (Спб., 8 января). — Не можете ли вы, любезный Ѳедоръ Аѳанасьевичъ, дать мнѣ взаймы на три мѣсяца, или достать мнѣ, три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили бы меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить. — *А. Пушкинъ.*

8 янв. 1837.

---

607. **А. О. Ишимовой.** (Спб., 25 января). — На дняхъ имѣлъ я честь былъ у васъ и крайне жалѣю, что не засталъ васъ дома. Я надѣялся поговорить съ вами о дѣлѣ. П. А. [Плетневъ] обнадежилъ меня, что вамъ угодно будетъ принять участіе въ изданіи Современника. Заранѣе соглашаюсь на всѣ ваши условія и спѣшу воспользоваться вашимъ благорасположеніемъ. Мнѣ хотѣлось бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ Очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

25 января 1837.

---

608. **Гр. К. Ѳ. Толю.** (Спб., 26 января). — М. Г. графъ Карлъ Ѳедоровичъ, письмо, коего в. с-во изволили меня удостоить, останется для меня драгоцѣннымъ памятникомъ вашего благорасположенія, а вниманіе, коимъ почтили первый мой историческій опытъ, вполнѣ вознаграждаетъ меня за равнодушіе публики и критиковъ. Не менѣе того порадовало мнѣніе в. с-ва о Михельсонѣ, слишкомъ у насъ забытомъ. Его заслуги были затемнены клеветою; нельзя безъ негодованія видѣть, что долженъ онъ былъ претерпѣть отъ зависти или неспособности своихъ сверстниковъ и начальниковъ. Жалѣю, что не удалось мнѣ помѣстить въ моей книгѣ нѣсколько строкъ пера вашего для полнаго оправданія заслуженнаго воина. Какъ ни сильно предубѣ-

жденіе невѣжества, какъ ни жадно пріемлется клевета, но одно слово, сказанное такимъ человѣкомъ, каковъ вы, навсегда ихъ уничтожаетъ. Геній съ одного взгляда открываетъ истину, а истина сильнѣе царя, говоритъ священное писаніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть, М. Г., вашего с-ва покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ*.

26 января 1837.

609. **Барону Геккерну**. (Спб., 26 января). — Monsieur le Baron! Permettez-moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de Monsieur votre fils m'était connue depuis longtems et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentais du rôle d'observateur, quitte à intervenir lorsque je le jugerais à propos. Un incident qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus les lettes anonymes. Je vis que le moment était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à Monsieur votre fils—un rôle si pitoyable que ma femme étonnée de tant de lâcheté et de platitude ne put s'empêcher de rire, et que l'émotion que peut être avait-elle ressenti pour cette grande et sublime passion s'éteignit dans le mépris le plus calme et le dégout le mieux mérité.

Je suis obligé d'avouer, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous n'a pas été tout-à-fait convenable. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de Monsieur votre fils. Il parait que toute sa conduite (assez maladroite, d'ailleurs) a été dirigée par vous. C'est vous qui, probablement, lui dictiez les pauvretés qu'il venait de débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins, pour lui parler de l'amour de vorte bâtard ou soi-disant tel; et lorsque, malade de vérole, il était retenu chez lui, vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: „rendez-moi mon fils"

Vous sentez bien, Monsieur le Baron, qu'après tout cela je ne puis souffrir que ma famille aye la moindre relation avec la vôtre. C'était à cette condition que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire, et ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre, comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que Monsieur votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenu, ose adresser la parole à ma femme, ni encore moins qu'il lui débite des calem-

bourgs de corps de garde et joue le dévouement et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un lâche et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de m'adresser à vous pour prier de mettre fin à tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

J'ai l'honneur d'etre, Monsieur le Baron, votre très humble et très obéissant serviteur.

Alexandre Pouchkine.

26 Janvier. 1837

---

610. **А. И. Тургеневу.** (Спб., 26 января). Не могу отлучиться. Жду васъ до 5 часовъ. —

---

611. **Виконту д'Аршіаку.** (Спб., 27 января). — Monsieur le Vicomte! Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pourparler entre seconds. Je n'amènerai le mien que sur la place de rendez-vous. Comme c'est M-r Heckern qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance, quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure ou lieu, je suis tout-à-fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres Russes cela suffit. Je vous prie de croire, M-r le Vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai rien de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que je ne bouge plus que pour aller sur place.

Veuillez accepter l'assurance de ma parfaite considération. — *A. Pouchkine.*

27 Janvier, entre 9 ½ et 10 h. du matin.

---

612. **А. О. Ишимовой.** (Спб., 27 января). — Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалко, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ вамъ Barry Cornwall. — Вы найдете въ концѣ книги пьесы, отмѣченныя карандашомъ: переведите ихъ, какъ умѣете, — увѣряю васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу „Исторію въ разсказахъ", и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, м. г-ня, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *А. Пушкинъ.*

27 янв. 1837.

Примѣчанія.

1. И. И. Мартынову.

Это—самое раннее изъ извѣстныхъ доселѣ писемъ Пушкина. Оно напечатано было въ Рус. Арх. 1889, III, 507 и у Грота, Пушк., 174. Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, извѣстный переводчикъ древнихъ классиковъ, былъ директоромъ департамента нар. просвѣщенія при министрѣ гр. А. К. Разумовскомъ. Рѣчь идетъ о стихотвореніи „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г.“ см. 1, 140, 454, которое и было отправлено въ Петербургъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ.

Я. К. Гротъ указываетъ, что подлинный автографъ написанъ на почтовомъ листѣ тщательнымъ почеркомъ, но, очевидно, потомъ былъ вновь переписанъ начисто, такъ какъ въ немъ слова „Его Величеству“ зачеркнуты, и вмѣсто ихъ надъ строкою набросано сокращенно, другою рукою: „Государю Императору“.

2. Князю П. А. Вяземскому.

Шапелемъ и Буало П. называетъ кн. Вяземскаго, съ которымъ познакомился незадолго передъ тѣмъ у своего дяди В. Л. Пушкина. О Шапелѣ см. 1, 440.

[2] Ср. набросокъ къ строфѣ 4-й I гл. Онѣгина (IV, 293).

Мой другъ горѣлъ отъ нетерпѣнья
Избавиться скорѣй ученья,—
Большого свѣта блескъ и шумъ
Давно плѣняли юный умъ.

[3] Въ издаваемомъ имъ журналѣ „Амфіонъ“ 1815 г.

[4] Участвовать въ занятіяхъ „Арзамаса“. См. I, 511.

[5] Изъ посланія кн. Вяземскаго къ Д. В. Давыдову, напеч. въ „Амфіонѣ“ 1815, № 4 (Соч. Вяз., III, 66).

[6] Князья Шаликовъ, Шаховской и Ширинскій-Шихматовъ.

[7] Сергѣй Григорьевичъ, лицейскій товарищъ Пушкина. См. I, 408.

3. В. Л. Пушкину.

Напечатано въ *Сынъ Отеч.* 1821, № 8, стр. 178. Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо дяди отъ 17 апрѣля 1816 („Складчина" 1874, стр. 366), гдѣ В. Л. говоритъ: „Ты—братъ мнѣ по Аполлону". *Опасный Сосѣдъ*—извѣстное шуточное стихотвореніе В. Л.; *Вотъ* — его прозвище въ „Арзамасѣ". Комическія подробности его пріема въ это общество разсказаны Вигелемъ, Восп., V, 41-43, кн. Вяземскимъ, Соч., VIII, 417-418 и М. А. Дмитріевымъ („Мелочи изъ запаса моей памяти"). См. еще статью Лонгинова въ *Рус. Арх.* 1863, стр. 868-871. Ословъ-Шишковъ; Шутовской-Шаховской; Шольё Андреевичъ — кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій.

4. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] 9 іюня 1817 г. Пушкинъ былъ выпущенъ изъ Лицея съ чиномъ X класса и 13 іюня опредѣленъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ П. М. Юдинымъ, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ содержаніемъ по 700 руб. въ годъ. 3 іюля онъ подалъ прошеніе объ отпускѣ по 15 сентября въ Псковскую губ. „для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ",— и, какъ видно изъ этого письма, вернулся въ Петербургъ ранѣе назначеннаго срока.

[2] *Асмодей*—„арзамасское" прозвище кн. Вяземскаго.

5. А. И. Тургеневу.

[1] Въ половинѣ іюня 1819 г. Пушкинъ былъ серьезно боленъ и, нѣсколько оправившись, подалъ 9 іюля прошеніе объ отпускѣ въ деревню „по собственнымъ дѣламъ" и уѣхалъ, около 15-го, въ Михайловское (I, 550), не успѣвъ проститься съ Тургеневымъ. Кто такіе „оба Мирабо" — мы не могли доискаться.

[2] Посланіе къ А. Ѳ. Орлову (I, 242) написано, вѣроятно, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

[3] Дмитрій Александровичъ Кавелинъ (I, 364, 671) былъ въ то время директоромъ Спб. университета.

[4] Сергѣй Александровичъ Соболевскій, сынъ Александра Ив. Соймонова и Анны Ив. Лобковой, былъ школьнымъ товарищемъ Льва Сергѣевича Пушкина.

[5] Тургеневъ состоялъ тогда при министрѣ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынѣ и занимался дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

6. Н. И. Кривцову.

Рук. Моск. Муз. № 2364, л. 71; *Рус. Стар.* 1884, т. 41, стр. 659. Черновому наброску предшествуютъ два стиха:

Нѣтъ, нѣтъ, мои друзья, напрасны ваши пени:
Я васъ люблю, все тотъ же я...

7. П. Б. Мансурову.

Съ подлинника, находящагося въ Имп. Публ. Б-кѣ, напеч. Я. К. Гротомъ въ *Рус. Стар.* 1880, т. 28, стр. 543—544. Здѣсь вновь свѣрено съ рукописью и отчасти дополнено. *Черточки* находятся въ подлинникѣ, а *точками* означены пропуски.

Павелъ Борисовичъ Мансуровъ, родственникъ Никиты Всев. Всеволожскаго (упомянутаго въ этомъ письмѣ), былъ адъютантомъ при гр. Депрерадовичѣ; въ 1812 — 1814 гг. былъ ординарцемъ у Раевскаго; въ 1815 поступилъ въ конно-егерскій полкъ; въ 1825 женился и вышелъ въ отставку; позднѣе служилъ одно время въ м-вѣ финансовъ. Умеръ въ глубокой старости, въ началѣ 80-хъ гг.

[1] Танцовщица, только что выпущенная изъ Театральнаго училища. Въ собраніи автографовъ Имп. Пуб. Б-ки есть стихотвореніе Пушкина къ Мансурову, написанное, вѣроятно, около этого же времени:

Мансуровъ, закадычный другъ!
Надѣнь вѣнокъ терновый,
Вздохни—и рюмку выпей вдругъ
За здравіе Крыловой.
Повѣрь, она вѣрна тебѣ,
Какъ дѣвственница Ласси;
Она покорствуетъ судьбѣ
И госпожѣ Казасси.
Но скоро счастливой рукой
Набойку школы скинетъ,
На бархатъ ляжетъ предъ тобой
И . . . . . .

Казасси, Марья Францевна (ум. 1827) — инспектриса Театр. училища, жена бывшаго импрессаріо итальянской оперы при Павлѣ I, Антона Ивановича Казасси (ум. 1832).

[2] Елена Яковлевна, см. I, 234, 537.

[3] „Пустодомы", предст. въ первый разъ 10 окт. 1819, См. П. Арапова, Лѣтопись рус. театра (Спб. 1861), стр. 281.

[4] Яковъ Николаевичъ, см. I, 552.

[5] О Зеленой Лампѣ, см. I, 545.

8. Князю П. А. Вяземскому.

[1] П. А. Катенинъ (I, 596-598), служившій тогда въ преображенскомъ полку.

[2] Соч. Вяз., III, 295-296. Вѣроятно, П. имѣлъ въ виду слѣдующіе стихи:

Но что несноснѣе тѣхъ умниковъ спесивыхъ,
Нелѣпыхъ знатоковъ, судей многорѣчивыхъ,
Которыхъ всѣ права—надменность, пренья шумъ,
А глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ?

[3] „Уныніе" — въ *Сынѣ Отеч.* 1820, № 12; „Первый снѣгъ"—въ *Новостяхъ Литературы* 1822, № 2. См. Соч. Вяз., III., 146 и 193.

[4] Было помѣщено въ 3-й книжкѣ „Для Немногихъ". 1818 г.

[5] „Русланъ и Людмила" окончена 26 марта 1820 г. См. III, 6. Два отрывка изъ I-й пѣсни помѣщены были въ Невск. Зрителѣ 1820, № 3, и изъ III-й пѣсни — въ *Сынѣ Отеч.* 1820 №№ 15 и 16.

[6] Рѣчь идетъ, вѣроятно, о пережитыхъ Пушкинымъ непріятностяхъ изъ-за показыванія въ театрѣ портрета Лувеля и пр. См. I. 594.

9. Н. И. Гнѣдичу.

П. Я. Чаадаевъ узналъ, что Пушкину угрожаетъ ссылка въ Сибирь или въ Соловецкій монастырь — и поспѣшилъ къ Карамзину съ просьбой заступиться за поэта. Карамзинъ успѣлъ расположить въ пользу Пушкина его непосредственнаго начальника, графа Ив. Ант. Каподистрія, который пользовался тогда большимъ довѣріемъ государя, и первоначально предположенное наказаніе было замѣнено служебнымъ переводомъ Пушкина въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края Россіи, ген.-лейт. Ив. Н. Инзова. При этомъ, по Высочайшему повелѣнію, Пушкину выдано было на проѣздъ 1000 р. асс. „изъ наличныхъ въ коллегіи на курьерскія отправленія денегъ", а министромъ

иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Нессельроде послано Инзову слѣдующее, утвержденное государемъ, письмо.

„C'est Mr. Alexandre Pouchkine, élevé du Lycée de Zarskoïé-Sélo et attaché depuis peu au Département des affaires étrangères, qui aura l'honneur de remettre la présente à Votre Excellence.

„Elle vient, mon général, placer ce jeune homme sous vos auspices et vous demander pour lui votre bienveillante protection.

„Permettez-moi de vous donner quelques détails à son égard.

„Abreuvé de chagrins durant toute son enfance, le jeune Pouchkine quitta la maison paternelle sans éprouver des regrets. Son coeur vide de toute affection filiale ne put ressentir que la passion de l'indépendance. Cet élève annonça de bonne heure un génie extraordinaire. Ses progrès au Lycée furent rapides, son ésprit se fit admirer, mais son caractère paraît avoir échappé à la vigilance des instituteurs.

„Il entra dans le monde fort d'une imagination ardente, mais faible de l'absence la plus complète de ces sentiments intérieurs qui tiennent lieu des principes tant que l'expérience n'a point fait notre véritable éducation.

„Il n'y a pas d'excès auquel ce malheureux jeune homme ne se soit livré, comme il n'y a pas de perfection à laquelle il ne puisse atteindre par la supériorité transcendante de ses talents.

„C'est à ses productions poétiques qu'il doit une espèce de célébrité, des fautes très-graves et des amis respectables qui lui ouvrent enfin la voie du salut, s'il en est encore temps et s'il se décide à la suivre.

„Quelques morceaux de poésie, et surtout une ode sur la liberté, dirigérent l'attention du gouvernement vers Mr. Pouchkine.

„Au milieu des plus grandes beautés de conception et de style, cette dernière pièce signale des principes dangereux puisés à l'école du temps ou, pour mieux dire, dans ce système d'anarchie que la mauvaise foi appelle le systéme des droits de l'homme, de la liberté et d'indépendance des peuples.

„Cependant Mrs de Karamzine et de Joukowsky ayant eu connaissance des dangers auxquels s'exposait le jeune po-

ète, se hatèrent de lui offrir leurs conseils, lui firent reconnaître ses erreurs et le portèrent à prendre l'engagement solennel de les abjurer pour toujours.

„Mr. Pouchkine paraît corrigé — si toutefois on en peut croire ses larmes et ses protestations.

„Au reste, ses protecteurs pensent que son repentir est sincère, qu'en l'éloignant de St. Pétersbourg pour quelque temps, en lui donnant du travail et en l'entourant de bons exemples, on peut en faire un excellent serviteur de l'Etat, ou au moins un homme de lettres de la première distinction.

„C'est pour répondre à leurs voeux que l'Empereur m'autorise à donner un semestre au jeune Pouchkine et à vous le recommander. Il sera attaché à votre personne, mon général, et travaillera dans votre chancellerie comme surnuméraire. Son sort va dépendre du résultat de vos bons conseils.

„Veuillez donc lui en donner. Veuillez éclairer son inexpérience en lui répétant que les qualités de l'ésprit sans les qualités du coeur sont presque toujours un avantage funeste, et que trop d'exemples nous prouvent que les hommes doués d'un beau génie mais qui n'avaient pas cherché dans la religion et dans la morale un préservatif contre de dangereux écarts ont fait à la fois leur propre malheur et le malheur de leurs concitoyens.

„Mr. Pouchkine paraît vouloir suivre la carrière diplomatique et a commencé aux bureaux du Département.

„Je ne demande pas mieux que de le placer auprès de moi, mais il n'obtiendra cette grâce que par votre entremise et lorsque vous prononcerez qu'il la mérite.

Vous ne vous attendiez pas à une semblable commision. Si elle vous gêne, prenez-vous en à la bonne et légitime opinion qu'on a de vous.

„Agréez", etc.

St.-Pétersbourg, 5 mai 1820.

[На подлинномъ рукою императора Александра I написано: „*Быть по сему*" (4 мая).—*Рус. Стар.* 1887, LIII, 238—240].

Пушкинъ выѣхалъ изъ П-бурга 5 мая; 17 мая Карамзинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому, что „П. былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ; далъ мнѣ слово уняться, и благополучно поѣхалъ въ *Крымъ мѣсяцевъ на пять*" (Бартеневъ, Пушк., II, 12-13).

10. Л. С. Пушкину.

[1] Это былъ докторъ Рудыковскій, напечатавшій впослѣдствіи въ Рус. Вѣстникѣ 1841, № 1, статью: „Встрѣча съ Пушкинымъ". См. I, 581 и Анненкова Мат., 65.

[2] Инзовъ писалъ около этого времени о Пушкинѣ К. Я. Булгакову: „Разстроенное его здоровье въ столь молодыя лѣта и непріятное положеніе, въ коемъ онъ, по молодости, находится, требовали, съ одной стороны, помощи, а съ другой—безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ, который въ проѣздъ свой черезъ Екатеринославль охотно взялъ его съ собою. При оказіи прошу сказать объ ономъ графу И. А. Каподистріи. Я надѣюсь, что за сіе меня не побранитъ и не назоветъ баловствомъ: онъ—малый, право, добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою" *(Рус. Арх.* 1863, стр. 900-902).

[3] Семенъ Мих. Броневскій (ум. 1830) передъ тѣмъ былъ градоначальникомъ въ Ѳеодосіи (которую Пушкинъ называетъ Кефою). Онъ издалъ въ 1823 г. „Новѣйшія историческія и географическія извѣстія о Кавказѣ", въ 2 ч. Какъ мартинистъ, онъ имѣлъ религіозно-мистическую переписку съ Сперанскимъ. См. бар. М. Корфа, Жизнь гр. Сперанскаго, II, 149.

[4] „Погасло дневное свѣтило"—I, 266.

[5] Ник. Ник. Раевскій (старшій), герой отечественной войны (1771-1829), былъ въ то время командиромъ 4-го корпуса 1 арміи. Объ его сыновьяхъ, Александрѣ и Николаѣ, см. I, 557, 647. Старшая его дочь, Екатерина Николаевна, вскорѣ вышла замужъ за М. Ѳ. Орлова.

[6] Ср. III, 196.

[7] Въ двухъ мѣстахъ письмо прожжено.

11. Н. И. Гнѣдичу.

Пушкинъ былъ отправленъ въ Екатеринославъ, къ ген. Инзову, 5 мая 1820; въ концѣ мая выѣхалъ съ семействомъ Раевскихъ на Кавказъ, въ началѣ іюня прибылъ на минеральныя воды; 5 августа выѣхалъ изъ Пятигорска, 8 и 9-го былъ въ крѣпости Кавказской, 14 — въ Тамани, 15—въ Керчи, 17—въ Ѳеодосіи у Броневскаго; въ концѣ августа уѣхалъ изъ Ѳеодосіи въ Юрзуфъ, гдѣ провелъ три недѣли, и 21 сентября пріѣхалъ въ Кишиневъ. Проживъ

тамъ два мѣсяца, поэтъ отправился въ Каменку, откуда и написано это письмо. О пребываніи его въ Каменкѣ см. статью А. М. Лободы въ сборникѣ „Памяти Пушкина", сост. проф. и преп. унив. св. Владиміра, Кіевъ 1899.

[1] Мать Н. Н. Раевскаго-старшаго, Екатерина Николаевна, рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ была за Давыдовымъ. Изъ двухъ ея сыновей (Александръ и Василій Львовичи) старшій былъ женатъ на гр. Аглаѣ Грамонъ. См. I, 572.

[2] Русланъ и Людмила.

[3] Трагедія Расина, перев. Гнѣдичемъ. Отрывки были въ „Сынѣ Отечества", отдѣльно же переводъ не изданъ. „Эпикурейскимъ" П. называетъ кабинетъ Гнѣдича также и въ письмѣ къ Гречу отъ 21 сент. 1821, см. ниже, стр. 20.

[4] А. Ѳ. Воейковъ (статьи о „Русланѣ" въ „Сынѣ Отеч." 1820, №№ 34-37, см. наст. изд. III, 10).

[5] См. III, 15.

[6] „Допрощикъ" — Д. П. Зыковъ (см. III, 9, 15-18). Отвѣтъ написанъ А. Перовскимъ (см. III, 10).

[7] Виньетка, изображающая нѣсколько сценъ изъ поэмы, составлена была А. Н. Олениным, нарисована А. Ивановымъ и гравирована М. Ивановымъ.

[8] Кавказскій Плѣнникъ.

[9] В. А. Жуковскій состоялъ въ то время преподавателемъ русскаго языка при в. княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (супругѣ в. к. Николая Павловича). Онъ сопровождалъ высочайшихъ особъ за границу въ началѣ 1821 г.

[10] В. К. Кюхельбекеръ (I, 405) въ 1820-21 гг. участвовалъ, вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, въ журналѣ „Невскій Зритель".

12. Барону Дельвигу.

Стихи находятся въ рук. Моск. Муз. № 2367, лл. 19—19 об. Рукопись представляетъ слѣдующія *первоначальныя* чтенія:

[1] Ты знаешь *самъ*: въ минувши годы
Я на брегу парнасскихъ водъ...
[2] *И даже* зрѣлъ меня народъ
[3] *Объ* чемъ цензуру ни прошу...
[4] Теперь *едва-едва* дышу
[5] Къ *невѣрной славѣ* я хладѣю,
И *по привычкѣ лишь* одной
Лѣниво волочусь за нею,
Какъ мужъ *за гордою* женой.

[6] Вмѣсто этихъ семи стиховъ—только четыре:

Я позабылъ ея обѣты,
Одна свобода—мой кумиръ;
Но все люблю, мои поэты,
Счастливый голосъ вашихъ лиръ.

[7] Проказы *младости своей.*

[8] Въ 1820 г. Кюхельбекеръ ѣздилъ съ А. Л. Нарышкинымъ за границу и въ парижскомъ „Атенеѣ" читалъ лекціи о литературѣ, остановленныя по требованію русскаго посольства. См. II, 375.

[9] Дельвигъ и самъ сознавалъ свою лѣность, — и выразилъ это въ сочиненной имъ себѣ эпитафіи:

Прохожій! Здѣсь лежитъ философъ-человѣкъ:
Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ.

[10] Вольтеръ — „Histoire des voyages de Scarmentado"

13. Н. И. Гнѣдичу.

[1] Гнѣдичъ, уже переведшій въ то время VI — X и половину XI пѣсни *Иліады* александрійскими стихами (продолжая переводъ Кострова), началъ новый, полный переводъ—гекзаметромъ.

[2] Оленина, см. п. 11, прим. 7.

14. А. Н. Раевскому.

Пропуски объясняются тѣмъ, что оба листа этого письма въ двухъ мѣстахъ прорваны или прожжены. Для сравненія подробностей см. письмо П. И. Пестеля къ гр. Киселеву, отъ 14 марта 1821 г., въ книгѣ А. П. Заблоцкаго: „Гр. Киселевъ и его время", (Спб. 1882, IV, 10-15) и замѣтки Пушкина въ VII томѣ наст. изд., стр.

[1] П. говоритъ о грекахъ и итальянцахъ (у послѣднихъ тогда начиналось карбонарское движеніе).

[2] Али-паша Янинскій.

[3] Гр. Каподистрія сообщилъ изъ Лайбаха, 26 марта 1821 г., высочайшее повелѣніе объ исключеніи Ипсиланти изъ ру ской службы, а Портѣ сообщено было, что политика Государя всегда будетъ чужда покушеніямъ, нарушающимъ спокойствіе какой-либо страны, и что онъ желаетъ точнаго соблюденія существующихъ трактатовъ.

15. Дегильи.

Анненковъ, Пушк., 192-193. Этого француза П. вызывалъ на дуэль, отъ которой тотъ уклонился—и получилъ приводимое письмо. Въ рук. Моск. Муз. № 2365, л. 42 (Рус. Стар. XLII, 99) находится рисунокъ: комната, дверь, стулъ, на окнѣ—кошка; посреди комнаты стоитъ худощавый человѣкъ въ одной рубашкѣ. Внизу—подпись: „Ma femme!.. Ma culotte!.. Et mon duel donc!.. Oh, ma foi, qu'elle s'en tire comme elle voudra, puisque c'est elle qui porte culotte".

16. Л. С. Пушкину.

[1] Мих. Вас. Милоновъ (1792-1821) лирическій поэтъ, принадлежалъ къ кругу учениковъ Мерзлякова. По отзыву Вигеля — „огромный талантъ, потопленный въ винѣ". Его „Сатиры, посланія и мелкія стихотворенія" изд. въ Спб. 1819. О немъ см. Благонамѣр. 1821, дек.; Плетневъ, Соч., I, 12-23; кн. Вяземскій, Соч., VIII, 345; М. Дмитріевъ, Мелочи, и пр.

[2] Вопросы о Русланѣ и Людмилѣ, см. п. 11, прим. 6.

[3] См. I, 576.

[4] Говорится о Никитѣ Всеволодовичѣ Всеволожскомъ, см. I, 565.

V. C. P. (Veuve Clicqot Ponsardin) - марка шампанскаго; L. D. — марка шато-икема. Овошникова — кордебалетная танцовщица. О. *Зеленой лампѣ* см. I, 545.

[5] *Калмыкъ* — слуга Всеволожскаго, привѣтствовавшій возгласомъ: „Здравія желаю!" каждаго члена Зеленой Лампы, обмолвившагося нецензурнымъ словцомъ.

[6] Семенъ Серг. Бобровъ (ум. 1810) — стихотворецъ. Его „поэма въ стихахъ" — Таврида, или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ — изд. въ Николаевѣ, 1789, и вторично, подъ загл.: Херсонида, картина лучшаго лѣтняго дня въ Херсонесѣ Таврическомъ, — Спб. 1804.

17. А. И. Тургеневу.

По рук. Муз. № 2365. л. 66, нап. въ Рус. Стар. 1884, XLII, 109. Въ этомъ „арзамасскомъ" наброскѣ Пушкинъ, вспоминаетъ комедію Шаховского „Липецкія Воды" ,по поводу которой друзья автора устроили его „вѣнчаніе", а арзамасцы — торжественныя „похороны" съ кантатой (1816, см. VI, 443). Рейнъ — арзамасское прозвище Мих. Өед.

Орлова; на Фонтанкѣ, въ домѣ почтоваго вѣдомства, жили братья Александръ и Николай Тургеневы (см. I, 560). *Гуси*— „арзамасскіе".

18. С. И. Тургеневу.

Вѣстн. Евр. 1880, дек., 819. — Сергѣй Ивановичъ, младшій братъ А. И. и Н. И. Тургеневыхъ, служилъ при гр. Воронцовѣ во время пребыванія русскихъ войскъ во Франціи, а потомъ состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ. Послѣ осужденія брата Николая за 14 декабря 1825 г. онъ помѣшался и умеръ 1 іюня 1827 г. въ Парижѣ, куда былъ отвезенъ для леченія. Въ письмѣ упоминаются оба брата Тургеневы, изъ которыхъ старшаго, Александра, Пушкинъ называетъ „муфти" и „преосвященствомъ" — по службѣ его въ м-вѣ духовныхъ дѣлъ, а второго, Николая (1789-1871) — „драгоманомъ", потому что онъ служилъ въ Азіатскомъ департаментѣ. Далѣе упоминается „Чу"; это — „арзамасское" прозвище Дм. Вас. Дашкова, который въ 1818-1820 гг. также состоялъ при посольствѣ въ Константинополѣ.

19. Н. И. Гречу.

[1] Посланіе къ Чаадаеву (I, 284) напеч. въ *Сынъ Отеч.* 1821, ч. 72, № 35, стр. 82-84, подъ заглавіемъ: „Къ Ч-ву", съ подписью: Александръ Пушкинъ и съ помѣткой: „20 апрѣля 1821, Кишиневъ". Здѣсь пропущенъ былъ стихъ: „*Вольнолюбивыя* надежды оживимъ"; кромѣ того, зачеркнутъ былъ стихъ: „Холопа знатнаго, грабителя въ звѣздѣ" и въ слѣдующемъ стихѣ, вмѣсто: „*Или* философа ...", напечатано, для сохраненія смысла: „*Глупца*-философа ..." (см. I, 598-601).

[2] „Эпикурейскимъ" названъ кабинетъ Гнѣдича и въ п. 11.

20. В. П. Горчакову.

Отрывокъ изъ письма, при которомъ приложены были стихи изъ „Посвященія" Кавк. Плѣнника, не попавшіе тогда въ печать.

21. Неизвѣстному лицу.

Эти строки набросаны на томъ же листкѣ (Моск. Муз. № 2387 А, 33 об.), на которомъ написанъ единственный уцѣлѣвшій отрывокъ изъ кишиневскаго дневника (см. VI,

452). Письмо могло относиться къ А. Н. Раевскому или къ П. Я. Чаадаеву. Анненковъ (Пушк., 171), впервые (и не совсѣмъ точно) напечатавшій этотъ набросокъ, видитъ въ немъ записку, полученную Пушкинымъ отъ какого-то неизвѣстнаго корреспондента; но строки эти написаны рукою самого Пушкина.

22. В. Ѳ. Раевскому.

Владиміръ Ѳедосѣевичъ Раевскій (род. 28 марта 1795, ум. 1872) — писатель, питомецъ моск. университетскаго пансіона, майоръ 32 егерскаго полка 16-й дивизіи (М. Ѳ. Орлова), познакомился съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ. Вліянію Р. приписываютъ возникновеніе у Пушкина интереса къ русской исторіи. Въ 1822 г. М. Ѳ. Орловъ поручилъ Р. завѣдываніе ланкастерской школой своей дивизіи. Но 6 февраля того же года Р. былъ арестованъ, заключенъ въ Тираспольскую крѣпость, а потомъ переведенъ въ Петропавловскую, гдѣ просидѣлъ около 6 лѣтъ; въ концѣ 1827 г. сосланъ въ Сибирь. Въ 1856 г. ему разрѣшено было вернуться на родину, но вскорѣ онъ опять уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ и жилъ до самой смерти. О немъ см. П. Щеголева: „Влад. Раевскій и его время", *Вѣстн. Евр.* 1903, № 6, стр. 509-561; *Рус. Стар.* VII, 373, 720; XXXVI, 102; LVI, 131-134; LXVI, 365; CXV, Записки Басаргина, въ сборникѣ: „XIX вѣкъ", М. 1872, I, 74, 100; Майковъ, Пушк., 81, 86, 125; Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди, *Рус. Арх.* 1866.

23. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Иванъ Петровичъ Липранди (1790-1880) участвовалъ въ войнахъ 1812-1814 гг., позже служилъ въ Одессѣ при кн. Воронцовѣ; оставивъ военную службу, былъ чиновникомъ особыхъ порученій, сначала при министрѣ внутр. дѣлъ, потомъ — при удѣльномъ вѣдомствѣ. Ему принадлежитъ нѣсколько историческихъ трудовъ и много статей въ Рус. Архивѣ, Рус. Старинѣ, Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. и др. Впослѣдствіи онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность своимъ шпіонствомъ по дѣлу петрашевцевъ. Есть основанія думать, что эта профессія практиковалась имъ еще во времена Пушкина въ Одессѣ. Любопытные по мелкимъ подробностямъ отрывки изъ его дневника и воспоминаній о Пушкинѣ напеч. въ *Рус. Арх.* 1866 г.

[2] Посланіе это, напеч. въ *Сынѣ Отеч.* 1821, ч. 67, стр. 76, начиналось стихами:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій! жалокъ
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоилъ.

Въ отвѣтъ на него, въ *Вѣстн. Евр.* 1821, ч. 118, № 9, стр. 12, напечатано было „Посланіе къ Птелинскому-Ульминскому“ [1]:

Передъ судомъ ума сколь, Птелинскій, смѣшонъ,
Кто, самолюбіемъ, пристрастьемъ увлеченъ,
Вѣкъ раболѣпствуя, съ слѣпымъ благоговѣньемъ
Считаетъ критику ужаснымъ преступленьемъ, и т. д.

[3] См. I, 285 и 599.

[4] Стихотвореніе Жуковскаго „Пери и ангелъ“, заимствованное изъ Томаса Мура и напеч. въ *Сынѣ Отеч.* 1821, № 20.

[5] Романъ Лауренса Стерна (1762).

[6] Т. е. появленія въ какомъ-нибудь журналѣ отвѣтнаго посланія Вас. Львовича.

[7] Ив. Ив. Дмитріевъ говорилъ Вас. Львовичу: „Эхъ, братъ! Много-много написалъ ты на своемъ вѣку, а все-таки, лучшее твое произведеніе — *Опасный Сосѣдъ*, да и тотъ приписываютъ не тебѣ, а твоему племяннику.“ (Изъ семейной хроники, восп. о Пушк. Л. Павлищева, стр. 12).

[8] „Арзамасское“ прозвище М. Ѳ. Орлова, который незадолго передъ тѣмъ женился на Ек. Ник. Раевской.

24. Л. С. Пушкину.

[1] См. выше, стр. 15.

[2] См. выше, стр. 12.

[3] Въ автографѣ, принадл. гр. Капнисту, — Данаю. Ср. I, 279.

25. Н. И. Гнѣдичу.

[1] Идиллія „Рыбаки“, напечатанная незадолго передъ тѣмъ въ *Сынѣ Отеч.*, вѣроятно, была прислана Пушкину въ отдѣльномъ оттискѣ.

[Это письмо сохранилось и въ черновомъ наброскѣ, найденномъ въ бумагахъ Пушкина, но изъ этого наброска въ переписанное письмо вошло только двѣ строки]:

„Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно — такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее

[1] Ulmus — вязъ.

напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ — всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во первыхъ, отъ лѣни; во вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а съ-изнова начинать не имѣлъ духа... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня насчетъ Кавказскаго Плѣнника, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная, за что: въ немъ есть стихи моего сердца ...“

26. Ему-же.

[1] Незадолго передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ ссылку, П. проигралъ Н. В. Всеволожскому 1000 р., и за это отдалъ ему, для изданія, приготовленную къ печати рукопись своихъ стихотвореній. Въ 1822 г. кн. А. Я. Лобановъ-Ростовскій хотѣлъ купить право этого изданія, и Я. Н. Толстой (см. I, 552) велъ съ Пушкинымъ переговоры.

[2] *Братья-разбойники*, напис. въ концѣ 1821 г. См. III, 151.

[3] Николай Ив. Хмѣльницкій (род. 11 авг. 1789, ум. 8 сент. 1845), авторъ цѣлаго ряда комедій въ стихахъ и переводчикъ „Школы женщинъ“ и „Тартюфа“. Комедія его: „Нерѣшительный или семь пятницъ на недѣлѣ“ впервые представлена 26 іюля 1820 г. См. статьи о немъ Н. Добротворскаго въ *Истор. Вѣстн.* 1889, XXXVIII, 559—583, и Н. Коробки въ *Ежегодн. Имп. Театровъ* 1895—1896, прил., кн. I. 89-118

Стихотвореніе „Птичка“ напечатано было въ „Литературныхъ Листкахъ“ Булгарина 1823, № 2, съ искаженіями. См. I, 323 и 629.

27. А. А. Бестужеву.

Александръ Александровичъ Бестужевъ (род. 23 окт. 1797, ум. 7 іюня 1837) романистъ, извѣстный впослѣдствіи подъ псевдонимомъ Марлинскаго, уже съ 1819 г. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ многихъ журналовъ, а въ началѣ 1823 г. вмѣстѣ съ Рылѣевымъ издалъ альманахъ „Полярная Звѣзда“, повторенный еъ огромнымъ успѣхомъ въ 1824 г. См. о немъ статьи С. А. Венгерова, въ Критико-біографич. Словарѣ рус. писателей, III, 147-177, и Н. А. Котляревскаго, въ *Рус. Бог.* 1902, № 5.

Стихотвореніе „Къ Овидію“ (см. I, 300 и 614) напеч. въ „Пол. Звѣздѣ“ съ цензурною передѣлкою двухъ послѣднихъ стиховъ.

28. Н. И. Гнѣдичу.

Гнѣдичъ пріобрѣлъ право на изданіе „Кавказскаго Плѣнника“, за которое петербургскіе книгопродавцы предлагали весьма скудную сумму. Пушкинъ получилъ отъ Гнѣдича печатный экземпляръ поэмы и 500 р. ассигнаціями, былъ очень недоволенъ такимъ ничтожнымъ вознагражденіемъ за свой трудъ и долго съ досадою вспоминалъ объ этомъ. „Русланъ“ тоже не принесъ автору почти ничего. Но второе изданіе этихъ двухъ поэмъ было куплено Смирдинымъ за 700 р. асс. (*Анн.*, Мат., 75).

[1] Ср. III, 113.

[2] Стихотвореніе „Пери и ангелъ“, о которомъ см. выше, стр. 22.

[3] *Флоріанъ* (1755-1794) баснописецъ и авторъ нравоучительныхъ романовъ. Жанъ-Батистъ Легуве (1764-1812) дидактическій лирикъ и трагикъ.

[4] Намекъ на собственную эпиграмму на Кюхельбекера. Однажды Жуковскій былъ званъ куда-то на вечеръ и не явился. Когда его спросили, отчего онъ не былъ, онъ отвѣчалъ: „Мнѣ что-то нездоровилось уже наканунѣ; къ тому же, пришелъ Кюхельбекеръ, — и я остался дома.“ По этому поводу Пушкинъ, будто бы отъ имени Жуковскаго, написалъ:

За ужиномъ объѣлся я
Да Яковъ заперъ дверь оплошно, —
Такъ было мнѣ, мои друзья.
И *кюхельбекерно*, и тошно.

Обиженный К. хотѣлъ вызвать П. на дуэль, но ихъ помирили.

29. П. А. Катенину.

Катенинъ принялъ на свой счетъ приводимый въ этомъ письмѣ стихъ изъ Посланія къ Чаадаеву (I, 285), полагая, что П. говоритъ о комедіи „Сплетни“ (въ 3 д., въ стихахъ, подражаніе Le Méchant Грессе), представленной въ Спб. 31 дек. 1820 г., гдѣ въ тирадахъ Зельскаго находили намеки на Пушкина. (Ср. слѣдующее письмо къ Л. С. Пушкину). Трагедія Корнеля „Сидъ“, переведенная стихами Катенинымъ, была представлена 14 дек. 1822 г., въ бенефисъ В. А. Каратыгина, и издана въ Спб. въ томъ же году.

30. Л. С. Пушкину.

[1] Ср. стр. 22.

[2] Вас. Ив. Козловъ, сынъ купца, студентъ Моск. университета, участвовалъ въ изданіи „Рус. Инвалида“ (1815-1824), „Новостей Литературы“ (1822-1825) и „Сѣв. Пчелы“, при ея основаніи. Ум. 11 мая 1825 г., 33-хъ лѣтъ отъ роду. Его письма къ Макарову—въ „Дамск. Журналѣ“ 1825, ч. 27. Некрологъ — въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1825, № 58.

[3] Говорится о приготовлявшейся тогда „Полярной Звѣздѣ“ на 1823 г.

31. Ему-же.

[1] „Орлеанская Дѣва“ Шиллера, въ переводѣ Жуковскаго.

[2] Трагедія „Смерть Роллы“ представлена была въ Спб. 27 авг. 1822 г. Глухаревъ, по словамъ П. Арапова („Лѣтопись рус. театра“, стр. 247), былъ рослый и дородный актеръ, между прочимъ, эффектно изображавшій статую Командора въ игранной въ Спб. еще въ 1816 г. комедіи Мольера „Донъ-Жуанъ“. О Семеновой см. III, 295.

[3] Стихотвореніе Кюхельбекера „Олимпійскія Игры“.

[4] Въ Посланіи къ Ермолову есть, между прочимъ, стихи:

Такъ пѣлъ, въ Суворова влюбленъ,
Бардъ дивный, исполинъ Державинъ.

См. *Литерат. Вѣстн.* 1902, II, 173.

[5] Эти строки приведены Пушкинымъ на память, но вполнѣ вѣрно, изъ рукописнаго лицейскаго журнала „Вѣстникъ" 3 дек. 1811, и принадлежатъ къ „Отрывку изъ Грозы С.-Ламберта", переведенному Кюхельбекеромъ.

[6] Въ *Сынѣ Отеч.* 1822, ч. 68, стр. 35, напечатана элегія: „Б.... онъ изъ Рима". Это стихотвореніе, въ которомъ говорилось, отъ имени поэта, что онъ утратилъ вдохновеніе вдали отъ родины и друзей („Я снялъ свой миртовый вѣнецъ и дни влачу безъ славы"), было написано П. А. Плетневымъ (Соч. Плетн., III, 250) и явилось въ журналѣ безъ подписи. Въ то время у Батюшкова уже обнаруживались признаки душевнаго недуга; онъ откликнулся письмомъ къ Гнѣдичу, исполненнымъ негодованія какъ на автора элегіи, такъ и на редакторовъ журнала (Соч. Батюшк., III, 772).

[7] Дума К. Ѳ. Рылѣева „Богданъ Хмѣльницкій", въ *Рус. Инвал.* 1822, № 54 (ср. Соч. Рыл., изд. 1875, стр. 52 и 322) начиналась стихами:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ *полдень* проникалъ,
Скользя по сводамъ. лучъ *денницы*...

Рылѣевъ исправилъ эту ошибку, перепечатавъ стихотвореніе въ *Сынѣ Отеч.*, № 23.

32. Я. Н. Толстому.

[1] Первый стихъ относится къ „Зеленой Лампѣ", а послѣдній — къ слугѣ-калмыку, см. п. 16, прим. 5. Въ записной книжкѣ Пушкина 1820-21 гг. (Имп. Публ. Б-ка) лл. 60, 60 об., 65, находятся еще слѣдующіе черновые варіанты этого посланія:

И разгорались наши споры
Отъ брашнъ, и шутокъ, и вина...
Я вижу васъ, друзья-обжоры!
Примите брата-шалуна...
Услышу-ль я, мои поэты,
Боговъ торжественный языкъ?
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, калмыкъ!
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль;
Ты здѣсь, амфитріонъ веселый,
Счастливецъ, добрый, умный враль!
. . . . . .

Благословите мой возвратъ!
Но гдѣ же онъ, твой милый братъ,
Недавній рекрутъ Гименея?
Гдѣ ты, прелестный Адонисъ,
Жилецъ Пафоса и Киѳеры,
Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ,
Счастливый баловень Венеры?
Приди, [счастливый царь] кулисъ,
Театра злой лѣтописатель,
[Младыхъ трагическихъ]
Очаровательныхъ актрисъ
Непостоянный обожатель!
Вы оба въ прежни времена
Любимой лестью баловали
Пѣвца свободы и вина. . .
. . . . . .
Забывъ и лиру, и покой.
Бѣгу за милою мечтой. . .
. . . . . любовь
И сердца пылъ неосторожный,
Забуду посохъ мой дорожный
И равнодушенъ буду вновь.
А вы, товарищи младые,
Друзья, — готовьте шумный пиръ,
Готовьте чаши круговыя,
Вѣнки цвѣтовъ и гимны лиръ. .

Сюда же, можетъ быть, относятся и слѣдующіе стихи, находящіеся въ рук. Моск. Муз. № 2365, л. 48 об. — 49:

[Молвой покинутый изгнанникъ
Въ степяхъ Молдавіи забытъ. . .]
Непримиримою судьбою
Пѣвцы давно разлучены,
Ихъ лиры вѣтреной порою
Не славятъ счастья чередою.
Умы тоской омрачены. . .
Младыхъ пировъ утихли смѣхи,
Утихъ безумства вольный гласъ,
Любовницы забыли насъ,
И разлетѣлися утѣхи. . .

Дальнѣйшіе стихи записаны только заглавными буквами, въ такомъ видѣ: Въ изгнаньи. . . Гдѣ. . . Я къ вамъ... Вообр. . . Горишь ли ты. . . Пи. . . Гдѣ ты. . .

Толстой отвѣчалъ на это письмо Пушкина:

Ахъ, лампа погасла!
Не стало въ ней масла!

[2] Книга Толстого — „Мое праздное время", Спб. 1821 (см. I, 552).

33. Н. И. Гнѣдичу.

[1] Кавказскій Плѣнникъ и Шильонскій Узникъ, изд. Гнѣдичемъ. Указанныя далѣе опечатки были исправлены во 2-мъ изданіи „Кавк. Пл.“.

[2] Къ изданію былъ приложенъ (воспроизведенный у насъ въ т. I) портретъ молодого Пушкина, въ гравюрѣ Гейтмана, съ замѣткою, что издатели думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ.

34. Л. С. Пушкину.

[1] Письмо № 31, гдѣ говорилось объ элегіи Плетнева (см. стр. 30).

[2] Графъ Ѳедоръ Ив. Толстой („американецъ“), котораго Пушкинъ задѣлъ въ Посланіи къ Чаадаеву (см. I, 273, 285, 579-581).

[3] „Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ“ — въ Трудахъ вольн. общ. люб. рос. слов. 1824, № 4 (Соч. Плетнева, III, 276).

[4] Стихъ изъ посланія къ Овидію, I, 301.

[5] Т. е. альманаха „Полярная Звѣзда“.

[6] Ив. Вас. Слёнинъ, книгопродавецъ, купилъ первое изд. „Руслана,“ но деньги выплачивалъ по частямъ, и даже книгами.

35. Ему-же.

[1] Ср. „Евг. Онѣгинъ“, гл. IV, строфа 7 (наст. изд. IV, 98): „Чѣмъ меньше женщину мы любимъ“, и пр.

36. П. Л. Плетневу.

Писано въ октябрѣ 1822 г. Находится въ рук. Муз. № 2366, лл. 42-43 об.

37. Неизвѣстной дамѣ.

Въ той же тетради, л. 30.

38. Кн. П. А. Вяземскому.

Знаменитый цензоръ Красовскій задерживалъ и уродовалъ критическія статьи Вяземскаго. „Жаль мнѣ, что я не въ Петербургѣ“, писалъ раздосадованный Вяз. А. И. Тургеневу (7 дек. 1822): „право, ударилъ бы Красовскаго въ щеку. . . Должно бить цензоровъ до того, что никто

за милліоны и за Андреевскія не пойдетъ въ цензора". (Остаф. Арх., II, 286). Жалоба Вяз. на Кр. помѣщена въ *Рус. Арх.* 1896, II, 293.

39. Л. С. Пушкину.

[1] О „полуденной денницѣ" см. выше, прим. 7 къ п. 31. Въ думѣ Рылѣева „Олегъ Вѣщій" сказано, что Олегъ „прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ Царьградскимъ воротамъ."

[2] Камердинеръ Жуковскаго. См. п. 28, прим. 4.

40. Графу К. В. Нессельроде.

Рус. Стар. 1887, L. III, 245; Брюсовъ, Письма Пушкина, стр. 9. — Гр. Нессельроде отвѣтилъ Инзову 27 марта 1823: „Находящійся при в. пр-вѣ коллежскій секретарь Пушкинъ отнесся ко мнѣ письменно объ испрошеніи ему отпуска для свиданія съ семействомъ. Вслѣдствіе доклада о семъ государю императору, е. в. соизволилъ приказать мнѣ увѣдомить г. Пушкина, чрезъ посредство в. пр-ва, что онъ нынѣ желаемаго позволенія получить не можетъ".

41. Л. С. Пушкину.

[1] „И все то благо, все добро" — стихъ Державина.— Истомина играла роль черкешенки въ балетѣ Дидло: „Кавказскій Плѣнникъ, или тѣнь невѣсты" (съ музыкой Кавоса, предст. 15 янв. 1823 г. См. III, 116 и IV, 38).

[2] Стихотвореніе „Сказки", окончаніе котораго приведено, съ пропускомъ словъ: „царской" и „царь", въ т. I, стр. 542. Приводимъ здѣсь его начало.

Ура! Въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ.
Спаситель громко плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.
Марія, въ хлопотахъ, Спасителя стращаетъ:
„Не плачь, дитя! не плачь, сударь!
Вотъ бука, бука — русскій ц..!"
Ц... входитъ и вѣщаетъ:
„Узнай, народъ россійскій,
Что знаетъ цѣлый міръ:
И прусскій, и австрійскій
Я шилъ себѣ мундиръ.
О, радуйся, народъ: я сытъ, здоровъ и тученъ,
Меня газетчикъ прославлялъ,
Я пилъ, и ѣлъ, и обѣщалъ,
И дѣломъ не измученъ!"

[3] Такъ подписаны были стихотворенія Пушкина въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1823 г.

[4] См. эпиграмму „Русскому Геснеру“ — I, 332. „Мечта воина“ или „Война“ — см. I, 281, 591. Далѣе П. говоритъ о своемъ посланіи Ѳ. Н. Глинкѣ (см. п. 39).

[5] Стихъ изъ „Тарентинской Дѣвы“ Гнѣдича, нап. въ „Пол. Зв.“ 1823.

[6] Намеки на жалобы Пушкина на свою ссылку. Ср. п. 34. прим. 6.

42. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Варюшка и Буяновъ — дѣйствующія лица въ „Опасномъ Сосѣдѣ“ В. В. Пушкина. Ср. V, 548 и VI, 264: „Подслушивать у кабака, что говорятъ о насъ холопья.“

[2] Здѣсь говорится о статьѣ кн. Вяземскаго о „Кавк. Плѣнникѣ“ въ Сынѣ Отеч. 1822, № 49. Замѣчанія П. на статью Вяз. объ Озеровѣ приведены у Л. Н. Майкова, „Пушк.,“ 263 - 283; они слишкомъ отрывочны, и для того, чтобы передать ихъ здѣсь, пришлось бы перепечатать добрую половину этой статьи Майкова. По словамъ Вяз., „Пушкинъ Озерова не любилъ, и онъ часто бывалъ источникомъ нашихъ живыхъ и горячихъ споровъ. Оба мы были неуступчивы и нѣсколько заносчивы, я—еще болѣе, нежели П. Онъ не признавалъ въ О. никакого дарованія; я, можетъ быть, дарованіе его преувеличивалъ. Современемъ, вѣроятно, мы сошлись бы на полу-дорогѣ“. Заканчивая свои замѣчанія на статью Вяз., П. говоритъ: „Часть критическая вообще слаба, слишкомъ слаба. Слогъ имѣетъ твои недостатки, не имѣя твоихъ достоинствъ. Лучше написать совсѣмъ новую статью, чѣмъ передавать печати это сбивчивое и невѣрное изображеніе. Озерова я не люблю не отъ зависти (сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ), но изъ любви къ искусству. Ты самъ признаешь, что слогъ его нехорошъ. а я не вижу въ немъ и тѣни драматическаго искусства, Слава Озерова уже вянетъ, а лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ. Озерова перевели; переводъ есть оселокъ драматическаго писателя; посмотри же, что изъ него вышло во французской прозѣ.“

[3] Въ упомянутой выше статьѣ Вяз. о „Кавк. Плѣнникѣ“, между прочимъ, замѣчено: „Бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣетъ и безъ по-

мощи посторонней удерживать писателей въ предѣлахъ дозволеннаго."

[4] Первое посланіе цензору, I, 327.

[5] „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи"— въ „Пол. Зв." 1823 г.

43. Ему-же.

[1] Калипсо Полихрони, см. I, 630.

[2] П. А. Катенинъ, 7 ноября 1821 г., по высочайшему повелѣнію, былъ высланъ изъ П-бурга за шиканье въ театрѣ Семеновой и поселился въ своей деревнѣ, Кологривскаго уѣзда Костромской губ.

[3] Адъютантъ М. Ѳ. Орлова.

[4] Вѣроятно, 15 лѣтъ офицерской службы.

44. А. А. Бестужеву.

[1] См. выше, п. 42, прим. 5. Въ той же книжкѣ „Пол. Зв." напечатаны повѣсти Бестужева: „Романъ и Ольга" и „Вечеръ на бивуакѣ."

[2] *Осиповъ,* Николай Петровичъ (1751 - 99), авторъ „Энеиды, вывороченной наизнанку" (1791). Майковъ, Василій Ивановичъ (1728 - 1778), авторъ шуточной поэмы: „Елисей, или раздраженный Вакхъ" (1771). Собраніе его сочиненій изд. подъ ред. П. А. Ефремова въ Спб., 1867. Пушкинъ, въ первоначальныхъ наброскахъ VIII гл. „Онѣгина", вспоминаетъ о томъ, что онъ „читалъ охотно Елисея" (IV, 345).

[3] „Гавриліада" (III, 199). Черновикъ этого письма находится въ рук. Моск. Муз. № 2366, лл. 35-36 об., съ нѣкоторыми варіантами, напр.: „Это молчаніе простительно Гречу, умному головѣ, но не тебѣ... Тебѣ, кажется, болѣе нравится *Благовѣщеніе,* и мнѣ также, однакожь..."

[4] „Братья-разбойники" напеч. въ Пол. Зв. на 1825 г. См. III 152. О русскихъ читательницахъ ср. „Онѣгина", гл. III, стр. XXVII (III, 87).

[5] О росказняхъ Родзянки о Пушкинѣ см. I, 594. О самомъ Родзянкѣ см. II, 366.

45. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] См. п. 28.

[2] См. п. 43, прим. 4.

46. Л. С. Пушкину.

[1] Вигель, въ своихъ Воспоминаніяхъ, говоритъ объ итальянской оперѣ въ Одессѣ того времени: „Цѣны на мѣста были самыя низкія, и ложи всѣ абонированы, по большей части — негоціантами. Лѣтомъ, во время морскихъ купаній, пріѣзжіе, не зная, куда вечеромъ дѣваться, посѣщали театръ и наполняли его. Негоціанты, всегда разсчетливые, отдавали ложи свои гораздо дороже симъ пріѣзжимъ, такъ что въ годъ приходились онѣ имъ даромъ. Зимой не сами эти господа, а жены ихъ исправно посѣщали театръ... Давали прекрасныя оперы: Севильскій Цирульникъ, Итальянцы въ Алжирѣ, Сорока-воровка и др. Исполненіе плохо, а всѣ согласно хлопали, хвалили. Такъ уже было принято: обычай, мода“ (*Рус. Арх.* 1892, Зап. Виг., ч. VI, 133. Ср. „Странствіе Онѣгина,“ стр. XXV—XXVII, III, 118).

[2] Стихъ изъ „Шильонскаго Узника.“

[3] Послѣдній стихъ той же поэмы: „Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.“

[4] Василій Ивановичъ, поэтъ, авторъ стихотворенія „Одесса“ (см. IV, 360), служилъ въ канцеляріи Воронцова. Ср. III, 626. Туманскій (р. 28 февр. 1800, ум. 23 марта 1860) былъ потомъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ и помощникомъ статсъ-секретаря госуд. совѣта. См. о немъ статью С. Брайловскаго въ Пант. Лит. 1890, т. 9.

[5] Семенъ Егоровичъ (1792-1855), переводчикъ „Освобожденнаго Іерусалима.“

47. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Ср. III, 103.

[2] Въ этомъ посланіи, написанномъ въ 1816 г. и въ то время еще не бывшемъ въ печати (Соч. Вяз. III, 128), есть стихи:

Сказавъ прости очарованьямъ,
На зло плѣнительныхъ грѣховъ,
И упоительнымъ мечтаньямъ
Весны, веселій и стиховъ...

[3] Французъ, близкій къ дому Раевскихъ.

[4] Намекъ на собственное стихотвореніе:

Я вкругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго,
СЯ на турдзу гляжу
Монархическаго...

Стихи эти — пародія на народную пѣсню: „Я вкругъ печки хожу, вкругъ муравленыя"... Александръ Скарлатовичъ Стурдза (1791-1854), сынъ молдавскаго выходца, впослѣдствіи—правителя Бессарабіи, С. Д. Стурдзы и княжны Мурузи, съ 1809 г. служилъ въ м-вѣ иностр. дѣлъ, а съ 1810 г. выступилъ въ печати и впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность богословскими, философскими и политическими сочиненіями на франц. яз. По своимъ убѣжденіямъ, онъ былъ поборникомъ монархическаго принципа и строгимъ блюстителемъ православія. Въ 1823 г. онъ издалъ брошюру: „La Grêce en 1821 et 1822". См. о немъ Остафьевскій Архивъ, I, 498. Графъ Александръ Дмитріевичъ Ланжеронъ (1763-1831) былъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ ранѣе кн. Воронцова (уволенъ въ 1822 г.). О Дм. Петр. Сѣверинѣ см. I, 636. А. И. Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому, 25 сент. 1823, что Пушкинъ „былъ въ Одессѣ у Сѣверина, который сказалъ, чтобы онъ не ходилъ къ нему, обошелся съ нимъ мерзко, и африканецъ едва не поколотилъ его" (Ост. Арх., II, 352).

[5] Изъ посланія Вяз. къ гр. Ѳ. И. Толстому—„американцу", съ которымъ въ это время П. былъ въ ссорѣ. Ср. I, 580.

Въ черновикѣ этого письма есть нѣкоторые варіанты, напр.: „Я ничего лучше не написалъ, кромѣ Посланія къ Овидію"... „Б. Ф"., между нами, дрянь. Не говори, однако жь, этого никому. Я скоро пришлю тебѣ"...

48. Неизвѣстному лицу

Черновикъ, набросанный, очень неразборчиво, въ рук. Моск. Муз. № 2369, лл. 21 и 21 об. (Рус. Стар. 1884, XI II, 557). Относится, вѣроятно, къ какимъ-нибудь любовнымъ похожденіямъ П. въ Одессѣ.

49. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Бахчисарайскій Фонтанъ.

[2] Въ черновомъ: „Если не для меня, такъ для Софьи Киселевой". Далѣе говорится о „похотливой Минервѣ". Это—все та же Софья Станисл. Киселева, урожд. гр. Потоцкая. Прозвище это дано ей Вяземскимъ. См. Остаф. Арх., I, 326, 338, 354, 362.

[3] „Путешествіе по Тавридѣ" Ив. Матв. Муравьева-Апостола, Спб. 1823.

Въ рук. Моск. Муз. № 2369, лл. 32-33, находятся *черновые наброски* этого письма, которыми П. отчасти воспользовался впослѣдствіи для другого письма къ кн. Вяземскому:

„Перечитывая твои письма, беретъ меня охота спорить.. Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ, и упоминаешь объ А. Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ—истинный грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant. Отъ него такъ и пахнетъ Ѳеокритомъ и Анѳологіей. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ concetti и отъ французскихъ antithèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли... Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли не лучше думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно—и еще не опомнился: такъ онъ вдругъ выросъ! Парни—древній, Millevoye—ни то, ни се, но хорошъ только въ мелочахъ элегическихъ. Lavigne—школьникъ Вольтера и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродитъ умершую поэзію. Помни мое слово—первый поэтическій геній въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу, что—что̀ твои нѣмцы! Покамѣстъ во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ... О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хоть всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. Сказки написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты. Ермакъ—такая дрянь, что мочи нѣтъ. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго—и стократъ ниже стихотворца-Карамзина. Хорошъ русскій поэтъ, poète de notre civilisation,—хороша и наша сивилизація! Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда,—ты одинъ могъ бы прикрикнуть налѣво и направо, порастрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать имъ часть истины, а ты покровительствуешь старому вралю и [*гнушаешься*] нами, и, что всего хуже, бросилъ поэзію; этого я переварить не въ силахъ. Что тебѣ пришло въ голову оперу писать и закабалить поэзію музыкѣ? Чинъ чина почитай,—я бы и для Россини не пошевелилъ пальцемъ.

„Что до моихъ занятій,—пишу теперь не разсказъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разница!—въ родѣ Донъ.

Жуана. Первая пѣснь или глава кончена; я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что уже давно со мной не бывало. О печати и думать нельзя: цензура наша такъ своенравна, что невозможно размѣрить кругъ своихъ дѣйствій; лучше и не думать; а брать, такъ брать, не то—что и когтей марать!"

50. Ему же.

[1] См. п. 16, прим. 6.

[2] Тогда ходилъ слухъ, будто Грибоѣдовъ изобразилъ Чаадаева въ лицѣ Чацкаго. Чаадаевъ въ это время долженъ былъ оставить службу и уѣхать за границу, вслѣдствіе исторіи въ Семеновскомъ полку. Подробности — въ ст. Жихарева, В. Евр. 1871, іюль, 199-208.

Въ рук. Моск. Муз. № 2369, л. 41, находятся *черновые наброски* этого письма, изъ которыхъ приводимъ слѣдующіе варіанты:

„Язвительныя лобзанія напоминаютъ тебѣ... постель. Поставь: пронзительныхъ. Это будетъ смѣло... Я желалъ бы оставить русскому языку часть нѣкоторой библейской похабности"...

51. Ему же.

На этомъ письмѣ кн. Вяз. надписалъ: „Это предисловіе къ напечатанію не назначается".

52. Барону А. А. Дельвигу.

[1] Относится къ слѣдующимъ строкамъ сонета Дельвига „Н. М. Языкову":

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,
И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца „Пировъ" я съ музой подружилъ—
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

[2] Орестъ Мих. Сомовъ существовалъ исключительно литературнымъ трудомъ. Говорится, вѣроятно, о первоначальной редакціи „Посланія" Рылѣева къ Гнѣдичу.

[3] Гр. Д. И. Хвостовъ говоритъ о себѣ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Люблю писать стихи и отдавать въ печать;
Не скрою и того; люблю ихъ и читать.

[4] Евгеній Онѣгинъ, см. п. 49.

[5] Der Berggefangene, переводъ, изданный Е. Ольдекопомъ, Спб. 1823.

53. Неизвѣстнымъ дамамъ.

Рук. Моск. Муз. № 2369, л. 37 об.

54. А. И. Тургеневу.

[1] Кипренскій, Орестъ Адамовичъ (1783-1836), портретистъ и историческій живописецъ, сынъ крѣпостного, въ 1798 г. былъ отпущенъ на волю и принятъ въ академію художествъ, гдѣ учителями его были Угрюмовъ и Левицкій. Въ 1805 г. получилъ I-ю зол. медаль за картину: „Димитрій Донской на Куликовомъ полѣ". Въ 1812 г. получилъ званіе академика, и въ 1816 командированъ за границу. Его письмо изъ Рима, заключающее въ себѣ обзоръ его пути отъ П-бурга до Италіи,—въ *Сынъ Отеч.* 1817, т. XLII, стр. 3-25. Возвратившись въ Россію въ 1823 г., онъ въ 1828 г. снова уѣхалъ въ Италію и умеръ въ Римѣ. Имъ написаны портреты: Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Д. Давыдова и Пушкина (1827). См. А. И. Сомова, Галлерея Имп. Ак. Худ., I, 174-175.

[2] Княгиня Авдотья Ивановна, см. I, 410.

Въ рук. Моск. Муз., № 2369, л. 40, находится черновой набросокъ этого письма:

„Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ поклонъ и свое почтеніе. Я также обнимаю васъ изъ прозаической Одессы и не благодарю ни за что, но въ полной мѣрѣ цѣню ваше воспоминаніе и дружескія попеченія, которымъ обязанъ я перемѣною моей судьбы. J'ose espérer qu'un éxil de quatre ans ne m'a pas effacé de votre mémoire... Надобно подобно мнѣ провести три года въ душной Азіатской Россіи, чтобы цѣнить и невольный воздухъ Европейской. Теперь мнѣ ничего бы недоставало, еслибы не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня. Я сталъ скученъ и благоразуменъ... Кстати о стихахъ. Я люблю ихъ изъ эгоизма. Вы желаете видѣть оду на смерть Наполеона. Она нехороша. Вотъ самыя сильныя строфы... Это послѣдній либеральный бредъ. На дняхъ я закаялся—и, смотря и на западъ Европы, и вокругъ себя, обратился къ евангельскому источнику и написалъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Іисусовой..."

Внизу страницы набросанъ очеркъ стихотворенія:

Жуковскій . . .
Святой Парнасса чудотворецъ
. . . царедворецъ
Крыловъ разбитъ параличемъ...

Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому, 22 янв. 1824: „Я получилъ отъ Пушкина милое письмо, исполненное прекрасныхъ стиховъ, и даже надежды на его исправленіе. Теперь оно у Жуковскаго, который собирается отвѣчать ему на его эпиграмматическое воспоминаніе о немъ. Здѣсь все еще въ черномъ тѣлѣ его держатъ"...

55. И. Н. Инзову.

Объ Инзовѣ см. I, 638.

56. Князю П. А. Вяземскому.

[1] Стихъ Буало.

[2] Кривцову (см. I, 526), бывшему тогда губернаторомъ въ Воронежѣ, Пушкинъ писалъ около того же времени (см. ниже, п. 58).

[3] Кюхельбекеръ, здѣсь въ шутку названный Анахарсисомъ Клоцомъ, по имени французскаго демагога, погибшаго на гильотинѣ въ 1794 г., издалъ, вмѣстѣ съ кн Вл. Ѳ. Одоевскимъ, въ 1824 г., 4 книжки журнала „Мнемозина".

[4] Анна Петровна, рожд. Юшкова (1785-1864), племянница Жуковскаго, составительница дѣтскихъ повѣстей и сказокъ и священной исторіи для дѣтей. О ней см. ст. П. И. Бартенева въ газ. „День" 1864, № 13, и Геннади, Слов. рус. пис., II, 34

57. Ф. Ф. Вигелю.

Филиппъ Филипповичъ Вигель (1786-1856), авторъ извѣстныхъ „Воспоминаній" (нов. изд. въ Рус. Арх. 1892), былъ въ то время директоромъ отдѣленія иностранныхъ исповѣданій въ синодѣ. См. о немъ ст. М. Н. Лонгинова въ Соврем. Лѣтописи 1863, № 46.

[2] Егоръ Кирилловичъ, молдаванскій бояринъ („куконъ"), членъ совѣта мѣстнаго управленія въ Кишиневѣ. Упоминаемый въ концѣ письма Завальевскій, Никита Степановичъ, служилъ въ канцеляріи гр. Воронцова. „Пушкинъ

имъ забавлялся, позволялъ ему всякія съ собою фамильярности, а Завальевскій почиталъ свое знакомство лестнымъ для Пушкина". (Вигель, VI, 120).

58. Н. И. Кривцову.

„Пребываніе въ Англіи, говоритъ Б. Н. Чичеринъ, — наложило окончательную печать на образъ мыслей Кривцова. Онъ усердно сталъ изучать англійскія учрежденія, въ особенности—административныя, имѣя всегда въ виду большую или меньшую возможность примѣненія ихъ къ Россіи. Въ 1819 г. онъ возвратился въ Россію англоманомъ. Эта перемѣна отразилась на всемъ его образѣ мыслей и была отмѣчена его друзьями". (Рус. Арх. 1890, I, 503).

Подлинное письмо находится въ альбомѣ П. Н. Батюшкова, въ Имп. Публ. Б-кѣ.

59. А. Н. Раевскому.

По словамъ Анненкова (Пушк. 203), этотъ отрывокъ, приведенный въ переводѣ съ французскаго, не дошедшаго до насъ, оригинала, составлялъ часть пространнаго письма „къ какому-то дальнему пріятелю" о греческомъ движеніи въ княжествахъ и его герояхъ, которыхъ П. хорошо узналъ.

60. А. А. Шишкову.

Объ Александрѣ Ардаліоновичѣ Шишковѣ см. I, 482.

[1] Казначеевъ, правитель канцеляріи гр. Воронцова.

61. Л. С. Пушкину.

[1] Изъ извѣстной пѣсни Рылѣева: „Ахъ, гдѣ тѣ острова, гдѣ ростетъ трынъ-трава, братцы!" Далѣе упоминается А. О. Корниловичъ, въ то время — капитанъ генеральнаго штаба, впослѣдствіи осужденный за 14 декабря 1825 г. Въ 1824 г. онъ издалъ альманахъ: „Русская Старина, карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 годъ". Тамъ, въ предисловіи, находится фраза, надъ которою смѣется Пушкинъ.

[2] „Федра", въ переводѣ Лобанова, была представлена 9 ноября 1823 г. и, при участіи Семеновой и Каратыгина, имѣла большой успѣхъ (Араповъ, Лѣт. рус. театра, 345). По этому случаю въ *Сынъ Отеч.* 1823, ч. 89, была помѣщена хвалебная статья Ор. Сомова, гдѣ переводчикъ трагедіи былъ названъ „побѣдителемъ непобѣдимаго".

[3] Отрывокъ былъ напечатанъ въ „Пол. Звѣздѣ“ на 1824 г.

62. А. А. Бестужеву.

[1] Элегія „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“ была напечатана въ „Пол. Зв.“ на 1824 г. съ тремя послѣдними стихами, впослѣдствіи исключавшимися во всѣхъ изданіяхъ сочиненій П. Въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ, тамъ же напечатанныхъ,—„Нереида“ и „Простишь ли мнѣ“, поэтъ указываетъ опечатки. См. I, 268, 342, 573, 651.

[2] Въ черновой (Рук. Моск. Муз. № 2369, л. 46 об.) прибавлено: „Я хотѣлъ было за вину твоей корректуры извиниться въ какомъ нибудь журналѣ,—публика этого не стоитъ“.

[3] Въ „Пол. Зв.“ на 1824 г. напечатаны стихотворенія Баратынскаго: „Истина“, „Аглая“, „Римъ“, „Признаніе“ и „Къ *** (Лутковскому).

63. Ѳ. В. Булгарину.

Ср. предыдущее письмо. Замѣчательно, что П., заботясь объ исправленіи опечатокъ, все-таки не достигъ своей цѣли: элегія „Простишь ли мнѣ“ была помѣщена въ „Литерат. Листкахъ“ Булгарина (1824, № 4) съ пропускомъ противъ напечатаннаго въ альманахѣ.

64. А. А. Бестужеву.

[1] „Замокъ Нейгаузенъ“.

[2] Николай Александровичъ (1791-1855), братъ А. Бестужева и тоже декабристъ, авторъ „Записокъ о Голландіи“ (Спб. 1821) и переводчикъ повѣсти Мура „Обожатель огня“ и „Паризины“ Байрона (въ прозѣ, 1821), напечаталъ въ „Пол. Зв.“ 1824 г. статью „Объ удовольствіяхъ на морѣ“, о которой и говорится въ настоящемъ письмѣ.

[3] „Витязь буланаго коня“, О. И. Сенковскаго.

[4] Въ черновомъ (Моск. Муз. № 2369, л. 44): „... оставить покойному Нахимову, а не печатать въ европейскомъ изданіи“. Мадригалъ Р. оканчивается стихами:

Вчера, сегодня, безпрестанно
Люблю—и мыслю о тебѣ.

[b] Стихи А. Шенье (La jeune captive). Говорится о Ек. Ник. Раевской.

[6] Говорится объ Онѣгинѣ. Въ черновомъ еще прибавлено: „Она писана строфами едва ли не вольнѣе строфъ Донъ-Жуана". Ср. выше, стр. 435.

[7] Въ черновомъ прибавлено, но потомъ зачеркнуто: „У васъ есть еще нѣсколько моихъ стиховъ, — сдѣлайтесь съ цензурой, переправляйте ихъ".

65. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Говорится о статьяхъ Вяземскаго: „Замѣчанія на краткое обозрѣніе русской литературы 1822 г., напечатанное въ № 5 Сѣвернаго Архива 1823 г.", — въ „Новостяхъ Литературы" 1823, № 19 (Соч. Вяз., I, 101) и „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ив. Ив. Дмитріева" — при книгѣ: „Стихотворенія И. И. Дмитріева", изд. 6-е, Спб. 1823 тамъ же, 112).

У Анненкова, Пушк., 220, 252, приведены отрывки изъ чернового наброска этого письма:

„Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ, за неожиданное посланіе, т. е. за посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другого,—и почитать нашихъ книгопродавцевъ! Одно меня затрудняетъ: ты продалъ мое изданіе за 3000 р., а сколько же стоило тебѣ напечатать? Ты все даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, возьми, что тебѣ слѣдуетъ, изъ остальныхъ денегъ, да пришли ихъ ко мнѣ: рости имъ незачѣмъ, а у меня не залежатся, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги — и засяду за новую поэму, потому что мнѣ полюбилось. Я къ XVIII вѣку не принадлежу: пишу для себя, а печатаю для денегъ,—ничуть не для улыбки прекраснаго пола"..

66. Неизвѣстному лицу.

Это письмо, изъ котораго извѣстенъ только приводимый отрывокъ, было перехвачено на почтѣ и послужило главнымъ поводомъ къ удаленію П. изъ Одессы. По указанію А. И. Левшина, бывшаго въ то время правителемъ походной канцеляріи гр. Воронцова, докторъ-атеистъ Гунчисонъ (можетъ быть: Hutchinson?), учившій П. философіи атеизма, впослѣдствіи, въ Лондонѣ, былъ ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви. См. Анн., Пушк., 260.

Какъ разъ въ то же время, въ мартѣ 1824 г., кн. Вяземскій писалъ Пушкину: „Сдѣлай милость, будь осторо-

женъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста. Что тебѣ въ Петербургѣ? Вѣрные люди сказывали мнѣ, что уже на Одессу смотрятъ, какъ на champ d'asyle,—а въ этомъ полѣ, вѣрно, никакая ягодка болѣе тебя не обращаетъ вниманія. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности... Ты довольно сыгралъ пажескихъ шутокъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно! А все наша оппозиція ничѣмъ инымъ ознаменоваться не можетъ, que par des espiègleries. Намъ не дается мужествовать противъ него; мы можемъ только ребячиться. А всегда ребячиться—надоѣстъ". (Рус. Арх. 1879, кн. 8, стр. 470).

67. Л. С. Пушкину.

[1] Булгаринъ напечаталъ въ своихъ „Лит. Листкахъ", 1824, № 4, по поводу „Бахч. Фонтана", отрывокъ изъ письма П. къ Вестужеву (п. 64).

[2] Иванъ Григорьевичъ, бывшій впослѣдствіи тов. министра вн. дѣлъ.

68. Князю П. А. Вяземскому.

[1] „Вмѣсто предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской Стороны или съ Васильевскаго Острова"—при отдѣльномъ изд. поэмы, Спб. 1824 (Соч. Вяз., I, 167). Ср. наст. изд. т. III, стр. 176.

[2] Быть можетъ, П. имѣлъ въ виду статью: „О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности", отъ которой уцѣлѣлъ только одинъ черновой отрывокъ. См. VI, 411, 652.

[3] Аннѣ Григорьевнѣ, матери дипломата, находившейся въ близкихъ отношеніяхъ къ И. И. Дмитріеву.

[4] Жозефъ-Мари Гишаръ — нынѣ совершенно забытый французскій стихотворецъ XVIII вѣка.

[5] См. предыдущее письмо.

69. А. И. Казначееву.

Казначеевъ былъ правителемъ канцеляріи гр. Воронцова. Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ его семействомъ; жена К., урожденная княжна Волконская, была женщина литературно образованная и умная.

70. Ему-же.

Рук. Моск. Муз. № 2370, л. 8 об.

71. Л. С. Пушкину.

[1] Ср. I, 364:

> Я съ перемѣною несчастнаго правленья
> Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ...

[2] Княгиня Вѣра Ѳедоровна, урожд. княжна Гагарина, ум. въ 1886 г. Изъ Одессы она писала мужу о Пушкинѣ: „Онъ натворилъ новыхъ фарсовъ, вслѣдствіе которыхъ подалъ прошеніе объ отставкѣ; при этомъ онъ совсѣмъ не правъ. Изъ хорошаго источника я узнала, что этой отставки онъ не получитъ. Мнѣ его очень жаль, но я ни въ комъ еще не видала такой взбалмошности и такой склонности къ злословію, какъ у него..." (Ост. Арх., III, 37).

72. Князю П. А. Вяземскому.

[1] Ср. п. 59. Байронъ, въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ ко II-й пѣсни „Чайльдъ-Гарольда", между прочимъ, говоритъ: „Французскій консулъ г. Фовель, проведшій тридцать лѣтъ преимущественно въ Аѳинахъ... часто говорилъ въ моемъ присутствіи, что греки не заслуживаютъ освобожденія, доказывая это ссылкою на ихъ національную и личную развращенность".

73. А. А. Бестужеву.

Ср. пп. 62 и 67.

[2] См. письмо къ издателю „Сына Отечества", т. V, стр. 5 и 575.

74. Н. В. Всеволожскому.

Моск. Муз. № 2370, л. 36. Ср. предыдущее письмо. Овошникова—кордебалетная танцовщица, бывшая на содержаніи у Всеволожскаго.

75. А. Н. Раевскому.

Ан н., Пушк., 206,—переводъ съ недошедшаго до насъ подлинника. Ср. п. 59.

76. А. И. Тургеневу.

Тургеневъ писалъ кн. Вяземскому, 1 іюля 1824 г.: „Гр. Воронцовъ прислалъ представленіе объ увольненіи Пуш-

кина. Желая, coûte qui coûte, оставить его при немъ, я ѣздилъ къ Нессельроде, но узналъ отъ него, что это уже невозможно; что уже нѣсколько разъ, и давно, гр. В. представлялъ о семъ, et pour cause; что надобно искать другого мецената-начальника. Долго вчера толковалъ я о семъ съ Сѣверинымъ, и мысль наша остановилась на Паулуччи, тѣмъ болѣе, что Пушкинъ — и псковскій помѣщикъ. Виноватъ одинъ П. Графиня его отличала, отличаетъ, какъ заслуживаетъ талантъ его, но онъ рвется въ бѣду свою. Больно и досадно. Куда съ нимъ дѣваться?"

Вяземскій, въ отвѣтъ на это письмо, писалъ (7 іюля): „Видно, дѣло такъ повернули, что не онъ просится... Грѣшно, если надъ нимъ уже промышляютъ и лукавятъ. Сдѣлай одолженіе, попроси Сѣверина устроить, что можно, къ лучшему..."

Сѣверинъ, однако, отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ и сказалъ, что „рѣшитъ, вѣроятно, самъ государь, а Нессельроде можетъ только надоумить." См. *Ост. Арх.*, III, 57-58.

77. Кн. П. А. Вяземскому.

Евстафій Ив. Ольдекопъ (ум. 1845), извѣстный впослѣдствіи составитель словарей и учебниковъ, издавалъ въ 1822-26 гг. St.-Petersburgische Zeitung, впослѣдствіи служилъ въ III отд. Собств. Канц. Въ 1823 г. онъ перепечаталъ „Кавк. Плѣнника" при своемъ нѣмецкомъ переводѣ поэмы. См. п. 52, прим. 5 и далѣе, пп. 82, 90.

78. И. С. Зеновичу.

11 іюня 1824 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе — „находящагося въ вѣдомствѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ коллежскаго секретаря Пушкина уволить вовсе отъ службы." 29 іюля П. далъ подписку, въ которой обязался „по данному отъ г. Одесскаго градоначальника маршруту, безъ замедленія, отправиться изъ г. Одессы къ мѣсту назначенія въ губернскій городъ Псковъ, не останавливаясь нигдѣ на пути по своему произволу, а по прибытіи въ Псковъ явиться лично къ г-ну гражданскому губернатору." Маршрутъ назначенъ былъ черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ (*Рус. Стар.* 1887, LIII, 246). Выѣхавъ изъ Одессы 30 іюля, П. прибылъ въ Михайловское 9 августа.

Кн. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу, 13 августа: „Послѣднее письмо жены моей наполнено сѣтованіями о жребіи несчастнаго П. Онъ отъ нея отправился въ свою ссылку; она оплакиваетъ его, какъ брата. Они до сей поры не знаютъ причины его несчастія. Какъ можно такими крутыми мѣрами поддразнивать и вызывать отчаяніе человѣка! Кто творецъ этого безчеловѣчнаго убійства? Или не убійство—заточить пылкаго, кипучаго юношу въ деревнѣ русской? Правительство, вѣрно, было обольщено ложными сплетнями. Да и что такое за наказаніе за вины, которыя не подходятъ ни подъ какое право? Неужели въ столицахъ нѣтъ людей, болѣе виновныхъ Пушкина? Сколько вижу изъ нихъ обрызганныхъ грязью и кровью! А тутъ за необдуманное слово, за неосторожный стихъ предаютъ человѣка на жертву... Да и постигаютъ ли тѣ, которые вовлекли власть въ эту мѣру, что есть ссылка въ деревнѣ на Руси? Должно быть богатыремъ духовнымъ, чтобы устоять противъ этой пытки. Страшусь за П. Въ его лѣта, съ его душою, которая также *кипучая бездна огня* (прекрасное выраженіе Козлова о Байронѣ), нельзя надѣяться, чтобы одно занятіе, одна дѣятельность мыслей удовольствовали бы его... Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку П., какъ на coup de grâce, что нанесли ему. Не предвижу для него исхода изъ этой бездны. Неужели не могли вы отвлечь этотъ ударъ? Да зачѣмъ не позволить ему ѣхать въ чужіе края? Изданіе его сочиненій окупитъ будущее его на нѣсколько лѣтъ. Скажите, ради Бога, какъ дубинѣ Петра Великаго, которая не сошла съ нимъ во гробъ, бояться прозы и стишковъ какого-нибудь молокососа? Никакіе вирши... не проточатъ ея! Она, православная матушка наша, зеленѣетъ и дебелѣетъ себѣ такъ, что любо! Хоть приди Орфей возмутительныхъ пѣсней, такъ никто съ мѣста не тронется...“ (*Ост. Арх.*, III. 73).

Тургеневъ отвѣчалъ по почтѣ—и потому иносказательно: „Пушкинъ въ „Онѣгинѣ“, жалуясь на жестокость петербургскихъ дамъ, говоритъ:

И на бровяхъ ихъ — надпись ада:
„Оставь надежду навсегда“.

„Остальное—при свиданіи. Впрочемъ, ты уже видѣлъ теперь Сѣверина, и онъ все объяснитъ тебѣ“. (Тамъ же, 79).

79. И. М. Рокотову.

Иванъ Матвѣевичъ Рокотовъ, помѣщикъ, сосѣдъ П. по имѣнію.

80. А. Н. Вульфу.

О Вульфѣ см. 1, 518-519. Интересныя его записки напечатаны Л. Н. Майковымъ, Пушк., 162-222. Настоящее письмо было написано Пушкинымъ одновременно съ посланіемъ къ Языкову (1, 355, 665).

81. П. А. Плетневу.

Рук. Моск. Муз. № 2370, л. 34.—Рус. Стар. 1884, т. 43, стр. 12.

82. Кн. П. А. Вяземскому.

Объ Ольдекопѣ см. п. 77. Кн. Вяземскій, увидѣвъ въ „Моск. Вѣд." объявленіе о новомъ изданіи „Кавк. Пл.", просилъ Жуковскаго узнать, съ дозволенія ли С. Л. Пушкина и вслѣдствіе ли какой-нибудь сдѣлки съ нимъ выпустилъ свое изданіе Ольдекопъ. Жук., переговоривъ съ Дельвигомъ, отвѣчалъ князю, что никакой сдѣлки нѣтъ, и что продажа новаго изданія—беззаконная. Тогда Вяз. послалъ за книгопродавцемъ Ширяевымъ, который сказалъ ему, что О. заплатилъ С. Л. Пушкину за право продавать свое изданіе. Вяз., спрашивая П. о томъ, какое изъ двухъ обстоятельствъ справедливо, писалъ, что если право не дано Ольдекопу, то А. Пушкинъ долженъ прислать формальную довѣренность на имя В. Л. Пушкина или кн. Вяземскаго, для того, чтобы они могли начать тяжбу. (*Рус. Арх.* 1879, № 8. стр. 471-472), Настоящее письмо и служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. По полученіи его, 27 окт., В. писалъ Тургеневу: „Научи, что дѣлать, къ кому писать: къ Милорадовичу ли, Шишкову? А лучше всего—самъ похлопочи, только поскорѣе. Теперь у П. только и осталось, что — деревенька на Парнассѣ, а если и ее раззорять станутъ, то что придется ему дѣлать?.. Неужели нѣтъ у насъ законной управы на такое грабительство? Остановить продажу мало: надобно, чтобъ О. возвратилъ уже вырученныя деньги за проданные экземпляры... Повидайся съ Дельвигомъ, который также знаетъ это дѣло, и пусть онъ напишетъ П., что оно къ тебѣ перешло". Дельвигъ обѣщалъ съѣздить къ О. и требовать вознагражденія. „Я поручилъ ему, писалъ Тургеневъ, постращать его жало-

бою начальству, если онъ гдѣ служитъ и если онъ, хотя экземплярами, не согласится заплатить за убытокъ. О. самъ нищій. Что съ него взять? Я велѣлъ сказать ему, что буду на него жаловаться. Авось, страхъ подѣйствуетъ тамъ, гдѣ молчитъ совѣсть". (*Ост. Арх.*, III 87, 90)

[1] Эпиграмма на Воронцова, въ иной редакціи,—быть можетъ, измѣненной самимъ П., напеч. въ т. 1, 349. „Поминаньице" о Байронѣ—стихотвореніе. „Къ морю". 1, 350.

83. Княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

Рук. Моск. Муз. № 2370, лл. 34 об. и 35.—*Рус. Стар.* 1884, т. 43, стр. 13-14.

[1] Ср. „Онѣгина", гл. II, стр. V: „Сначала всѣ къ нему ѣзжали"... Дальше говорится о П. А. Осиповой и ея дочеряхъ.

84. Л. С. Пушкину.

[1] Альманахъ Булгарина: „Русская Талія" на 1825 годъ.

[2] Мих. Ив. Калашниковъ, крѣпостной человѣкъ Пушкиныхъ, былъ въ Михайловскомъ еще при „арапѣ", т. е. при Петрѣ Абрамовичѣ Ганнибалѣ, котораго хорошо помнилъ. Впослѣдствіи онъ управлялъ Михайловскимъ, а потомъ — Болдинымъ. На старости отпущенный на волю, умеръ въ бѣдности, въ Петербургѣ, осенью 1858 г., слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду. Въ бумагахъ П. случайно сохранился клочекъ, оторванный отъ его письма, съ подписью: „рабъ Калашниковъ".

[3] Поэма „Эда", напеч. только въ 1826 г.

85. Б. А. Адеркасу.

Борисъ Антоновичъ Адеркасъ — псковской губернаторъ. Копія съ этого письма была послана П. А. Осиповой Жуковскому, съ просьбой предотвратить бѣду, которая изъ всего этого могла бы произойти. Черезъ нѣсколько времени, Осипова извѣстила Жук., что, по счастливому случаю, вмѣшательство его въ это дѣло безполезно: человѣкъ, которому П. вручилъ письмо для доставленія губернатору, не заставъ его во Псковѣ, вернулся обратно съ своей посылкой, которую П. истребилъ. Анненковъ (Пушк., 272) высказываетъ предположеніе, что это „была просто выдумка, направленная къ тому, чтобы сильнѣе подѣйствовать на безгранично добраго и честнаго Жуковскаго". Возможно,

однако, и другое предположеніе: П. могъ написать это письмо въ минуту сильнаго возбужденія, послѣ ссоры съ отцомъ, а Осипова приказала слугѣ не передавать письма по адресу и вернуть его подъ предлогомъ, будто губернатора не было въ городѣ. Между тѣмъ, П. успѣлъ придти въ себя — и уничтожилъ письмо.

86. В. А. Жуковскому.

[1] Начальникъ края, Рижскій генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи, поручилъ опочецкому уѣздному предводителю дворянства Пещурову пригласить С. Л. Пушкина принять на себя надзоръ за поведеніемъ сына.

Анненковъ (Пушк., 272-273) приводитъ отрывки изъ этого же письма по сохранившемуся черновому наброску (Рук. Моск. Муз. № 2370, лл. 36 об. и 37):

„Посуди о моемъ положеніи дома. Пріѣхавъ сюда я былъ встрѣченъ и обласканъ... но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь... Вспыльчивость мѣшала мнѣ съ нимъ откровенно объясниться; я рѣшился молчать. Онъ сталъ укорять брата... что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе. Назначенный за мною смотрѣть Пещуровъ осмѣлился предложить отцу моему распечатывать мою переписку, короче — быть моимъ шпіономъ!.. Желая, наконецъ, вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова... Отецъ разсердился, закричалъ,—я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ брата и велѣлъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Голова моя закипѣла, когда я узналъ это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ что „говорю ему въ послѣдній разъ". Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его *билъ!* потомъ—*что хотѣлъ бить*... Передъ тобою я не оправдываюсь, но чего же онъ хочетъ для меня уголовнымъ обвиненіемъ? Рудниковъ сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія?.. Спаси меня! Я сосланъ за одну строчку глупаго письма; если присоединится къ этому обвиненіе въ томъ, что поднялъ руку на отца, — посуди, какъ *тамъ* обрадуются. [Шутка эта пахнетъ каторгой."

Жуковскій на это письмо отвѣчалъ:

„Милый другъ, твое письмо привело бы въ великое меня замѣшательство, если бы твой братъ не пріѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ изъ Петербурга и не прибавилъ къ нему словесныхъ объясненій. Получивъ его, я точно не зналъ, на что рѣшиться. Вотъ первая мысль, которая мнѣ представилась: ѣхать къ Паулуччи, который здѣсь и съ которымъ я очень мало знакомъ, предупредить его насчетъ твоего письма къ Адеркасу и объяснить ему твое положеніе. И я это бы сдѣлалъ (ибо ничего другого не могъ придумать), если бы не явился твой Левъ и не сказалъ мнѣ, что все будетъ само собою устроено. Безъ него, желая тебѣ сдѣлать пользу, я только бы тебѣ, вѣроятно, повредилъ, т. е. обратилъ бы вниманіе на то, что лучше оставить въ неизвѣстности. Я не могу поручиться, уважилъ ли бы Паулуччи мою просьбу. Тургенева, который съ нимъ хорошо знакомъ, нѣтъ въ Петербургѣ.

„На письмо твое, въ которомъ описываешь ты, что случилось между тобою и отцомъ, не хочу отвѣчать, ибо не знаю, кого изъ васъ обвинять и кого оправдывать. И твое письмо, и разсказы Льва увѣряютъ меня, что ты столько же неправъ, сколько и отецъ твой. На все, что съ тобою случилось, и что ты самъ на себя навлекъ, у меня одинъ отвѣтъ: поэзія. Ты имѣешь не дарованіе, а геній. Ты — богачъ, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженнаго несчастія и обратить въ добро заслуженное. Ты болѣе, чѣмъ кто-нибудь, можешь и обязанъ имѣть нравственное достоинство. Ты рожденъ быть великимъ поэтомъ; будь же этого достоинъ. Въ этой фразѣ — вся твоя мораль, все твое возможное счастіе и все вознагражденіе. Обстоятельства жизни, счастливой или несчастливой, — шелуха. Ты скажешь, что я проповѣдую со спокойнаго берега утопающему. Нѣтъ, — я стою на пустомъ берегу, вижу въ волнахъ силача и знаю, что онъ не утонетъ, если употребитъ свою силу, и только показываю ему лучшій берегъ, къ которому онъ непремѣнно доплыветъ, если захочетъ самъ. Плыви, силачъ! А я обнимаю тебя". (*Рус. Арх.* 1889, III, 114).

87. Л. С. Пушкину.

[1] Подражаніе Корану, — I, 369.

На оборотѣ письма начерчены карандашемъ: Петропав-

ловская крѣпость, лодка на Невѣ, набережная и, опершись на парапетъ, двое мужчинъ въ широкополыхъ шляпахъ. Все помѣчено цифрами. Внизу написано: „1. Хорошъ. 2. Долженъ быть опершися на гранитъ. 3. Лодка. 4. Крѣпость Петропавловская". Снимокъ съ этой картинки приложенъ къ Библ. Записками 1858 г. Въ свое время она была перерисована Нотбекомъ и приложена въ гравюрѣ Е. Гейтмана къ „Невскому Альманаху" на 1829 г. вмѣстѣ съ 5-ю другими картинками изъ Онѣгина, и вызвала эпиграмму Пушкина, см. наст. изд. IV, 300-301.

88. Ему же.

[1] Наводненіе 7 Ноября 1824 г.

[2] „Клариса Гарлоу", романъ Самуила Ричардсона (1748), о которомъ П. упоминаетъ въ „Онѣгинѣ" (IV, 70, 314).

[3] п. 83. — Далѣе говорится о письмѣ гр. Екатерины Марковны Ивеличъ, родственницы Пушкина.

[4] Рылѣевъ и Бестужевъ—издатели „Полярной Звѣзды".

89. В. А. Жуковскому.

О „маленькой гречанкѣ" — Родосѣ *Софіаносъ*—П. писалъ къ Жуковскому, вѣроятно, еще изъ Одессы, по просьбѣ жены бессарабскаго вице-губернатора Крупенскаго, у которой воспитывалась эта дѣвочка, дочь одного изъ греческихъ этеристовъ. Письма этого мы не имѣемъ, но сохранилось (*Рус. Арх.* 1889, III, 113) отвѣтное письмо Жуковскаго отъ 1 Іюня 1823 г., гдѣ онъ писалъ: „Имя Софіаносъ — прекрасное и для меня столь же священное, какъ и для Греціи, но не знаю, удастся ли мнѣ почтить его такъ, какъ я бы желалъ. Поговорю съ тѣми, кто это дѣло знаетъ и кто что-нибудь по этому дѣлу можетъ. Если не получишь никакого отъ меня отзыва, то знай, что не удалось. Если же удастся, то лѣнь исчезнетъ, и напишу подробно".

Настоящее письмо имѣется также и въ черновомъ наброскѣ, въ рук. Моск. Муз. № 2370. Приводимъ этотъ набросокъ:

„Ты получилъ мое письмо. Долго не могъ я рѣшиться отослать его; но что мнѣ было дѣлать? Я сосланъ за одну строчку глупаго письма. Если присоединится къ этому, что я поднялъ руку на отца, — посуди, какъ *тамъ* обра-

дуются. Шутка эта пахнетъ каторгой. Мать согласна была съ отцомъ, т. е. она говоритъ: „Да онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, размахивать руками", „да онъ убилъ его словами!" Это calembour, и только. Я послалъ имъ мое письмо къ тебѣ. Отецъ говоритъ: „Экій дуракъ,—въ чемъ оправдывается, — да онъ бы еще прибилъ меня!" Зачѣмъ же было обвинять въ несбыточномъ злодѣйствѣ? Стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ. Глупо часъ отъ часу долѣе вязнуть въ жизненной грязи...".

90. Кн. П. А. Вяземскому.

Объ Ольдекопѣ см. выше, пп. 52, 77, 82. — О проигрышѣ стихотвореній Всеволожскому — пп. 31, 32. — Тетка П. — Анна Львовна, см. ниже, п. 120. — „Телѣга жизни" напеч. въ Моск. Телегр. 1825 № I, въ измѣненномъ видѣ: см. I, 347, 655.

91. Д. М. Княжевичу.

Моск. Муз. № 2370, *л.* 41 об.—*Рус. Стар.* 1884, т. 43, стр. 18.—Д. М. Княжевичъ (1788 - 1844) былъ близокъ съ литераторами начала XIX в. Измайловымъ, Гречемъ, Милановымъ и др., участвовалъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ, между прочимъ — и въ „Пол. Звѣздѣ" 1824 г. Служилъ въ Одессѣ по м-ву финансовъ, а впослѣдствіи былъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. См. о немъ *Греча*: „Воспом. о Д. М. Княжевичѣ", Спб. 1860. — „Катенька" — Гика, была замужемъ за молдаванскимъ бояриномъ Стурдзой, отъ котораго имѣла дочь, вышедшую за кн. Мурузи; по смерти Стурдзы вышла за Рознована, съ которымъ потомъ развелась. (*Рус. Арх.* 1866, стр. 1233).

92. В. А. Жуковскому.

[1] О Родосѣ Софіаносъ см. выше, п. 89. „Это письмо, говоритъ П. А. Ефремовъ (Соч. Пушк. VII, 137), относятъ къ декабрю; но не написано ли оно между письмами 31 октября и 24 ноября, такъ какъ въ послѣднемъ есть уже *повторительный* вопросъ о Родосѣ?" Сомнѣніе, повидимому, справедливое, такъ какъ по содержанію обоихъ писемъ, дѣйствительно, видно, что ихъ хронологія какъ будто спутана. Подлинники этихъ писемъ намъ неизвѣстны.

93. Л. С. Пушкину.

„Демонъ" былъ напечатанъ въ *Мнемозинѣ* 1824 г., кн. III, съ ошибками (см. I, 645). Стихотвореніе было перепечатано въ „Сѣв. Цвѣтахъ" на 1825 г., стр. 275, уже безъ ошибокъ. „Море", все-таки, явилось въ той же „Мнемозинѣ", кн. IV.

Далѣе П. сообщаетъ поправку къ „Разговору книгопродавца съ поэтомъ", который былъ напечатанъ въ видѣ предисловія къ „Онѣгину" (см. I, 356, 666), и повторяетъ брату свои порученія относительно книгъ и разныхъ вещей. Къ подобнымъ порученіямъ П. возвращался не разъ. Въ перепискѣ съ братомъ сохранился листокъ съ его замѣтками: „Бумаги, перьевъ, облатокъ, чернилъ, чернильницу de voyage. Чемоданъ. Библіи 2. Шекспиръ. Вина Bordeaux, Sauternes, Champagne. Сыръ. Курильницу. [Lampe de voyage. Allumettes, табакъ, гл. труб. черешн.]. Chemises bague. Médaillon simple, montre".

[1] Анна Львовна раздѣлила свое имѣніе между двумя племянницами Солнцевыми и Ольгой Сергѣевной. Кн. П. И. Шаликовъ написалъ элегію на ея смерть. Ср. ниже, п. 120, о Василіи Львовичѣ.

94. Ему же.

[1] Непечатная фраза изъ *трехъ* словъ.

[2] Эти условныя выраженія должны были означать устройство пересылки денегъ и писемъ за границу, въ случаѣ бѣгства, о которомъ помышлялъ въ ту пору П. Ср. I, 380, 684. П. ждалъ къ Рождеству 1824 г. своего брата изъ Петербурга и Вульфа изъ Дерпта, предполагая устроить съ ними совѣщаніе относительно этого плана. П. А. Осипова также была посвящена въ это дѣло, но испугалась секрета, ей сообщеннаго, и извѣстила о немъ Жуковскаго: „Если вы думаете, писала она, что воздухъ и солнце Франціи, или близъ лежащихъ къ ней, черезъ Альпы, земель, полезенъ для русскихъ орловъ, и оный не вреденъ будетъ *нашему*, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчной тайной; когда же вы другого мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлетъ" (*Анн.*, Пушк. 282).

95. А. Г. Родзянкѣ.

Письмо начинается вопросами объ А. П. Кернъ (см. II., 362), которою П. заинтересовался по разсказамъ Вульфа

объ ея свѣтскихъ успѣхахъ въ то время, когда она жила съ мужемъ въ Лубнахъ.

[1] Затѣмъ слѣдуетъ, говоритъ Н. И. Черняевъ, впервые напечатавшій это письмо въ *Рус. Обозр.*, 1867 № 2, стр. 524, густо зачеркнутая, совершенно нецензурная фраза, состоящая изъ трехъ словъ и двухъ предложеній и заключающая въ себѣ совѣтъ Аполлону не дѣлать различія между женщинами разныхъ національностей и оказывать имъ всѣмъ одинаковую благосклонность, въ эротическомъ смыслѣ слова".

[2] Младшій братъ Аркадія Родзянки.

На это письмо Пушкина послѣдовалъ совмѣстный отвѣтъ Родзянки и А. П. Кернъ, въ маѣ 1825 г. на который П., въ свою очередь, отвѣчалъ стихотворнымъ посланіемъ: см. II, 16, 367.

96. Л. С. Пушкину.

Дельвигъ обѣщалъ пріѣхать къ П. въ Михайловское на Рождество, но не пріѣхалъ.

97. Барону А. А. Дельвигу.

[1] Ив. Матв. Муравьева-Апостола, Спб. 1823.

Подлинникъ этого письма неизвѣстенъ, а напечатано оно, видимо, не вполнѣ.

98. Л. С. Пушкину.

[1] Левъ Пушкинъ служилъ, съ 12 ноября 1824 по 24 окт. 1826 г., въ деп. духовныхъ дѣлъ иностр. исповѣданій. Полицейскія власти, по какой-то надобности, справлялись у его начальства объ его поведеніи и службѣ. (Ефремовъ, Соч. Пушк., VII, 147).

[2] См. I, 275.

[3] Басня Измайлова „Черный Котъ" — въ „Невск. Альманахѣ" 1825 г.

[4] Гавр. Абр. Пакатскій, священникъ при церкви городскихъ богадѣленъ въ Спб., переложилъ въ стихи Плачъ Іереміи (1812), Псалтирь (1818), Книгу Іисуса Сираха (1825 и Канонъ Андрея Критскаго (1829). За Псалтирь Россійская Академія наградила его преміей въ 500 р. (Изв. Рос. Ак. 1820, кн. VШ, стр. 7). На заглавномъ листѣ этой книги перелагатель названъ „лишеннымъ зрѣнія".

99. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Графъ Павелъ Христофоровичъ Граббе, (1789-1875), въ то время командиръ Лубенскаго гусарскаго полка, былъ отставленъ отъ службы „за несоблюденіе порядка“ и удаленъ на жительство въ Ярославль. Онъ имѣлъ связи съ „Союзомъ Благоденствія“. — Пущинъ былъ въ Михайловскомъ 11 января 1825 г. См. II, 373.

100. Ему же.

[1] Статья Плетнева: „Письмо къ графинѣ С. И. С. (Сологубъ) о русскихъ поэтахъ“ — въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ на 1825 г. (Соч. Плетн., I, 160).

[2] Относится къ Ѳ. Н. Глинкѣ.

101. К. Ѳ. Рылѣеву.

[1] Въ „Пол. Зв.“ 1825 г. новыхъ отрывковъ изъ „Войнаровскаго“ напечатано не было, а явился онъ, въ началѣ того же года, въ отдѣльномъ изданіи.

102. А. А. Бестужеву.

[1] „Съ брата, который читаетъ ихъ („Цыганъ“) наизусть, взялъ авторъ честное слово, что онъ списывать ни для кого не будетъ “, — писалъ А. И. Тургеневъ Вяземскому, 26 февр. 1825 г. (*Ост. Арх.*, III, 99).

[2] John Bowring, переводчикъ произведеній русской, польской, чешской и венгерской поэзіи, издалъ въ 1825 г. „Русскую антологію“. въ которой помѣщенъ, между прочимъ, англійскій переводъ разсказа Жуковскаго „Марьина роща“, подъ заглавіемъ: „Mary's Goat“ (?! „Марьинъ козелъ“).

103. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] „Посланіе къ NN о наводненіи Петрополя“, въ Невск. Альманахѣ на 1825 г. Ср. IV, 258:

Графъ Хвостовъ,
Піитъ, любимый небесами,
Ужь пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье невскихъ береговъ.

[2] Влад. Серг. Филимоновъ (см. II, 448) напечаталъ въ „Рус. Инвалидѣ“ (1825, № 17) длинное объявленіе о предпринятомъ имъ изданіи „*Искусство жить*“, начинающееся такъ:

„Не смотря на явное, въ лучшихъ Русскихъ обществахъ, предпочтеніе языка французскаго языку русскому, задерживающее въ Россіи успѣхъ отечественной словесности, на полосѣ земли отъ Чернаго моря до Сѣвернаго океана есть люди, читающіе по-русски, и притомъ есть такіе, которые читаютъ только по-русски“ ...

„... Желая отнынѣ посвятить — доколѣ Парки неумолимыя позволятъ — жизнь свою трудамъ Литературнымъ, я приступаю къ исполненію одного изъ любимыхъ предположеній моихъ“ — изданію сокращеннаго перевода сочиненій Дроза, Циммермана, Шаррона, Франклина, подъ заглавіемъ: „Искусство жить“.

104. Ему же.

[1] См. выше, п. 90.

[2] Соч. Вяз., III, 385, 386.

[3] Руссо, Жанъ-Батистъ (1670-1741), стихотворецъ, получившій извѣстность особенно непристойными своими стихами; писалъ также духовныя и свѣтскія оды, долгое время считавшіяся образцомъ франц. лирики. Посланія и эпиграммы Р. весьма ядовиты. Самая извѣстная его комедія—„Льстецъ“.

[4] См. I, 364.

[5] Ср. I, 344: „Старайтесь сохранить и въ самой подлости оттѣнокъ благородства“.

105. Л. С. Пушкину.

[1] Жозефъ Фуше, герцогъ Отрантскій (1763-1820), во время революціи былъ членомъ конвента, а при Наполеонѣ—министромъ полиціи. Графъ Бертранъ (1773-1844)—французскій генералъ, памятный своею преданностью Наполеону, сопровождавшій его на Эльбу и на о. Св. Елены и привезшій потомъ во Францію его прахъ. Графъ Монтолонъ (1782-1853) также сопровождалъ Наполеона на о. Св. Елены. Оба эти лица издали впослѣдствіи записки о Наполеонѣ.

[2] Такъ П. почему-то называетъ В. И. Туманскаго. Въ его стихотвореніи, напеч. въ „Новостяхъ Литературы“ 1825, дѣвушка говоритъ поэту:

Начнуль бесѣдовать я съ вами? —
Какъ будто сидя съ авторамм,
Мнѣ замѣчательнѣй всего
Ошибки слога моего.

[3] „На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья"...

[4] Баратынскій находился въ это время на принудительной военной службѣ въ Финляндіи, унтеръ-офицеромъ Нейшлотскаго полка, и очень тяготился своимъ положеніемъ. Хлопоты о производствѣ въ офицеры долго не удавались. Только въ концѣ 1825 г. послѣдовало это производство, возвращавшее поэтому права гражданства и возможность выйти въ отставку.

106. Кн. П. А. Вяземскому.

[3] Стихъ: „Пускай ихъ Шаликовъ поетъ" (I, 360) въ слѣдующихъ изданіяхъ замѣненъ стихомъ: „Пускай ихъ юноша поетъ". Далѣе говорится о журналѣ Полевого „Московскій Телеграфъ", начавшемъ входить въ 1825 г. при ближайшемъ (въ первое время) участіи кн. Вяземскаго.

107. Н. И. Гнѣдичу.

[1] Первая глава „Онѣгина" вышла въ Петербургѣ въ началѣ 1825 г. Разрѣшеніе подписано цензоромъ Бируковымъ 29 декабря 1824.

[2] „Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ", изд. и перев. въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія, ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣч. Н. Гнѣдича. Спб. 1825.

108. Л. С. Пушкину.

[1] Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Изд. 2-е. Спб. 1822-24, 12 частей.

[2] См. Анненкова, Мат., 104-105.

109. Ему же.

О Баратынскомъ, въ концѣ письма.—ср. п. 105, прим. 4. Бар. былъ произведенъ въ офицеры по ходатайству А. А. Закревскаго, бывшаго въ то время финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

110. Ему же.

[1] Въ „Сѣв. Цвѣтахъ" на 1825 г. было напечатано стихотвореніе Жуковскаго „Мотылекъ и цвѣты" съ примѣчаніемъ: „Стихи, написанные въ альбомъ Н. И. И. на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ

pensées и незабудокъ". Въ 3-й строфѣ пьесы говорится о мотылькѣ, слетѣвшемъ съ высоты и прельщенномъ цвѣтами:

Онъ милъ, что вы съ нимъ однородные
Переселенцы съ вышины,
Что вамъ, какъ и ему, свободные
И крылья, и душа даны...

Въ слѣдующей строфѣ—ошибка мотылька:

Не рождены вы для вниманія,
Вамъ непонятенъ чувства гласъ...

и обращеніе поэта къ цвѣтамъ:

Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается
Какъ вы, минутный вѣтерокъ:
Иною прелестью плѣняется
Безсмертья вѣстникъ—мотылекъ.

[2] Стихъ изъ сказки Дмитріева: „Модная жена".

111. А. А Бестужеву.

[1] „Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и въ началѣ 1825 года" — въ „Пол. Звѣздѣ" на 1825 г. Эта статья была прислана Пушкину еще до выхода альманаха въ свѣтъ. Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо Б. отъ 9 марта 1825 г., напеч. у Бартенева, Пушк., I, 146-148.

[2] Въ 1821 г. Байронъ велъ полемику съ біографомъ Попа Боульсомъ по вопросу о томъ, что предпочтительнѣе,—изображеніе ли природы или изображеніе тлѣнныхъ, искусственныхъ вещей. См. Анн., Мат., 120-211, письма Рылѣева къ Пушкину, въ Соч. Рыл., изд. 1875, стр. 207 и 211, и письмо Бестужева отъ 9 марта. Рылѣевъ, по поводу строгихъ отзывовъ П. объ его Думахъ, писалъ Бестужеву:

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный, взвѣсилъ,
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ, и пр.

См. біогр. Рылѣева, написанную Сиротининымъ, въ Рус. Арх. 1890, II, 113-208.

112. Л. С. Пушкину.

Повѣсть Погорѣльскаго (А. А. Перовскій) „Лефортовская маковница". Старуха—колдунья, живущая въ Москвѣ, въ Лефортовской части, завѣщаетъ своей внучкѣ выйти за того, кого

она ей назначитъ. Вскорѣ послѣ смерти старухи, къ внучкѣ сватается титулярный совѣтникъ Аристрахъ Фалалѣевичъ Мурлыкинъ, въ которомъ дѣвушка, къ своему ужасу, узнаетъ бабушкина кота, товарища ея колдовства. Объ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ (1787-1839) см. ст. В. П. Горленка въ Кіевск. Стар. 1888, апрѣль.

Посылая кн. Вяземскому 2-ю главу „Онѣгина" черезъ Дельвига, П. на рукописи надписалъ брату: „Доставь это Вяземскому, повторивъ просьбу, чтобъ онъ никому не показывалъ, да и самъ не пакости".

113. Ему же.

Напечатано съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника.

114 А. Н. Вульфу.

Рѣчь идетъ о посланіи Языкова къ Пушкину. Стих. Яз., 11,156:

Въ бытописаньи русскихъ музъ
Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скоситъ
Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носитель Зевсовыхъ огней,
Играя, на гору заноситъ.

115. Л. С. Пушкину.

[1] Вмѣсто предисловія къ „Бахч. Фонтану" кн. Вяземскій напечаталъ „Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской Стороны или Васильевскаго острова", см. наст. изд. III, 176.

[2] Пушкинъ говоритъ здѣсь не о письмѣ къ нему Ив. Ив. Козлова отъ 31 мая 1825 г. (В. Брюсовъ, Письма Пушкина и къ Пушкину, М., 1903, стр. 95). а о присланномъ ему экземплярѣ поэмы „Чернецъ", съ собственноручною надписью ослѣпшаго поэта. (См. наст. изд., т. II, 358). Свое обѣщаніе отвѣчать поэту стихами Пушкинъ исполнилъ только 15 мая, отославъ Козлову посланіе: „Пѣвецъ! Когда передъ тобой"... (II, 10). Отвѣтомъ на это посланіе и было напечатанное у Брюсова письмо, въ которомъ К. говоритъ: „Не могу выразить вамъ, какое великое удовольствіе доставили мнѣ прелестные стихи ваши; это была по истинѣ прекрасная минута моей жизни, и я горячо васъ благодарю за

нее. Первая половина 7-го стиха („О, милый братъ!") находитъ себѣ оправданіе не въ томъ маленькомъ дарованіи, которое, можетъ-быть, у меня есть, а въ моемъ преклоненіи передъ вашимъ талантомъ и въ той искренней привязанности, какую я къ вамъ питаю. Еще разъ — спасибо, большое спасибо: стихи эти тронули меня до глубины души.

„Я прочелъ 2-ю пѣснь „Евг. Онѣгина";—прелесть! Прочелъ я также и мелкія стихотворенія. Въ числѣ тѣхъ, которыя мнѣ не были еще извѣстны, я нашелъ вещи, которыя мнѣ представляются неподражаемыми: въ особенности вскружили мнѣ голову—„Дочери Карагеоргія", стихи изъ Корана и двѣ элегіи. Когда мнѣ хочется писать стихи, я начинаю читать Байрона, Жуковскаго и васъ; тогда воображеніе мое разыгрывается, и я запѣваю"...

Въ подлинникѣ письмо это написано по-французски и конечно, чужою рукою, но подписано оно, нетвердо и не ровно, почти каракулями, самимъ поэтомъ: „Je vous embrasse de tout mon coeur et suis à jamais tout à vous Jean de Kazloff".

[3] Булгаринъ прислалъ Пушкину свой альманахъ „Русская Талія", въ которомъ, между прочимъ, были напечатаны отрывки изъ комедіи-водевиля кн. Шаховского „Ворожея, или танцы духовъ" и изъ комедіи Хмѣльницкаго: „Нерѣшительный".

[4] (стр. 102). Въ посланіи Кюхельбекера (котораго П. въ шутку называетъ здѣсь, какъ и выше, въ п. 56, Анахарсисомъ Клоцомъ) къ Грибоѣдову (Моск. Тел. 1825, № 2, стр. 118), между прочимъ, говорится:

Пѣвецъ! тебѣ даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье свѣтлое и къ родинѣ любовь
Высокаго искусства
И рѣзвоскачущая кровь!

Пушкинъ запомнилъ этотъ смѣшной эпитетъ и воспроизвелъ его въ своей шуточной одѣ гр. Хвостову (см. наст. изд. II, 11) съ соотвѣтствующимъ примѣчаніемъ.

[5] „Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ" (I,83) не вошло, однако, въ изд. стихотвореній 1826 г.

116. Ему же.

[1] Изъ слѣдующаго письма къ кн. Вяземскому видно, что П. получилъ поэму Рылѣева „Войнаровскій" и его же „Думы", вмѣстѣ съ письмомъ отъ И. И. Пущина.

(Стр. 104). „Шкода"—шуточное прозвище священника села Воронича, по сосѣдству съ Тригорскимъ. См. Щеглова, Новое о Пушкинѣ, Спб. 1903.

117. Кн. П. А. Вяземскому.

Байронъ умеръ въ Мисолонги, 7 (19) апрѣля 1824. Въ „МосковскомъТелеграфѣ" 1825, № 1, напечатаны были статьи: „Характеръ лорда Бейрона" и „Смерть лорда Бейрона".

118. Ему же.

[1] Въ Невскомъ Альманахѣ была напечатана „Книжная лавка" Полевого, за которую авторъ извинялся въ Моск. Телегр. 1825, ч. I, стр. 338, заявляя, что эта „давно забытыя, вздорная пародія" появилась въ альманахѣ безъ его вѣдома.

[2] Николай Шамфоръ (1741-1794), плодовитый писатель, членъ Французской академіи, одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени, былъ большимъ поклонникомъ революціи и ненавистникомъ аристократовъ, покровительствомъ которыхъ однако не пренебрегалъ, хотя и тяготился имъ. Онъ игралъ видную роль въ парижскихъ салонахъ и прославился своими блестящими остротами и сарказмами, которые одинаково сыпались и на враговъ, и на друзей. Въ 1800 г. былъ изданъ въ Парижѣ сборникъ подъ заглавіемъ: Chamfortiana, заключающій афоризмы, замѣтки и анекдоты, выбранные изъ сочиненій Шамфора. Князь Вяземскій въ своей „Старой записной книжкѣ" часто приводитъ изреченія Шамфора и сравниваетъ его съ М. И. Веревкинымъ, который также былъ „великій краснобай и разсказчикъ". П. вспомнилъ о Шамфорѣ по поводу своего посланія къ Чаадаеву (I,284) и исключенныхъ изъ него, при перепечаткѣ въ изд. 1826 г., стиховъ объ „американцѣ" Толстомъ (ср. I, 598-599).

119. Л. С. Пушкину.

[1] „Смерть чигиринскаго старосты", К. Ѳ. Рылѣева, въ „Полярной Звѣздѣ" на 1825. Говорится о пріѣздѣ Дельвига въ Михайловское.

[2] Ср. предыдущее письмо. О „пасквилѣ" Толстого на Пушкина намъ ничего не извѣстно.

120. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Сначала было написано и зачеркнуто: „и письмо Тани".

[2] Елиз. Львовна — другая тетка поэта, бывшая замужемъ за камергеромъ Матвѣемъ Мих. Сонцовымъ (ум. 1848). По словамъ А. П. Кернъ, П. А. Осипова спросила Пушкина: „Что же, собственно, остроумнаго въ этихъ стихахъ?“ — „Я надѣюсь, сударыня, — отвѣчалъ поэтъ, — что мнѣ и барону Дельвигу позволяется не всегда быть умными“. (*Майковъ*, Пушкинъ, 256).

121. К. Ѳ. Рылѣеву.

[1] Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
Гдѣ въ странѣ благословенной
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогожскихъ казаковъ.

[2] Ср. I, 627 и выше, п. 39.

[3] Напеч. въ „Пол. Зв.“ на 1825 г. См. письма Рылѣева къ Пушкину, въ соч. Рыл., изд. 1875, стр. 203-211.

[4] Ср. слова Мефистофеля въ „Сценѣ изъ Фауста“ (III, 383):

Скука — отдохновеніе души.

122. А. А. Бестужеву.

[1] Изъ оды Державина на возвращеніе гр. Зубова изъ Персіи. Эту оду П. хорошо помнилъ и не разъ приводилъ изъ нея отрывки. См. III, 614; VI, 419.

[2] Посланіе Жуковскаго, 1815 г.

[3] По поводу этихъ словъ Рылѣевъ писалъ Пушкину: „Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ! Ты самъ по себѣ молодецъ“. (Соч., стр. 213).

[4] „Ревельскій турниръ“ былъ напечатанъ въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г. „Слогъ А. А. Бестужева совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ слогъ Жуковскаго; но онъ имѣетъ свою прелесть, неподдѣльно хорошъ и въ *Ревельскомъ Турнирѣ* увлекателенъ. Эту повѣсть можно назвать лучшимъ изъ всего того, что донынѣ написалъ г. Бестужевъ: разсказъ и разговоръ живы, природа, картины вѣрны, характеры отдѣланы съ точностью“. (Моск. Тел. 1825 № 8, стр. 334).

123. К. Ѳ. Рылѣеву.

[1] Первоначально было написано: „а объ *томъ*". Рѣчь идетъ объ Александрѣ I.

Отвѣчая на это письмо, Рылѣевъ говоритъ: „Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій, и самыхъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, неумѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ". (Соч., стр. 213).

124. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] 1825 г. № 4. „Литературная Смѣсь. Жуковскій, Пушкинъ. О новой піитикѣ басенъ". См. соч. Вяземскаго, т. I, стр. 178.

[2] Изъ посланія кн. Вяземскаго къ Жуковскому. Соч. Вяземскаго, т. III, стр. 226. — Iohann Heinrich Voss — (1751 - 1826) знаменитый переводчикъ Гомера, Виргилія, Овидія и другихъ классиковъ.

[3] Соч. Вяземскаго, т. I, стр. 185.

[4] Соч. Рылѣева (1875), стр. 120:

„Вотъ, вотъ они! При нихъ — палачъ!" —
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху: —
„Вотъ, ихъ взвели уже на плаху...
„Кругомъ — стенанія и плачъ...
„Готовъ ужь исполнитель муки;
„Вотъ, засучилъ онъ рукава.
„Вотъ, взялъ уже сѣкиру въ руки...
„Вотъ, покатилась голова..
„И вотъ другая... Всѣ трепещутъ!
„Смотри, какъ страшно очи блещутъ!"

Ср. о „Войнаровскомъ" наст. изд. III, 392.

[5] Неѣловъ или Нѣеловъ, Сергѣй Алексѣевичъ (род. въ 1779 г.), былъ основателемъ стихотворческой школы, послѣдователями которой явились Мятлевъ и Соболевскій. Въ теченіе почти полувѣка онъ осмѣивалъ всевозможныя мо-

сковскія событія. Его экспромпты, четверостишія и остроты были всегда мѣтки и забавны, а потому пользовались большимъ успѣхомъ въ обществѣ. Кн. Вяземскій говоритъ про Неѣлова, что „онъ былъ русская Эолова арфа, то-есть народная игривая балалайка". Нѣкоторыя произведенія Неѣлова напечатаны въ „Старой записной книжкѣ" кн. Вяземскаго и въ Русскомъ Архивѣ 1874 и 1887 гг. (Остаф. Арх., II, прим., 498).

[6] „Пускай ихъ Шаликовъ поетъ" — въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ" (I, 360). — Casimir Delavigne (1793-1843), извѣстный лирикъ и драматургъ.

[7] Пушкинъ вѣрно угадалъ литературное значеніе В. Гюго, ставшаго во главѣ новой, „романтической", французской поэзіи.

125. В. А. Жуковскому.

Желзя какъ-нибудь вырваться изъ своей ссылки, П. рѣшился формально просить о дозволеніи ѣхать за границу или, по крайней мѣрѣ, въ столицы для поправленія своего разстроеннаго здоровья, ссылаясь на воображаемыя страданія въ ногѣ, происходящія, будто бы, отъ аневризма. Онъ поручилъ ходатайство объ этомъ своей матери — „и былъ очень недоволенъ, когда Надежда Осиповна замѣнила его дѣловую просьбу какимъ-то патетическимъ письмомъ къ Государю" (Анн., Пушк., 285). Слухъ объ его болѣзни встревожилъ довѣрчиваго Жуковскаго, который тотчасъ же написалъ ему:

„Мой милый другъ, прошу тебя отвѣчать какъ можно скорѣй на это письмо, но отвѣчай *по человѣчески*, а не сумасбродно. Я услышалъ отъ твоего брата и отъ твоей матери, что ты боленъ. Правда ли это? Правда ли, что у тебя въ ногѣ есть что-то похожее на аневризмъ, и что ты уже около десяти лѣтъ угощаешь у себя этого постояльца, не говоря никому ни слова? Причины такой таинственной любви къ аневризму я не понимаю, и никакъ не могу ее раздѣлять съ тобою. Теперь это уже не тайна, и ты долженъ позволить друзьямъ твоимъ вступиться въ домашнія дѣла твоего здоровья. Глупо нисколько не уважать жизнь. Отвѣчай искренно и не безумно. У васъ, въ Опочкѣ, некому хлопотать о твоемъ аневризмѣ. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надѣюсь, сдѣ-

ать то, чтобы ты переѣхалъ на лѣченье и житье въ Ригу. Согласись, милый другъ, обратить на здоровье свое то вниманіе, котораго требуютъ отъ тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты долженъ, долженъ, долженъ взять (теперешняя никуда не годится, — не годится не потому единственно, что другіе признаютъ ее такою; нѣтъ, — болѣе потому, что она несогласна съ твоимъ достоинствомъ). Ты долженъ быть поэтомъ Россіи, долженъ заслужить благодарность. Теперь ты получилъ только первенство по таланту; присоедини къ нему и то, что лучше еще таланта, — достоинство! Боже мой! Какъ бы я желалъ пожить вмѣстѣ съ тобою, чтобы сказать искренно то, что о тебѣ думаю и чего отъ тебя требую... Напиши ко мнѣ немедленно о своемъ аневризмѣ, и я тотчасъ буду писать къ Паулуччи. Съ нимъ я уже имѣлъ разговоръ о тебѣ, и можно положиться на его доброжелательство". (Рус. Арх. 1889, III, 115).

Отвѣтомъ на это письмо и является настоящее письмо Пушкина.

[1] Еще въ 1818 году., прочитавъ написанное бѣлыми стихами стихотвореніе Жуковскаго „Тлѣнность", начинающееся стихами:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если тожь случится
И съ нашей хижиной?

Пушкинъ сочинилъ пародію:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если это проза,
Да и дурная?.."

Жуковскій очень смѣялся надъ этой пародіей, но предсказывалъ, что придетъ время — и молодой поэтъ перемѣнитъ свое мнѣніе о бѣломъ стихѣ.

[2] Изданіе стихотвореній Жуковскаго 1824 года.

[3] Пушкинъ пародируетъ начало посланія Жуковскаго къ Блудову: „Счастливаго пути любезному желаю".

[4] Въ переводѣ Жуковскаго эта баллада Шиллера называется „Кубокъ".

Черновое прошеніе П. къ государю сохранилось въ рук. Моск. Муз. № 2370, лл. 69 об.—70, еще и въ иной, болѣе пространной, редакціи. Приводимъ его здѣсь.

J'avais 20 ans en 1820. Des propos inconsidérés, des vers satiriques... Le bruit répandit, que j'avais été traduit et f. à la ch. s. [1]

Je fus le dernier à apprendre ce bruit qui était devenu général; je me vus flétri dans l' opinion, je fus découragé, je me battais, j'avais 20 ans. Je déliberais si je ne ferais pas bien de me suicider ou d'assassiner Votre Majesté. Dans le premier cas je ne faisais qu' à confirmer un bruit qui me déshonorait; dans le second je ne me vengeais pas, parce qu' il n'y avait pas d'outrage; je commettais un crime, je sacrifiais à l'opinion d' un public, que je méprisais, un homme.. dont j'avais l'admiration involontaire. Ces réflexions me ldeterminèrent...

Telles furent mes réflexions. Je les communiquais à un ami [2] qui fut parfaitement de mon avis. Il me conseilla des démarches de justification envers l'autorité. J'en sentis l'inutilité. Je résolus de mettre tant d'indignation et de jactance dans mes discours et mes écrits, qu'enfin l'autorité soit obligée de me traiter en criminel: j'aspirais la Sibérie ou la forteresse comme réhabilitation. [3]

La conduite magnanime et libérale de l'autorité me toucha profondément, en déracinant une ridicule calomnie... [4] Depuis [tombé] á une disgrâce, s'il m'est quelquefois échappé des plaintes contre un ordre des choses reçu, si quelquefois je m'abandonnais à jeunes déclamations, je suis pourtant bien sûr d'avoir toujours respecté, soit dans l'écrit, soit dans mes discours, la personne de Votre Majésté.

Sire, on m'accuse d'avoir compté sur la générosité de votre caractère; je vous ai dit la vérité avec une franchise dont il serait impossible d'être coupable envers tout autre souverain du monde.

Aujourd'hui je recours a cette générosité. Ma santé a été fortement altérée dans ma jeunesse; un anevrisme de coeur éxige une prompte opération, un traitement prolongé; la ville qui m'en était assignée [5] ne peut me procurer aucun secours. Je supplie Votre Majésté de me permettre le

[1] T. e.—fouetté à la chancellerie secrète.

[2] Вѣроятно, П. Я. Чаадаеву.

[3] См. I, 594.

[4] Посылая Пушкина къ Инзову въ Екатеринославъ, правительство выдало ему на дорогу тысячу рублей.

[5] Т. е. Псковъ.

séjour d'une de nos capitales, ou bien de m'ordonner un endroit de l'Europe où je puis prendre soin de prolonger mon existence...

126. Барону А. А. Дельвигу.

[1] Варвара Васильевна Чичерина, дочь полковника Вас. Ив. Чичерина, скончавшаяся въ 1824 году и оставившая наслѣдство племяннику своему Вас. Льв. Пушкину. Петръ Львовичъ—его братъ, дядя поэта, артиллерійскій подполковникъ, скончался въ томъ же году.

[2] Тетрадь стиховъ, по которой печаталась книга „Стихотворенія Александра Пушкина", изданная въ 1826 году.

[3] Басня Крылова, напечатанная въ „Поляр. Звѣздѣ" 1825 г.

[4] Ср. II, 142.

127. Кн. П. А. Вяземскому.

Еще въ началѣ 20-хъ г. Пушкинъ сдѣлалъ въ одной изъ своихъ тетрадей слѣдующую выписку изъ Ист. итальянск. лит. Женгенэ: „Le plus ancien des poèmes romantiques est: „Buovo d'Antona, nel qual si tratta delle gran battaglie e fatti che lui fece, con la sua morte, etc., in ottava rima, 1489, Venezia", и пр.—Le reste comme dans le conte russe. Въ другомъ мѣстѣ той же тетради находимъ замѣтку: „Bovet aïeul de Бова,—c'est probable" (Рук. Моск. Муз., № 2366, лл. 31-33).

„Orlando Inamorato" — поэма Matteo-Maria Bojardo (1430-1494).

128. Ему же.

[1] Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ (1769-1825), дальній родственникъ поэта и самъ стихотворецъ, переводчикъ „Тартюфа" и „Федры". О немъ см. Вигеля, Воспоминанія, IV, 118-119; князя Вяземскаго Сочиненія, VII, 396; VIII, 177, 217, 255-256. По поводу его смерти Жуковскій писалъ А. С. Пушкину: „Бѣдный и любезный нашъ А. М. умеръ и снесъ въ могилу неистощимый запасъ шутокъ своихъ на Василья Львовича. Не видавши ихъ вмѣстѣ, ты точно можешь жалѣть объ утратѣ оригинальныхъ и высоко-комическихъ сценъ. Намъ ужь такъ сладко не смѣяться! Были выходки классическія" (Рус. Арх. 1879, II, 474). Вас. Львовичу дѣйствительно принадлежитъ переводъ

указанной въ письмѣ пѣсни Беранже, начинающейся стихами:

Однажды Богъ, возставъ отъ сна,
Курилъ сигару у окна. и т. д.

[2] Ср. II, 353.

129. В. А. Жуковскому.

[1] Въ іюнѣ 1825 г. Пушкину было разрѣшено лечиться въ Псковѣ.

[2] В. Всеволодовъ — авторъ „Сокращенной патологіи скотоврачебной науки", 1817.

На стр. 114, въ началѣ послѣдней строки, пропущено слово: „*Я* все жду"...

130. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Стихъ изъ посланія Ламартина къ Байрону:

Toi dont le monde encore ignore le vrai nom,
Esprit mystérieux, mortel, ange ou démon,
Qui que tu sois, Byron, bon ou fatal génie...

[2] Въ Моск. Телеграфѣ 1825, № 12: „О разборѣ трехъ статей въ запискахъ Наполеона". См. соч. Вяземскаго, I, 193.

[3] Въ той же книжкѣ Моск. Телеграфа, съ подписью Ст. Ар. (Старый Арзамасецъ) и съ помѣтою 9 іюня 1825 См. наше изданіе VI, 6.

131. Аннѣ Никол. Вульфъ.

[1] Въ письмѣ говорится, между прочимъ, объ А. П Керн ъ, которая и снабдила это письмо двумя своими замѣчаніями.

132. Бар. А. А. Дельвигу.

[1] Свадьба Дельвига была 30 октября 1825 г. Онъ женился на дочери князя Михаила Александровича Салтыкова (1769-1851); въ молодости Салтыковъ былъ гвардейскимъ офицеромъ и пользовался благосклонностью Екатерины II (Рус. Арх. 1876, III, 3:5); къ 1812 г. былъ назначенъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, затѣмъ былъ сенаторомъ. См. о немъ Вигеля, Восп., III, 62-63

[2] Ср. выше, п. 125, прим.

133. П. А. Осиповой.

Подлинникъ этого письма въ Имп. Публ. Б-кѣ. Ср пп. 125 и 129.

134. А. П. Кернъ.

О своей первой встрѣчѣ съ Пушкинымъ у Олениныхъ, воспоминаніе о которой вызвало стихотвореніе: „Я помню чудное мгновенье“ (II, 15), г-жа Кернъ передаетъ подробности въ своихъ запискахъ (Майковъ, Пушк., 235-236). См. также наст. изд. II, 363. Ермолай Федоровичъ—генералъ Кернъ, мужъ Анны Петровны, бывшій въ то время комендантомъ въ Ригѣ.

135. Л. С. Пушкину.

Заикинъ—извѣстный въ свое время книгопродавецъ-издатель.

„Вѣроятно, говоритъ г. Ефремовъ, долготерпѣніе Пушкина къ поступкамъ „брата-гуляки и мота“ (какъ его характеризовали такіе противоположные авторитеты, какъ А. Бестужевъ и кн. Вяземскій) совершенно истощилось: переписка съ братомъ почти совсѣмъ прекращается. Въ 10 слѣдующихъ лѣтъ онъ написалъ Льву Серг. только 5 писемъ, но уже чисто дѣловыхъ, и инымъ тономъ“. Далѣе приводится характеристика, сдѣланная С. А. Соболевскимъ:

Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишенъ разсудка;
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

136. И. Ф. Мойеру.

Профессоръ Дерптскаго университета, знаменитый хирургъ Иванъ Филипповичъ Мойеръ, былъ другомъ Жуковскаго и былъ женатъ на любимой его племянницѣ Марьѣ Андреевнѣ (Протасовой), въ то время уже скончавшейся.

137. П. А. Осиповой.

На стр. 121, въ строкѣ 6, слѣдуетъ читать: me faire faire l'opération.

138. Ей же.

[1] Младшая дочь Осиповой, Екатерина Ивановна.

139. Н. А. Полевому.

Этимъ письмомъ начинаются непосредственныя сношенія Пушкина съ Полевымъ. Въ „Моск. Телеграфѣ“

1825 г. изъ числа стихотвореній П. были напечатаны: двѣ эпиграммы, отрывокъ изъ „Цыганъ", „Телѣга жизни" и „Въ альбомъ" (II, 8), а въ 1826 г.—Элегія (I, 317) и эпиграммы на Каченовскаго.

140. Н. А. Полевому.

[1] Эта поправка къ „Андрею Шенье" не вошла въ печатавшееся тогда изданіе стихотвореній П., потому что письмо не дошло до Плетнева.

[2] Стихотвореніе Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной, и пр.

141. П. А. Осиповой.

Подлинникъ этого письма—въ Имп. Публ. Б-кѣ.

142. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Пав. Петр. Свиньинъ (1788-1839) напечаталъ въ „Сынѣ Отеч". 1818, ч. 49, статью „Поѣздка въ Грузино", съ эпиграфомъ:

Я весь объѣхалъ бѣдый свѣтъ,
Зрѣлъ Лондонъ, Лиссабонъ, Римъ, Трою,
Дивился многому умомъ,
Но только въ Грузинѣ одномъ
Былъ счастливъ сердцемъ и душою
И сожалѣлъ, что не поэтъ.

Этими-то стихами и была вызвана эпиграмма Вяземскаго, тогда же (окт. 1818) присланная имъ Тургеневу изъ Варшавы:

„Что пользы", говоритъ разсчетливый Свиньинъ,
„Мнѣ кланяться развалинамъ безплоднымъ
„Пальмиры, Трои иль Аѳинъ?
„Пусть дорожитъ Парнасса гражданинъ
„Воспоминаньемъ благороднымъ:
„Я не поэтъ, а дворянинъ,
„И лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ:
„Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ".

Впослѣдствіи, вѣроятно, по совѣту Пушкина, Вяз. передѣлалъ эту эпиграмму, начиная съ 4-го стиха, такъ:

„Нѣтъ, лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ:
„Тамъ кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.
Оставимъ славы дымъ поэтамъ сумасброднымъ:
„Я не поэтъ, а дворянинъ".

Послѣдній стихъ—пародія стиха Рылѣева, въ посвященіи „Войнаровскаго": „Я не поэтъ, а гражданинъ". Пушкинъ, по словамъ кн. Вяз., „очень смѣялся надъ этимъ стихомъ. Не смотря на свой либерализмъ, онъ говорилъ, что если кто пишетъ стихи, то прежде всего долженъ быть поэтомъ: если же хочешь просто гражданствовать, то пиши прозою". (Рус. Арх. 1866, ст. 475; Ост. Арх., 1, 129. 508-511).

143. П. А. Осиповой.

[1] Ср. VI, 454: Встрѣча съ П. А. Ганнибаломъ.

144. В. И. Туманскому.

Ср. Выше, п. п. 91 и 103.

[1] Ср. п. 105, прим. 2.

[2] В. Д. и А. И. — вѣроятно, А. И. Казначеевъ и его жена.

145. А. П. Кернъ.

Подлинникъ этого письма—въ Имп. Публ. Б-кѣ,

146. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] „Нарвскій Водопадъ", стих. кн. Вяз., напечатанное потомъ въ „Сѣв. Цвѣтахъ" на 1826 г.

На стр. 128, въ строкѣ 13, опечатка: „невриазма" вм. аневризма.

147. В. А. Жуковскому.

Жуковскій писалъ Пушкину, 9 авг. 1825 г.: „Прошу тебя, мой милый другъ, отвѣчать немедленно на это письмо, рѣшился ли ты дать сдѣлать себѣ операцію и согласишься ли ты поѣхать для этого въ Псковъ? Операторъ готовъ: это Мойеръ, дерптскій профессоръ, мой родня и другъ. Прошу въ немъ видѣть Жуковскаго. Онъ тотчасъ къ тебѣ отправится, какъ скоро узнаетъ, что ты его ожидаешь". Отвѣтомъ на это письмо и является настоящее письмо П., на которое Жук., въ свою очередь, писалъ ему 28 сент. 1825 г.: „Ты, какъ вижу, предалъ въ рущѣ мои только духъ свой, любезнѣйшій сынъ. А мнѣ, право, до духу твоего нѣтъ дѣла: онъ живъ и будетъ живъ, ибо весьма живущъ. Подавай-ка мнѣ свое грѣшное тѣло, т. е. свой аневризмъ. Съ этимъ прекраснымъ аневризмомъ не уцѣлѣетъ и духъ твой. Духъ же твой нуженъ для твоего Годунова, для твоихъ десяти будущихъ поэмъ, для твоей славы и для исправленія свѣтлымъ будущимъ всего

темнаго прошедшаго. Слышишь ли, Бейронъ Сергѣевичъ? Но смотри-жь: Бейронъ—на лирѣ, а не Бейронъ на дѣлѣ!" (Рус. Арх. 1879, III, 116-117).

[1] Николай Мих. Коншинъ (1793 — 1859 г.), литераторъ 30-хъ гг., сотрудникъ „Сѣв. Цвѣтовъ", „Новоселья", „Литер. Газеты" и др., былъ потомъ директоромъ Ярославскаго Демидовскаго Лицея и инспекторомъ учебныхъ заведеній Зап. Сибири. О немъ см. Рус. Стар 1887, т. 55, стр. 465 и „Очерки" Кирпичникова.

[2] Пушкинъ искалъ въ этомъ чтеніи матеріалъ для *Годунова*.

[3] Перовскій, Вас. Алексѣевичъ, бывшій впослѣдствіи оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, другъ Жуковскаго

148. А. П. Кернъ.

[1] „Получа письмо (п. 134), я тотчасъ ему отвѣчала" говоритъ А. П., „и съ нетерпѣніемъ ждала отъ него второго письма, но онъ это второе письмо вложилъ въ пакетъ тетушкинъ, а она не только не отдала мнѣ его, но даже не показала. Тѣ, которые его читали, говорили, что оно прелесть какъ мило" (Майковъ, Пушк., 245).

149. П. А. Осиповой.

По словамъ А. П. Кернъ, П., въ одномъ письмѣ къ Осиповой, выразился такъ: „Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? Elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante!" См. ниже, п. 152.

150. П. А. Катенину.

[1] Стихъ Горація: „Eheu, fugaces, Posthume, Posthume labuntur anni..."

[2] и [3] Въ альманахѣ Булгарина „Русская Талія, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра на (1825 годъ") были напечатаны отрывки изъ 3-го дѣйствія „Андромахи" Катенина и сцены изъ трагедіи Ротру „Венцеславъ", передѣланной А. А. Жандромъ.

151. Кн. П. А.Вяземскому.

Кн. Вяземскій писалъ Пушкину 6 сент. 1825 г.: „Послѣ выговора, вотъ тебѣ благодарность за письмо послѣднее къ

Жуковскому (см. выше, п 147), гдѣ ты говоришь объ осенней поѣздкѣ въ Псковъ. На здоровье и съ Богомъ! Карамзинъ очень доволенъ твоими трагическими занятіями, и хотѣлъ отыскать для тебя *Желѣзный Колпакъ* (см. въ томъ же письмѣ). Онъ говоритъ, что ты долженъ имѣть въ виду въ начертаніи характера Борисова дикую смѣсь набожности и преступныхъ страстей. Онъ безпрестанно перечитывалъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ. Это—противоположность драматическая! Я совѣтывалъ бы тебѣ прислать планъ трагедіи Жуковскому, для показанія Карамзину, который могъ бы быть тебѣ полезенъ въ историческомъ отношеніи. Житіе Василія Блаженнаго напечатано особо. Да возьми повѣсть дядюшки твоего Василья: развѣ онъ не довольно блаженный для тебя? Карамзинъ говоритъ, что ты въ *Колпакѣ* не много найдешь пищи, т. е. вшей. Всѣ юродивые похожи, и т. д." (Рус. Арх. 1900, I, 403).

На это письмо и отвѣчаетъ Пушкинъ, упоминая, между прочимъ, о своей замѣткѣ по поводу статьи Муханова о г-жѣ Сталь и о посѣщеніи Михайловскаго кн. А. М. Горчаковымъ (см. II, 374).

152. А. П. Кернъ.

См. выше, п. 149.

153. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Въ 1880 г. Горчаковъ (1798 — 1883) уклонился отъ участія въ занятіяхъ Комитета по сооруженію памятника Пушкину въ Москвѣ.

[2] Пѣсня Земфиры, съ нотами, напеч. въ „Моск. Тел." 1825, № 31, стр. 69, съ примѣчаніемъ: „Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи." Ср. Моск. Вѣд. 1858, № 19, стр. 80. Графъ Михаилъ Юрьевичъ Вielьгорскій (31 окт. 1788—28 авг. 1856) былъ извѣстенъ какъ музыкантъ-любитель. Кн. Вяземскій посвятилъ его памяти стихотвореніе „Поминки" (Рус. Арх. 1877, I, 542):

Любезный человѣкъ и человѣкъ любимый—
Вотъ біографія его въ стихѣ одномъ.
Онъ сталъ незамѣнимъ, онъ былъ необходимый,
Какъ дорожили имъ, такъ сѣтуемъ о немъ.
Онъ старостою былъ, душой и запѣваломъ
Бесѣдъ аттическихъ и дружескихъ трапезъ;
Съ Жуковскимъ чокался онъ пѣнистымъ бокаломъ
И съ Пушкинымъ въ карманъ онъ за словомъ не лѣзъ, и пр.

См. выше, п. 120. Въ сатирѣ Милонова „Къ моему разсудку", между прочимъ, были такіе стихи о В. Л. Пушкинѣ:

А Вздоркинъ—что ни день, то басня или ода!
А Вздоркинъ, новаго произведя урода,
Скропавши два стиха, надулся и кричитъ:
„О радость! О восторгъ! И я, и я—піитъ!"

Послѣдній стихъ взятъ изъ стихотворенія Вас. Льв.: „Къ любимцамъ музъ". По поводу этой выходки сатирика добродушный В. Л. замѣтилъ: „А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!"

154. **Н. Н. Раевскому.**

Ср. замѣтки П. о Борисѣ Годуновѣ въ т. III, стр. 246 и сл. „Озлобленный" Байрона—Джакопо Лоредано въ трагедіи „Двое Фоскари". Смертельный врагъ Фоскари, онъ добивается его гибели—и, видя передъ собою трупъ стараго дожа, пишетъ въ своей записной книжкѣ: „Онъ мнѣ заплатилъ!"—„А что онъ былъ вамъ долженъ?" спрашиваетъ его Глава Совѣта Десяти.—„Старинный долгъ и долгъ природный—смерти!"

Настоящее письмо Пушкина, печатаемое съ чернового оригинала, повидимому, осталось не отправленнымъ, такъ какъ часть его повторена въ письмѣ 1829 г. (ниже, п. 235), также напечатанномъ съ чернового наброска и, можетъ быть, также не посланномъ по назначенію. О сношеніяхъ П. съ Н. Н. Раевскимъ см. статью Л. Н. Майкова, въ кн. „Пушкинъ", стр. 137 и слл.

156[1]. **А. Н. Вуль**

Вульфъ прислалъ Пушкину изъ Дерпта стихи Языкова: „Подите прочь,—теперь не ночь", и пр. Въ настоящемъ письмѣ упоминанія о цензорахъ, наборщикахъ, коляскѣ—условныя фразы, относящіяся къ планамъ П. относительно побѣга за границу.

157. **Кн. П. А Вяземскому.**

[1] См. пп. 103 и 144.

---

[1] по ошибкѣ пропущено въ нумераціи писемъ 155.

[1] Муръ уничтожилъ записки Байрона.

[2] О предисловіи г. Лемонте къ баснямъ Крылова—ст. Пушкина въ т. VI, стр. 10.

158. А. П. Кернъ.

Писано передъ поѣздкой во Псковъ, куда П. собрался осенью.

159. В. А. Жуковскому.

[1] Борисъ Антоновичъ Адеркасъ.

[2] Ср. п. 147, прим.

160. А. Н. Вульфу.

Подлинникъ этого письма—въ Имп. Публ. Б-кѣ. Въ приведенномъ четверостишіи послѣдній стихъ читается: *„Позволь мнѣ* сзади".

Условные термины—ср. п. 156.

161. Бар. А. А. Дельвигу.

[1] Кн. Павелъ Арсеньевичъ Путятинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, напеч. въ Рус. Стар. 1887, XIII, 109, говоритъ о своемъ дядѣ, кн. Дмитріи Алексѣевичѣ Эристовѣ, воспитанникѣ Лицея, что онъ обладалъ живымъ и веселымъ характеромъ, и что его подвижность, въ холостой періодъ его жизни, послужила Пушкину темой для акростиха, автографъ (?) котораго хранится у автора воспоминаній:

Даръ пріятный всѣхъ смѣшить
И любезность съ остротой,
Мило всѣхъ передразнить—
Истинно талантъ есть твой.
Ты танцуешь, какъ зефиръ,
Рыскать къ милымъ—вотъ твой праздникъ,
Іосифъ святъ—не твой кумиръ,
Именитый нашъ проказникъ.

Судя по стиху, сомнительно, чтобы этотъ акростихъ въ самомъ дѣлѣ написанъ былъ Пушкинымъ.

„Куплеты Эристова"—вѣроятно, шуточные стихи въ родѣ приводимыхъ въ письмѣ. На стр. 141, въ 4-й строкѣ, слѣдуетъ читать: „За два яица."

[2] Мих. Александровичъ Салтыковъ, на дочери котораго женился Дельвигъ, собственно, не былъ настоящимъ „арзамасцемъ" и не носилъ шуточнаго прозвища, а числился лишь почетнымъ членомъ общества.

162. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Въ статьѣ „О предисловіи Лемонте", см. т. VI, стр. 15. Цитата взята изъ басни Крылова: „Совѣтъ мышей".

[2] Григорій Владимировичъ, см. VI, 577.

Въ баснѣ Хвостова „Два голубя" голубь освобождается изъ силка, перегрызая *зубами* петлю.

163. А. А. Бестужеву.

[1] Изданіе поэмъ въ то время не состоялось. Плетневъ предлагалъ это Пушкину аъ августѣ 1825 г. (Соч. Плетн., III, 325), но затѣмъ дѣло остановилось только на изданіи мелкихъ стихотвореній.

[2] Извѣстный своими приключеніями дуэлистъ. См. *Анн.*, Пушк., 66.

[3] „Шекспировы Духи", драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, Спб. 1825.

[4] Намекъ на то, что Р. имѣлъ обыкновеніе предварительно составлять планъ или конспектъ для своихъ „думъ". См. Соч. Рыл., изд. 1875, стр. 206: „Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмѣльницкаго".

164. Кн. П. А. Вяземскому.

Рѣчь идетъ объ альманахѣ М. П. Погодина „Уранія" на 1826 г., въ которомъ и напечатаны присланныя Пушкинымъ стихотворенія.

165. П. А. Катенину.

[1] Вѣроятно, Василій Андреевичъ, извѣстный трагикъ (1802—1853). „Андромаха" Катенина не была поставлена на сценѣ.

166. А. П. Кернъ.

Гюльнара—героиня поэмы Байрона „Корсаръ"; Леила—героиня поэмы „Гяуръ".

167. П. А. Плетневу.

[1] Слова эти взяты изъ драмы Кюхельбекера „Шекспировы Духи", о которой Пушкинъ говоритъ ниже.

[2] Борисъ Мих. Ѳедоровъ, плодовитый писатель того времени, одинъ изъ подражателей Булгарина, печаталъ тогда отрывки изъ своего романа „Князь Курбскій" (вполнѣ по-

явился только въ 1843 г.). Пушкину приписывалась эпиграмма, принадлежащая Дельвигу или Соболевскому:

Ѳедорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

[3] Вѣроятно—къ Кюхельбекеру икъ Воейкову, который въ сентябрской книжкѣ своего журнала „Новости литературы" напечаталъ статью „Екатеринославъ", со свѣдѣніями объ Екатеринѣ II, Потемкинѣ, Державинѣ и проч.

Загорскій (Мих. Павл.) — талантливый поэтъ, умершій въ 1824 г. 20 лѣтъ.

168. В. К. Кюхельбекеру.

[1] „Поэтъ" у Кюхельбекера, сочиняя стихи, дѣйствительно, пародируетъ „Жалобу Цереры" и монологи изъ „Орлеанской Дѣвы" въ переводѣ Жуковскаго.

[2] При стихѣ: „Грустенъ я, унылъ и сиръ"—Поэтъ замѣчаетъ:

Сиръ?—слово старое; прочтутъ иные: сыръ;
Сиръ никого не тронетъ,
Да вспомнятъ лимбургскій, голландскій, всякій сыръ;
Сиръ! Слово: сиръ мою элегію уронитъ.

[3] Тотъ же поэтъ говоритъ:

Я всегда въ уединеньи
Пасъ стада главы моей, —
Васъ, созданья вдохновенья, и пр.

169. П. А. Плетневу.

„Стихотворенія Александра Пушкина" вышли въ 1826 г. См. наст. изд. т. I, введеніе, стр. 21-23.

170. В. А. Жуковскому.

[1] Слухъ этотъ оказался ложнымъ.

[2] Владиміръ Ѳедосѣевичъ, майоръ 32 егерскаго пѣхотнаго полка, см. выше, п. 22. О немъ см. П. Е. Щеголевъ, Первый декабристъ В. Ѳ. Р., Спб., 1905.

[3] „Овидіева" ложа, учрежденная генераломъ П. П. Пущинымъ. См. I, 304, 616.

171. Бар. А. А. Дельвигу.

На это письмо Д. отвѣчалъ: „До тебя дошли ложные слухи о Раевскихъ. Правда, они оба въ Петербургѣ, но на совершенной свободѣ. Государь говорилъ съ ними, увѣ-

рился въ ихъ невинности и, говорятъ, пожалъ имъ руки и поцѣловалъ ихъ. Отецъ ихъ сдѣланъ членомъ Совѣта." (Рус. Арх. 1880, кн. II, стр. 503).

172. Ему же.

Объ Альфіери см. II, 421. Пушкинъ читалъ его сочиненія въ Михайловскомъ и относился къ нему очень сочувственно.

173. П. А. Катенину.

[1] См. I, 595.

[2] Въ письмѣ отъ 3 февр. 1826 г., на которое отвѣчаетъ П., Катенинъ просилъ у него стиховъ для альманаха, затѣваемаго однимъ изъ его знакомыхъ, и прибавлялъ: „Я для него рѣшаюсь нарушить мой зарокъ и написать что-нибудь порядочное".

174. Бар. А. А. Дельвигу.

[1] Т. е. не принадлежалъ къ обществу „Соединенныхъ Славянъ", участвовавшихъ въ дѣлѣ 14 декабря 1825 г. „Говорятъ", писалъ Дельвигъ Пушкину (Рус. Арх. 1880 II, 504), „что Кюхля совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ славянъ, а просто былъ воспламененъ, какъ длинная ракета" (К. былъ высокаго роста и худощавъ).

[2] Слѣдствіе надъ декабристами, дѣйствительно, было кончено въ началѣ февраля; но окончательное рѣшеніе ихъ участи послѣдовало только 13 іюля 1826 г. На основаніи этой фразы настоящее письмо относили прежде къ 20 іюля; но оно несомнѣнно писано 20 февраля, одновременно съ дошедшимъ до насъ въподлинникѣ, съ этою помѣткою, слѣдующимъ письмомъ къ П. А. Осиповой, которой П. сейчасъ же отослалъ полученную отъ Дельвига „Эду".

[3] Ѳедоръ Никифоровичъ, поэтъ-самоучка, р. 1787, ум. 13 іюня 1848. См. II, 425.

175. А. П. Осиповой.

Ср. п. 174. Подлинникъ настоящаго письма находится въ Имп. Публ. Б-кѣ.

176. П. А. Плетневу.

[1] Слѣпушкину была присуждена Россійской Академіей, 30 янв. 1826 г., за его стихотворенія, медаль „средней ве-

личины" и 50 червонцевъ; кромѣ того, государь пожаловалъ ему почетный кафтанъ.

[2] Жетоны, выдававшіеся членамъ Росс. Академіи за присутствіе въ засѣданіяхъ и размѣниваемые потомъ на деньги.

Плетневъ просилъ прислать *Бориса Годунова*, нанявъ для переписки какого-нибудь „писаку" въ Опочкѣ. См. Соч. Плетн., III, 336.

177. В. А. Жуковскому.

Письмо это было написано *для показа* государю и переслано черезъ Плетнева, см. ниже, п. 179, прим. 3. Жуковскій отвѣчалъ 12 апр. 1826: „Что могу тебѣ сказать насчетъ твоего желанія покинуть деревню? Въ теперешнихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакой возможности ничего сдѣлать въ твою пользу. Всего благоразумнѣе для тебя — остаться спокойно въ деревнѣ, не напоминать о себѣ и писать, но писать *для славы*. Дай пройти несчастному этому времени. Я никакъ не умѣю изъяснить, для чего ты написалъ ко мнѣ послѣднее письмо свое. Если оно *только ко мнѣ*, то оно странно; если же для того, чтобы его *показать*, то безразсудно. Ты ни въ чемъ не замѣшанъ, — это правда: но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это—худой способъ подружиться съ правительствомъ. Ты знаешь, какъ я люблю твою музу и какъ дорожу твоею *благопріятною* славою, ибо умѣю уважать поэзію и знаю, что ты рожденъ быть великимъ поэтомъ и могъ бы быть честію и драгоцѣнностью Россіи. Но я ненавижу все, что ты написалъ возмутительнаго для порядка и нравственности... Не просись въ Петербургъ, еще не время. Пиши *Годунова* и подобное: они отворятъ дверь свободы".

178. И. Е. Великопольскому.

О Великопольскомъ см. II, 426—429.

[1] Князь Ѳедоръ Ивановичъ, армейскій офицеръ, пріятель Великопольскаго.

179. П. А. Плетневу.

[1] Изданіе стихотвореній 1826 г. было скоро распродано, и книгопродавецъ Заикинъ предлагалъ Пушкину сдѣлать второе.

[2] Вѣроятно, „Графъ Нулинъ“, написанный въ концѣ 1825 г.

[3] Оффиціальное письмо къ Жук., помѣщенное выше подъ № 177.

[4] Жук. желалъ прочесть *Годунова* на урокѣ в. кн. Александру Николаевичу.

[5] Ср. конецъ п. 172

180. **А. Н. Вульфу.**

Говорится о Языковѣ, объ А. П. Кернъ и ея мужѣ. „Синскъ“ — почтовая станція по дорогѣ изъ Острова въ Великія Луки.

181. **Прошеніе на Высочайшее имя.**

Прошеніе это было представлено Псковскому губернатору барону фонъ-Адеркасу, который сдѣлалъ распоряженіе о медицинскомъ освидѣтельствованіи П. Псковская врачебная управа 19 іюля 1826 г. выдала удостовѣреніе, что П. „имѣетъ въ нижнихъ конечностяхъ, а въ особенности — въ въ правой голени, повсемѣстное расширеніе кровоовозвратныхъ жилъ, отчего затрудненъ въ движеніи вообще“. Затѣмъ прошеніе П. было отослано Эстляндскому генералъ-губернатору маркизу Паулуччи, который въ оффиціальномъ письмѣ на имя гр. К.В. Нессельроде отъ 30 іюля писалъ: „Усматривая изъ представленныхъ ко мнѣ вѣдомостей о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, проживающихъ во ввѣренныхъ главному управленію моему губерніяхъ, что помянутый П. ведетъ себя хорошо, я побуждаюсь, въ уваженіе приносимаго имъ раскаянія и обязательства никогда не противорѣчить своимъ мнѣніемъ общепринятому порядку, препроводить при семъ означенное прошеніе, съ приложеніями, къ в.с-ву, покорнѣйше васъ, м. г. мой, прося повергнуть оное на всемилостивѣйшее е. и. в. воззрѣніе, полагая мнѣніемъ не позволять П-ну выѣзда за границу, и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“. Между тѣмъ, еще въ началѣ 1826 г., особому агенту, посланному изъ Петербурга по дѣлу о декабристахъ, было поручено: при проѣздѣ черезъ Псковъ собрать точныя и положительныя свѣдѣнія о Пушкинѣ, а въ Петербургѣ также собирались секретныя свѣдѣнія объ его сношеніяхъ съ начальникомъ главнаго штаба барономъ Дибичемъ, къ которому и поступило отъ

Нессельроде прошеніе П. съ отзывомъ марк. Паулуччи, доложенное государю только послѣ коронаціи, 28 августа. Ефремовъ, Соч. Пушк. VII, 251-252).

182. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Стансы О. С. Пушкиной написаны въ Ревелѣ, 12 авг. 1825, и напеч. въ „Сѣв. Цв." на 1826 г.

Насъ случай свелъ; но не слѣпцомъ меня
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой;
Поэта другъ, сестра и геній милый,
По сердцу ты и мнѣ давно родня, и др.

183. И. Е. Великопольскому.

Преображенское — станція въ Псковской губ.

184. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Ансело—путешественникъ, издавшій потомъ книгу „Six mois en Russie", о которой кн. Вяземскій напечаталъ въ Моск. Тел. 1827, ч. 15, критическую статью въ видѣ письма изъ Парижа къ С. Д. Полторацкому. См. соч. Вяз., I, 232.

185. Ему-же.

Н. М. Карамзинъ умеръ 22 мая 1826 г. въ Таврическомъ дворцѣ. Объ эпиграммахъ Пушкина см. I, 537-538.

186. Ему-же.

И впослѣдствіи, обласканный государемъ, восторженно встрѣченный москвичами, П. нерѣдко задумывался о печальной судьбѣ своихъ друзей-декабристовъ. Письмо—къ государю, написанное еще до казни 5 декабристовъ (см. выше № 181). Слухъ о Н. И. Тургеневѣ былъ неосновательенъ: онъ умеръ эмигрантомъ за границей.

187. П. А. Осиповой.

Пушкинъ (съ фельдъегеремъ Вальшемъ) отправился въ Псковъ, по дорогѣ въ Москву, для представленія государю во время коронаціи въ ночь съ 3 на 4 сентября. Rskow, слѣд. Pskow.

188. Ей-же.

Объ этомъ первомъ свиданіи съ поэтомъ Николай I такъ разсказывалъ гр. Орлову, бар. М. А. Корфу и Вронченку въ 1848 г.: „Я впервые увидѣлъ Пушкина послѣ

коронаціи въ Москвѣ, когда его привезли ко мнѣ изъ его заточенія, совсѣмъ больного и въ ранахъ... „Что бы вы сдѣлали, еслибъ 14-го декабря были въ Петербургѣ?“ спросилъ я его, между прочимъ.—„Былъ бы въ рядахъ мятежниковъ“, отвѣчалъ онъ, не запинаясь. Когда потомъ я спрашивалъ его, перемѣнился ли его образъ мыслей, и дастъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать впредь иначе, если я пущу его на волю, онъ очень долго колебался и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ мнѣ руку съ обѣщаніемъ сдѣлаться инымъ“. Тѣ же подробности разговора передавалъ А. Г. Хомутовой самъ Пушкинъ. „Фельдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и, всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ: „здравствуй, Пушкинъ, доволенъ ли ты своимъ возвращеніемъ?“ — Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ: „Пушкинъ, принялъ ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?“—„Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что благодарю Бога!“—„Довольно ты надурачился“, возразилъ императоръ, „надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ“.

По свидѣтельству одного изъ современниковъ, близкаго къ придворнымъ кругамъ, Пушкинъ, во время аудіенціи, довольно продолжительной, „ободренный снисходительностью государя, дѣлался все болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ, дошелъ до того, что, незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ: „съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ“.

186 (bis)[1]. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] „Княгиня“ (ниже „Вѣтрона“)—В. Ѳ., жена Вяземскаго. „Она“—дальняя родственница поэта, въ которую онъ

[1] По недосмотру редактора номера 186—188 при письмахъ повторены.

тогда былъ влюбленъ, тоже Пушкина, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Панина. См. ниже № 192.

Журналъ Полевого, въ которомъ принималъ живое участіе кн. Вяземскій, — „Московскій Телеграфъ"; новый журналъ — „Московскій Вѣстникъ", который издавался кружкомъ молодыхъ шеллингіанцевъ и редактировался Погодинымъ. О Завальевскомъ см. выше примѣчаніе къ письму 57. Сушковъ Ник. Вас. (1796—1871), очень плодовитый, но бездарный московскій писатель 20—60-ыхъ гг.

[2]. Тимашева (Ек. Алекс.), поэтесса (см. II, 41, 396). „Запретная роза"— стих. Вяземскаго (1826 г.). Подъ „запретной розой" подразумѣвалась, вѣроятно, какая-то изъ пріятельницъ Пушкина и Вяземскаго въ Москвѣ.

[3]. Кн. Вяземскій, въ шутку, объяснялъ нападки Пушкина на Дмитріева завистью.

187 (bis). Н. М. Языкову.

„Необъятная выгода" царской цензуры доставила потомъ поэту много непріятностей.

„Первое посланіе"— къ цензору (см. I, 327). „Тригорское"—стих. Н. М. Языкова (1826 г.).

188 (bis). Ему же.

Пушкинъ принималъ живое участіе въ „Московскомъ Вѣстникѣ". Дружба кн. Вяземскаго съ „Московскимъ Телеграфомъ" и Полевымъ была недолговѣчна: скоро она смѣнилась открытымъ разрывомъ.

189. А. К. Бенкендорфу.

„Трагедія"—„Борисъ Годуновъ". Этимъ письмомъ открывается новый моментъ въ біографіи Пушкина — трагическая исторія его столкновеній съ проявленіями Николаевскаго режима вообще и „государственными занятіями" Бенкендорфа въ частности. Впервые ему пришлось почувствовать съ такою остротою всѣ прелести „необъятной выгоды" царской цензуры (за нею стояла цензура жандармская), изъ тисковъ которой онъ не могъ освободиться всю свою послѣдующую жизнь.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Бенкендорфу — см. „Матеріалы" и „Пушкинъ въ Александровскую эпоху" Анненкова, „А. С. Пушкинъ" М. М. Попова въ „Русской Старинѣ" 1874 г. (т. X, 683 и сл.), „Николай Павловичъ,

критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина" Сухомлинова („Изслѣдованія и статьи", т. II), „А. С. П. и А. Х. Б." въ „Русской Старинѣ" 1899 (т. XCVIII, стр. 247), „Письма Пушкина и къ Пушкину" (М., 1903), „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. П." И. А. Шляпкина (Спб., 1903), „Дѣла III Отдѣленія о П." („Всемірный Вѣстникъ", 1905 г. и отдѣльно) и „Сношенія Пушкина съ правительствомъ" В. Я. Брюсова („Русскій Архивъ", 1906, 2, стр. 323—328).

190. **М. П. Погодину.**

См. предыдущее письмо.

191. **С. А. Соболевскому.**

См. пп. 189 и 190.

1. Зубковъ, Вас. Петр. (1800—1862). Къ сестрѣ его жены, Софьѣ Ѳед. Пушкиной, поэтъ тогда присватывался. См. слѣд. письмо. Этому эпизоду изъ жизни Пушкина посвящена прекрасная статья А. Ѳ. Кони („Очерки и воспоминанія", Спб., 1906, стр. 35—46).

192. **В. П. Зубкову.**

См. предыдущее примѣчаніе.

С. Ѳ. Пушкина вышла потомъ замужъ за Панина.

„Бирюза"—вѣроятно, на перстнѣ. Гр. Самойловъ (Ник. Алекс.), послѣдній въ родѣ, женился въ 1825 г. на гр. Паленъ. Умеръ въ 1842 г.

193. **Н. С. Алексѣеву.**

О Н. С. Алексѣевѣ, см. I, 294, 605—608, 630, 638; II, 378.

194. **Кн. П. А. Вяземскому.**

Алексѣевъ, см. п. 193. Сушковъ, 186 bis. См. о немъ статью Щебальскаго „Литераторъ стараго времени" („Русскій Вѣстникъ", 1871, XII). Киселевы, Н. Д. (II, 76, 438) и П. Д. (I, 243, 549, 607). Киселева, вѣроятно, Софья Станисл., жена П. Д., урожденная гр. Потоцкая.

195. **А. К. Бенкендорфу.**

См. 189. Рѣчь идетъ о „Борисѣ Годуновѣ" и о жандармской критикѣ на него.

196. **В. И. Туманскому.**

Рѣчь идетъ о „Московскомъ Вѣстникѣ". „Одесса" (изъ „Путешествія Онѣгина") появилась въ 6-й книжкѣ

этого журнала за 1826 г. Левшинъ (Вас. Алексѣевичъ)—малоизвѣстный писатель 20-хъ г.г. (IV, 161, 341), авторъ „Всеобщаго и полнаго домоводства", „Полной хозяйственной книги" и пр.

197. А. А. Муханову.

Впервые это письмо напечатано въ „Сѣв. Цвѣтахъ" (М., 1901, стр. 141, факсимиле). См. примѣчаніе къ нему тамъ же на стр. 199 и „Письма Пушкина и къ Пушкину" (М., 1903, VI, 16, 45).

198. А. К. Бенкендорфу.

См. 189. „19 октября"—1825 г. (II, 19—23).

199. В. Д. Соломирскому.

В. Д. Соломирскій, — лейбъ-гусаръ, незаконный сынъ Д. П. Татищева. Вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія у него съ Пушкинымъ чуть не дошло до дуэли.

200. М. П. Погодину.

Посланіе къ Н. М. Языкову („Языковъ, кто тебѣ внушилъ...") напеч. въ „Моск. Вѣстн.", 1827 г., № 9.

201. А. Х. Бенкендорфу.

Разрѣшеніе на пріѣздъ было дано 3 мая.

202. Л. С. Пушкину.

Война—съ Персіей. Пріятель Пушкина, Раевскій, находился тоже въ Закавказьи.

203. П. А. Осиповой.

„Оп"—слѣдуетъ „оц" (стр. 5 снизу).

204. С. А. Соболевскому.

Соболевскій взялъ на себя печатаніе 2-й главы „Евгенія Онѣгина" въ Москвѣ, но запоздалъ; 3-я глава между тѣмъ уже была напечатана въ Петербургѣ. Трубецкой, вѣроятно, кн. Н. И. (1796—1873). Соболевскій перевелъ на него карточный долгъ Пушкина. „Журналъ" — „Московскій Вѣстникъ", въ которомъ принималъ участіе и Соболевскій.

Сергѣй Львовичъ—отецъ поэта.

205. М. П. Погодину.

См. 204.

206. С. А. Соболевскому.

См. 204. Ольдекопъ перепечаталъ (безъ разрѣшенія) русскій текстъ „Кавказскаго Плѣнника“ съ нѣмецкимъ переводомъ. Воейковъ вообще занимался литературнымъ браконьерствомъ. „Два Пушкина“—А. С. и В. Л. Великопольскій — см. II, 25, 67, 383, 426—429, 477. Подолинскій—талантливый, но забытый теперь поэтъ (1806—1886). Его сочиненія вышли въ 1860 г. въ двухъ томахъ.

207. Н. М. Языкову.

„Нѣмецкій городъ“ — Дерптъ. Киселевъ, Н. Д. (Ему посвящены стих. Языкова: „Скажи, какъ жить“ 1824 г. и „Я знаю, другъ...“ 1825 г.).

208—210. А. Х. Бенкендорфу.

См. 189.

212. [1] Дельвигу.

„Элегія“—на смерть Ризничъ (II, 39—40). „Посланіе“, II, 52—57. „Проза“—„Арапъ Петра Великаго“. „Вечеръ у Карамзина“—статья Булгарина. Отвергнутая Дельвигомъ, она была напечатана въ „Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ“ за 1828 г. Сомовъ, литераторъ, помощникъ Дельвига по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“ (см. I, 456). Для этого альманаха и предназначались указанныя Пушкинымъ въ началѣ письма произведенія.

210 (bis). [2] М. П. Погодину.

„Фаустъ“—„Сцена изъ Фауста“ (III, 383—387).

211 (bis). [3] Ему же.

Двигубскій, профессоръ Московскаго Университета и цензоръ (1771—1839).

Стихи Пушкина, разрѣшенные государемъ, были задержаны печатаніемъ потому, что типографія отказалась печатать ихъ безъ разрѣшенія цензуры. По просьбѣ Плетнева фонъ-Фокъ выдалъ удостовѣреніе, что они могутъ быть напечатаны „съ дозволенія Правительства“. Такъ какъ на III главѣ „Онѣгина“ было написано только „позволено“, Министръ Народнаго Просвѣщенія Шишковъ, завѣдывавшій

---

[1] Ошибка вм. 211.
[2] Вм. 212.
[3] Вм. 213.

тогда и цензурой, послалъ запросъ Бенкендорфу и получилъ увѣдомленіе, что можно печатать „Ангелъ". „Стансы", III гл. „Е. Онѣгина", „Графа Нулина" съ замѣною двухъ и „Фауста" съ исключеніемъ тоже двухъ стиховъ—съ обозначеніемъ: „съ дозволенія Правительства".

„Уранія"—альманахъ на 1826 г. Въ слѣдующемъ году изданъ онъ не былъ. „Вѣстникъ",—„Московскій", къ которому, въ виду разныхъ неудачъ, все болѣе и болѣе охладѣвалъ Погодинъ. „Телеграфъ" — „Московскій", журналъ Полевого. Къ нему прилагались модныя картинки. „Переправа"—индійская сказка, переведенная (съ нѣм.) В. П. Титовымъ. Измайловъ издалъ въ 1827 г. альманахъ „Календарь Музъ".

214. **А. Х. Бенкендорфу,**

См. 209.

215. **Ѳ. В. Булгарину.**

Въ 1827 г. Булгаринъ не настолько еще опредѣлился, чтобы личныя отношенія съ нимъ казались невозможными. Скоро неуваженіе къ нему, какъ къ писателю, осложнилось у Пушкина презрѣніемъ къ его личности и общественной дѣятельности.

216. **М. П. Погодину.**

Туманскій, В. И., поэтъ (см. I, 377, 682; II, 393, 398, 419; III, 626; IV, 215, 360). „Голубые глаза", напеч. въ „Стих. В. И. Туманскаго" (Спб., 1881, стр. 139—140), подъ названіемъ: „Прекраснымъ глазамъ". Калайдовичъ, Конст. Ѳед., археографъ и историкъ (1792—1832), который въ 1828 г. собирался издавать „Русскій Зритель". Для этого журнала, вѣроятно, и обѣщалъ Пушкинъ Калайдовичу свои стихи.

217. **Неизвѣстному.**

По всей вѣроятности, это не письмо, а наброски журнальной статьи въ формѣ письма. Тонъ не позволяетъ относить его къ Н. Н. Раевскому, съ которымъ Пушкинъ былъ близокъ.

218. **Неизвѣстному.**

219. **П. А. Осиповой.**

Дельвигъ по пути въ Харьковъ собирался посѣтить Осипову въ ея тверскомъ имѣніи. „Цвѣты"—„Сѣверные", альманахъ, издававшійся Дельвигомъ и Сомовымъ. Сороть—

рѣка около Тригорскаго, воспѣтая Языковымъ. Euphrosine—дочь Осиповой.

220. М. П. Погодину.

[1] Булгаринъ, перепечатывая въ „Сѣв. Пчелѣ“ стих. „Москва“, помѣстилъ отъ себя примѣчаніе, что въ „Москов. Вѣстникѣ“ оно было напечатано съ ошибками.

[2] У Третьяковскаго дѣйствительно есть стихи:

Плюнь на суку
Морску скуку...

[3] Прозы Пушкинъ такъ-таки въ „Москов. Вѣстникъ“ и не собрался послать. Стихи его дѣйствительно часто печатались этимъ журналомъ съ пропусками и искаженіями.

Шевыревъ (С. П.), проф. Моск. Университета, который тогда писалъ для „Моск. Вѣстника“ стихотворенія и критическія статьи. Къ Баратынскому онъ относился довольно отрицательно.

221. А. К. Бенкендорфу.

Государю были представлены VI гл. „Онѣгина“ и стих. „Друзьямъ“. И то и другое онъ одобрилъ, но на второмъ написалъ: „Cela peut courir, mais pas être imprimè“.

222. И. Е. Великопольскому.

И. Е. Великопольскій, страстный игрокъ, напечаталъ „Сатиру на игроковъ“, вызвавшую шутливое стихотвореніе Пушкина (II, 67—68). Великопольскій обидѣлся и хотѣлъ напечатать отвѣтные стихи, оскорбительные для Пушкина:

. . . Смѣняя
Былые рублики въ кисѣ,
Глава „Онѣгина“ вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ.

Пушкинъ воспротивился ихъ помѣщенію, и это привело къ разрыву. Великопольскій написалъ на своего прежняго пріятеля рядъ бранныхъ стихотвореній. Ихъ мы видѣли года два тому назадъ у одного московскаго букиниста въ рукописи, приготовленной самимъ авторомъ для печати. См. еще Бартеневъ, Пушкинъ, II, М., 1885, 131—137; мои книги „Русскіе поэты о Пушкинѣ“, М., 1899, стр. 31—32; „Puschkiniana“, I, Кіевъ, 1902, стр. 66—67, 68, 71—72.

223. С. А. Соболевскому.

IV и V гл. „Онѣгина“ были разобраны въ московскомъ „Атенеѣ“. Иванъ Савельичъ—извѣстный тогда въ Москвѣ

шутъ. „Калибаномъ“ называлъ въ шутку Соболевскаго Пушкинъ.

224—225. А. Х. Бенкендорфу.

См. п. 221. Пушкинъ просился на войну, въ дѣйствующую армію. Просьбу о разрѣшеніи поѣхать въ Парижъ Бенкендорфъ нашелъ демонстративною.

226. М. П. Погодину.

Пушкинъ особенно много писалъ осенью. „Ѳедорсва“, слѣд. „Ѳедорова“ („Борька“, см. выше п. 167).

[1] Шевыревъ напечаталъ въ „Моск. Вѣстникѣ“ письмо Гёте. См. нашу замѣтку въ сборникѣ: „Подъ знаменемъ науки“, М., 1902, стр. 178—184: „Русскія отношенія Гёте“. Форма „осужденія“ Крылова намъ неизвѣстна (эпиграмма?). „Сѣверные Шмели“—„Сѣверная Пчела“. „Мысль“, стихотвореніе Шевырева.

[2] Ксенофонтъ А. Полевой, братъ редактора „Москов. Телеграфа“, Н. А. Калибанъ—С. А. Соболевскій.

„Славянинъ“, журналъ Воейкова, „Аѳиней“, „Атеней“ Павлова, „Благонамѣренный“, журналъ Измайлова, къ которому Пушкинскій кружокъ относился иронически. „Атеней“ отъ восхваленій Пушкина перешелъ къ нападкамъ на его послѣднія произведенія.

226 (bis). [1] С. А. Соболевскому.

Зубковъ, В. П.—см. выше, п. 192.

227. Ему же.

Горе—смерть матери. Полторацкій (С. Д.), родственникъ Осиповой, пріятель Пушкина и Соболевскаго, извѣстный библіофилъ.

228. А. К. Бенкендорфу.

См. п. 189.

229. Кн. П. А. Вяземскому.

[1] Передѣлка конца стихотворенія Рылѣева: „Ахъ, гдѣ тѣ острова...“ Junior—младшій Киселевъ.

[2] Пушкинъ сначала открещивался отъ „Гавриліады“, изъ-за которой возникло очень непріятное для него дѣло, затѣмъ признался въ своемъ авторствѣ государю въ особомъ письмѣ, не сохранившемся. См. т. III, 199—202 и наши

[1] Вм. 227.

замѣтки въ „Литер. Вѣстн.“ 1902 г. и „Русской Мысли“ 1903 г. Горчаковъ (кн. Д. П.), сатирикъ (1758—1824). По всей вѣроятности, среди его стихотвореній, „презрѣвшихъ печать“, было что-нибудь вродѣ „Гавриліады“.

[3] Павелъ—сынъ П. А. Вяземскаго, тогда еще ребенокъ. Онъ критиковалъ стихотворенія Пушкина, о чемъ писалъ ему отецъ: „Я у Павлуши нашелъ въ тетради: „критика на Е. О“, и по началу можно надѣяться, что онъ и нашимъ критикамъ не уступитъ. Вотъ она: „И какой тутъ смыслъ: „Завѣтный вензель О да Е“. Въ другомъ же мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: „Какія глупыя мѣста“. L'enfant promet. Булгаринъ и теперь былъ бы радъ усыновить его „Пчелѣ“. См. Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго, Спб., 1893, стр. 510.

[4] Пелагея Ник. Всеволожская, въ честь которой Вяземскій написалъ стих. „Простоволосая головка“. (Соч., IV, 23—24; IX, 71). См. также „Стар. и Новизна“, V, 27.

[5] Воронцовъ приревновалъ свою жену къ Н. Н. Раевскому и пожаловался государю. Раевскаго выслали изъ Одессы въ деревню.

230. А. Н. Вульфу.

[1] Ловеласъ — красивый, но распутный герой романа Ричардсона „Кларисса“.

[2] Дочь помѣщика, сосѣда Осиповыхъ и Вульфовъ, по Тверскому имѣнію, Малинникамъ.

231. С. А. Соболевскому.

„Пожарскій въ Торжкѣ“ — изобрѣтатель „пожарскихъ котлетъ“. Въ 1828 г. гостиницей или постоялымъ дворомъ управляла „толстая m-lle Pojarsky“, Гальони — собственно Гальяни, содержатель ресторана или гостиницы въ Твери. О нихъ см. В. Колосовъ, „А. С. П. въ Тверской губерніи въ 1827 г.“, Тверь, 1888, стр. 1—3. Валдайскія крестьянки славились своею распущенностью (см., напр., соотвѣтствующую главу въ „Путешествіи“ Радищева).

232. Дельвигу.

[1] Отвѣтъ Катенину — см. II, 80, 441. Отвѣтъ Готовцовой — ib. 90, 451. Стихотворенія Катенина и Готовцовой, вызвавшія отвѣты Пушкина, помѣщены въ нашемъ сборникѣ: „Русскіе поэты о Пушкинѣ“, стр. 32—35. Прасковья Александровна — Осипова (см. I, 518—519).

[2] Ученая собака, которую показывали тогда въ Петербургѣ. Ея умъ въ рядѣ замѣтокъ восхваляла „Сѣверная Пчела."

[3] Полторацкій, отецъ А. П. Кернъ.

[4] Б. М. Ѳедоровъ упрекалъ Пушкина за то, что въ „Евгеніи Онѣгинѣ" онъ называетъ благородныхъ барышенъ дѣвчонками, а деревенскую дѣвку — дѣвою.

[5] Сестра — О. С. Павлищева. „Голубчикъ" и „шуринъ" — ея мужъ, Н. И. Павлищевъ, который тогда собирался издавать альманахъ. „Воронъ" (Шотландская пѣсня" — II, 76) былъ напечатанъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1829 г.

233. Ему же.

См. 232.

[1] Готовцова писала:

Одно... Но гдѣ же совершенство?
Въ лунѣ и солнцѣ пятна есть!
. . . . . .
. . . . . .
Несправедливъ твой приговоръ, —
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ —
Молчанье выразитъ укоръ.

Готовцова имѣла въ виду нападки на женщинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ". Пушкина, повидимому, больше всего раздражили двѣ многозначительныя строчки точекъ.

234. Вяземскому

Письмо относится къ очень непріятному эпизоду въ жизни кн. П. А. Вяземскаго. Шпіоны донесли Бенкендорфу, что онъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ пробылъ всю ночь въ Коломнѣ, въ неприличномъ домѣ. На самомъ дѣлѣ они были у литератора Филимонова (см. II, 89, 448; III, 258). 26 сентября 1828 г. московскій военный генералъ-губернаторъ кн. Д. В. Голицынъ препроводилъ Вяземскому отношеніе гр. П. А. Толстого, въ которомъ указывалось, что государю извѣстно развратное поведеніе Вяземскаго въ Петербургѣ, и что если онъ будетъ вовлекать въ пороки молодежь, противъ него будутъ приняты мѣры строгости. Подробности этой нелѣпой исторіи см. въ III томѣ „Остафьевскаго Архива" подъ 1828 г.

[1] Кн. Д. В. Голицынъ.

Филимоновъ называется бабочкой, вѣроятно, потому,

что съ 1829 г. онъ собирался издавать (и издавалъ до 1831 г.) журналъ „Бабочка."

Princesse Moustache—княгиня Голицына, мать кн. Д. В.

[2] Пушкинъ отсутствовалъ изъ Петербурга съ 18 октября по конецъ декабря.

Зинаида — кн. Волконская (II, 408—409). Дальше намекъ на ея связь съ итальянцемъ гр. Риччи. „Гомеръ Жуковскаго" — переводъ изъ Гердера (въ изд. г. Ефремова ошибочно отнесенъ къ 1829 году). Гнѣдичъ очень ревниво относился къ занятіямъ другихъ русскихъ писателей Гомеромъ. „Море" — стих. Жуковскаго 1822 г.

235. **Н. Н. Раевскому.**

Письмо это относится къ „Борису Годунову."

236. **Осиповой.**

Euphrosine — дочь П. А. Осиповой (см. II, 354—5).

237. **И. М. Снегиреву.**

Снегиревъ — профессоръ Московскаго Университета и цензоръ (1793—1868).

238. **Н. И. Гончаровой.**

Нат. Ив. Гончарова — будущая теща Пушкина. Толстой гр. Ѳед. Ив., „американецъ" (см. I, 579—581).

239. **Дельвигу.**

Разрѣшенія — пріѣхать въ дѣйствующую армію.

240. **Вульфу.**

Евпраксія Ник. — Вульфъ, Алекс. Ив. — Осипова. Павелъ Ив. — дядя А. Н., Вульфъ, Фридерика — его жена. Сестра П. И., Наталья Ив., была замужемъ за старицкимъ исправникомъ Вас. Ив. Вельяшевымъ. Ихъ дочери Екат. Вас. написано Пушкинымъ посланіе: „Подъѣзжая подъ Ижоры"... (II, 77). Берново — имѣніе Ив. Ив. Вульфа, близъ Малинниковъ. Онъ женатъ былъ на Аннѣ Ѳед. Муравьевой. Ихъ дочь — Анна Ив. (Netty), впослѣдствіи вышедшая замужъ за Трувеллера. Поповна — Екатерина Евграфовна Смирнова.

241. **Бенкендорфу.**

Самовольная поѣздка Пушкина на Кавказъ вызвала раздраженіе Бенкендорфа и государя и привела къ непріятной для поэта перепискѣ.

242. Киселеву.

Ушаковы — пріятельницы Пушкина. О нихъ см. Майковъ, Пушкинъ, Спб., 1899, стр. 355—377. „Карсомъ“ (за неприступность) Пушкинъ называлъ свою будущую жену Н. Н. Гончарову.

243. Яковлеву.

Яковлевъ — извѣстный московскій богачъ.

244. Гнѣдичу.

Въ „Литер. Газетѣ“ 1830 г. Пушкинъ напечаталъ замѣтку: „о выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича“ (наше изданіе т. VI, 32—33).

245. Бенкендорфу.

На просьбу о заграничномъ паспортѣ Пушкинъ получилъ отказъ: „поѣздка за границу разстроила бы его денежныя дѣла и отвлекла бы отъ занятій“. „Въ китайскую миссію всѣ уже назначены“.

246. Загоскину.

[1] А. А. Перовскій.

247. Бенкендорфу.

Герой 12-го года Н. Н. Раевскій умеръ 16 сент. 1829 г. Его зять, кн. С. Г. Волконскій, декабристъ, былъ на каторгѣ, какъ и родственникъ Раевскаго, В. Л. Давыдовъ. Другой зять, М. Ѳ. Орловъ, послѣ 14 дек. 1825 г. былъ въ большомъ подозрѣніи и устраненъ отъ службы.

248. Судіенку.

М. О. Судіенко (1803—1872)—богатый малороссійскій помѣщикъ.

249. Ему же.

См. предыдущее письмо.

250. Вяземскому.

Орестъ — Сомовъ, сотрудникъ Дельвига по „Литер. Газетѣ.“ Милославскій — „Юрій Милославскій“ Загоскина. Гончарова — впослѣдствіи жена поэта. Муравьевъ—Ник. Назар., авторъ книги „Плоды изъ забавъ и одохновенія“, очень нелѣпой. Ушакова — Екат. Ник. О ней см. въ книгѣ Л. Н. Майкова, „Пушкинъ“ (Спб.. 1899). „Къ нимъ“ кн. Вяземскаго было напеч. въ „Литер. Газетѣ.“ О „Павлушѣ“ см. п. 229.

251. Ему же.

[1] Сибилевъ, гр. Потемкинъ и др. были арестованы за шиканье и шумъ во время спектакля въ театрѣ Карцовой. Шульгинъ — московскій оберъ-полицеймейстеръ, Волковъ — жандармскій генералъ. Жихаревъ (С. П.), арэамасецъ, авторъ извѣстнаго „Дневника".

[2] Содержатель одной изъ московскихъ гостиницъ.

252. Ему же.

[1] Матвѣй Мих., камергеръ, мужъ тетки Пушкина. Елизаветы Львовны. Ольга Матв. — его дочь.

253. Ему же.

[1] Онъ и былъ напеч. въ „Литерат. Газетѣ" 1830 г., № 28.

[2] Елиза — Елиз. Мих. Хитрово, преслѣдовавшая Пушкина своею дружбою (см. II, 481).

[3] Булгаринъ напечаталъ на Пушкина инсинуацію въ видѣ анекдота о развратномъ французѣ („Сѣверная Пчела", 1830, № 30).

[4] „Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго."

Слухъ о Батюшковѣ оказался невѣрнымъ: онъ умеръ черезъ 25 л.

254. Бенкендорфу.

Это отвѣтъ на очень наглый запросъ Бенкендорфа: „Къ крайнему моему удивленію услышалъ я, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, что вы внезапно разсудили уѣхать въ Москву, не предваря меня, согласно съ сдѣланнымъ между нами условіемъ, о сей вашей поѣздкѣ. Поступокъ сей понуждаетъ меня просить васъ о увѣдомленіи меня, какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову. Мнѣ весьма пріятно будетъ, если причины, васъ побудившія къ сему поступку, будутъ довольно уважительны, чтобъ извинить оный; но я вмѣняю себѣ въ обязанность васъ предувѣдомить, что всѣ непріятности, коимъ вы можете подвергнуться, должны вами быть приписаны собственному вашему поведенію."

255. Ему же.

Письмо вызвано злостными нападками Булгарина на Пушкина въ „Сѣверной Пчелѣ", прекращенныя по приказу Николая, несмотря на возраженія Бенкендорфа.

256. Полевому.

Писаревъ — предсѣдатель Общ. Люб. Рос. Слов., которое избрало Пушкина въ члены одновременно съ Булгаринымъ.

257. Шевыреву.

Шевыревъ жилъ тогда въ Римѣ.

258. Гончаровой.

[1] Письмо это не сохранилось.

[2] Посредникомъ между Пушкинымъ и семьей его будущей жены былъ „американецъ" Толстой. Пушкину, вооружившему Н. И. Гончарову противъ себя своими отношеніями къ ханжеству и Александру I, не отказали прямо, но съ отвѣтомъ просили обождать.

259. Бенкендорфу.

Въ отвѣтъ на это письмо Б. написалъ, что „Годунова" Пушкинъ можетъ печатать подъ своею личною отвѣтственностью и что государь „съ удовольствіемъ" услышалъ о намѣреніи его жениться. Онъ находится „не подъ гнѣвомъ, а подъ отеческимъ попеченіемъ": „никогда никакая полиція не получала приказанія наблюдать за вами." Послѣднее заявленіе было ложью: Пушкинъ числился подъ надзоромъ до 60-ыхъ годовъ прошлаго вѣка!

260. Вяземскому.

Гр. Фикельмонъ („Долли") — жена австрійскаго посланника, урожденная Тизенгаузенъ, дочь Е. М. Хитрово („Лизы голенькой"). Канкринъ — министръ финансовъ, къ которому на службу поступилъ тогда Вяземскій. „Газета" Дельвига — „Литературная Газета". „Сѣверная Пчела" имѣла тогда монополію на политическія извѣстія. Это письмо показываетъ, что Пушкинъ уже въ началѣ 30-го года сталъ думать о политической газетѣ. „Соперничать съ Раичемъ и Шаликовымъ" — ихъ журналы почти исключительно давали „стишки" и моды.

[1] Солнцевъ, мужъ тетки Пушкина, до того былъ очень толстъ. По словамъ Вяземскаго, его хотѣли сдѣлать камеръ-юнкеромъ, но, въ виду толщины, принуждены были дать ему камергерство.

Катерина Андреевна — Карамзина, сестра Вяземскаго.

261. Гончарову.

А. Н. Гончаровъ — дѣдушка невѣсты и потомъ жены Пушкина.

262. Плетневу.

Фонъ-Фокъ — правая рука Бенкендорфа. Отзывъ „Сѣверной Пчелы" — ругательный (см. п. 255).

[1] „Выжигинъ" — романъ Булгарина. Видокъ-сыщикъ. Въ статьѣ о немъ Пушкинъ изобразилъ Булгарина (см. VI, 59).

[2] Порученіе — „поцѣловать ручку". Трагедія — „Борисъ Годуновъ". Плетневъ съ 1 мая 1830 г. продалъ Смирдину право на всѣ вышедшія сочиненія Пушкина за 600 р. въ мѣсяцъ въ теченіе 4 лѣтъ.

263. Вяземской.

[1] Романъ Ж. Жанена: „L'âne mort et la femme guillotinée."

[2] „Le dernier jour d'un condamné" В. Гюго.

264. Погодину.

[1] Погодинъ обѣщалъ Пушкину достать для него денегъ у Надеждина или кого-нибудь другого для уплаты карточнаго долга.

[2] Поправка къ статьѣ „Москов. Вѣстника".

[3] Трагедія Погодина „Петръ I."

[4] „Недоумко" — вм. „Надоумко", журнальный псевдонимъ Надеждина.

[5] Одно изъ „философскихъ писемъ" Чаадаева къ Пановой. Напечатаніе одного изъ нихъ въ „Телескопѣ" 1836 г. привело къ закрытію этого журнала, ссылкѣ Надеждина, отставкѣ цензора Болдырева и объявленію сумасшедшимъ Чаадаева.

265. Догановскому.

Догановскій — одинъ изъ профессіональныхъ московскихъ игроковъ, въ руки которыхъ попалъ Пушкинъ въ концѣ 20-хъ и въ 30-мъ году.

266. Гончаровой.

Zavod — „Полотняный Заводъ", калужское имѣніе Гончаровыхъ.

267. **Гончарову.**

Памятникъ — бронзовая статуя Екатерины II, которую хотѣлъ продать Гончаровъ для уплаты части приданаго внучки.

268. **Ему же.**

Канкринъ — министръ финансовъ.

269. **Загоскину.**

Щепинъ — актеръ, исполнявшій 13 іюля роль австрійскаго императора. Загоскинъ былъ тогда директоромъ Императорскихъ московскихъ театровъ.

270. **Гончаровой.**

Нат. Кирилловна — Загряжская, родственница Гончаровыхъ.

Нат. Ив. — мать невѣсты Пушкина.

271. **Ей же.**

Ник. Аѳан. — Гончаровъ, отецъ невѣсты Пушкина. Ив. Ник. — его сынъ.

[1] Статуя Екатерины II, см. 267.

272. **Ей же.**

Срв. стих. „Мадонна“ (II, 127). Полье (граф. Варв. Петр.) была сначала за гр. Шуваловымъ, потомъ за Полье и въ третій разъ за кн. ди-Бутера.

273. **Гончарову.**

Памятникъ — статуя Екатерины II.

274. **Ему же.**

[1] Умеръ 10 августа 1830 г.

Нижегородская деревня — Болдино.

275. **Плетневу.**

[1] Драма Дюканжа.

276. **Гончаровой.**

[1] Написано послѣ размолвки съ будущей тещей.

277. **Неизвѣстному.**

См. предыдущее письмо.

278. **Гончаровой.**

[1] Отецъ далъ Пушкину 200 душъ.

Catherine и Alexandrine — сестры Н. Н. Гончаровой.

279. **Гончарову.**

См. пп. 273 и 274.

280. **Плетневу.**

См. п. 275.

[1] Щегловъ цензуровалъ „Литер. Газету“ и отличался нелѣпою придирчивостью.

Трагедія — „Борисъ Годуновъ.“ Предисловіе — см. III. 252—255.

281. **Ему же.**

[1] Изъ „Цыганъ.“

[2] Французскій король Louis Philippe. Полиньякъ — французскій государственный дѣятель того времени, министръ Карла X.

282. **Осиповой.**

Rabelais — знамен. французскій сатирикъ (1483—1553).

283. **Гончаровой.**

La Grand maman—бронзовая статуя Екатерины II.

Serge — братъ Н. Н. Гончаровой.

284. **Ей же.**

Бабушка — см. 283.

285. **Плетневу.**

[1] Изъ „рефутаціи Беранжера.“ (II, 450).

286. **Гончаровой.**

287. **Дельвигу.**

„Цвѣты“ — „Сѣверные Цвѣты“, альманахъ Дельвига.

288. **Гончаровой.**

[1] Гробовщикъ. Срв. повѣсть „Гробовщикъ“ (V, 93).

289. **Вяземскому.**

[1] Стихъ Дмитріева.

[2] Е. М. Хитрово.

[3] Пушкинъ побился объ закладъ съ Вяземскимъ, что министровъ Карла X отдадутъ за государственную измѣну подъ судъ.

Каторжники-декабристы.

290. **Гончаровой.**

Давыдовъ одно время считался женихомъ Гончаровой. Извѣщенія Шаликова — въ „Дамскомъ Журналѣ“.

291. Погодину.

„Вѣчевая трагедія“ — „Марѳа Посадница“ Погодина. Второй томъ Полевого — „Исторіи русскаго народа.“ Паѳмосъ — мѣсто заточенія апостола Іоанна, гдѣ онъ написалъ Апокалипсисъ.

[1] „Апокалипсическая пѣснь“ — Стих. „Герой“ (II, 132—134, 497—501).

292. Ему же.

„Марѳа“ — см. предыдущее письмо. Разборъ этой піесы см. въ т. VI, 302—305.

293. Верстовскому.

Верстовскій (Алексѣй Ник). — извѣстный композиторъ (1799—1762). Нащокинъ (Пав. Воин.) — московскій пріятель Пушкина. Гр. Закревскій былъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Павловъ (Ник. Филип.) — беллетристъ и журналистъ.

294. Гончаровой.

Эти документы не сохранились.

295. Ей же.

Кн. Голицынъ — московскій военный генералъ-губернаторъ.

296. Ей же.

Serge — братъ Н. Н. Гончаровой.

297. Плетневу.

„Повѣсть, писанная въ октавахъ“ — „Домикъ въ Коломнѣ“ (III, 453-467).

„Пять повѣстей прозою“ — „Повѣсти Бѣлкина“ (т. V, 55-169).

[1] Дельвигъ напечаталъ въ „Литер. Газетѣ“ четверостишіе Казимира Делавиня на предполагавшійся памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней:

France, dis moi leurs noms? n'en vois point paraître
Sur ce funèbre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fis libre avant de les connaître.

За это онъ получилъ строгій выговоръ отъ III Отдѣленія (съ угрозой запретить редактированіе „Газеты“). Объ-

ясненія такъ потрясли Дельвига, что онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ.

298. Нащокину.

О Нащокинѣ см. II, 485-486. Новѣйшая работа о немъ—„Другъ Пушкина, П. В. Нащокинъ" г. Гершензона въ „Русской Мысли" 1904, IV, 109-124.

Н. И. Гончарова была очень набожна и возила Пушкина съ невѣстой къ Иверской и по соборамъ. У татарина Пушкинъ купилъ для невѣсты шаль.

299. Неизвѣстной.

Есть предположеніе, что это не черновикъ письма, а набросокъ для повѣсти, что вѣроятнѣе.

300. Полевому.

Факсимиле этого письма было приложено къ „Русскому Вѣстнику" начала 40-хъ годовъ.

301. Полторацкому.

Рѣчь идетъ о „Борисѣ Годуновѣ".

302. Вяземскому.

Стихи Вяземскаго — „Дѣвичій сонъ" (т. IV, 123-124). „Обозы" въ собраніе сочиненій не вошли. Яковлевъ (М. Л.)—лицейскій товарищъ Пушкина (см. I, 403-404). „Блинъ" изданъ не былъ. Полиньякъ—см. п. 289. „О Польшѣ" — имѣется въ виду польское возстаніе. Денисъ — Давыдовъ. Раевскій (Н. Н.) умеръ въ 1829 г. Лиза — Е. М. Хитрово. Кирѣевскій (Ив. Вас.) — извѣстный славянофилъ. Ламеннэ (1782-1854) — знаменитый французскій писатель и общественный дѣятель.

303. Плетневу.

[1] Н. И. Гнѣдичъ. Посланіе см. въ „Соч. и перепискѣ" Плетнева (т. III, 253-256).

[2] Изъ стих. Ѳ. Н. Глинки въ „Сѣв. цвѣтахъ" на 1831 г.

[3] „Богъ дастъ дѣтей?... Ну что жъ — Пусть Онъ намъ будетъ кумъ!"

304. Ему же.

Газета — „Литературная". „Что скажетъ княгиня Марья Алексѣевна" — изъ „Горя отъ ума".

305. Бенкендорфу.

Бенкендорфъ сообщилъ Пушкину: „его величество государь императоръ поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше „Борисъ Годуновъ“ изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ“.

306. Вяземскому.

Толстой — вѣроятно, „американецъ“. Кн. Юсуповъ — Ник. Бор. (см. II, 487—491). Салаевъ—издатель.

307. Ему же.

[1] Романъ Бенкамена Констана, переведенный Вяземскимъ и посвященный Пушкину.

308. Плетневу.

Салтыковъ — тесть Дельвига.

309. Вяземскому.

310. Киселеву.

311. Плетневу.

[1] Женѣ Дельвига, у которой Пушкинъ купилъ свой портретъ, написанный Кипренскимъ. Сомовъ жилъ главнымъ образомъ сотрудничествомъ Дельвигу по „Сѣвернымъ Цвѣтамъ“ и „ Литературной Газетѣ“.

[2] Стихъ изъ „Графа Габсбургскаго“ Шиллера (въ переводѣ Жуковскаго). Туманскій — Вас. Ив.

[3] На смерть Дельвига (см стих. Н. Гнѣдича, СПБ., 1832, стр. 185).

Ѳаддей — Булгаринъ.

.. ова — Дельвига.

312. Погодину.

Недоумко — Н. И. Надеждинъ. „Марѳа“ — трагедія Погодина. Она вышла въ 1830 г., о чемъ Пушкинъ не зналъ или забылъ. Познакомился съ нею онъ въ рукописи.

313. Кривцову.

„Любимое сочиненіе“ — „Борисъ Годуновъ“. Кривцовъ вышелъ тогда въ отставку и поселился въ деревнѣ. Ногу онъ потерялъ въ битвѣ подъ Кульмомъ.

314. Плетневу.

„Повѣсти“ — Бѣлкина. Баронесса — вдова Дельвига, которая вышла черезъ 5 мѣс. послѣ его смерти за брата

Баратынскаго. Мих. Алекс. — Салтыковъ, тесть Дельвига. Статья Плетнева — въ Соч. (I, 213).

315. **Гончарову.**

[1] Старшій братъ жены Пушкина.
Памятникъ — бронзовая статуя Екатерины II.

316. **Плетневу.**

[1] Женѣ (первой) Плетнева.
[2] Членомъ Главнаго Правленія училищъ.

317. **Хмельницкому.**

Хмельницкій, извѣстный драматургъ, былъ тогда Смоленскимъ губернаторомъ и устраивалъ въ Смоленскѣ публичную библіотеку.

318. **Плетневу.**

[1] Французскій книгопродавецъ въ Петербургѣ.
Элиза — Е. М. Хитрово.
[2] А. О. Россети, въ замужествѣ Смирнова.

319. **Пушкину.**

20 мая Л. С. Пушкинъ былъ переведенъ, съ согласія Паскевича, въ Грузію:

320. **Плетневу.**

Романъ Булгарина: „Петръ Ив. Выжигинъ“. До этого онъ написалъ романъ о Выжигинѣ—отцѣ.
[2] Пушкину приписываются двѣ эпиграммы по поводу этого романа:

1.

Ѳаддей ради Ивана,
Иванъ ради Петра—
Огъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра.

2.

Всѣ говорятъ: онъ Вальтеръ-Скоттъ,
Но я поэтъ — не лицемѣрю:
Согласенъ я, онъ просто скотъ,
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ, не вѣрю.

[3] Изъ портфеля Дельвига послѣ его смерти было кѣмъ то украдено на 54 тысячи ломбардныхъ билетовъ.

321. Ему же.

[1] Деларю (Мих. Дан.) — лицеистъ, поэтъ (1811-1868). Пострадалъ за переводъ стих. Гюго „Красавицѣ“ (см. наше изданіе соч. Крылова, IV, 352-353).

[2] Плетневъ указывалъ Пушкину на Гоголя въ письмѣ отъ 22 февр.

[3] Изъ стих. Жуковскаго. Имѣется въ виду возвращеніе его къ балладамъ.

323. Нащокину.

[1] Алекс. Юр., женихъ одной изъ свояченицъ Пушкина.

[2] Влад. Петр., знакомецъ Пушкина по Кишиневу (см. I, 645).

[2] Экономка Пушкина, жившая у Пушкина въ Москвѣ послѣ свадьбы и оставшаяся у Нащокина. Домъ — московская квартира Пушкина на Арбатѣ.

324. Ему же.

Горчаковъ — см. пред. письмо.

325. Бенкендорфу.

M-lle Kuchelbecker — сестра В. К.., декабриста, товарища Пушкина по лицею. При этомъ письмѣ приложена записка, бѣловая. Кромѣ нея, есть еще черновая, относящаяся, судя по упоминанію о контрафакціи Ольдекопа, къ 1828. Дальше приводятся изъ нея опущенныя и измѣненныя мѣста.

[1] Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый [1] показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

(Зачеркнуто: „Литераторы, во время царствованія покойнаго императора, были оставлены на произволъ цензурѣ своенравной и притѣснительной: рѣдкое сочиненіе доходило до печати. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство сего не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія (къ несчастію, мы того не понимали или не хотѣли понимать), отчасти — изъ непростительнаго небреженія. Могу

[1] Не совсѣмъ вѣрно: первый — Н. И. Новиковъ.

сказать, что въ послѣднее пятилѣтіе царствованія покойнаго государя я имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо больше вліянія, чѣмъ министерство, несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ").

[2] На произволъ судьбѣ и притѣсненіямъ цензуры; даже не было...

[3] За годъ предъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишась трехъ тысячъ рублей чрезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій (что было еще первый примѣръ плутовства).

[4] Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственые донынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія.

[5] Такимъ образомъ политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 100.000 дохода, между тѣмъ какъ чисто литературная едва ли окупаетъ издержки изданія.

[6] Далѣе слѣдуетъ добавка, не бывшая въ черновомъ. (Журналъ — въ смыслѣ „газета". Пушкину газета разрѣшена не была).

[7] Вмѣсто „т. е. журналъ" и пр. было: „въ семъ то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ барономъ Дельвигомъ или мною.

[8] А въ этомъ издатели священною обязанностью полагаютъ добросовѣстно ему повиноваться и не только строго соображаться съ рѣшеніями цензора, но и сами готовы отвѣчать за каждую строчку, напечатанную въ ихъ журналѣ.

Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для изъясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала [1]), ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою.

Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелательство было бы съ ихъ стороны столь же безразсудно, какъ и неблагодарно.

[1] Имѣется въ виду „Сѣверная Пчела".

326. Нащокину.

О Марьѣ Ив. см. п. 323. О Горчаковѣ п. п. 323 и 324. О Поливановѣ п. 323.

[1] Сестра тещи Пушкина.

[2] Цыганки, любовницы Нащокина, выкупленной имъ у московскихъ цыганъ.

[3] Разборъ произведеній Вельтмана: „Странникъ“ и „Бѣглецъ“.

327. Ему же.

[1] Ник. Фил., извѣстный писатель.

[2] Матвѣй Евгр., виленскій генералъ-губернаторъ. Ложный слухъ.

328. Ему же.

[1] Доставлявшимъ „московскій обозъ“.

329. Ему же.

Цесаревича — Константина Павловича.

[1] Московскій картежникъ.

[2] Вѣроятно, литографія Сандомури съ портрета Кипренскаго.

[3] Ѳед. Данил., московскій врачъ. Представленіе — къ чину.

[4] Есауловъ, композиторъ.

[5] Московскія цыганки, съ которыми „хороводился“ Нащокинъ.

330. Гончаровой.

О Поливановѣ см. п. п. 323, 326, 328.

331. Погодину.

„Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства“ etc. Собрано трудами Ив. Кириллова. Изданіе Погодина, М. 1831.

[1] Трагедія — „Марѳа Посадница“. Смирдинъ — издатель и книгопродавецъ.

332. Ему же.

См. предыдущее письмо.

333. Осиповой.

[1] Дочь Осиповой, выходившая замужъ за барона Вревскаго.

334. Плетневу.

335. Вяземскому.

Тургеневъ — Алекс. Ив. Альманахъ — „Старина и Новизна“ (не вышелъ).

[1] Романъ Б. Констана, переведенный Вяземскимъ и посвященный Пушкину.

„Рославлевъ“ — слабый романъ М. Н. Загоскина.

[2] „Разговоръ о Борисѣ Годуновѣ Пушкина“, изданный въ Москвѣ въ 1831 г.

Элиза — Е. М. Хитрова.

[3] Сочиненіе Вяземскаго о Фонвизинѣ было напечатано только въ 1848 г.

Щегловъ — цензоръ.

336. Чаадаеву.

Bélizard — французскій книготорговецъ въ Петербургѣ.

[1] Такъ назвалъ въ одномъ изъ своихъ „философическихъ писемъ“ Чаадаевъ Москву.

337. Плетневу.

(Передъ этимъ письмомъ пропущена приписка Пушкина къ письму Н. И. Павлищева къ сестрѣ О. С. изъ Царскаго Села отъ 12 іюля, приведенная, впрочемъ, въ источникѣ сомнительномъ — воспоминаніяхъ сына Павлищева, Л. Н. О. С. будто бы пріѣхала въ Царское Село безъ особаго письменнаго разрѣшенія и перепугала семью. Ее препроводили обратно. Пушкинъ будто бы написалъ ей „дерзкое и не умное письмо“. Затѣмъ гнѣвъ его прошелъ, и онъ приписалъ къ письму Н. И.:

Chère Olga! A l'instant je viens de recevoir un billet de Joukofsky; il m'apprend, qu'il a obtenu pour vous une permission du prince Wolkonsky [1] de venir chez nous, en subissant préalablement la quarantaine à Kamienka. C'est la seule instituée à Царское Село, quoique les autres dans tout l'empire sont abolis. Je vous envoie la lettre de Joukofsky en original, qu'il m'écrit. Vous n'avez qu'à faire une petite visite à Boulgakoff [2]; il vous remettra la billet de Wolkonsky. Que le bon Dieu vous ramène auprès de nous. Bientôt nous serons réunis et libres de nous promener, où bon nous semble.

[1] Министръ Двора.

[2] Петербургскій почтъ-директоръ.

Excusez — moi de vous avoir écrit une lettre aussi brusque la fois passée, et ne vous fâchez plus contre moi).

[1] Статсъ-секретарь П. П. Молчановъ.

Патмосъ — мѣсто заточенія апостола Іоанна.

338. Ему же.

[1] Ник. Ник. Геслингъ, лицеистъ выпуска 1826 г.

Моцартъ — „Моцартъ и Саліери".

339. Яковлеву.

Софья Мих. — вдова Дельвига.

Кюхля — В. К. Кюхельбекеръ.

[1] „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный" (см. т. V, 601-602, 640-642).

340. Нащокину.

[1] Кн. Ник. Бор., начальникъ Кремлевской Экспедиціи, умеръ отъ холеры 15 іюля 1831 г.

[2] „О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіе А. Пушкина, разговоръ" М, 1831.

Зубковъ В. П. (см. п. 192). Павловъ, Ник. Фил. Догановскій — карточный игрокъ, которому по игрѣ задолжалъ Пушкинъ. „Ставилъ Москву въ примѣръ" — въ рѣчи къ народу во время бунта на Сѣнной площади.

341. Бенкендорфу.

Пушкинъ получилъ позволеніе „рыться въ старыхъ архивахъ для написанія Исторіи Петра Перваго". Онъ былъ причисленъ къ иностранной Коллегіи. Жалованье (5000 р.) было назначено только 4 іюля 1832 г.

Разночтенія изъ черновой:

[1] Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей.

[2] А я имъ о томъ не припоминалъ.

[3] Долговременныя упражненія сдѣлали меня способнымъ токмо.

[4] Для политическихъ статей.

[5] Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противу польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою — конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами,

требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ [1].

[6] „Правительству легко будетъ извлечь изъ нихъ всевозможную пользу, когда Богъ дастъ миръ, и Государю досугъ будетъ заняться устройствомъ успокоеннаго Государства, ибо Россія крѣпко надѣется на Царя, и истинные друзья отечества желаютъ ему царствованія долголѣтняго. Если политическій журналъ покажется предпріятіемъ излишнимъ, то буду просить дозволенія заняться"... и пр.

Журналъ этотъ показался „предпріятіемъ излишнимъ"...

342. Плетневу.

Эслингъ — см. письмо 338. „Сказки" — передѣлки народныхъ сказокъ (см. II, 261 - 322).

[1] Ложный слухъ: гр. Д. И. Хвостовъ (извѣстный метроманъ) умеръ 21 окт. 1835 г.

343. Нащокину.

См. п. п. 329, 340.

344. Осиповой.

345. Коншину.

Коншинъ (Ник. Мих.) — бездарный стихотворецъ 20 и 30-хъ годовъ (1793 - 1859). О немъ см. „Очерки" Кирпичникова, т. II, М., 1903, стр. 90 - 121.

346. Нащокину.

[1] Матвѣй Мих. — писатель (1794 - 1866), впослѣдствіи сенаторъ.

Есауловскій романсъ—вѣроятно, „Разставаніе" (II, 139).

347. Плетневу.

„Цвѣты" — „Сѣверные", которые Пушкинскій кружокъ собирался издавать въ пользу семьи Дельвига.

Бестужевъ - Рюминъ (Мих. Алексѣевичъ) — извѣстный журналистъ 20 и 30-хъ годовъ. „Меркурій" — „Сѣверный Меркурій", одинъ изъ журналовъ, очень неаккуратно выходившій (редакторъ сильно запивалъ). О немъ см. Критико-біогр. словарь С. А. Венгерова, Ш, 207 - 215.

Сговоръ А. О. Россети — за Н. М. Смирнова.

---

[1] Срв. „Клеветникамъ Россіи" и „Бородинская Годовщина" (т. II, 157 - 161).

348. П. И. Миллеру.

Миллеръ — лицеистъ 6-го курса. Книги — изъ Лицейской библіотеки.

349. Вяземскому.

Вас. Льв.—дядя Пушкина, „арзамасскій староста", „Вотъ" (Жуковскій называлъ и его „ватрушкой"). „Свѣтлана" — арзамасское прозваніе Жуковскаго. Принятіе В. Л. Пушкина въ „Арзамасъ" было обставлено курьезными условіями: его завалили шубами, заставили потомъ стрѣлять изъ лука въ чучело и т. д.

350. Воейкову.

[1] Объ этомъ сообщилъ Пушкину самъ Гоголь.

Фильдингъ — знаменитый англійскій юмористъ XVIII в.

351. Плетневу.

„Сказки" — „Повѣсти".

352. Гоголю.

[1] Гоголь собирался написать эстетически-ученый разборъ романовъ Булгарина и Орлова (А. А,), при чемъ первато сравнить съ Байрономъ.

[2] Противъ Булгарина (Косичкинъ — псевдонимъ Пушкина). См. т. VI. 64 - 79.

Она должна была появиться (и появилась) въ „Телескопѣ" Надеждина.

[3] Гоголь ошибочно обозначилъ имя жены Пушкина.

353. Нащокину.

Алекс. Юр. — Поливановъ.

354. Вяземскому.

Фонъ-Фокъ — правая рука Бенкендорфа. Политическій журналъ Пушкину разрѣшенъ не былъ.

Сказка — „о царѣ Салтанѣ".

„Рославлевъ" — романъ М. Н. Загоскина.

Донна Sol — А. О. Россети.

Косичкинъ — см. п. 352.

Кат. Андр. — Карамзина.

355. Смирновой.

Пушкинъ прислалъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ брошюру (стихи свои и Жуковскаго): „Три стихотворенія на взятіе Варшавы".

356. Осиповой.

357. Миллеру.

Миллеръ прислалъ Пушкину книжку „Телескопа" со статьей Косичкина.

358-359. Ему же.

Повѣсти — Бѣлкина.

360. Нащокину.

Догановскій и Жемчужниковъ — московскіе игроки. Ольга Андр. — цыганка, сожительница Нащокина.

361. Бенкендорфу.

Печатаніе прежнихъ стихотвореній — безъ новаго представленія въ цензуру было Пушкину разрѣшено.

362. Уварову.

Уваровъ перевелъ на французскій языкъ „Клеветникамъ Россіи".

363. Нащокину.

[1] Заложенные тещей.

[2] Крѣпостной Гончаровыхъ, ведшій ихъ дѣла.

[3] Занятыхъ у Пушкина на приданое.

Повѣсти—Бѣлкина.

364. Языкову.

[1] Журналъ И. В. Кирѣевскаго, вскорѣ закрытый.

[2] Пушкинъ познакомился еще въ Москвѣ съ первоначальнымъ замысломъ „Самозванца" Хомякова, впослѣдствіи значительно измѣненнымъ. См. сочиненія А. С. Хомякова, т. V и его письма (т. VIII), М., 1900.

[3] См. мой сборникъ „Русскіе поэты о Пушкинѣ", стр. 301—304.

365. Бенкендорфу.

Имѣется въ виду замѣтка Булгарина, на которую Пушкинъ отвѣтилъ „Моей родословной" (см. II, 141 — 143, 504 — 511). Резолюція государя на письмѣ: „Vous (Бенкендорфъ) pouvez dire de ma part à Пушкинъ, que je suis parfaitement de l'avis de feu son ami Delvig: des injures, aussi basses, aussi viles que celles dont on l'a régalé déshonorent celui qui les prononce, et non celui, à qui on les adresse. La seule arme contre est le mépris; voilà ce qu'à sa place j'aurais fait. Quant à ses vers, j'y trouve de l'es-

prit, mais encore plus de fiel qu'autre chose. Il eut mieux fait pour l'honneur de sa plume et surtout de sa raison, de ne pas les faire courir". См. еще „Сочиненія" Пушкина подъ ред. г. Ефремова, т. VII (Спб., 1903, 447—449) и т. VIII (Спб., 1905, стр. 610—612).

366. **Пушкиной.**

Написано карандашомъ. Двѣ первыя строчки отрѣзаны.

367. **Ей же.**

Выжигинъ — романъ Булгарина. Фикельмонъ — дочь Е. М. Хитрово.

368. **Ей же.**

Власьевъ (Алекс. Серг.), разорившійся колекціонеръ. Для покрытія его долговъ послѣ его смерти была устроена лоттерея колекцій, затѣмъ онѣ распродавались на аукціонахъ, на одномъ изъ которыхъ былъ Пушкинъ.

„Теодоръ и Розалія" — см. „Пушкинъ и московскіе студенты въ 1831 г." („Историч. Вѣстникъ", 1904, № 4) П. Е. Щеголева и замѣтку г. Витберга въ сборникѣ „Пушкинъ и его современники" (выш. II, стр. 50 — 64). Романъ этотъ — Ѳоминскаго.

369—370. **Ей же.**

Давыдовъ — прежній женихъ Н. Н. Гончаровой — Пушкиной.

371. **Нащокину.**

„Любезничанье государя" доставляло Пушкину много тяжелыхъ минутъ.

372—373. **Бенкендорфу.**

„Древо яда"—„Анчаръ" (II, 79—80).

374. **Кистеру.**

375. **Орлову.**

Орловъ (Алекс. Анѳ.) — плодовитый, но бездарный писатель 20 и 30-хъ годовъ (см. VI, 601—603). Онъ не понялъ иронiи, которою проникнута статья „Торжество дружбы" (VI, 64 — 73), подписанная псевдонимомъ „Ѳеофилактъ Косичкинъ". Иронiей дышитъ и это письмо Пушкина. „Молва" —при „Телескопѣ" Надеждина, который напечаталъ объ "Исторiи" Орлова въ шутку.

376. **Нащокину.**

Брилліанты были заложены тещей Пушкина.

377. **Осиповой.**

„Сѣверные Цвѣты" были изданы въ пользу семьи Дельвига.

378. **Судіенку.**

Яковлевъ, Ив. Алексѣевичъ, московскій богачъ.

379. **Нащокину.**

Андрей Христоф. Кренцеръ, завѣдывавшій фабрикой Нащокина.

Арапъ — чернильница, которая сохраняется теперь у сына поэта, А. А. Пушкина. Портретъ Брюлова неизвѣстенъ. Приписанные ему на Пушкинскихъ выставкахъ 1880—1899 гг. портреты сомнительны.

380. **Дмитріеву.**

Пушкинъ не любилъ Дмитріева. Письмо выдержано въ оффиціальномъ тонѣ.

381. **Бенкендорфу.**

Книга — „Полное собраніе законовъ".

382. **Нащокину.**

„Я" ошибкою попало изъ слѣдующей строчки (вмѣсто точки съ запятой).

383. **Бенкендорфу.**

Содержаніе было дано въ размѣрѣ 5.000 р.

384. **Осиповой.**

Алымовъ — домохозяинъ Пушкина.

385. **Погодину.**

Газета не состоялась.

[1] А. А. Шишковъ напечаталъ въ „Избранномъ нѣмецкомъ театрѣ" (III, М., 1831) „Фортуната" Людвига Тика.

386. **Неизвѣстному** (Н. И. Тарасенкову-Отрѣшкову?).

Извлечено изъ рукописей Пушкина Анненковымъ.

Письмо относится къ предполагавшейся Пушкинымъ газетѣ, которою долженъ былъ завѣдывать Тарасенковъ-Отрѣшковъ. Анненковъ даетъ въ другомъ мѣстѣ такую

выдержку изъ этого письма: „Газета моя будетъ немного похуже „Сѣверной Пчелы". Угождать публикѣ я не намѣренъ: браниться съ журналами хорошо разъ въ пять лѣтъ, и то Косичкину, а не мнѣ. Стихотвореній помѣщать не намѣренъ, ибо и Христосъ запретилъ" и пр.

387. Пушкиной.

Кокю — рогоносецъ. Маша — дочь Пушкиныхъ. Спасскій — извѣстный петербургскій врачъ.

388. Ей же.

Фрибеліусъ и Іоахимъ — извѣстные петербургскіе каретники. О второмъ упоминаетъ Хлестаковъ въ „Ревизорѣ".

[1] Свадьба Пушкина. Пѣтушковъ упоминается въ „Евгеніи Онѣгинѣ":

Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ (гл. V, XXVI).

Буяновъ — герой „Опаснаго сосѣда" В. А. Пушкина. Его А. С. называлъ въ шутку своимъ „двоюроднымъ братомъ".

Давыдовъ и Сорохтинъ—московскіе „обожатели" Н. Н. Гончаровой-Пушкиной. О нихъ см. въ статьѣ г. Щеголева въ „Истор. Вѣстн." 1904 г., апр., 207—222: „А. С. П. и московскіе студенты въ 1831 г."

Ипполитъ — камердинеръ Пушкина. Окуловъ (Матвѣй Алексѣевичъ) — мужъ сестры Нашокина (1793—1853).

389. Ей же.

Давыдовъ (Ив. Ив.) — профессоръ Москов. универс., шеллинганецъ. Мухановъ (А. А.) — московскій пріятель Пушкина.

390. Ей же.

[1] Одна изъ дамъ петербургскаго свѣта, знакомая Пушкиныхъ (Полетика).

Русская пѣсня — записанная Пушкинымъ (см. II, 332).

[2] Разговоръ шелъ у нихъ о подлинности „Слова о полку Игоревѣ". Какъ представитель „скептическаго" направленія, Каченовскій ее отвергалъ, Пушкинъ отстаивалъ.

Домикъ Нащокина — миніатюрный домикъ со всевозможными приспособленіями, на устройство котораго онъ ухлопалъ громадныя деньги

[3] Послѣ разоренія Нащокина домикъ этотъ переходилъ съ рукъ въ руки и въ 90-хъ годахъ попалъ къ одному изъ московскихъ антикваровъ.

[4] Отрыжковымъ Пушкинъ назвалъ въ шутку Тарасенкова-Отрѣшкова, которому собирался поручить веденіе своей газеты.

391. Ей же.

Братъ — Гончаровъ.

[1] Отецъ Н. Н., Ник. Ае., вслѣдствіе паденія съ лошади былъ „умоповрежденнымъ"

Нат. Ив.—теща П.

Бороздина славилась въ московскомъ свѣтѣ своимъ голосомъ.

392. Хвостову.

Гр. Хвостовъ прислалъ женѣ Пушкина свое стих., положенное кѣмъ то на музыку: „Соловей въ Таврическомъ саду". См. мой сборникъ: „Русскіе поэты о Пушкинѣ" (стр. 304).

393. Нащокину.

[1] Докторъ Шнейдеръ.

[2] Позднѣе Пушкинъ назвалъ „Дубровскимъ". По обычнымъ свѣдѣніямъ, эта повѣсть основана была на разсказахъ Нащокина, который самъ видѣлъ въ острогѣ Островскаго, разореннаго богатымъ сосѣдомъ. Отъ А. А. Пушкина (сына поэта) намъ приходилось слышать, что А. С. воспользовался въ ней мѣстными (помнится, Болдинскими) преданіями.

[3] Дм. Вас., спеціалистъ по тяжебнымъ дѣламъ. Пушкину хотѣлось провѣрить кляузную часть своей повѣсти.

[4] Воспоминанія, писать которыя Пушкинъ все время заставлялъ Нащокина.

[5] Бронзовая статуя Екатерины II, отданная Пушкину дѣдомъ Н. Н. Гончаровой въ зачетъ приданаго. Впослѣдствіи онъ продалъ ее заводчику Берду за 3000 р.

Гаврила Алекс.—такъ собирался сначала Пушкинъ назвать будущаго сына. Сыновья его были названы Александромъ и Григоріемъ.

[6] Онъ передѣлывалъ въ оперу для Есаулова „Сонъ въ лѣтнюю ночь" Шекспира.

[7] Сынъ Нащокина отъ цыганки.

394. **Каменскому.**

395. **Неизвѣстной.**

Вѣроятно, черновой набросокъ для повѣсти.

396. **Чернышову.**

Чернышовъ былъ тогда военнымъ министромъ. Пушкинъ собиралъ матеріалы для „Исторіи Пугачевскаго бунта".

397. **Нащокину.**

Өед. Дан.—докторъ Шнейдеръ.

1 Ростовщикъ—ювелиръ.

2 Тамъ была фабрика Нащокина.

398. **Ермолову.**

Записки Ермолова были напечатаны только въ 1863 г.

399. **Калашникову.**

Калашниковъ — писатель — сибирякъ. Любопытныя его воспоминанія печатались въ „Русской Старинѣ" 1905 г.

400. **Погодину.**

Предпріятіе это не состоялось. Въ бумагахъ Пушкина сохранилось только нѣсколько выписокъ и черновыхъ набросковъ (см. VII, 563—603).

401. **Чернышову.**

См. выше п. 396.

402. **Соколову.**

Соколовъ былъ секретаремъ Россійской Академіи. Барановъ (Дм. Осип.) былъ предложенъ въ члены Академіи Шишковымъ. См. — вѣроятно, ошибка, потому что академика съ такими начальными не знаетъ подробная „Исторія Россійской Академіи" Сухомлинова. Г. Ефремовъ предположилъ, что это—Свиньинъ, но онъ былъ избранъ въ присутствіи Пушкина 11 марта. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Академіи см. у Сухомлинова, т. VII, стр. 77—84. Другая кандидатура (См.) была снята, потому что 27 мая былъ предложенъ и 5 августа баллотировался одинъ Барановъ (см. Сухомл., VII, 473). Письмо Пушкина относится къ послѣднимъ числамъ мая.

403. **Осиповой.**

Анна Ник.—дочь Осиповой.

404. **Бенкендорфу.**

405. **Ананьину.**

406. **Мордвинову.**

Пушкинъ получилъ разрѣшеніе 7 августа.

407. **Пушкиной**

[1] Имѣніе Гончаровыхъ.

408. **Ей же.**

[1] „Подъѣзжая подъ Ижоры“ (II, 77).

Пожарская—содержательница гостиницы въ Торжкѣ.

409. **Ей же.**

Дорошенко—малороссійскій гетманъ, умершій и похороненный въ сылкѣ (въ Яропольцѣ).

Муравьевъ — А. Н., извѣстный святоша и клерикалъ. Екат. Ив. — Загряжская.

410. **Ей же.**

Суденки—Судіенко, богатый малороссійскій помѣщикъ.

Булгаковъ (А Я.)—московскій почтъ-директоръ.

Орловъ Мих. Ѳед.—арзамасецъ.

Сашка—А. А. Пушкинъ. Тетка—Загряжская.

411. **Ей же.**

Ярмонка — Макарьевская.

412. **Ей же.**

Всеволожскій — см. I, 545, 563, 565.

413. **Ей же.**

414. **Фуксъ.**

Казанская поэтесса. Ея стих. въ честь Пушкина см. въ моемъ сборникѣ: „Русскіе поэты о Пушкинѣ“, стран. 58—60.

415. **Пушкиной.**

С. Ник.—братъ жены Пушкина.

Blue stockings — А. А. Фуксъ (см. п. 413). Ея мужъ — Казанскій профессоръ.

416. **Ей же.**

417. **Ей же.**

418. Ей же.

Тетка (жена Пушкина)—Ек. Ив. Загряжская.

[1] Въ „Рус. Арх." 1900 (I) г. Ивановъ приводитъ разсказъ этой старухи о Пушкинѣ, фантастическаго свойства.

419. Ей же.

Кн. Мещерскій—зять Карамзиныхъ. Софья Ник.—дочь Карамзина.

Отрыжковъ—Тарасенковъ-Отрѣшковъ. Дочь Е. М. Хитрово („первой") была за гр. Фикельмономъ.

420. Ей же.

[1] Николай самъ разсказывалъ бар. Корфу, что Пушкинъ подозрѣвалъ его въ ухаживаніи за Н. Н. См. „Рус. Стар." 1899, VIII, 311.

421. Ей же.

Вигель (Фил. Фил.) — авторъ извѣстныхъ „Записокъ". Дальше намекъ на одинъ изъ его пороковъ.

Кат. Ник.—сестра жены Пушкина.

Пускина—дочь Пушкиныхъ, Марья Алекс. Сашка рыжій—А. А. Пушкинъ.

422. Ей же.

[1] Сказка Измайлова: „Завѣтное пиво". Полевой написалъ на нее пародію въ „Новомъ Живописцѣ" 1832, II, стр. 223—225: „Паюсная икра".

Кат. Андр.—Карамзина.

423. Одоевскому.

[1] Одоевскій собирался издать альманахъ: „Тройчатка или альманахъ въ три этажа", изъ сочиненій своихъ (Гомозѣйка), Гоголя (Панько) и Пушкина (Бѣлкинъ). Каждый изъ нихъ долженъ былъ избрать себѣ „этажъ" (срв. ниже. „до погреба добраться")

[2] Вѣроятно, имѣется въ виду „Владиміръ 3-ей степени".

424. Пушкиной.

[1] Французъ, авторъ мемуаровъ (1540—1614).

425. Нащокину.

[1] Князь Ѳед. Ѳед. Гагаринъ (1786 — 1863), шуринъ Вяземскаго.

4 Нащокинъ собирался порвать со своей цыганкой, чтобы жениться на В. А. Нарской.

426. Дмитріеву.

Рѣчь идетъ о запискахъ Дмитріева, которыя онъ не хотѣлъ печатать при жизни. Пушкинъ могъ узнать о нихъ отъ Вяземскаго.

427—428. Норову.

Указываются книги, нужныя Пушкину для „Исторіи Пугачовскаго бунта".

Заглавіе первой Пушкинъ приводитъ въ одномъ изъ примѣчаній къ 8-ой главѣ своего труда (см. VII, 277). Struys напечаталъ въ 1675 г. свое путешествіе по Россіи. Пердуильонисъ—„Стенко Разинъ донски казакъ измѣнникъ; id est Stephanus Razin Donicus Cozacus Perduellis publicae disquisitioni exhibitus praeside Conrado Samuelo Schurtzfleisch" etc.

Satyricon—вѣроятно, Петронія.

429. Бенкендорфу.

Журналъ — „Библіотека для чтенія". Стихотвореніе — „Мѣдный Всадникъ". Его не разрѣшили.

Отличія чернового наброска:

1 Полагаю, что она можетъ быть любопытна, особенно въ отношеніи военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

2 По крайней мѣрѣ я по совѣсти исполнилъ долгъ историка: изыскивалъ истину съ усердіемъ и излагалъ ее безъ криводушія, не стараясь льстить ни силѣ, ни господствующему образу мыслей, и смѣю надѣяться, что сей историческій очеркъ можетъ показать ~~любви его величества особые пути (намекъ на положеніе крѣпостныхъ и необходимость освобожденія?)~~.

430. Корфу.

1 Корфъ просилъ Пушкина достать Бакунину переводную работу въ „Библ. для чтенія".

2 Съ рожденіемъ сына Александра.

431. Нащокину.

1 Вм. зачеркнутаго „Алешѣ".

2 Кн. Дм. Ив., лицеистъ. Павелъ — сынъ Нащокина. Крестникъ—сынъ Пушкина, Александръ.

432. Бенкендорфу.

Статуя была продана потомъ Берду за 3000 р.

433. Нечаеву.

Нечаевъ былъ тогда оберъ-прокуроромъ Синода (см. „Старина и Новизна", кн. IX).

434—437. Бенкендорфу.

438. Дубельту.

439. Одоевскому.

Лексиконъ, издававшійся Плюшаромъ

440. Бенкендорфу.

441. Нащокину.

[1] Жена Нащокина. Нащокину Пушкинъ выслалъ 1000 р. 19 іюня.

Андрей Петр.—Есауловъ, композиторъ.

442. Лажечникову.

Лажечниковъ самъ прислалъ рукопись Рычкова 30 марта.

443. Ему-же.

Первый романъ — „Послѣдній Новикъ". „Твореніе"— „Ледяной домъ".

444. Погодину.

Общ. люб.—рос. словесности (въ Москвѣ).

Статья о Видокѣ—см. т. VI, 59.

445. Строганову.

По ошибкѣ передъ этимъ письмомъ пропущено письмо къ секретарю Академіи Художествъ В. И. Григоровичу.

(СПБ. 8 апрѣля). Я уговорилъ Кирилла Александровича (Нарышкина) и Бенкендорфа пріѣхать завтра въ 1 часъ по полудни въ Академію, чтобы посмотрѣть картину Бруни („Смерть Камиллы"). Прошу васъ, любезный Василій Ивановичъ, приказать пустить насъ въ Академію, хотя завтра и праздникъ, и ежели бы можно было и вамъ быть при этомъ посѣщеніи, то это бы еще лучше было.

Вамъ искренно преданный Пушкинъ.

Воскресеніе 8 апрѣля.

(Адресъ: Милостивому Государю Василію Ивановичу Григоровичу).

Гр. Григ. Алек. Строгановъ—родственникъ Гончаровыхъ. Онъ прислалъ Пушкину номеръ „Франкфуртской газеты“ съ отчетомъ о рѣчи польскаго эмигранта Лелевеля. Объ этомъ Пушкинъ пишетъ въ своемъ дневникѣ (см. VI, 555—556).

446. **Пеньковскому.**

Пеньковскій—управляющій нижегородскимъ имѣніемъ С. Л. Пушкина.

447. **Пушкиной.**

Тетка — Ек. Ив. Загряжская. Нарышкинъ — Кириллъ Алекс., гофмейстеръ, Литта — гр. Юлій Помп. (1763—1839), оберъ-каммергеръ. Безобразовъ и Реймарсъ — молодые камеръ-юнкеры. Гриммъ—энциклопедистъ, авторъ „Корреспонденціи литературной, философской и политической“ переписывавшійся съ Екатериною II (1723—1807).

448. **Ей же.**

Спасскій — докторъ.

449. **Ей же.**

[1] Павелъ.

Отецъ Н. Н. былъ ненормаленъ.

Мерзеръ—воспитывалъ в. к. Александра Николаевича.

450. **Ей же.**

Энгельгардтъ—директоръ царскосельскаго лицея?

451. **Ей же.**

452. **Ей же.**

Ярополецъ—имѣніе Гончаровыхъ. Алекс. и Екат. Ник.—сестры жены Пушкина.

453. **Каменскому.**

454. **Павлищеву.**

Павлищевъ женился на сестрѣ Пушкина О. С. въ 1828 г.

455. **Пушкиной.**

456. **Гоголю.**

„Телеграфъ“ Полевого былъ запрещенъ благодаря Уварову. Гоголь хлопоталъ тогда о профессурѣ въ Кіевѣ и

просилъ Пушкина сказать Уварову, что онъ „еле живъ", и что его здоровье нуждается въ переѣздѣ на югъ.

457. **Пушкиной.**

См. дневникъ (т. VI, стр. 560—561).

458. **Ей же.**

См. предыд. п.

459. **Мордвинову.**

Кюхельбекеръ былъ тогда на каторгѣ.

460. **Пушкиной.**

О беременности А. О. Смирновой см. въ дневникѣ (т. VI, 557).

461. **Ей же.**

[1] Чревовѣщатель Алек. Ваттемаръ. Ему въ альбомъ Пушкинъ написалъ: „Votre nome est légion, car vous êtes plusieurs".

462. **Ей же.**

Нат. Кирил.—Загряжская.

Пироскафъ—пароходъ.

463. **Каменскому.**

Каменскій издалъ потомъ (въ 40-ыхъ годахъ) біографическій словарь.

464. **Пушкиной.**

Пушкинъ вскорѣ отказался отъ управленія имѣніемъ.

465. **Ей же.**

Любимая сестра—Алекс. Ник.

466. **Ей же.**

Заводы—Полотняные—калужское имѣніе Гончаровыхъ.

Первый томъ „Петра" такъ и не былъ напечатанъ.

О гр. Віельгорскомъ (Мих. Юр.) см. 485, 536, 569; III, 241, 627.

467. 468. **Ей же.**

469. **Ей же.**

Тотъ—вѣроятно, государь. Оливье, хозяинъ дома, въ которомъ жили Пушкины.

470. **Бенкендорфу**

Бенкендорфъ отвѣтилъ Пушкину, что „Е. В. не желаетъ никого удерживать противъ воли, но что на его посѣщеніе

государственныхъ архивовъ для извлеченія справокъ Е. В. не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства".

471. Пушкиной.

472. Яковлеву.

Оффиціальное письмо лицейскому товарищу, который долженъ былъ завѣдывать печатаніемъ „Исторіи Пугачовскаго бунта".

473. Бенкендорфу.

См. п. 470. Въ годѣ опечатка: вмѣсто 1844 слѣд. 1834.

474. Жуковскому.

См. п. п. 470 и 473. Е. М.—Хитрово, страстная поклонница Пушкина („Пентефріиха").

475. Бенкендорфу.

См. п. п. 470, 473, 474.

476. Жуковскому.

См. п. п. 470, 473, 474, 475.

477. Бенкендорфу.

По поводу этихъ писемъ Бенкендорфъ докладывалъ Николаю: „Письмо Пушкина ко мнѣ и другое отъ него же къ Жуковскому. Такъ какъ онъ сознается въ томъ, что просто сдѣлалъ глупость, и предпочитаетъ казаться лучше непослѣдовательнымъ, нежели неблагодарнымъ, и такъ какъ я еще не сообщилъ о его отставкѣ ни кн. Волконскому, ни гр. Нессельроде, то я предполагаю, что В. В-ву благоугодно будетъ смотрѣть на его первое письмо, какъ будто его вовсе не было. Передъ нами мѣрило человѣка; лучше, чтобы онъ былъ на службѣ, нежели предоставленъ самому себѣ".

Отвѣтъ Николая: „Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще разъ объяснить ему всю безсмысленность его поведенія, и чѣмъ все это можетъ кончиться; то, что можетъ быть простительно 20-лѣтнему безумцу, не можетъ примѣняться къ человѣку 35-ти лѣтъ, мужу и отцу семейства".

478. **Загоскину.**

[1] Романъ „Аскольдова могила".
Александръ—Чревовѣщатель.

479. **Пушкиной.**

Уѣхало—слѣд. уѣхала (стр. 341, стр. 21 св.). Говорятъ а— слѣд. говорятъ (стр. 22 св.).
Тотъ — Государь.

480. **Осиповой.**

Penkovsky—управляющій Пушкиныхъ.

481. **Пушкиной.**

Стр 343. Стр. 15 св. Кли — слѣд. Коли.

482. **Ей же.**

Оливье — домохозяинъ Пушкина.
С. Н. — братъ жены Пушкина.

483. **Ей же.**

Заводы — имѣніе Гончаровыхъ.

484. **Ей же.**

„Два тома" — „Исторіи Пугачевскаго бунта".

485. **Ей же.**

486. **Яковлеву.**

Имя Вольтера дѣйствительно было выкинуто. Говорится затѣмъ о неисправности списка рукописи Рычкова.

487. **Гончаровой.**

С. Н. Гончаровъ только что передъ тѣмъ вышелъ въ офицеры. 27 авг. — день рожденія жены Пушкина.

488. **Пушкиной.**

Conquête etc. — соч. Тьерри.
Кузина — Маргаритка — Чичерина.

489. **Ей же.**

490. **Языкову.**

А. М. — братъ Н. М. Языкова.

491. **Яковлевъ.**

№ 14 — лицейскій номеръ Пушкина. 19 октября — лицейская годовщина.

492. Фуксъ.

[1] См. п. 414.

Люцероде — Саксонскій посланникъ. Э. П. Перцовъ — казанскій литераторъ. К. Ѳ. — мужъ А. А. Фуксъ.

493—494. Пеньковскому.

Нижегородскій управляющій Пушкиныхъ.

495. Бенкендорфу.

496. Нащокину.

„Цыганскія бури" — разрывъ съ цыганкою-любовницей

497. Бенкендорфу.

Разрѣшеніе было дано 23 декабря.

498. Нащокину.

Разсчеты на „оброчнаго мужика" не оправдались: „Исторія Пугач. бунта" была встрѣчена холодно.

499. Бенкендорфу.

500. Каменскому.

501. Дмитріеву.

Секретарь—П. И. Соколовъ, котораго не долюбливалъ Пушкинъ. Академія — Россійская.

502. Каменскому.

См. п. 500.

503. Бенкендорфу.

504. Пушкину.

Мать долго хворала и умерла 29 марта 1836 г.

505. Дмитріеву.

Лобановъ М. Е. — бездарный стихотворецъ и драматургъ, біографъ Крылова. Ѳедоровъ Б. М. („Борька") — постоянная мишень для остротъ Пушкинскаго кружка. Пушкину приписывали эпиграмму, на самомъ дѣлѣ написанную Соболевскимъ или Дельвигомъ:

Ѳедорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

Языковъ (Д. И.) перевелъ „Нестора“ Шлецера. Дондуковъ-Корсаковъ (кн. Мих. Алекс.) — „Дундукъ“ извѣстной эпиграммы Пушкина (т. II, 209. Варіанты „для дамъ“— „можетъ сѣсть“ и „есть, чѣмъ сѣсть“). Фуссъ—секретарь Академіи Наукъ.

506. Пеньковскому.

Кистенево — Нижегородская деревня Пушкиныхъ.

507. Пушкину.

См. предыд. п.

508. Павлищеву.

См. пп. 506, 507.

509. Погодину.

А. Бѣлкинъ — псевдонимъ Тимофеева.
Наблюдатели — издатели „Московскаго Наблюдателя“.
Какуратнѣе — слѣд. аккуратнѣе.

510. Бенкендорфу.

Въ черновомъ: „mais par un libre sentiment de bienveillance indépendante et généreuse, et certes de dèvouement à la personne de l'Emp. ne se mèle à aucune arrière-pensèe gênant. Je m'y reviens donc encore une fois. C'est donc à V., M-r, que je remets encore une fois à dècider de mon sort et c'est en vous suppl. d'agrèer l'honneur de ma haute considèration que je suis M. de Votre Excell. V.“.

511. Павлищеву.

См. пп. 506, 507, 508.

512. Бенкендорфу.

513. Дурову.

О Дуровѣ см. т. VII, 40—42, 627—628. О запискахъ Н. А. Дуровой („кавалеристъ-дѣвица“) см. т. VI, 97—98, 618—619.

514. Краевскому.

Краевскій напечаталъ съ указанною Пушкинымъ поправкою. „Туча“ (т. II, 201—202) напеч. въ „Моск. Набл.“ (при посредствѣ Краевскаго). См. т. II, 555.

515. Бенкендорфу.

Корсаковъ получилъ прибавленіе къ фамиліи „князь Дондуковъ“ отъ своего тестя. Разрѣшенія на изданіе га-

зеты Пушкинъ не получилъ. Разрѣшенъ ему былъ позднѣе „Современникъ", какъ періодическій литературный сборникъ.

516. **Ему же.**

См. предыд. п.

517. **Ему же (?)**

518. **Ему же.**

519. **Вольховскому.**

Товарищъ Пушкина по лицею (см. I, 401). Онъ исправлялъ тогда должность начальника штаба Кавказскаго корпуса.

520. **Бенкендорфу.**

521. **Фуксъ.**

К. Ѳ. — мужъ А. А. Фуксъ.

522. **Люценку.**

Рѣчь идетъ объ изданіи плохого перевода поэмы Виланда: „Вастола". См. Б. Л. Модзалевскій, Пушкинъ и Е. П. Люценко. Спб. 1898. См. также наше изданіе, т. VI, 88-89. Сенковскій въ „Библіотекѣ для чтенія" писалъ, что Пушкинъ, ставя свое имя на этомъ изданіи, сознательно хотѣлъ обмануть читателей. Изъ-за этой исторіи у Пушкина вышло столкновеніе съ его знакомымъ Хлюстинымъ, которое чуть не кончилось дуэлью.

523. **Въ Главный Комитетъ Цензуры.**

Уваровъ прислалъ копію этой записки Мордвинову для свѣдѣнія, и прибавилъ, что Пушкину уже сообщено, что безъ разсмотрѣнія цензурою печатаются только рукописи, издаваемыя съ особаго высочайшаго разрѣшенія. Мордвиновъ помѣтилъ: „убрать". Черновая напечатана у г. Шляпкина: „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина", Спб., 1903, стр. 104-105.

524. **Полѣнову.**

Полѣновъ завѣдывалъ секретнымъ отдѣломъ Государ. Архива. А. Ѳ. Малиновскій управлялъ Московскимъ Архивомъ Иностранныхъ Дѣлъ.

525. **Канкрину.**

Черновая напеч. у г. Шляпкина (ib., стр. 111-112 — будто бы Бенкендорфу).

526. **Беклешовой.**

Алекс. Ив., дочь П. А. Осиповой. Евпр. Ник. — тоже (отъ перваго мужа, Вульфъ). Марья Ив.—сестра Алекс. Ив.

527. **Пушкиной.**

Кок — слѣд. Коко (стр. 369, стр. 21 св.). См. п. 525. Коко и Азя — Ек. и Алек. Н. Гончаровы. Праск. Алекс.— Осипова. Марья Алек.—дочь Пушкиныхъ.

528. **Ей же.**

Дочь П. А. Осиповой была замужемъ за бар. Врев-скимъ.

529. **Ей же.**

Срв. стих.: „Вновь я посѣтилъ“ (II, стр. 205 - 207, 558 - 561)

530. **Ей же.**

Кат. Ив. — Загряжская. О гр. Полье см. п. 272.

Ае. Ник. — дѣдъ жены Пушкина. О. Кернъ (А. П.) см. т. II, 362 - 364.

Анна Ник. — дочь П. А. Осиповой.

531. **Ей же.**

532. **Плетневу.**

Путешествіе—въ Арзрумъ (см. т. VI, 461 - 521). Никитенко (А. В.)—профессоръ Петерб. Унив. и цензоръ. Лангеръ (Валер. Плат.)—лицеистъ, художникъ. О Бѣлкинѣ, см. п. 509. Комедія Гоголя — вѣроятно, „Владиміръ 3-ей степени“ (отъ нея сохранились только отрывки).

„Сухаревой башней“ Пушкинъ назвалъ домовладѣлицу Плетнева А. И. Сухареву, родственницу П. А. Осиповой.

533. **Бенкендорфу.**

534. **Нащокину.**

Письма Пушкина прочитывались на почтѣ. Выписки изъ нихъ доставлялъ Бенкендорфу почтъ-директоръ А. Я. Булгаковъ. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ нарочно написалъ женѣ, чтобы она была осторожнѣе въ своихъ письмахъ, потому что почтъ-директоромъ въ Москвѣ состоитъ негодяй Булгаковъ, не считающій грѣхомъ ни нарушать тайну частной, даже семейной переписки, ни торговать собствен-

ными дочерями. — Письмо это не дошло ни до жены Пушкина, ни до Бенкендорфа.

Куликовъ (Н. И.) — актеръ и драматическій писатель (1815 - 1891). Ему принадлежитъ пародія на „Братьевъ-разбойниковъ“ Пушкина. (См. мой сборникъ „Puschkiniana“, II 118 - 120).

535. **Канкрину.**

См. п. 525. У г. Шляпкина (стр. 112 - 113) напеч. черновая этого письма (будто бы Бенкендорфу).

536. **Осиповой.**

Раухъ и Спасскій — петербургскіе врачи.

537. **Лажечникову.**

Хоботъ — вм. образ. („такимъ то хоботомъ“).

538. **Клейнмихелю.**

Книги и рукописи были взяты для „Исторіи Пугач. бунта“. Клейнмихель запретилъ извѣщать Пушкина о неизвѣстныхъ матеріалахъ по Пугач. бунту „во избѣжаніе лишней переписки“.

539. **Осиповой.**

540. **Гоголю.**

„Сѣкуція“ поручика Пирогова въ повѣсти „Невскій проспектъ“.

541. **Ему же.**

Новый романъ — „Записки Чухина“.

542. **Бѣдной вдовѣ.**

543. **Бенкендорфу.**

Рѣчь идетъ о „Современникѣ“. Записки Моро де Бразе — см. т. VI, стр. 190 - 242.

544. **Дуровой.**

См. п. 513.

545. **Хлюстину.**

См. п. 522. Сем. Сем. Хлюстинъ (1811-1844), племянникъ „американца“ Толстого, повздорилъ съ Пушкинымъ по поводу статьи Сенковскаго о „Вастолѣ“.

546. **Репнину.**

Репнинъ отвѣтилъ Пушкину, что онъ повѣрилъ пустымъ росказнямъ (инцидентъ съ „Вастолой“), что съ Бого-

любовымъ онъ ничего не говорилъ, и желаетъ поэту употреблять свой талантъ на пользу и славу отечества, а не на оскорбленіе честныхъ людей.

Подробности объ этомъ инцидентѣ см. въ сборникѣ П. И. Бартенева, „А. С. Пушкинъ", II, м., 1885, стр. 73-84.

547. **Ему же.**

См. пред. письмо.

548. **Фуксъ.**

К. Ѳ. — мужъ А. А. Фуксъ. Объ отношеніяхъ Пушкина къ семейству Фуксъ см. „А. С. П. въ Казани" А. С. Архангельскаго (Казань, 1899) и замѣтку проф. Боброва въ „Рус. Старинѣ" 1904 г.

549. **Глинкѣ.**

Ѳ. Ник. — Глинка, братъ С. Н.

550. **Сухорукову.**

О Сухоруковѣ см. т. VI, стр. 521-522, 685-686, 688-689. Молодой человѣкъ — вѣроятно, Ѳ. И. Шумковъ.

551. **Дурову.**

См. пп. 513 и 544.

552. **Жобару.**

Жобаръ — казанскій профессоръ, удаленный Магницкимъ. Не добившись удовлетворенія своихъ претензій отъ Уварова, онъ задумалъ отомстить ему опубликованіемъ своего перевода на франц. языкъ стих. Пушкина: „На выздоровленіе Лукулла" (см. II, стр. 203-205, 556-558). См. еще „Идеалы Пушкина", Никольскаго, изд. 3, СПБ., 1899, стр. 97-105.

Черновое письмо напеч. у г. Шляпкина, стр. 118-119.

553. **Крылову.**

Крыловъ — цензоръ „Современника". Дондуковъ-Корсаковъ завѣдывалъ тогда цензурой.

554. **Одоевскому.**

Путешествіе — въ Арзрумъ.

555. **Ему же.**

№ 1 — „Современника": „О враждѣ къ просвѣщенію" (съ подписью С. Ѳ.) напеч. во 2-ой кн. „Современ-

ника"; „Какъ пишутся у насъ романы" — въ 3-ей. Сегеліель — духъ, падшій вслѣдствіе негодованія на существующее въ мірѣ зло. Это соч. кн. Одоевскаго напечатано не было.

„Сцены" Гоголя — „Утро дѣлового человѣка" („Современникъ", № 1).

556. **Дондукову.**

557. **Языкову.**

Стр. 385, стр. 1 св. емкой — Еммой (?) въ изд. г. Ефремова т. VII, стр. 366.

О Конискомъ — см. т. VI, стр. 82—88.

558. **Погодину.**

„Печальныя обстоятельства" — похороны матери.

559. **Мордвинову.**

Письмо отъ Кюхельбекера, декабриста. Отъ Пушкина потребовали письма и указанія на то, черезъ кого оно было получено.

560. **Лажечникову.**

Письма Лажечникова къ Пушкину напеч. въ I вып. сборника П. И. Бартенева „А. С. П."

561. **Пушкиной.**

Брюловъ К. П. Перовскій (А. А.), писавшій подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Криднеръ — на самомъ дѣлѣ Крюгеръ. Толстой — „американецъ". Его дочь, Сара, впослѣдствіи вышла замужъ за В. С. Перфильева. Наблюдатели-издатели „Моск. Наблюдателя". Marie W.—Вяземская.

562. **Ей же.**

Солнцевъ былъ женатъ на теткѣ Пушкина. Орловъ М. Ѳ. (См. I, 620).

Стр. 388, стр. 12 св. въ скобкахъ—примѣчаніе.

563. **Вяземскому.**

Акуловъ — Матвѣй Алексѣевичъ Окуловъ, женатый на сестрѣ П. В. Нащокина. Директоръ 1-ой Московской гимназіи, каммергеръ.

564. **Пушкиной.**

Ив. и Дм. Ник. — братья жены Пушкина. Малиновскій — директоръ Архива Иностр. Дѣлъ. Тургеневъ —

Алекс. Ив. Его „Хронику русскаго въ Парижѣ“ печаталъ Пушкинъ въ „Современникѣ“. О Перовскомъ и Брюлловѣ см. п. 561.

565. **Ей же.**

Гришка — Григ. Алекс., второй сынъ Пушкина.
Тинтере — карточная игра.

566. **Ей же.**

Vous avez trompé — намекъ на слова Бенкендорфа. Павловъ убилъ Апрѣлева за обольщеніе сестры.

567. **Дондукову.**

Статья — Д. В. Давыдова.

568. **Давыдову.**

„Воспоминанія объ осадѣ Дрездена“ Давыдова напеч. въ 4-ой кн. „Современника“.

569. **Ушакову.**

„Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи“.

570. **Нащокину.**

Бѣлинскій — Вис. Григ. В. А. — жена Нащокина. Азя — Алекс. Ник. Гончарова.

571. **Муравьеву.**

Статья — вѣроятно, „Битва при Тиверіадѣ“ (напеч. во 2-мъ томѣ „Современника“).

572. **Пушкину.**

Стр. 394. стр. 17 ст. (Павлищеву) — примѣчаніе. Павлищевъ на предложенный А. С. раздѣлъ не согласился.

573. **Краевскому.**

Краевскій завѣдывалъ печатаніемъ „Современника“. „Парижъ“ — „Хроника русскаго въ Парижѣ“ А. И. Тургенева. Крыловъ — цензоръ.

574. **Ему же.**

Страница была перепечатана.

575. **Дмитріеву.**

Несчастье — смерть матери.
Въ „Моск. Вѣд.“ и „Литер. Прибавленіяхъ къ Инва-

лиду" печатались статьи какого то И. Д. Дмитріевъ помѣстилъ во 2-мъ томѣ увѣдомленіе, что онѣ не принадлежатъ ему. Въ „Амфитріонѣ" Меркурій принимаетъ видъ слуги Амфитріона Созія и дурачитъ его.

576. **Пеньковскому.**

577. **Дуровой.**

Отвѣтъ на упреки въ медленности. „Милостивый государь" — какъ „кавалеристъ — дѣвица".

578. **Жандру.**

А. А. Жандръ — пріятель Грибоѣдова, театралъ и драматургъ. Меньшиковъ — морской министръ.

579. **Краевскому.**

Ошибки были исправлены.

580. **Ему же.**

Вм. „къ" слѣд. „въ".

581. **Ему же.**

Благодарность — за завѣдываніе „Современникомъ".

582. **Павлищеву.**

Стр. 398, стр. 7 (Осиповой) — примѣчаніе въ текстѣ.

583. **Ему же.**

Михайловское продано не было.

584. **Дуровой.**

Дурова придумала третье заглавіе: „Кавалеристъ—Дѣвица. Происшествіе въ Россіи".

585. **Давыдову.**

[1] Цензуровалъ А. И. Михайловскій — Данилевскій.

[2] См. выше „Записку объ изданіи газеты" (п. 325).

586. **Корсакову.**

Романъ — „Капитанская Дочка" (см. т. V, стр. 338). Лицейскія стих. Пушкина печатались въ „Сѣв. Наблюд." Корсакова (1817 г.).

587. **Гречу.**

„Полководецъ" — см. т. II, 199-201, 550-555.

588. **Корфу.**

Корфъ прислалъ списокъ иноязычныхъ сочиненій о Россіи (Rossica).

Мясоѣдовъ — лицейскій товарищъ Пушкина и Корфа.

589. **Яковлеву.**

Директоръ Лицея Энгельгардтъ предлагалъ праздновать лицейскую годовщину всѣмъ курсамъ вмѣстѣ. Пушкинъ съ этимъ не согласился. См. Гротъ, Пушкинъ etc. СПБ., 1899, стр. 83-86. № 39 — М. Л. Яковлевъ (номеръ лицейской комнаты).

590. **Чаадаеву.**

Рѣчь идетъ о „Философическомъ письмѣ" П. Я. Чаадаева, приведшемъ къ закрытію „Телескопа".

591. **Ему же.**

См. пред. письмо.

592. **Корсакову.**

„Капитанская Дочка" цензуровалась Корсаковымъ. См. п. 586.

593. **Канкрину.**

Покончивъ дѣло съ казеннымъ долгомъ, Пушкинъ собирался переселиться на житье въ деревню. См. стих. „Пора, мой другъ"... (II, 218, 568).

593. **Голицыну.**

Кн. Ник. Борисовичъ Голицынъ перевелъ на франц. языкъ „Клеветникамъ Россіи" и „Бахчисарайскій Фонтанъ" Personnage — С. С. Уваровъ.

594. **Одоевскому.**

„Сильфида" напеч. въ I томѣ „Современника" за 1837 г

595. **Ему же.**

Матвѣй Степ. Волковъ — профессоръ строительнаго искусства, полковникъ инженеровъ путей сообщенія. Статья была написана противъ Н. И. Тарасенкова-Отрѣшкова, отрицавшаго желѣзныя дороги (съ эпиграфомъ изъ Крылова: „Бѣда коль"... etc.).

Герстнеръ, австріецъ, напечаталъ докладъ о выгодахъ сооруженія Царскосельской желѣзной дороги.

596. **Путятѣ.**

Николай въ первый разъ увидѣлъ Дантеса у Лагренэ и остался очень доволенъ его барабаннымъ боемъ, чѣмъ устроилась его карьера. Путята — другъ Баратынскаго, писатель.

597. **Аршіаку.**

Пушкинъ отказался отъ вызова, когда узналъ, что Дантесъ собирается жениться на его свояченицѣ Екат. ~~Алекс.~~ Д'Аршіакъ былъ секундантомъ Дантеса.

598-599. **Яковлеву.**

Эристовъ — лицеистъ.

600. **Ему же.**

601. **Бенкендорфу.**

Пасквиль гласитъ: „Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du Sèrènissime Ordre des Cocus reunis au Grand — Châpitre, sous la prèsidance du vènèrable Grand — Maître de l'Ordre, S. E. D. L. Narichkine, ont nommè à l'unanimitè M-r Alexandre Pouchkine coadjuteur du Grand-Maïtre de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre. Le sècrètaire perpètuèl C-te Borck".

602. **Одоевскому.**

Сахаровъ — (Ив. Петр.) извѣстный этнографъ и археологъ.

603. **Коншину.**

Отношенія съ Уваровымъ особенно обострились послѣ оды „На выздоровленіе Лукулла". (п. 552).

604. **Одоевскому.**

Намекъ на эпиграмму: „Въ Академіи Наукъ". См. т. II, 209.

605. **Вяземскому.**

Письмо къ Уварову относительно терпимости цензуры къ мнѣніямъ, противнымъ принципамъ „оффиціальной народности", имъ формулированнымъ—православію, самодержавію и народности.

606. **Скобельцыну.**

Скобельцынъ — московскій игрокъ. Денегъ у него не было, и онъ вернулъ письмо Пушкина Вяземскому съ отказомъ.

607. **Ишимовой.**

Ишимова — писательница (много писала для дѣтей). Барри Корнуэль, англійскій поэтъ (псевдонимъ Бріана Валлера Проктера).

608. **Толю.**

Рѣчь идетъ объ „Исторіи Пугачовскаго Бунта".

609. **Геккерену.**

Письмо это было написано 21-го ноября 1836 г., но послано, въ измѣненномъ видѣ, только 26 января 1837 г. Отъ первоначальной редакціи остались только обрывки, напеч. въ „Рус. Стар." 1880, № 7.

610. **Тургеневу.**

611. **Аршіаку.**

Черновая этого письма напеч. г. Кубасовымъ въ „Рус. Стар." 1900, № 3.

612. **Ишимовой.**

См. п. 607.

На стр. 291 пропущено письмо Г. И. Спасскому, извѣстному археологу (лѣто 1833 г.).

М. Г. Григорій Ивановичъ. Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою.—Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова, касающаяся временъ Пугачева. Вы оказали бы мнѣ истинное благодѣяніе, еслибъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностію. Будьте увѣрены, что я возвращу вамъ ее во всей исправности и при первомъ вашемъ востребованіи.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть, М. Г., вашъ покорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

Черная Рѣчка. Вторникъ.

(Адресъ): Его Высокоблагородію Милостивому Государю Григорію Ивановичу Спасскому).

Дополнительныя примѣчанія и поправки [1].

Къ тому I.

Стр. 56. Въ стих. „Опытность“ 8-й стихъ правильнѣе читается:

Хоть не радъ, но дверь отворишь.

Стр. 128. Въ ст. 16 —

То не для имени поэта

первое слово въ рукописи исправлено на „*И*“.

Стр. 143. Въ стихотвореніи „Баронессѣ Дельвигъ“ г. Ефремовъ усмотрѣлъ у Майкова и у меня „безсмысленную опечатку“ въ ст. 17 — 18:

Немного истинныхъ похвалъ,
Немного истиннаго чувства.

По его мнѣнію, слѣдуетъ читать: „Не много . . . по хвалъ, *но* много . . . чувства“. Подлинника этого стихотворенія не сохранилось; но по самому понятію *мадригала* да еще „въ латинскомъ вкусѣ“, т. е. въ классическомъ родѣ, кажется, вѣрнѣе находить въ немъ „немножко того, немножко другого“, что отвѣчаетъ и общему шутливому тону посланія.

Стр. 146. Г. Ефремовъ напечаталъ къ стих. „Вишня“ еще три дополнительныхъ куплета:

Пастушку несчастну
Съ суука тихо снялъ
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла
Въ двухъ пылкихъ сердцахъ.
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.

[1] П. О. Морозова.

Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердецъ,
Въ любви ожиданій
Супругамъ вѣнецъ. . .

Покойный Л. Н. Майковъ считалъ это стихотвореніе апокрифическимъ.

Стр. 147. Варіантъ стр. 16—17

Когда же въ скромной хатѣ
Пастушку на кроватѣ. . .

Стр. 150. Варіантъ стр. 2—4:

Такъ дѣвица мечтала
Подчасъ и воздыхала.
Вдругъ слышится глух
Ей шорохъ за кустами. —

Стр. 191. „Надпись къ бесѣдкѣ". Совершенно непонятно указаніе г. Ефремова на какой-то „пропускъ 5-го стиха" у Майкова и у меня: у всѣхъ троихъ стихотвореніе напечатано совершенно одинаково.

Стр. 237. Начало послѣдняго наброска вѣрнѣе читается:

И я слыхалъ, что *Божій* свѣтъ
Единой дружбою прекрасенъ. . .

Стр. 238, ст. 4:

Всегда не дремлетъ, *а* горитъ.

Стр. 253—255. Пропущенныя мѣста въ одѣ „Вольность": въ строфѣ I — „гроза царей"; стр. IV: „На тронѣ"; въ стр. IV: „надъ царскою главой"; въ стр. V:

Владыки! Вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа;
Стоите выше вы народа, —

въ стр. VI: „иль народу, иль царямъ"; въ стр. IX: „Когда на мрачную Неву"; въ стр. X:

Онъ видитъ, — въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны;
На лицахъ — дерзость, въ сердцѣ — страхъ.

Стр. 255, строфа XII:

И днесь учитесь, о цари:
Вар.: Внемлите истинѣ, цари
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари —

Не вѣрныя для васъ ограды.
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона —
И станутъ вѣрной стражей трона
Народовъ вольность и покой.

Стр. 256. „Н. В. Всеволожскому". Г. Ефремовъ приводитъ, по автографу, слѣдующіе варіанты:

Ст. 12: Въ почтенной кичкѣ, *въ* шушунѣ
„ 19: *И даже* прозой и стихами.
„ 29: Забавъ и лѣни *дорогой.*

Стр. 270. Въ помѣтѣ подъ стих.: „Мнѣ васъ не жаль. . ." *опечатка:* слѣдуетъ читать: „20 *сентября*".

Стр. 291. Г. Ефремову удалось отыскать пропускавшійся во всѣхъ изданіяхъ стихъ въ посланіи къ Давыдову. Онъ читается:

И, признаюсь, ропталъ на Бога.

Стр. 312. Въ посланіи къ В. Л. Давыдову слѣдуетъ исправить: ст. 7: *съ бутылкою;* 12: *бунтуетъ;* 18: *митрополитъ;* 20: *Пошелъ христосоваться въ рай.*

Стр. 313, послѣ ст. 5:

. . . . хоть, напримѣръ, лафитъ,
Иль кло-д'-вужо, — тогда ни слова;
А то — подумать, такъ смѣшно:
Съ водой молдавское вино.

Тамъ же, ст. 7: не *внемлю* сатанѣ; 14: спасенья *чаши.*

Стр. 316, послѣднее слово эпиграммы: *дыра.*

Стр. 379. Посланіе графу О*. Это былъ — графъ Густавъ *Олизаръ,* предсѣдатель масонской ложи Соединенныхъ Славянъ въ Кіевѣ, а затѣмъ — Кіевскій губернскій предводитель дворянства (1821—1827). Его записки за время съ 1798 по 1865 г. изданы во Львовѣ въ 1892 г. Онъ былъ частымъ посѣтителемъ дома Раевскихъ и сватался за Марью Николаевну, вышедшую потомъ за кн. С. Г. Волконскаго. Онъ воспѣвалъ ее въ стихахъ подъ именемъ Беатриче, вызвавшихъ участіе Пушкина и вниманіе Мицкевича, посвятившаго ему свой сонетъ „Аю-дагъ". См. замѣтку В. *Иконникова* въ Рус. Арх. 1903, II, 365—367.

Стр. 382. Въ наброскѣ: „Мнѣ жаль", и пр. ст. 8 читается: „Насильно Зубову мила". Варіанты ст. 9 — Старушка *умная;* 11 — *Наказъ* писала; 12 — *Вольтеру.* кромѣ того, ст. 10 долженъ читаться: „Пріятно, по на-

слышкѣ — блудно"; а заключительные стихи напечатаны г. Ефремовымъ въ такомъ видѣ:

Съ тѣхъ поръ на всемъ въ Россіи мгла. . .
Россія, бѣдная держава, —
Твоя удавленная слава
Съ Екатериной умерла.

Стр. 396. Стихотвореніе „Леда", напечатанное безъ подписи въ *Мнемозинѣ* 1824 г., принадлежитъ не кн. Вяземскому, а Е. А. *Баратынскому*.

Стр. 407. Въ строкѣ 7-й снизу вмѣсто „Отеч. Зап." надо читать: „Современникъ".

Стр. 497. Упоминаніе о *Каверинѣ* въ „Сумасшедшемъ Домѣ" Воейкова, кажется, невѣрно: въ спискахъ стоитъ „Кавелинъ" или „Катенинъ".

Стр. 543. Въ отрывкахъ изъ Noël пропущены слова „по *царской* милости моей" и „*царь*-отецъ". Въ дополненіе можно привести еще 3 стиха изъ второго куплета:

Меня газетчикъ прославлялъ,
Я пилъ, и ѣлъ, и обѣщалъ,
И дѣломъ не измученъ.

Къ тому II.

Стр. 3, ст. 16, — поправка Пушкина: „Онъ *бродитъ*".

Стр. 33, въ строфѣ 109 ст. 2 долженъ читаться: „Дамъ, рыцарей *и всевозможныхъ*".

Стр. 66. Сохранившаяся въ архивѣ б. III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи (нынѣ — въ Пушкинскомъ Музеѣ Александровскаго Лицея) копія стих. „Друзьямъ", съ помѣткою государя: „Cela peut courir, mais pas être imprimé" — представляетъ *варіанты*:

ст. 16: *Простерь* — и съ вами снова я.
„ 26: *Глуши* природы голосъ нѣжный.

Стр. VI и 433. Стихотворенія: „Къ ***" и „Наперсникъ" относятся къ гр. Аграфенѣ Ѳед. *Закревской*.

Стр. 213. Варіанты къ стих. „Молитва", по снимку, прилож. къ кн. 5 „Современника" 1837:

Ст. 1: Святые мудрецы. .
„ 3: Иль освѣжать. . .
„ 5: . . . . меня такъ не плѣняетъ

Ст. 9: И душу мнѣ крѣпитъ . . .
„ 11: . . . . змѣи коварной сей,

Стр. 218. Сообщенныя А. Ѳ. *Онѣгинымъ* поправки къ стих. XI:

Ст. 3: *Частичку* бытія . . .
„ 5: . . . . . *но* есть покой и воля.

Стр. 403. П. Е. Щеголевъ, въ статьѣ: „Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина" (Вѣстн. Евр. 1904, № 1) вѣрнѣе относитъ стих. „Все въ жертву памяти твоей" — къ гр. Е. Кс. *Воронцовой*.

Къ тому V.

Стр. 574, строка 9 св.: „*Мама* (а не „Миша") хочетъ бай-бай".

Къ тому VI.

Стр. 432, строка 7 св. вмѣсто: „Юма" слѣдуетъ читать: *Юго* (т. е. Гюго).

Стр. 549, стр. 8 сн.: „съ покойнымъ *Государемъ* ".

Стр. 554, 555 и 557: буквы S. и См. означаютъ Александру Осиповну Смирнову.

Стр. 560, передъ звѣздочкой, пропущено: „Вотъ тебѣ шишъ — и подѣломъ".

Стр. 561, передъ звѣздочкой, слѣдуетъ читать: „Однако — какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего правительства: полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приноситъ ихъ читать царю, человѣку благовоспитанному и честному, и царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавнымъ!"

Стр. 562, строка 13 св.: „ . . . былъ отвратителенъ. Константинъ увѣрялъ, что онъ въ Таврическомъ дворцѣ засталъ однажды свою бабку съ гр. Зубовымъ." Ср. I, 382.

Стр. 572, строка послѣдняя: „Находятъ все это неприличнымъ."

Алфавитный указатель писемъ А. С. Пушкина, помѣщенныхъ въ VIII томѣ.

Адеркасу, Б. А. 75.
Алексѣеву, Н. С. 162.
Ананьину, А. А, 290.
д'Аршіаку 405, 410.
Бантышъ-Каменскому, Д. Н. 286, 324, 330, 354. 355.
Беклешовой, А. И. 368.
Бенкендорфу, А. Х. 161, 163, 164, 165, 172, 176, 179, 189, 191, 192, 196, 197, 200, 231, 266, 277, 290, 309, 311, 312, 313. 314. 336, 338, 339, 351, 353, 354, 356, 359, 361, 362, 363, 364, 365, 373, 378, 406.
Бестужеву, А. А. 25, 41, 57, 58, 67, 89, 97, 107, 142.
Булгарину, Ѳ. В. 58, 172.
Вдовѣ 378.
Великопольскому, И Ч. 151, 154.
Верстовскому, А. Н. 223.
Вигелю, Ф. Ф. 53.
Воейкову, А. Ѳ. 259.
Вольховскому, В. Д. 364.
Всеволожскому, Н. В. 68.
Вульфу, А. Н. 71, 101, 116, 136, 140, 152, 181, 188.
Въ неизвѣстный комитетъ 366.
Вяземской, В. Ѳ. 73, 88, 91, 123, 132, 203.
Вяземскому, кн. П. А. 3, 8, 21. 36, 39, 41, 42, 44, 47, 48, 52, 59, 65, 70, 72, 79, 93, 104, 106, 109, 112, 113, 115, 127, 134, 136, 141, 143, 154, 155, 156, 158, 163. 181, 184, 194, 195, 196, 201, 220, 229, 232, 233, 249, 259, 262, 388, 407.
Геккерену, барону 409.
Глинкѣ, С. Н. 381.
Гнѣдичу, Н. И. 9, 11, 14, 23, 24, 26, 32, 94, 191.
Гоголю, Н. В. 260, 326, 377.
Голицыну, князю 403.
Гончаровой, Н. Н. 188, 198, 205, 207, 208, 211, 215, 216, 218, 219, 220, 223, 225, 245, 347.
Гончарову, А. Н. 202, 205, 206, 209, 210, 212, 236.
Горчакову, В. И. 20.
Гречу, Н. И. 20, 400.
Давыдову, Д. В. 392. 399.
Д' Аршіаку 405, 410.
Дегильи, 18.
Дельвигу, барону А. А. 12, 49. 85, 111, 117, 140, 147, 148, 149, 182, 183, 188, 218.
Дмитріеву, И. И. 276, 309, 355, 357, 395.
Догановскому 205.
Дондукову - Корсаксву, кн. М. А. 384, 392.
Дубельту, Л. В. 314.
Дуровой, Н. А. 378, 395, 398.
Дурову, В. А. 361, 382.
Ермолову, А. П. 287.
Жандру, А. А. 397.
Жобару, А. 382.
Жуковскому, В. А. 75, 78, 81, 110. 114, 129, 139, 146. 151, 338, 339.
Загоскину, М. Н. 191, 206. 340.
Зубкову, В. П. 161.
Зеновичу, И. С. 70.
Инзову, И. Н. 52.
Ишимовой, А. О. 408, 410.
Казначееву, А. И. 62, 64.
Калашникову, И. Т. 288.
Каменскому (-Бантышъ) 286, 324, 330, 354, 355.
Канкрину, гр. Е. Ф. 367, 375, 402.
Катенину, П. А. 27, 131. 143, 148.
Кернъ, А. П. 119, 125, 129, 133, 137, 144.
Киселеву, С. Д. 190, 234,
Клейнмихель, П. А. 376.
Княжевичу, Д. М. 80.
Комитету (неизвѣстному) 366.
Коншину, Н. М. 407.
Корсакову, П. А. 399, 402.
Корфу, бар. М. А. 310, 400.
Краевскому, А. А. 394, 395, 397, 362.
Кривцову, Н. М. 7, 54, 235.
Крылову, А. Л. 383.
Кюхельбекеру, В. К. 145.

Лажечникову, И. И. 316, 375, 386.
Люценку, Е. П. 366.
Мансурову, П. Б. 7.
Мартынову, И. И. 3.
Миллеру, П. И. 259, 263, 264.
Мойеру, И. Ф. 120.
Мордвинову, А. Н. 291, 327, 386.
Муравьеву. А. Н. 393.
Муханову, А. А. 164.
Нащокину, П. В. 227, 241. 243, 244, 245, 253, 255, 257, 261, 265, 273, 276, 285, 287, 308, 310, 314, 352. 353, 374, 393.
Неизвѣстной, 286.
— дамѣ 3, 5.
Неизвѣстному, 173, 227, 279.
— лицу 21, 46, 60, 211.
Неизвѣстнымъ дамамъ 49.
Нессельроде, К. В. 37.
Нечаеву, С. Д. 312..
Норову, А. С. 309.
Одоевскому, В. Ѳ. 306, 314, 383, 404. 407.
Осиповой, П. А. 118, 121, 122, 124, 130, 150, 157, 174, 187, 214, 248, 263, 274, 278, 289, 341, 377, 480.
Павлищеву, Н. И. 324, 358, 360, 397, 398.
Пеньковскому, І. М. 318, 351, 358, 395.
Плетневу, П. А. 35,' 72, 122, 144, 146, 150, 152, 203, 210, 212, 213, 217, 226, 230, 231, 233, 234, 235, 237, 238, 239, 240, 248, 251, 252, 255, 258, 260, 373.
Погодину, М. И. 161, 172, 175, 204, 221, 222, 234, 247, 248, 279, 288, 317, 359, 385.
Полевому, Н. А. 121, 198, 228.
Полторацкому, С. Д. 228.
Полѣнову, В. А. 357.
Прошеніе 153.
Путятѣ, Н. В. 405.
Пушкиной, Н. Н. 268, 269, 270. 280, 281, 282, 283, 284, 291, 292, 293, 295. 296, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 307, 818, 319, 320, 221, 323, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 340, 342, 343, 344. 345, 347, 349, 368, 369, 370, 371, 372, 386, 387, 389, 390, 391.
Пушкину, В. Л. 5.
Пушкину, Л. С. 9, 22, 28, 29, 33, 34, 37, 38, 43, 55, 64, 74, 76. 77, 81, 83, 84, 87, 92, 94, 95, 96, 100, 101, 102, 103, 105, 119, 165, 239, 356, 394.
— и сестрѣ 18.
Раевскому. А. Н. 15, 54, 68.
— В. Ѳ. 21.
— Н. Н. 134, 185.
Репнину, Н. Г., кн. 380.
Родзянкѣ, А. Г. т. 84, пр. 452.
Рокотову, И. М. т. 70, пр. 446.
Рылѣеву, К. Ѳ. 89, 107, 108.
Скобельцыну, Ѳ. А. 408.
Смирновой, А. О. 263.
Снегиреву, И. М. 187.
Соболевскому, С. А. 161, 166, 167, 179, 182.
Соколову, П. И. 289.
Солопирскому, В. Д. 165.
Строганову. Г. А., гр. 318.
Судіенкѣ, М. О. 193, 275.
Сухорукову, В. Д. 381.
Толстому, Я. Н. т. 31, прим. 427.
Толю, К. Ѳ. 408.
Туманскому, В. И. 124, 163, 483.
Тургеневу, А. И. 6, 19, 50, 69, 410.
— С. И. 19.
Ушакову, генер. 393.
Фуксъ, А. А. 298, 350, 365, 381.
Хвостову, Д. И. 285.
Хлюстину, С. С. 379.
Хмѣльницкому, Н. И. 237.
Чаадаеву, П. Я. 250, 400.
Чернышеву, А. И., гр. 287, 288.
Шевыреву, С. П. 198.
Шишкову, А. А. 55.
Языкову, Н. М. 159, 160, 168, 266, 384.
Яковлеву, П. А. 190, 253, 337. 347, 350, 400, 405, 406

Алфавитный указатель произведеній А. С. Пушкина, помѣщенныхъ въ V—VII тт.

Александръ Радищевъ VI 388.
Альманашникъ, сцены VI 287.
Арапъ Петра Великаго V 1.
Баратынскій VI 305.
Барышня-крестьянка V 119.
Богородицыны дочки VII. 39.
Вастола, или желанія VI 88.
Введеніе къ „Повѣстямъ Бѣлкина“ V 51.
Вечера на хуторѣ VI 89.
Вольтеръ VI 110.
Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I. VI 454.
Встрѣча съ Кюхельбекеромъ VI 460.
— съ П. А. Ганнибаломъ VI 454.
Въ Коломнѣ V 235.
Въ одно изъ первыхъ чиселъ V 212.
Въ 179* году V 215.
Выписки изъ чети Миней и Пролога VI 436.
Выстрѣлъ V 60.
Гости съѣзжались на дачу V 217.
Гробовщикъ V 93.
Дельвигъ VI 311.
Демьянъ VI 537.
Джонъ Теннеръ VI 119.
Дубровскій V 239.
Дѣтскія сказочки VI 293.
Египетскія ночи V 533.
Желѣзная маска VI 187.
Журнальныя статьи VI 1.
Замѣтка о сборникѣ кн. Вяземскаго VI 171.
— о статьѣ Гоголя VI 169.
Замѣтки къ повѣсти „Носъ“ VI 169.
при чтеніи книгъ VI 415.
Замѣчанія на пѣснь о Полку Игоревѣ VI 317.
Записи бригадира Моро-де-Бразе VI 190.
Записки Н. А. Дуровой VI 97.
— Нащокина V II 26.
Записка о Сухоруковѣ VI 521.
Изъ журнала греческаго возстанія VII 18.
Изъ записной книжки 1821 VI 407.
Изъ записной книжки 1831 VI 530.
Изъ Кишиневскаго дневника VI 452.
Историческія замѣтки VII 35.
Историческія замѣчанія VII 20.
Исторія пугачевскаго бунта VII 79—541.
— села Горохина V 143.
Камчатскія дѣла VII 603.
Капитанская дочка V 335.
Кирджали VII 43.
Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго VI 173.
Кончина Петра Великаго (1725) VII 592.
Критическія замѣтки VI 265.
Къ запискѣ о древней и новой Россіи VI 173.
Къ разсказу „Долина Ажитугай“ VI 90.
Литературное общество VI 261.
Лордъ Байронъ VI 382.
Марія Шонингъ V 227.
Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго VII 563.
Мелкія замѣтки VI 98.
Метель V 77.
Мнѣніе М. Е. Лобанова VI 100.
Мои замѣчанія о русскомъ театрѣ VI 245.
Мысли на дорогѣ VI 325.
Новый романъ VI 169.
Notice sur la revolution d'Ipsylanti VII 18.
Notice sur Penda-Déka VII 19.
Нѣсколько словъ о мизинцѣ г-на Булгарина VI 74.
О Байронѣ VI 259.

Объ А. Шенье, какъ классикѣ VI 429.
Объ „Исторіи поэзіи" Шевырева VI 403.
Объ исторіи пугачевскаго бунта VII 542.
Объ исторіи русскаго народа, Полевого VI 34.
Объ обязанностяхъ человѣка, Сильвіо Пеллико VI 162.
Объясненія къ замѣткѣ объ Иліадѣ VI 58.
О вдохновеніи и восторгѣ VI 413.
О выходкахъ противъ литературной аристократіи VI 63.
О выходѣ Иліады въ переводѣ Гнѣдича VI 32.
О гекзаметрѣ Мерзлякова VI 56.
О г-жѣ Сталь и о г. М-вѣ VI 6.
О дворянствѣ, программы VII 32.
О драмѣ VI 295.
О Дуровѣ VII 40.
О запискахъ Видока VI 59.
„О запискахъ Самсона" VI 51.
О карикатурѣ въ Англіи VI 55.
О книгѣ А. Н. Муравьева: „Путешествіе къ св. мѣстамъ" VI 314.
— И. И. Дмитріева: „Путешествіе NN" VI 315.
— „Кавалеристъ-дѣвица" VI 172.
О литературной критикѣ VI 33.
О личностяхъ въ критикѣ VI 61.
О Малороссіи, программа VII 26.
О Мильтонѣ VI 174.
О народномъ воспитаніи VI 252.
О народности въ литературѣ VI 413.
О неблаговидности нападокъ на дворянство VI 62.
О некрологіи Раевскаго VI 32.
О повѣстяхъ Павлова VI 387.
О предисловіи г. Лемонте VI 10.
О приличіи въ литературѣ VI 430.
О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности VI 411.
О „Разговорѣ у княгини Халдиной" Фонвизина VI 53.
О романѣ Загоскина „Юрій Милославскій" VI 49.
О слогѣ VI 410.
О смѣлости выраженій VI 415.
Основаніе Петербурга (1703) VII 589.
О современныхъ французскихъ писателяхъ VI 431.
О сочиненіяхъ Георгія Конискаго VI 82.
О сочиненіяхъ П. А. Катенина VI 80.
Остатки автобіографіи VI 457.
О статьяхъ князья Вяземскаго VI 54.
Отдѣльныя замѣтки (1672—1725) VII 596.
Отрывки изъ дневника VI 538.
— изъ лицейскихъ записокъ VI 443.
— изъ писемъ, мысли и замѣчанія VI 16.
— изъ разговоровъ VI 263.
— изъ романа въ письмахъ V 117.
Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей VI 24.
Переводы изъ Байрона и Сафо VI 434.
Пиковая дама V 495.
Письмо къ издателю „Сына Отечества" VI 5.
Повѣсти Бѣлкина V 51.
Послѣдній изъ родственниковъ Іоанны д'Аркъ VI 183.
Примѣчанія: къ пятому тому V 609; шестому тому VI 575; седьмому тому VII 624.
Программа записокъ VI 529.
— ненаписанной поэмы VI 408.
Путешествіе въ Арзрумъ VI 461.
Разныя замѣтки VI 420.
Родословная Пушкина и Ганнибаловъ VI 523.
Ромео и Юлія Шекспира VI 31.
Рославлевъ V 198.
Россійская Академія VI 91.
Русскій Пеламъ V 567.
Словарь о святыхъ VI 165.
Станціонный смотритель V 103.
Статьи и замѣтки изъ „Литературной Газеты" VI 32 и сл.
Сцены изъ рыцарскихъ временъ и драматическіе отрывки V 597.
Table Talk VII 54.
Торжество дружбы или оправданный Орловъ VI 64.
Участь моя рѣшена V 194.
Фрейлины Елисаветы VII 39.
Шейлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира VI 432.
Ѳракійскія элегіи Теплякова VI 155.

Алфавитный указатель иллюстрацій, помѣщенныхъ въ I—VIII томахъ.

Бахчисарайскій фонтанъ (съ карт. Брюллова) III 175.
Виньетка къ 1-му тому „Новоселья“ 1833 г. (Брюллова) VI 560.
— ко 2-му т. „Новоселья“ 1834 г. (Сапожка) VII 545.
Гипсовая маска, снятая съ А. С. Пушкина VII 1.
19 октября 1825 г., факсимиле I 609.
Дуэль А. С. Пушкина (карт. К. Н. Чичагова) III 605.
— (карт. А. Наумова) IV 145.
Заглавный листъ „Сказки о золотомъ пѣтушкѣ“ V 495.
Игра въ бабки (статуя проф. Пименова) II 215.
Игра въ свайку (статуя проф. А. В. Логановскаго) II 216.
Изъ „Сказки о царѣ Салтанѣ“: „Три дѣвицы подъ окномъ пряли поздно вечеркомъ“ (рис. Васнецова) II 261.
Могила А. С. Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ I 480.
Молодой парень съ боченкомъ (лицейск. рис. А. С. Пушкина) VI 448.
Портретъ Наумова (рис. А. С. Пушкина) VIII 176.
Послѣдній листъ „Сказки о золотомъ пѣтушкѣ“ V 495.
Пугачевъ (В. Г. Перова) VII 161.
Пушкина, Надежда Осиповна (акварель гр. де-Мэстръ) VI 416.
Пушкина, Наталія Николаевна (портретъ работы Брюллова) V 173.
Она же (портретъ работы Мазера) VIII I.
Пушкинъ, А. С. (портреты и бюсты:
— 12 лѣтъ I I.
— въ лицейской формѣ I 96.
— съ рисунка Жюля Вернэ I 224.
— портретъ масляными красками работы В. А. Тропинина II I.
— портретъ работы Райта III I.
— портретъ работы А. Л. Линева IV I.
— гипсовый бюстъ работы С. И. Гальберга III 401.
— гипсовый бюстъ работы И. П. Витали IV 305.
— статуя А. А. Опекушина V II.
— на смертномъ одрѣ (работы А. Н. Мокрицкаго) II 215.
— на смертномъ одрѣ (работы Л. Л. Козлова) V 609.
— гипсовая маска VII, 1.
Пушкинъ, А. С. и гр. Хвостовъ (рисунокъ неизв. автора) II, 11.
— на берегу Чернаго моря (картина Айвазовскаго) V I.
— въ селѣ Михайловскомъ (картина Н. Н. Ге) VIII 369.
Пушкинъ, С. Л. (отецъ поэта) VI 256.
„Русланъ“ (съ картины художника Синцова) VIII 400.
Святогорскій монастырь I 452.
Сказка о царѣ Салтанѣ (оригинальн. акварель А. П. Рябушкина) III 561.
Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ: „Жилъ старикъ со старухой у самаго синяго моря“ (оригинальн. акварель Аванасьева) IV 225.
Сказка о золотомъ пѣтушкѣ (оригинальн. акварель А. И. Кондаурова) V 335.
Собака съ птицей во рту (лицейск. рис. А. С. Пушкина) VII 577.
Статуя А. С. Пушкина (А. А. Опекушина) VI 1.
„Сѣверные цвѣты“ на 1832 годъ. Виньетка изданія А. С. Пушкина VIII 176.
Татьяна (статуя М. Л. Диллонъ) III 81.